

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

XXVI международная научно-практическая конференция

(20-21 апреля 2023 г.)

Материалы конференции

Часть 1

Ответственный редактор Д.В. Ким

КРАСНОЯРСК
СИБЮИ МВД РОССИИ
2023

Ответственный редактор Д.В. Ким, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия:

Л.Л. Абрамова, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России);
А.Ю. Иванов, кандидат философских наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
А.Г. Калугин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
А.И. Кравчук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
Ю.В. Леонтьева (Сибирский юридический институт МВД России);
С.М. Мальков, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
В.В. Молоков, кандидат технических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
Д.Д. Невирко, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
Н.В. Поляков, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России);
Н.Ю. Тетерятников, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России);
Н.Н. Цуканов, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
Д.А. Черменев, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
Д.Г. Шашин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
В.Е. Шинкевич, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
О.А. Юсупова, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России).

Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVI международной научно-практической конференции (20-21 апреля 2023 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким ; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2023. – ISBN 978-5-7889-0347-7. – Ч. 1. – 282 с. – ISBN 978-5-7889-0349-1.

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников XXVI международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики», прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 21 апреля 2023 г.

При подготовке сборника максимально сохранена авторская редакция материалов.

ISBN 978-5-7889-0347-7

ISBN 978-5-7889-0349-1 (ч. 1)

Federal State Public Educational Institution of Higher Education
«Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

ACTUAL PROBLEMS OF FIGHTING CRIME: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

XXVIth International Scientific-Practical Conference
(April 20-21, 2023)

Conference proceedings

Part 1

Editor-in-Chief Dmitry V. Kim

KRASNOYARSK
SLI OF THE MIA OF RUSSIA
2023

Editor-in-Chief Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia)

Editorial Board:

L.L. Abramova, Candidate of Law Sciences (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

A.Yu. Ivanov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

A.G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

A.I. Kravchuk, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Yu.V. Leontyeva (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

S.M. Malkov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

V.V. Molokov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

D. D. Nevirko, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

N.V. Polyakov, Candidate of Law Sciences (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

N.Ju. Teteryatnikov, Candidate of Law Sciences (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

N.N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

D.A. Chermenev, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

D.G. Shashin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

V.E. Shinkevich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

O.A. Yusupova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia).

Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice: proceedings of the XXVIth International Scientific-Practical Conference (April 20-21, 2023) : in 2 parts / editor-in-chief Dmitry V. Kim ; Federal State Public Educational Institution of Higher Education «Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation». – Krasnoyarsk : SLI of the MIA of Russia, 2023. – ISBN 978-5-7889-0347-7. – P. 1. – 282 p. – ISBN 978-5-7889-0349-1.

The collection of proceedings includes abstracts of reports, speeches and presentations of the participants of the XXVIth International Scientific-Practical Conference «Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice» held at Siberian Law Institute of the MIA of Russia on April 21, 2023.

When preparing the collection, the author's edition of the materials is preserved as much as possible.

ISBN 978-5-7889-0347-7.

ISBN 978-5-7889-0349-1 (p. 1).

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Тепляшин П.В.</i> Роль Сибирского юридического института МВД России в реализации Антинаркотической стратегии государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021-2025 годы.....	10
<i>Цуканов Н.Н.</i> Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: о новом в сфере государственного управления	12

Секция «ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ»

<i>Красникова Е.В.</i> Международно-правовое сотрудничество правоохранительных органов в области противодействия коррупции в 2022 г.	16
<i>Павловская Н.В.</i> Антикоррупционный мониторинг в России	19
<i>Дитковская К.Д.</i> Публично-правовые предпосылки научно-технологического развития регионов.....	21
<i>Соколов Д.А.</i> Участие институтов гражданского общества в предупреждении преступности	24
<i>Безъязыкова Н.П.</i> Административно-правовые меры по противодействию незаконному потреблению наркотических средств, психотропных веществ.....	27
<i>Шлегель П.О.</i> Механизм обеспечения правопорядка в условиях трансформации правосознания: теоретико-правовой аспект	30
<i>Галимова А.О.</i> Административный надзор и пробация: сравнительный анализ.....	32
<i>Плошкина Я.М.</i> Организация деятельности полиции в Германии.....	35
<i>Логинов Е.А.</i> К вопросу о роли таможенных органов в противодействии контрабанде наркотиков	38
<i>Бабин С.В.</i> О понятии общественного контроля за деятельностью полиции в России	40
<i>Хутиев Р.В.</i> Критерии оценивания факторов установления юридической ответственности.....	42
<i>Моляров Е.А., Куцкель М.В.</i> Алгоритм действий участковых уполномоченных полиции при обнаружении признаков незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.....	45
<i>Будникова А.Б.</i> К вопросу о соотношении составов административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.9, частями 2, 3 статьи 20.20 и частью 3 статьи 12.27 КоАП РФ	49
<i>Сидоров Я.С.</i> Об уточнении положений, регламентирующих применение сотрудниками полиции мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков	51
<i>Дудина Н.А.</i> Пропаганда и незаконная реклама наркотиков	53
<i>Шишкин П.Е.</i> К вопросу о совершенствовании осуществления участковыми уполномоченными полиции индивидуальной профилактической работы с лицами, больными наркоманией, совершившими административные правонарушения в области незаконного оборота наркотиков, и укреплении взаимодействия с подразделениями наркоконтроля территориальных органов МВД России.....	55
<i>Челпанова М.М.</i> Административная ответственность родителей и (или) иных законных представителей несовершеннолетних в сфере информационной безопасности	56
<i>Иванов А.Ю.</i> Провокационные действия граждан как основания применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств	58
<i>Безгачев Ф.В.</i> Особенности применения сотрудниками полиции специальных окрашивающих и маркирующих средств, а также химических ловушек.....	60

<i>Чумарова Е.Ю.</i> Процессуальные особенности порядка подачи административного искового заявления о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел.....	62
<i>Ермолаева М.И.</i> Соотношение гражданской и уголовной ответственности за недобросовестное наследство.....	65
<i>Тетерятников Н.Ю.</i> Дарение и коррупция как социально-правовые явления: тесная связь, но не тождество.....	67
<i>Нуждин А.А.</i> Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению побегов осужденными.....	70
<i>Контемирова Ю.В.</i> Актуальные вопросы деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по противодействию корыстно-насильственным преступлениям	73
<i>Васеловская А.В.</i> Проблемные вопросы правовой регламентации порядка пребывания лиц, содержащихся под стражей, в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях	75
<i>Гамзина А.В., Гумерова О.Ю.</i> К вопросу о вхождении участковых уполномоченных полиции в состав уголовного розыска	77
<i>Кулакова Д.В.</i> Экстремизм в политической сфере: понятие и проявления.....	79
<i>Филипсон К.Ю.</i> Особенности принуждения в частном праве.....	82
<i>Мельникова Л.Ю.</i> Влияние цифровой трансформации на деятельность полиции: положительные и отрицательные аспекты	85
<i>Галушин П.В.</i> О возможностях использования в профилактике правонарушений методов искусственного интеллекта и анализа социальных сетей.....	87
<i>Бойко О.А., Панов С.Л.</i> Роль стандартизации в борьбе с оборотом контрафактной и фальсифицированной продукции.....	90
<i>Рябинин Н.А.</i> Некоторые проблемы подготовки сотрудников органов внутренних дел к профессиональной деятельности в гражданско-правовой сфере	92
<i>Горелик А.В., Евтушенко А.А.</i> Профилактика угрозы здоровью пассажиров общественного транспорта г. Красноярска от административных деликтов, предусмотренных частью 1 статьи 6.24 КоАП РФ	94
<i>Фомичева О.Л.</i> Перспективы создания муниципальной милиции в России	97
<i>Иккерт А.В.</i> О вопросах применения административной ответственности за нарушение водителями транспортных средств запрета на использование телефона во время движения.....	99
<i>Никонов И.С.</i> Ужесточение миграционного законодательства как ответная мера на тенденцию роста нелегальной иммиграции в России	102
<i>Невирко Д.Д.</i> К вопросу о понятии коррупционного дисциплинарного проступка.....	104

Секция «КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ»

<i>Репецкая А.Л.</i> Современный российский криминальный рынок услуг в условиях глобальной цифровизации.....	108
<i>Зотина Е.В.</i> Личность телефонного мошенника в фокусе криминологии и лингвистики: возможности и задачи исследования.....	110
<i>Акименко П.А.</i> Криминологическая характеристика и некоторые особенности расследования преступлений, совершенных в составе организованных преступных групп в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров	112
<i>Молоков В.В.</i> Статистические тенденции преступности в Сибирском федеральном округе.....	114
<i>Винокуров С.И.</i> Сущностные признаки понятия «противодействия преступности»	117
<i>Баасанцэрэн А.</i> Предотвращение нынешней ситуации с незаконным использованием наркотиков и психотропных веществ в Монголии	120
<i>Пустовойт Е.С.</i> Криминологическая обусловленность реализации риск-ориентированного подхода в прогнозировании наркопреступности в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности	121

<i>Никульченкова Е.В.</i> Детерминанты киберпреступности в России.....	122
<i>Изгагина Т.Ю.</i> Состояние преступности в таможенной сфере.....	125
<i>Куценко Е.С.</i> Актуальные проблемы борьбы с киберпреступностью	127
<i>Коберкова Т.А.</i> Система научных методов исследования проблем уголовно-правового предупреждения служебных подлогов.....	129
<i>Шакирьянов М.М.</i> К вопросу противодействия деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.....	131
<i>Ильиных Н.А.</i> Отдельные аспекты характеристики личности лица, осуществляющего публичные призывы к экстремистской деятельности в Интернете.....	134
<i>Агарзаев С.К.</i> Особенности противодействия преступности органами внутренних дел Российской Федерации в период действия режима военного положения	136
<i>Бельский А.Е.</i> Теоретические основы концепции противодействия незаконному производству, сбыту или пересылке наркотиков, совершенных лицом с использованием своего служебного положения	138
<i>Иванов А.Г.</i> Социальный элемент в преступлении: практика оценки правоприменителем	140
<i>Шеслер А.В., Шеслер С.С.</i> Уголовно-правовая оценка действий подстрекателя к преступлению	143
<i>Мальков С.М.</i> Необходимая оборона: проблемные вопросы.....	145
<i>Долголенко Т.В., Мельникова Т.В., Рычкова Н.Ю.</i> О торговле людьми в свете последних изменений закона.....	148
<i>Жмуров Д.В.</i> Содержательный подход к классификации кибержертв	150
<i>Шарапов Р.Д.</i> Вопросы квалификации преступлений против общественной нравственности, совершенных с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей	152
<i>Ермакова О.В.</i> Гетерогенность построения конструкций конкретных составов преступлений: причины и пути преодоления	155
<i>Ступина С.А.</i> Некоторые вопросы отграничения незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) от смежных составов преступлений	156
<i>Кириллов И.А.</i> Терроризм в российском обществе как проблема современности	159
<i>Быкова Е.Г., Казаков А.А.</i> Квалификация незаконного сбыта наркотических средств, выявленного при использовании муляжа в ходе оперативного эксперимента: оценка доводов стороны защиты в судебной практике	162
<i>Нифталиева И.А.</i> Проблемы дифференциации ответственности за преступления с признаками рецидива.....	164
<i>Гарбатович Д.А.</i> Баланс интересов личности и государства как функция уголовной политики	166
<i>Овчинко О.А.</i> К вопросу о совершенствовании нормы, устанавливающей уголовную ответственность за торговлю людьми.....	168
<i>Ванина А.В.</i> Уголовно-правовая дефиниция «виртуальный объект»: теоретические проблемы и целесообразность законодательной регламентации.....	171
<i>Жукова С.С.</i> Некоторые вопросы регламентации ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ	173
<i>Антонова Е.Ю.</i> Незаконный оборот наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: вопросы правовой оценки и предупреждения	175
<i>Токманцев Д.В.</i> К вопросу о квалификации онлайн-сбыта наркотиков	178
<i>Раскина Т.В.</i> Экологическая преступность как индикатор состояния законности в сфере охраны и использования природных ресурсов	180
<i>Шиманович Е.В.</i> Обязательность мотивов учета смягчающих обстоятельств, указанных в законе.....	182
<i>Янин С.А.</i> К вопросу о содержании некоторых элементов механизма хищения культурных ценностей	184
<i>Поезжалов В.Б.</i> Отдельные аспекты уголовно-правовых средств противодействия экстремизму	186

<i>Шматов В.М.</i> Интеграционные процессы в системе уголовно-правовых наук	188
<i>Куричков Д.О.</i> К вопросу установления вины соучастников в составе мошенничества	190
<i>Ильина М.Г.</i> Объективная сторона фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности.....	192
<i>Рудакова Е.Н.</i> К вопросу об уголовно-правовой характеристике содействия террористической деятельности	195
<i>Чистотина О.Н.</i> К вопросу об уголовной ответственности за захват заложника	197
<i>Гармышев Я.В.</i> Субъективная сторона неосторожных преступлений, связанных с источником повышенной опасности.....	199
<i>Рогачев Д.Е.</i> Борьба с преступностью в сфере компьютерной информации в Российской Федерации	200
<i>Шайденко Е.А.</i> Назначение судебного штрафа при фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности	204
<i>Лобач Д.В.</i> Уголовная ответственность за диверсионную деятельность в Российской Федерации на современном этапе: некоторые проблемные аспекты криминализации и пенализации.....	206
<i>Малышев К.С.</i> Некоторые вопросы законодательной регламентации норм об ответственности за распространение информации, не соответствующей действительности, представляющей угрозу общественной безопасности	209
<i>Агафонов А.В.</i> Незаконная миграция: понятие и основные признаки.....	211
<i>Литвинов А.А.</i> Вооруженная преступность: состояние и тенденция	213
<i>Шеслер В.А.</i> Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков в Республике Беларусь.....	215
<i>Комарова Е.А.</i> Отдельные проблемы применения меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности	218
<i>Якушев Э.В., Галимов Э.Э.</i> Отдельные проблемы квалификации преступлений по статье 244 УК РФ.....	220
<i>Середа О.В.</i> Коррупционные преступления в сфере лесопромышленного комплекса.....	223
<i>Садовых К.В.</i> Предмет состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции	225
<i>Далгалы Т.А.</i> Международно-правовые основы защиты жертв преступлений	227
<i>Шерстяных А.С.</i> Популярны́е схемы кибермошенничества в 2022 году	228
<i>Канубриков В.А.</i> Трансформация уголовно-правовой ответственности за побои в российском уголовном законодательстве	230
<i>Долгушина Л.В.</i> Преступления, совершенные с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, как объект криминалистики и следственной практики.....	233
<i>Баранова Т.С.</i> К вопросу о предмете преступления, предусмотренного статьей 228.2 УК РФ	236
<i>Бодрова Е.А.</i> Причины оставления воинской чести или места службы	238
<i>Грушин Ф.В.</i> Система уголовных наказаний: перспективы развития	241
<i>Урусов А.А.</i> К вопросу об уголовно-правовом понятии принудительных работ	243
<i>Тепляшин П.В.</i> Законодательство об исполнении и отбывании несовершеннолетними лишения свободы: иерархия, основное содержание, отдельные проблемы	245
<i>Качурова Е.С.</i> О необходимости пенитенциарной профилактики насильственной преступности осужденных.....	248
<i>Ольховик Н.В.</i> Обеспечение права освобожденных из учреждений, исполняющих принудительные работы и лишение свободы, на получение содействия в трудоустройстве	249
<i>Рахматулин З.Р., Сорокун П.В.</i> Правоприменительное усмотрение на этапе исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера	252
<i>Андреева Ю.В., Астапович Н.Н.</i> Стадии и этапы дисциплинарного производства в отношении осужденных	254
<i>Черемин Н.В.</i> Интегрирование видеоаналитики в деятельность уголовно-исполнительной системы (на примере реализации института передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения)	256

<i>Чепик И.В.</i> Побег из-под стражи. Уголовно-правовые средства противодействия побегам из-под стражи лиц, находящихся в предварительном заключении	258
<i>Антонов И.М.</i> Правовая природа пенализации преступных деяний	261
<i>Забродин А.В.</i> Роль дифференцированного подхода к содержанию осужденных, проявляющих экстремистскую идеологию, в местах лишения свободы	263
<i>Каретников К.В.</i> Управление режима и надзора ФСИН России как субъект профилактики групповых правонарушений осужденных в воспитательных колониях.....	265
<i>Заборовская Ю.М.</i> Уголовно-исполнительная политика в отношении осужденных, достигших пенсионного возраста: постановка проблемы.....	267
<i>Серен-Чимит К.К.</i> Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в Республике Тыва, на фоне особенностей региональной наркопреступности	269
<i>Климчук М.В.</i> Реализация средств исправления осужденных, отбывающих лишение свободы за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних, в условиях системы пробации.....	272
<i>Климова М.И.</i> Конституционные права и свободы человека и гражданина, за нарушение которых предусмотрена уголовная ответственность главой 19 УК РФ, в общей структуре уголовного закона.....	274
<i>Реент Я.Р.</i> Некоторые правовые аспекты цифровой трансформации преступности в сфере незаконного оборота наркотиков	276
<i>Вишневская Т.И.</i> Отдельные аспекты криминологической характеристики геронтологической преступности	279

Тепляшин П.В.,

доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**РОЛЬ СИБИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
В РЕАЛИЗАЦИИ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ
Организации Договора о коллективной безопасности на 2021-2025 годы**

Эволюция правоохранительной деятельности по противодействию незаконному обороту наркотиков и обеспечению антинаркотической безопасности уже достаточно давно возшла на межгосударственный уровень, приобрела транснациональные скрепы правового регулирования и узловые региональные договоренности, что вызвано постоянным ростом наркотических угроз.

Необходимо отметить, что краеугольной основой системы антинаркотической безопасности является стратегическое планирование и задействование концептуальных идей противодействия постоянно надвигающимся наркоугрозам. Такие положения закреплены в Антинаркотической Стратегии государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ; Организация) на 2021-2025 годы (далее – Стратегия), одобренной решением Совета коллективной безопасности ОДКБ 2 декабря 2020 г. В Стратегии фиксируются важнейшие характеристики наркоситуации в государствах – членах ОДКБ, ключевые факторы ее негативного развития, угрозы, цель и задачи Стратегии, принципы сотрудничества в противодействии незаконному обороту наркотиков и их немедицинскому потреблению, система мер по сокращению предложения наркотиков, меры противодействия внешней наркоугрозе, меры правоохранительного и организационного характера, направления формирования системы профилактики немедицинского потребления наркотиков, международное сотрудничество, механизм реализации Стратегии и ожидаемые результаты.

Стержневой идеей Стратегии выступает закрепление дальнейшего расширения межгосударственного сотрудничества на фоне агрессивных вызовов и перманентных угроз современной эпохи. Как раз именно нарко-

угроза выступает одним из современных вызовов, который детерминирует межгосударственную консолидацию коллективных усилий.

В разделе 10 Стратегии, который посвящен международному сотрудничеству, указано, что государства – члены Организации принимают участие в научно-практических мероприятиях. И это не случайно. Именно результативное достижение стратегических целей антинаркотической политики возможно при условии должного научного сопровождения такой деятельности. Мобилизация научных исследований способна предоставить обоснованные и эффективные рекомендации криминологического, уголовно-процессуального, уголовно-правового и иного характера в области противодействия криминальным наркопроявлениям.

При этом важно заметить – научное обеспечение антинаркотической деятельности ОДКБ имеет различное происхождение. Представляется верным считать, что научным обеспечением такой деятельности занимаются лишь те исследовательские центры, которые имеют непосредственное отношение к функционированию данной Организации. Одним из таких центров выступает Сибирский юридический институт МВД России (далее – Институт). Выбор высшего учебного заведения на Красноярской земле обусловлен рядом следующих факторов.

Во-первых, согласно приказу МВД России от 18 марта 2013 г. № 150 магистральным направлением научной деятельности Института выступают исследования в области противодействия незаконному обороту наркотиков.

Во-вторых, в соответствии с решением Совета коллективной безопасности ОДКБ, принятым в декабре 2014 г., Институт

получил статус базового учебного заведения высшего и дополнительного профессионального образования по подготовке специалистов по контролю за оборотом наркотиков для государств – членов Организации. Выступая базовой образовательной площадкой для обучения действующих и будущих наркополицейских, Институт выстраивает такой подход в системе преподавания соответствующих дисциплин, согласно которому реализуется взаимный обмен опытом, более углубленное изучение специфики наркоситуации и антинаркотического законодательства, а также форм и направлений контроля над ней в Центрально-Азиатском регионе.

В-третьих, налажено тесное научное сотрудничество с рядом образовательных организаций всех государств – членов ОДКБ – Армении, Беларуси, Таджикистана, Казахстана, Киргизии. Такое сотрудничество выступает эффективным инструментом поддержания и укрепления репрезентативных и взаимовыгодных связей, способом объединения научных площадок, на которых возможно предметное обсуждение злободневных проблем противодействия наркопреступности.

В-четвертых, с представителями научной общественности всех государств – членов ОДКБ реализуются коллективные научно-исследовательские работы. Проведение совместных научных мероприятий представительского формата способствует обнаружению общих проблем в области противодействия незаконному обороту наркотиков, выработке единых подходов к нормализации сложившейся наркоситуации в государствах – членах ОДКБ.

Обозначенные факторы создают прочную научную базу для проведения качественных исследований, направленных на научное обеспечение реализации Антинаркотической стратегии государств – членов ОДКБ. Данные исследования реализуются в следующих основных формах.

Начиная с 2014 г. в Институте разрабатываются аналитические материалы о состоянии наркоситуации в государствах – членах ОДКБ. Поскольку аналитические материалы являются емким научно-методическим описанием текущего состояния и развития наркоситуации в регионе ответственности ОДКБ, постольку рассматрива-

емые материалы формируют по сути «дорожную карту» дальнейших научных изысканий в исследуемой области транснациональных отношений. Так, одной из задач Антинаркотической стратегии ОДКБ выступает подрыв экономических основ наркопреступности. В унисон отмеченной установке аналитические материалы, подготовленные еще в 2018 г., содержат вывод, согласно которому неотъемлемой закономерностью наркоситуации является то, что на «криминальной карте» все рельефнее обозначается механизм наркоиндустрии, отражающий четыре основных группы криминальных элементов: наркопроизводство, наркобизнес, социальный наркотизм, криминальная наркотехнология. Именно посредством этих криминальных элементов проявляются экономический, социокультурный и технологический аспекты наркоугрозы в регионе ответственности государств – членов ОДКБ.

Также научному обеспечению реализации Антинаркотической стратегии государств – членов ОДКБ способствует консультативная помощь, оказываемая авторитетными специалистами в области оценки субрегиональной наркоситуации и антинаркотической безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Одним из таких специалистов является Михаил Геннадьевич Мелихов, который на посту Советника Секретариата ОДКБ и заместителя Секретаря Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов ОДКБ принимает активное участие в работе по подготовке НИР, предоставляя Институту крайне ценные сведения о состоянии наркоситуации в государствах – членах Организации, комментируя наиболее сложные и неоднозначные криминологические тенденции ее развития, анонсируя аналитические материалы перед заинтересованными лицами компетентных органов государств – членов ОДКБ.

Орбитой научного обеспечения антинаркотической деятельности ОДКБ охвачен процесс подготовки и опубликования ряда исследовательских работ сотрудниками Института, обращающими внимание на стержневые проблемы противодействия наркопреступности под эгидой Организации. Данные исследования способствуют обнаружению

имеющихся резервов для прогрессивного развития антинаркотического законодательства и упрочения заложенных принципов антинаркотической деятельности Организации. Ведь одним из ожидаемых результатов Антинаркотической стратегии ОДКБ выступает выработка единых подходов, направленных на гармонизацию законодательства государств – членов ОДКБ в области антинаркотической деятельности.

Таким образом, можно указать на значимую роль Сибирского юридического института МВД России в научном обеспечении реализации Антинаркотической стратегии государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021-2025 годы. Дальнейшее научное обеспечение антинаркотической деятельности ОДКБ будет приобретать ярко выраженный практико-ориентированный характер. При этом перво-

очередным полем исследования будут выступать пути преодоления существующих и вероятных наркоугроз коллективной безопасности, а также обнаружение рисков потери контроля над сложившейся региональной наркоситуацией и, соответственно, направления последующей консолидации антинаркотической политики в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности.

Целесообразно всемерно способствовать выработке практико-ориентированных рекомендаций криминологического, уголовно-правового, процессуального, оперативно-розыскного, социально-гуманитарного и иного характера, направленных на консолидацию антинаркотической политики в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности.

Цуканов Н.Н.,

доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РФ ОТ 9 НОЯБРЯ 2022 Г. № 809 «ОБ УТВЕРЖДЕНИИ
ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ
РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ»:
О НОВОМ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Основы) – важный и своевременный документ, получивший широкий резонанс в политической сфере. Однако в юридическом отношении формы и способы его практической реализации достаточно неочевидны.

Во-первых, неверно считать, что Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – Основы) впервые определен перечень традиционных ценностей. В качестве таковых определены: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие,

справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

В пункте 3 Основ отмечается, что документ конкретизирует отдельные положения иных документов стратегического планирования, в частности Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400). При этом пункт 91 (раздел «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти») Стратегии полностью соответствует пункту 4 Основ! Более того, перечень традиционных ценностей примерно в таком же содержании был отражен в предыдущем Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», а еще ранее во вполне созвучной редакции – в Моральном кодексе строителя коммунизма.

Во-вторых, Основы относятся к специфической разновидности государственных актов, в которых сама по себе форма нормативно заранее не predetermined и напрямую не связана с его юридической значимостью, последняя в гораздо большей степени зависит от политико-правового статуса автора документа. В Российской Федерации реализуются сотни концепций, стратегий, программ и иных документов стратегического планирования, утвержденных указами Президента РФ, постановлениями, распоряжениями Правительства РФ, актами федеральных органов исполнительной власти и т.д. При этом отсутствуют единые подходы к определению структуры соответствующих документов, соответственно, к механизму их реализации, критериям юридической ценности.

Документ не содержит привычных юридических приемов (предписаний, дозволений, запретов). В нем представлены общая оценка ситуации, идеи, которым должна соответствовать государственная политика, ее цели и задачи в контексте укрепления традиционных ценностей, инструменты, ожидаемые результаты (в самом обобщенном виде). Даже в тех положениях, которые очевидно носят императивный характер, трудно понять уровень предполагаемого субъекта его реализации.

В определенной мере Основы дополняют Стратегию национальной безопасности, Доктрину информационной безопасности, Стратегию противодействия экстремизму и другие официальные документы стратегического планирования, однако объем этого дополнения незначителен. Достаточно вспомнить, что ключевые положения, касающиеся перечня и содержания традиционных духовно-нравственных ценностей, неоднократно озвучивались Президентом РФ в различных форматах. Главное заключается в том, что их защита впервые в современной истории не обозначена условием решения иных задач, а провозглашена в качестве самостоятельной цели, при этом оставаясь в контексте обеспечения национальной безопасности.

В содержательном отношении Основы – стратегическая альтернатива в целом правильным, но дискредитированным и даже опошленным действиями коллективного Запада категориям «демократия», «то-

лерантность», «уважение прав меньшинств», «гендерное равенство», «свобода самовыражения», способ противостояния агрессивно навязываемому мировому сообществу западоцентрическому способу толкования общемировых ценностей. При этом мы не отрицаем эти категории, мы не признаем навязываемые извне мнения относительно их содержания и значения в нашей жизни. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229) отмечается, что навязывание деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям, является на сегодняшний момент распространенной формой вмешательства во внутренние дела суверенных государств. В целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание консолидации международных усилий, направленных на обеспечение уважения и защиты универсальных и традиционных духовно-нравственных ценностей (в том числе этических норм, общих для всех мировых религий), нейтрализацию попыток навязывания псевдочеловеческих и иных неолиберальных идеологических установок, приводящих к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов.

Основы не копируют положения христианской этики. Документ, предельно бережно относясь к духовному наследию современной России, сохраняет тем не менее светскую направленность. Достаточно вспомнить, что в системе христианских ориентиров на первых местах стоят вовсе не права и свободы человека (это ключевое положение Конституции РФ не ставится под сомнение), а идея восстановления его связи с Богом, идея любви к Богу и ближнему.

Россия не пытается кому-либо понравиться, мы готовы к взаимодействию на условиях взаимного уважения, но при этом знаем себе цену, дорожим своими традициями и историей, уверенно смотрим в будущее! Фраза «Не в силе Бог, а в правде», которая, как считается, была произнесена Александром Невским в 1240 г. у храма Святой Софии в Великом Новгороде, актуальна и сегодня в том смысле, что отражает

удивительную способность представителя «русского мира» переносить невероятные лишения при условии уверенности в нравственной состоятельности собственной позиции. Представленные Основы – это политический и интеллектуальный стяг современной России, способствующий объединению всех жителей нашей страны, включая тех, кто присоединился к нам в результате СВО.

Таким образом, принятие документа – это мощный и своевременный управленческий импульс. Причем, хотя и инициированный событиями, связанными с проведением СВО, но вовсе не ограниченный ее задачами и сроками проведения.

В техническом отношении подобного рода документы, как правило, не содержат норм права, хотя могут быть и исключения, например в части отмены тех или иных нормативных правовых актов. Однако это не исключает императивной природы документа. Во-первых, речь идет о правовых позициях Президента РФ, что является одним из важных вторичных источников права. Подобные позиции, с одной стороны, служат формой самообязывания соответствующих субъектов, с другой – важным средством толкования официальных актов, ориентиром для последующего целеполагания в контексте государственного управления.

Во-вторых, Основы являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, что предполагает их реализацию через призму положений Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указа Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации», а также иных нормативных правовых актов. Соответственно, принятие Основ можно рассматривать в качестве юридического факта, предопределяющего ряд специфических юридически значимых следствий.

В частности, порядок взаимодействия органов публичной власти в сфере стратегического планирования, общие требования к содержанию и структуре документов стратегического планирования и их корректировке, другие вопросы организационного

характера определяются Президентом РФ. Документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации по предложению Совета Безопасности Российской Федерации утверждаются (одобряются) Президентом РФ. Оценка состояния национальной безопасности Российской Федерации и контроль реализации документов в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации осуществляются Советом Безопасности Российской Федерации. Порядок мониторинга реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и достижения показателей состояния национальной безопасности Российской Федерации определяется Президентом РФ.

Инструменты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей детализируются в IV разделе Основ.

В пункте 25 Основ говорится об обязанности органов публичной власти вносить необходимые коррективы в нормативные правовые акты на федеральном, региональном и муниципальном уровне, а также о необходимости учета положений Основ при разработке стратегического планирования. Примером может служить принятие федеральных законов от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», от 29 декабря 2022 г. № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и т.д.

Подпункт «а» пункта 26 Основ говорит о необходимости разработки органами публичной власти планов мероприятий по реализации Основ. Перечень возможных форм весьма широк и остается открытым: акты федеральных органов исполнительной власти, иных органов государственной власти и государственных органов, указы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, акты органов местного самоуправления и т.д. При этом речь идет как о внешних формах этой работы, предполагающих учет требований Указа Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 (например, в части установления соответствующих показателей, учета территориальных, социально-экономических и иных особенностей субъектов Российской Федерации), так и

внутриорганизационных формах, связанных с настройкой системы реализации Основ в деятельности должностных лиц органов публичной власти. Последняя предполагает необходимость организации изучения персоналом положений Основ, систематической ориентации личного состава на их учет в практической деятельности, соответствующей настройки кадровой и дисциплинарной практики.

К сожалению, это фундаментальное направление на текущий момент не реализуется должным образом. Например, остается крайне актуальной проблема организации разъяснительной работы относительно причин и задач СВО с обучающимися школ, техникумов, институтов. Явная недооценка этого вопроса, возможно связанная с желанием уберечь молодых людей от психотравмирующей тематики, уже сегодня создает предпосылки для серьезных негативных последствий, с учетом активности этой категории в социальных группах и сети Интернет, свойственной юному возрасту протестности в суждениях и поведении, неизбежности вовлечения молодежи в воспитание последующих поколений. Отдельного внимания заслуживает проблема организации соответствующей работы с мигрантами.

В подпункте «б» пункта 26 Основ говорится об оценке проектов (в том числе информационных и иных материалов), программ и мероприятий на предмет соответствия традиционным ценностям при решении вопроса о целесообразности их государственной поддержки. Более того, в контексте необходимости достижения целевых показателей (которые должны обозначаться при реализации документов стратегического планирования) влияние Основ может существенно расширяться и охватывать и иные направления деятельности, в том числе неожиданные. Например, буквальное толкование положений методик проведения правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов¹ не предполагает учета документов стратегического планирования.

Однако при реализации целевых показателей такой учет может оказаться целесообразным и даже неизбежным.

Осуществляемая на программной основе реализация положений Основ неизбежно будет охватывать самые разнообразные направления, мероприятия, формы и методы: учет в деятельности общественных советов, в рамках взаимодействия с институтами гражданского общества, в том числе с религиозными организациями, при проведении соответствующих научных, научно-представительских, конкурсных, организационных мероприятий и т.д. Однако, рассуждая о юридическом смысле Основ, нельзя не упомянуть еще одну важнейшую составляющую – процедурную. Подпунктом «в» пункта 26 Основ предусмотрен мониторинг достижения целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, в том числе выполнения планов мероприятий по реализации Основ. При этом в подпункте «в» пункта 29 Основ говорится о мониторинге проблемных ситуаций, связанных с сохранением и укреплением традиционных ценностей «по субъектам Российской Федерации и сферам ответственности органов публичной власти». Таким образом, созданы предпосылки для систематического предметного рассмотрения этого вопроса на основе как территориального, так и линейного принципа.

Безусловно, всегда существует риск, что содержательная сторона всей рассматриваемой деятельности может быть деформирована и даже видоизменена грузом бюрократических процедур, однако хочется верить, что серьезность и опасность происходящих во внешнеполитической сфере событий, одиозность навязываемых нашими противниками принципов и идей позволят избежать ситуации, описанной классиком, когда «трактаты пишутся, но читаются лишь самым незаметным меньшинством, законоположения издаются, но не проникают внутрь ядра, а лишь скользят по его поверхности»².

¹ Напр.: Об утверждении Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации : приказ Минюста России от 31.05.2012 № 87; Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России : приказ МВД России от 27.06.2003 № 484.

² Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. Благонамеренные речи. М.: Изд-во «Правда», 1988. С. 494.

СЕКЦИЯ
ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Красникова Е.В.,

кандидат юридических наук

Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В 2022 г.**

В 2022 г. проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью, в том числе коррупционной, существенно обострились. В отношении нашего государства была развернута масштабная информационная война со стороны стран Запада, предприняты агрессивные финансово-экономические меры, направленные на подрыв основных составляющих национальной безопасности. С целью оказания давления, со стороны недружественных стран предпринимаются попытки ограничить участие России в международном сотрудничестве в сфере противодействия преступности. Неслучайно опрос прокурорских работников, проведенный уже в апреле 2022 г., показал, что эксперты предвидят существенные затруднения в реализации имеющихся правовых средств по возврату активов коррупционеров из-за рубежа в связи со складывающейся международной обстановкой (52,6% опрошенных)¹.

В течение 2022 г. Украиной неоднократно поднимались инициативы об исключении Российской Федерации из всех международных организаций, включая ФАТФ и Интерпол. Так, на 90-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола, которая состоялась в Республике Индия с 18 по 21 октября 2022 г., украинской стороной была подготовлена резолюция об исключении России из состава данной правоохранительной организации. Тем не менее Россия сохранила членство в Интерполе, а также право между-

народного розыска и возвращения преступников и их активов.

От России в 90-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола приняла участие межведомственная делегация под руководством заместителя Генерального прокурора Российской Федерации П.П. Городова. В результате работы российской делегации были отклонены попытки внести на утверждение Генассамблеи резолюцию Украины о внесении изменений в устав Интерпола, позволяющие исключить нашу страну из состава организации.

На официальном открытии 90-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола Президент Интерпола Ахмед Насер Аль-Раиси подчеркнул необходимость обеспечения правоохранительной поддержки всех стран-участниц, а также обозначил значимость партнерства и обмена информацией в борьбе с транснациональной преступностью².

В ходе работы сессии Генеральной Ассамблеи был принят ряд резолюций, направленных на укрепление совместных мер реагирования на борьбу с финансовыми преступлениями и коррупцией.

Сложившаяся в мире политическая обстановка оказала существенное влияние на международное правоохранительное сотрудничество России со странами Евросоюза. Ряд государств официально прекратили взаимодействие с Россией в вопросах выдачи преступников и в исполнении за-

¹ Исследование проводилось в апреле 2022 г. По специально разработанной методике опрошены 656 прокурорских работников, специализирующихся в сфере противодействия коррупционной преступности.

² INTERPOL General Assembly opened by Prime Minister Narendra Modi. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/INTERPOL-General-Assembly-opened-by-Prime-Minister-Narendra-Modi> (дата обращения: 13.01.2023).

просов о правовой помощи по уголовным делам. Если за первые два месяца текущего года российской стороной от западных государств получено четыре отказа в выдаче, связанных с объективными причинами, то в марте – июне 2022 г. получено уже 60 отказов, из которых как минимум 28 приняты по политическим мотивам¹.

Так, Федеральная прокуратура Бельгии уведомила российскую сторону о прекращении взаимодействия не только в сфере выдачи и правовой помощи по уголовным делам, но и в области правоохранительного содействия, приостановив исполнение соглашения о сотрудничестве, заключенного с Генеральной прокуратурой России в 2013 г. В одностороннем порядке прекратили сотрудничество с российской прокуратурой и генеральные прокуроры Словакии и Словении.

В числе значимых событий, отразившихся на антикоррупционном взаимодействии, следует отметить выход России из Совета Европы 15 марта 2022 г., обусловленный проведением активной дискриминационной политики государств Евросоюза в отношении Российской Федерации. В 2022 г. существенно ограничены права Российской Федерации и ее участие в Группе государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО). Согласно Резолюции Комитета Министров Совета Европы, Россия сохранила лишь право участия в пленарных заседаниях Группы при рассмотрении докладов о соблюдении и имплементации Россией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, однако была лишена права участвовать в обсуждении и принятии докладов, а также голосовать по ним.

В целях принятия мер, направленных на недопущение дискриминационного отношения к Российской Федерации в рамках оценочных механизмов ГРЕКО принято решение о прекращении участия Российской Федерации в ГРЕКО. Так, 9 января 2023 г. Президентом Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект федерального закона «О денонсации Рос-

сийской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию», которым предлагается денонсировать Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию, подписанную от имени Российской Федерации в г. Страсбурге 27 января 1999 г.

Стремительные изменения политической и экономической обстановки в мире, произошедшие в 2022 г., обусловили деформацию международного правопорядка, сложившегося на основе Устава ООН. Существенным преобразованиям подверглись и основные механизмы международно-правового противодействия коррупции. В 2022 г. произошла смена вектора международного антикоррупционного взаимодействия. Основные усилия по борьбе с коррупцией активизированы на субрегиональном уровне (СНГ, ОДКБ, ШОС).

Наиболее значимые договоренности в сфере международно-правового сотрудничества по борьбе с коррупцией в 2022 г. достигнуты на уровне государств – участников СНГ. В числе основных документов, направленных на борьбу с коррупцией государств – участников СНГ, необходимо выделить Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в противодействии коррупции (далее – Соглашение о сотрудничестве), принятое по итогам заседания Совета глав государств СНГ, которое состоялось 14 октября 2022 г. в г. Астане (Республика Казахстан).

В Соглашении о сотрудничестве определены основные формы и направления совместной правоохранительной деятельности, такие как оказание содействия по делам о коррупционных преступлениях и правонарушениях; проведение скоординированных оперативно-разыскных, оперативно-профилактических мероприятий и специальных операций в сфере противодействия коррупционным преступлениям; осуществление сотрудничества в сфере розыска, задержания и выдачи лиц, совершивших коррупционные преступления; осуществление сотрудничества в сфере розыска и возвращения доходов от корру-

¹ Интервью специального представителя Министра иностранных дел Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, директора Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России В.Е.Тарабрина МИА «Россия сегодня», 1 августа 2022 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/crime/1824736/ (дата обращения: 13.01.2023).

пции; обеспечение правовой защиты и поддержки физических лиц и организаций, участвующих в противодействии коррупции; оперативно-информационный и информационно-аналитический обмен в сфере противодействия коррупции; создание и использование информационных систем в сфере противодействия коррупции; разработка и реализация стратегий, программ и планов сотрудничества в сфере противодействия коррупции. Также документ затрагивает вопросы обмена опытом правового регулирования в сфере противодействия коррупции; обмена результатами антикоррупционного мониторинга; подготовки и повышения квалификации кадров в сфере противодействия коррупции; научно-методического и материально-технического обеспечения противодействия коррупции; проведения совместных антикоррупционных мероприятий и исследований в сфере противодействия коррупции и легализации доходов от коррупции.

В течение 2022 г. руководители правоохранительных органов Российской Федерации принимали активное участие в международных мероприятиях, посвященных вопросам противодействия коррупции.

Так, Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов 26 октября 2022 г. принял участие в 7-м заседании Межгосударственного Совета по противодействию коррупции¹.

23 сентября 2022 г. Генеральный прокурор Российской Федерации принял участие в заседании генеральных прокуроров государств – членов Шанхайской организации сотрудничества, тема которого была посвя-

щена обмену опытом органов прокуратур государств – членов ШОС по возврату финансовых средств, незаконно выведенных из страны. По результатам встречи была достигнута договоренность об укреплении сотрудничества генеральных прокуратур государств – членов ШОС по возврату активов, незаконно выведенных из государств, а также о развитии взаимодействия прокуратур государств – членов ШОС на площадках мероприятий международных организаций и форумов по вопросам, связанным с противодействием экономическим преступлениям, поиском, арестом и возвратом активов, незаконно выведенных из государств².

13 июля 2022 г. состоялась встреча руководителей ведомств стран БРИКС, ответственных за борьбу с коррупцией. В ходе встречи состоялся обмен мнениями по основным вопросам глобальной антикоррупционной повестки дня, рассмотрены возможности дальнейшего укрепления сотрудничества между странами БРИКС в поддержку усилий, предпринимаемых на национальном уровне в области борьбы с коррупцией³.

Российская Федерация, признавая значимость международного антикоррупционного сотрудничества, выполняет все взятые на себя обязательства и, несмотря на то что сегодня сотрудничество в сфере противодействия преступности выступает одним из способов оказания давления со стороны недружественных стран на Российскую Федерацию, нацелена на развитие международного взаимодействия.

¹ Генпрокурор России Игорь Краснов принял участие в заседании Межгосударственного Совета по противодействию коррупции. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=77756211> (дата обращения: 13.01.2023).

² Генпрокурор России Игорь Краснов принял участие в заседании генеральных прокуроров государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=76915842> (дата обращения: 13.01.2023).

³ О Министерской встрече БРИКС по противодействию коррупции. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1822046/ (дата обращения: 13.01.2023).

Павловская Н.В.,

кандидат юридических наук

Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ В РОССИИ

Противодействие коррупции в России не только не теряет своей актуальности, но и приобретает все большее значение. Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов, подчеркивая приоритетность антикоррупционной деятельности для органов российской прокуратуры, отметил, что коррупционеры, ставя свои личные интересы выше непростых задач функционирования общества и государства в современных условиях, подрывают фундаментальные основы деятельности органов власти, которые сегодня должны работать с максимальной эффективностью во благо народа и нашей страны¹. В этих условиях особенно важно постоянно отслеживать изменения криминальной ситуации в целях своевременного реагирования на новые вызовы и угрозы. На решение названных задач направлен антикоррупционный мониторинг, представляющий собой единую государственную систему периодических наблюдений за состоянием коррупционной преступности, оценки ее структуры и динамики, выявления особенностей причинного комплекса коррупции и построения прогноза развития ситуации в будущем.

Методология таких наблюдений опирается в первую очередь на данные правовой статистики, которые являются открытыми в России и доступны для ознакомления в том числе в сети Интернет на официальном сайте МВД России, портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В то же время по общепринятому в современной науке и практике мнению статистические данные отражают не сам уровень коррупции, а, скорее, результат реагирования на нее правоохранительных органов. Так, комментируя динамику преступлений коррупционной направ-

ленности в 2021 г. (за тот год данный показатель увеличился на 13,8%), Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов отметил, что это свидетельствует о повышении эффективности работы правоохранительных органов по выявлению коррупционных деяний, а не о том, что «страну накрыла волна коррупции»².

Аналогичного мнения придерживаются и эксперты из числа прокурорских работников, опрошенные в ходе проведенного в НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации в 2022 г. исследования (были проанкетированы 656 экспертов – прокурорских работников из 21 субъекта Российской Федерации). Более половины из них (54,5%) скорее согласны с тем, что в 2020–2022 гг. уровень эффективности правоохранительных органов по противодействию коррупционной преступности вырос, а еще 8,8% полностью разделяют это мнение. 39,9% опрошенных отмечают снижение реального уровня коррупции в стране за последние годы. Мнение практиков борьбы с коррупцией разделяют и ученые. Например, выделяются такие факторы, обуславливающие увеличение статистических показателей, как улучшение учетно-регистрационной дисциплины; активизация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания по делам о преступлениях коррупционной направленности; снижение темпов низовой преступности коррупционной направленности за счет проводимых государством профилактических, а также организационных мер, направленных на выявление преступлений³.

В связи с этим в процессе осуществления антикоррупционного мониторинга нельзя ограничиваться анализом одних только данных правовой статистики. Важ-

¹ Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова информационному агентству «ТАСС». URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=78835450> (дата обращения: 31.01.2023).

² Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова РИА «Новости». URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=67360817> (дата обращения: 27.12.2022).

³ Афанасьева О.Р., Колчевский И.Б. Криминологическая оценка состояния коррупционной преступности в органах внутренних дел Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2017. № 3(39). С. 45–46.

нейшее значение для всесторонней оценки ситуации имеют исследовательские методы социологии.

Правовые основы антикоррупционного мониторинга в России сформированы Национальной стратегией противодействия коррупции¹, в которой периодическое исследование состояния коррупции и эффективности мер, принимаемых по ее предупреждению и борьбе с ней как в стране в целом, так и в отдельных регионах, определено в качестве одного из основных направлений реализации данной стратегии.

В развитие этого положения Национальным планом противодействия коррупции на 2016-2017 гг. Правительству Российской Федерации и высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации предписывалось обеспечить проведение социологических исследований для оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации и по результатам этих исследований принять необходимые меры по совершенствованию работы по противодействию коррупции. В дальнейшем Правительством Российской Федерации была утверждена единая методика проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации².

В соответствии с этой методикой исследование фокусируется на проблематике «бытовой» коррупции, возникающей при взаимодействии граждан и представителей органов власти, в том числе при предоставлении государственных (муниципальных) услуг, и «деловой» коррупции, возникающей при взаимодействии органов власти и представителей бизнеса. В качестве основных методов исследования применяются репрезентативный социологический опрос граждан Российской Федерации в части «бытовой» коррупции (осуществляется методом индивидуального формализованного интервью по принципу «лицом к лицу», когда интервьюер зачитывает вопросы анкеты и самостоятельно фиксирует ответы респондента) и репрезентативный социоло-

гический опрос представителей бизнеса в части «деловой» коррупции (проводится в электронной форме с использованием аппаратно-программного комплекса для социологических исследований, посредством индивидуального заполнения респондентами электронной анкеты). Исследование на основании данной методики должно проводиться ежегодно.

По результатам этих опросов в каждом субъекте Российской Федерации должен производиться расчет базового набора показателей уровня «бытовой» и «деловой» коррупции по установленным методикой унифицированным формулам расчета. Методика позволяет составить рейтинг административно-территориальных единиц субъекта Российской Федерации в зависимости от уровня «бытовой» коррупции.

По итогам исследования формируется доклад, в который включаются в том числе анализ частотных распределений по каждому вопросу, а также расчет базового набора показателей уровня коррупции по унифицированным формулам расчета, содержащимся в утвержденной методике, и качественно-количественная оценка коррупции в субъектах Российской Федерации по установленным методикой аналитическим направлениям. Важно отметить, что к докладу прилагаются в электронной форме в статистическом пакете SPSS и MS Excel полученные по итогам проведения социологического опроса итоговые базы данных. С учетом данного обстоятельства, а также при условии использования всеми субъектами Российской Федерации единых базовых анкет и соблюдения всех требований к организации и проведению исследований, установленных методикой, можно сделать вывод, что уже сейчас в стране имеются все предпосылки для обобщения результатов региональных исследований на федеральном уровне, т.е. для расчета определенных методикой показателей для Российской Федерации в целом.

Национальными планами противодействия коррупции предусматривается, что высшими должностными лицами (руково-

¹ О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы : Указ Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460.

² Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 25.05.2019 № 662.

дителями высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации подготовленные по результатам таких исследований доклады представляются полномочным представителям Президента Российской Федерации в федеральных округах для подготовки сводных докладов, которые затем представляются Президенту Российской Федерации. Результаты таких региональных исследований обычно публикуются на официальных сайтах региональных органов власти и доступны для ознакомления. Как правило, результаты исследований свидетельствуют о важности проблемы борьбы с коррупцией для жителей различных регионов, которым чаще всего приходится сталкиваться с коррупцией при обращении за бесплатной медицинской помощью, в сфере образования, а также при взаимодействии с госавтоинспекцией. В рамках исследований «деловой» коррупции респонденты обычно указывают на целесообразность использования коррупционных практик для ускорения получения необходимых документов и разрешений, обход слишком сложных требований законодательства или регулирующих органов.

Отдельным элементом системы антикоррупционного мониторинга следует считать ежегодное независимое исследование в целях определения отношения предпринимательского сообщества к коррупции и оценки его представителями государственной политики в области противодействия коррупции («бизнес-барометр коррупции»), проводимой Торгово-промышлен-

ной палатой Российской Федерации во исполнение Национальных планов противодействия коррупции. Так, по данным такого опроса, проведенного в конце 2022 г., число респондентов, которым приходилось сталкиваться с коррупцией, несколько сократилось – 58,2% опрошенных предпринимателей (в 2021 г. – 69,3%)¹.

Представляется, что повышению эффективности антикоррупционной политики способствовало бы установление единого органа, ответственного за организацию и осуществление государственного антикоррупционного мониторинга, в котором бы аккумулировалась вся необходимая информация о состоянии коррупции и результатах противодействия ей, поступающая как из федеральных государственных органов, так и из регионов. Возможным решением представляется разработка и принятие специального нормативного правового акта или внесение дополнений в Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» о порядке проведения антикоррупционного мониторинга, в котором бы устанавливались единые методологические подходы к сбору и анализу данных о состоянии коррупции и результатах борьбы с ней на федеральном и региональном уровне, перечислялись участники такого мониторинга, определялись сроки его проведения, требования к представляемой информации и порядок ее сбора, в том числе к статистической и иной аналитической информации правоохранительных органов, социологическим опросам населения и экспертов и другие необходимые положения.

Дитковская К.Д.

Министерство образования Красноярского края (г. Красноярск)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Современная геополитическая ситуация в условиях экономики знаний как основы экономического развития государства обусловила первоочередную задачу обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации: в соответствии с перечнем поручений Президента Российской

Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 26 января 2023 г. № Пр-144 укрепление технологического суверенитета Российской Федерации является одной из ключевых задач 2023 г. при достижении

¹ См.: Проведение десятого этапа независимого исследования «Бизнес-барометр коррупции». URL: <https://anticorruption.khabkrai.ru/events/Novosti/296> (дата обращения: 16.01.2023).

национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г.¹

Особая роль в этой области отведена региональному уровню государственного управления в сфере науки, учитывающему технологическую специфику конкретного субъекта.

Ключевой вехой в данном направлении является, по нашему мнению, издание Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»². В рамках его исполнения был утвержден национальный проект «Наука», предусматривающий создание в субъектах научно-образовательных центров мирового уровня, создаваемых непосредственно регионами из числа научных и образовательных организаций высшего образования и предприятий реального сектора экономики. Фактически создание и идеология научно-образовательных центров акцентировали и озаменовали необходимость активного участия регионов в научно-технологическом развитии. Последующие меры убеждения и стимулирования субъектов носили уже характер интенсифицирования.

В 2018 г. Президент поручил Правительству Российской Федерации разработать механизмы взаимодействия Министерства науки и высшего образования Российской Федерации с федеральными и региональными исполнительными органами по вопросам научного обеспечения реализации национальных проектов и документов стратегического планирования с учетом приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации³.

В 2020 г. Правительству Российской Федерации было поручено обеспечить внесение в законодательство изменений, предусматривающих участие представителей исполнительных органов регионов в наблюдательных советах федеральных организаций науки и высшего образования, возможность

финансового обеспечения деятельности этих организаций за счет регионального бюджета, возможность выделения из регионального бюджета без проведения дополнительных конкурсных процедур бюджетных ассигнований федеральным образовательным и научным организациям, реализующим по итогам проведенного на федеральном уровне конкурсного отбора проекты и мероприятия, условиями которых предусматривается обязательное финансовое участие регионов; обеспечить включение в программы развития федеральных организаций науки и высшего образования разделов, отражающих участие этих организаций в социально-экономическом развитии регионов. Одновременно с этим регионам было рекомендовано создать при высших должностных лицах координационные и (или) совещательные органы по вопросам высшего образования и науки⁴.

В 2021 г. Президент поручил Правительству Российской Федерации обеспечить совершенствование системы официального статистического учета показателей деятельности организаций науки и высшего образования, предусмотрев учет информации о расходах на исследования и разработки, финансируемых в том числе за счет средств бюджетов субъектов, а также проведение сравнительных сопоставлений таких показателей с соответствующими международными показателями; рассмотреть вопрос о включении региональных фондов поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности в перечень российских организаций, получаемые налогоплательщиками гранты которых не подлежат налогообложению. Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации совместно с комиссией Государственного Совета Российской Федерации по направлению «Наука» было поручено сформировать национальный рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации, предусмотрев воз-

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам : утв. Президентом РФ 26.01.2023 № Пр-144 // СПС «КонсультантПлюс».

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Перечень поручений по итогам заседания Совета по науке и образованию : утв. Президентом РФ 29.12.2018 № Пр-2558 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Перечень поручений по итогам совместного расширенного заседания президиума Госсовета и Совета по науке и образованию : утв. Президентом РФ 28.03.2020 № Пр-589 // СПС «КонсультантПлюс».

возможность рассмотрения Комиссией и Советом региональных программ научно-технологического развития, занимающих лидирующие позиции в названном рейтинге, в том числе в целях выработки рекомендаций по применению таких программ в других регионах. Одновременно с этим регионам было рекомендовано при участии Минобрнауки России, Минэкономразвития России и Минфина России разработать собственные государственные программы научно-технологического развития, обеспечив взаимосвязь их целевых показателей, отражающих развитие научно-технологического потенциала в пределах субъекта, с аналогичными целевыми показателями соответствующей федеральной программы¹.

В 2023 г. Совет Федерации Федерального Собрания РФ отметил, что в целях достижения технологического суверенитета одними из первоочередных мер являются формирование целостной системы планирования и управления научно-технологическим развитием Российской Федерации и гармонизация государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» и индивидуальных программ социально-экономического развития регионов в целях формирования устойчивого внутреннего спроса на достижения отечественной науки. Регионам было рекомендовано определить заместителя высшего должностного лица, ответственного за вопросы научно-технологического развития, проработать вопрос о включении в региональные программы социально-экономического развития мероприятий, направленных на формирование устойчивого внутреннего спроса на достижения отечественной науки².

Таким образом, на протяжении последних лет федеральный центр активно стимулирует участие регионов в обеспечении национального научно-технологического суверенитета. Применяя по отношению к субъектам метод административного убеждения в форме рекомендаций, Федерация создает инструменты, которые

позволят регионам создавать административно-правовые условия, способствующие научно-технологическому развитию.

Так, главным инструментом регионов стало право финансировать деятельность федеральных организаций науки и высшего образования, предоставленное Федеральным законом от 16 апреля 2022 г. № 108-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона "О науке и государственной научно-технической политике" и статью 8 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации"».

Однако регионы, в которых на момент реализации предоставленного права не были созданы необходимые административно-правовые условия, на практике могут столкнуться с проблемами, обусловленными нормами антимонопольного и бюджетного законодательства.

Пунктом 4 ст. 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации предусмотрена возможность финансирования регионом какой-либо конкретной федеральной научной или образовательной организации путем предоставления грантов в форме субсидий как по результатам конкурсных процедур, так и по решению высшего должностного лица региона или высшего исполнительного органа государственной власти. Но в действительности прямое адресное финансирование федеральной организации по решению высшего должностного лица региона или высшего исполнительного органа может быть расценено как нарушение антимонопольного законодательства и законодательства в сфере противодействия коррупции. Издание подобных актов – редкость, т.к. уже на этапе их подготовки выявляются, в том числе прокуратурой, коррупциогенные факторы. В случае издания актов высока вероятность их опротестования и отмены.

Нивелировать существующие риски возможно путем использования при определении регионом получателя гранта элементов управленческой инфраструктуры, которые ранее были рекомендованы субъектам федеральным центром.

¹ Перечень поручений по итогам совместного заседания Госсовета и Совета по науке и образованию : утв. Президентом РФ 10.02.2022 № Пр-290 // СПС «КонсультантПлюс».

² Об обеспечении научно-технологического развития Российской Федерации в целях достижения технологического суверенитета : постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22.02.2023 № 71-СФ // СПС «КонсультантПлюс».

Так, методическими рекомендациями по финансовому обеспечению субъектами Российской Федерации мероприятий, реализуемых федеральными образовательными организациями высшего образования и федеральными научными организациями, утвержденными Минобрнауки России 28 марта 2022 г., предусмотрено при определении получателя гранта, в том числе без проведения конкурсных процедур, задействовать совещательные (координационные) органы, сформированные при высшем должностном лице субъекта¹. Полагаем, что таким органом может выступить совещательный орган по вопросам высшего образования и науки при высшем должностном лице, который ранее был рекомендован для создания в субъектах. Также рекомендациями предусмотрена поддержка регионами программ развития федеральных научных или образова-

тельных организаций. При этом ранее постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2021 г. № 2547 было обеспечено включение в содержание данных программ мероприятий, отвечающих потребностям социально-экономического развития региона².

Таким образом, сегодня регионы обладают административно-правовыми механизмами, которые не только нацелены на повышение степени участия субъектов в обеспечении научно-технологического суверенитета, но и позволяют решать собственные региональные научно-технологические задачи. При этом развитая инфраструктура управления научной деятельностью, как, например, наличие в субъекте стратегического совещательного органа по вопросам науки и высшего образования или соответствующей концепции развития, способствует эффективной реализации таких механизмов.

Соколов Д.А.,

кандидат юридических наук

Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

УЧАСТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ

При рассмотрении разнообразных направлений борьбы с преступностью наиболее здоровой и очевидной является мысль о том, что наибольший успех может быть достигнут в результате принятия превентивных мер, позволяющих заблаговременно устранить причины и условия любого криминального деяния. Однако поскольку преступность представляет собой явление социальное, то и эффективность ее предупреждения во многом зависит от усилий самого общества.

По мнению выдающегося отечественного криминолога А.И. Долговой, основополагающее значение имеет осуществление

борьбы с преступностью всем обществом, всем населением при ведущей роли государства³. Современное российское законодательство в полной мере отражает данный постулат.

Результаты его анализа позволяют говорить о сотрудничестве органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества, которое в настоящее время может реализовываться по двум основным направлениям, предполагающим предупреждение нарушений законов данными институтами и взаимодействие с ними при реализации государственной антикриминальной политики⁴.

¹ О Методических рекомендациях по финансовому обеспечению субъектами Российской Федерации мероприятий, реализуемых федеральными образовательными организациями высшего образования и федеральными научными организациями : письмо Минобрнауки России от 28.03.2022 № МН-18/544 // СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении требований к структуре и содержанию программы развития образовательных организаций высшего образования : постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2021 № 2547 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Криминология : учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 444.

⁴ Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества : монография / под общ. ред. Р.В. Жубрина ; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект, 2016. С. 19.

Привлечение граждан к участию в охране общественного порядка, развитие правовой грамотности и правосознания населения, согласно подп. «в» п. 28 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утвержденной Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685), относится к числу основных направлений деятельности сил обеспечения общественной безопасности в области противодействия преступным и иным противоправным посягательствам.

Возможность участия граждан в устранении криминогенных причин и условий предусмотрена и в основополагающих документах, направленных на противодействие конкретным, в том числе наиболее общественно опасным, криминальным явлениям.

Так, согласно подп. «л» п. 15 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации (утвержденной Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.), предупреждение (профилактика) терроризма предполагает решение в том числе задачи по обеспечению скоординированной работы органов государственной власти с общественными и религиозными организациями (объединениями), другими институтами гражданского общества и гражданами.

Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344) предусмотрена государственная поддержка институтов гражданского общества (в том числе ветеранских и молодежных организаций), деятельность которых направлена на профилактику экстремистских проявлений, и использование их потенциала в целях патриотического воспитания граждан, обеспечения единства многонационального народа Российской Федерации, формирования в обществе атмосферы нетерпимости к экстремистской деятельности, неприятия экстремистской идеологии и применения насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей (подп. «и» п. 32).

Согласно Стратегии государственной антинаркотической политики Российской

Федерации на период до 2030 года (утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733), совершенствование антинаркотической деятельности и государственного контроля за оборотом наркотиков осуществляется в том числе путем привлечения институтов гражданского общества, включая общественные и некоммерческие организации (подп. «н» п. 13).

Перечень институтов гражданского общества, в той или иной мере содействующих или потенциально способных оказать содействие в предупреждении преступности, достаточно широк. Включенность в этот процесс зависит от сферы социальных отношений, в которой они действуют, а также, безусловно, от собственной инициативы в решении важнейших для жизни общества криминальных проблем.

Неслучайно криминологами отмечалось, что участие общественных объединений и граждан в деятельности по предупреждению преступлений происходит на основе добровольности, а также материального и морального стимулирования при организационно-методической, информационной и иной поддержке субъектов государственной системы предупреждения преступлений¹.

В российском законодательстве содержатся нормы, регламентирующие организационные основы участия общественности в деятельности по устранению криминогенных причин и условий.

Так, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» предусматривает такое понятие, как «лица, участвующие в профилактике правонарушений», к числу которых относятся граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь субъектам профилактики правонарушений в рамках реализации своих прав в сфере профилактики правонарушений (п. 4 ст. 2).

Лица, участвующие в профилактике правонарушений, реализуют свои права в сфере профилактики правонарушений в таких формах, как:

¹ Криминология : учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. С. 133.

- правовое просвещение и правовое информирование;
- социальная адаптация;
- ресоциализация;
- социальная реабилитация;
- помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

Помимо этого, лица, участвующие в профилактике правонарушений, имеют возможность добровольного участия в мероприятиях по охране общественного порядка и других социально значимых мероприятиях, содействия правоохранительным органам и иным субъектам профилактики правонарушений в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Правоохранительные органы в своей деятельности ориентируются на тесное сотрудничество с представителями общественности, что прямо закреплено в их ведомственных организационно-распорядительных документах.

Так, в соответствии с подп. 5.4. Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», территориальные органы МВД России в установленном порядке осуществляют взаимодействие с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, общественными объединениями и гражданами в деятельности по предупреждению преступлений.

В настоящее время хорошо зарекомендовали себя в этом отношении общественные советы при территориальных органах МВД России, работа которых свидетельствует о высокой социальной значимости данного института. Об этом можно судить по задачам, которые он выполняет в соответствии с п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах». Они, в частности, осуществляют привлечение граждан, общественных объединений и организаций к реализации государственной политики в сфере охраны общественного

порядка, профилактики правонарушений, обеспечения общественной безопасности, а также содействие реализации государственной политики в сфере противодействия преступности.

Преступность неоднородна по своей структуре, тенденции криминальной ситуации обладают подвижностью, количественные и качественные характеристики каждого из видов преступности подвержены постоянной трансформации под воздействием изменяющихся криминогенных факторов, криминальные проявления могут приобретать новые формы. Данные обстоятельства играют определяющую роль при выборе приоритетных направлений деятельности институтов гражданского общества по предупреждению преступности. Они могут различаться в разные периоды, а также в зависимости от того или иного региона, социально-экономических условий и иных обстоятельств. Например, сегодня преступники активно используют в своих противоправных целях интенсивное внедрение достижений научно-технического прогресса. Особенно широкий размах данная проблема имеет в случаях совершения разнообразных мошеннических действий для хищения денежных средств граждан.

Одним из важнейших факторов, способствующих совершению подобных преступлений, является недостаточный уровень навыков граждан в использовании информационно-телекоммуникационных технологий. Помимо этого, совершение преступных посягательств зачастую становится возможным вследствие отсутствия у потерпевших необходимого уровня правовой и финансовой грамотности. Однако, как показывают результаты криминологических исследований, указанное обстоятельство проявляется себя и в случае с иными видами криминальных посягательств.

Исходя из этого, очевидно, что в настоящее время серьезный профилактический эффект могут иметь усилия по привлечению институтов гражданского общества для ведения целенаправленной антикриминальной просветительской деятельности. Вероятно, успешность выполнения этой задачи в немалой степени может быть связана с реализацией положений Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в

который в апреле 2021 г. включены нормы, закрепляющие понятие «просветительская

деятельность» и определяющие общие требования к порядку ее осуществления.

Безъязыкова Н.П.

Министерство внутренних дел по республике Бурятия (г. Улан-Удэ)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Необходимость актуализации научных исследований административно-правового обеспечения государственной и общественной безопасности в современных условиях требует всестороннего исследования вопросов развития административно-правовых мер, направленных на противодействие незаконному потреблению наркотических средств, психотропных веществ. Действующие в настоящее время административно-правовые меры, направленные на противодействие незаконному потреблению наркотических средств, психотропных веществ, не обеспечивают в полной мере решение задач повышения эффективности борьбы с наркоманией, о чем свидетельствует официальная статистика.

В настоящее время в России в целях сокращения уровня наркотизации органами внутренних дел реализуются административно-правовые меры, направленные на противодействие незаконному обороту наркотиков, в том числе по выявлению и предупреждению немедицинского наркопотребления.

Так, в случае если у сотрудников полиции имеются основания полагать, что лицо имеет заболевание наркоманией, находится в состоянии наркотического опьянения либо потребило наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача, оно может быть направлено в медицинское учреждение на медицинское освидетельствование. В случае если в ходе освидетельствования врачами будет установлен факт немедицинского потребления наркотических средств или психотропных веществ, лицо будет подвергнуто административной ответственности.

В 2014 г. в России введены новые меры противодействия немедицинскому наркопотреблению, а именно при назначении административного наказания на лицо, при-

знанное больным наркоманией либо потребляющее наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, суд возлагает обязанность пройти у врача психиатра-нарколога по месту жительства соответствующую диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании, медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с немедицинским потреблением наркотических средств или психотропных веществ. Контроль за исполнением такой обязанности осуществляется органами внутренних дел.

Ответственность за неисполнение такой обязанности предусмотрена ст. 6.9.1. КоАП РФ в виде административного штрафа либо административного ареста, протоколы по данным правонарушениям составляются сотрудниками полиции.

Реализация органами внутренних дел ст. 6.9.1. КоАП РФ является мерой правового побуждения правонарушителей к освобождению от наркопотребления и на сегодня является единственной действенной мерой противодействия незаконному потреблению наркотических средств, психотропных веществ. Благодаря контрольной функции органов внутренних дел, осуществляемой в тесном взаимодействии с наркологической службой, обеспечивается постановка наркопотребителей на диспансерный наркологический учет, а также выполнение ими предписаний лечащего врача, необходимых для успешного выздоровления.

Помимо прочего, привлечение граждан к административной ответственности за немедицинское потребление наркотических средств или психотропных веществ и дальнейшая постановка правонарушителей на диспансерный наркологический учет является основанием обращения органов внутренних дел в органы прокуратуры для лишения наркопотребителей права управ-

ления транспортным средством (по наличию) в судебном порядке согласно ст. 1065 «Предупреждение причинение вреда» и ст. 1079 «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» Гражданского кодекса РФ. Лишение права управления транспортным средством через органы прокуратуры позволяет реализовать органам внутренних дел дополнительные меры по обеспечению безопасности дорожного движения.

Кроме этого потребление наркотических средств или психотропных веществ ограничивает граждан занятием отдельными видами профессиональной деятельности.

В 2015 г. на законодательном уровне перечислены категории профессий, занятие которыми лицам, допускающим немедицинское потребление наркотических средств или психотропных веществ, а также подвергнутым административному наказанию за наркопотребление, запрещено, а именно: частным детективам и охранникам; авиационному персоналу; военнослужащим; лицам, проходящим военную службу по контракту; лицам, поступающим на работу, если работа связана с деятельностью, к осуществлению которой не допускаются наркопотребители; лицам, принимаемым на работу, непосредственно связанную с движением поездов и маневровой работой; сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации гражданам Российской Федерации, а также лицам, получающим лицензию на приобретение оружия.

В целях исполнения данных требований работодателю необходимо обеспечить обязательное систематическое медицинское освидетельствование указанных работников и сотрудников на наличие (или отсутствие) в их организме наркотических средств, психотропных веществ. При этом плановое медицинское освидетельствование не всегда выявляет наркопотребление у работника, т.к. освидетельствуемый временно может приостановить (проконтролировать) потребление наркотических средств или психотропных веществ.

Информацией о привлечении работника к административной ответственности за немедицинское потребление наркотических средств или психотропных веществ в пери-

од осуществления трудовой деятельности (после трудоустройства) работодатель может не владеть, т.к. при составлении сотрудниками полиции протокола об административной ответственности в графе «сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении» граждане в основном не сообщают о своем месте работы, особенно те, которые осознают последствия увольнения.

Полагается, что в целях эффективного обеспечения общественной безопасности необходимо внести дополнения в Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», Воздушного кодекса Российской Федерации, Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», Федерального закона от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране», Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации, Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации, «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации», Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», предусматривающие обязанность работника ежегодно наряду с медицинским освидетельствованием предоставлять работодателю справку о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, выданную в установленном порядке посредством оказания государственных услуг, для принятия соответствующих решений о дальнейшем исполнении (либо прекращении) им трудовых обязанностей.

Также в целях совершенствования применения органами внутренних дел мер по противодействию незаконному потреблению наркотических средств, психотропных веществ необходимо расширять сравнительно-правовые исследования для адаптации положительного зарубежного опыта в российских условиях. Так, в Республике Беларусь опробована и эффективно действует

форма единого государственного учета наркопотребителей.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» государственная политика в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту направлена на ведение строгого контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ, на раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, поэтапное сокращение числа заболевших наркоманией, снижение правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ. Также определено, что государственная политика в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также в области противодействия их незаконному обороту в том числе стоит на принципе побуждения больных наркоманией к лечению и реабилитации, а также побуждения лиц, периодически незаконно потребляющих наркотические средства или психотропные вещества, к прохождению профилактических мероприятий.

В связи с этим введение единой системы учета наркопотребителей, которым в соответствии с международной классификацией болезней установлен диагноз, связанный с психическими расстройствами и расстройствами поведения в связи с потреблением наркотиков, позволит более эффективно реализовать данные положения федерального закона. Единая система учета позволит в первую очередь обеспечить контроль со стороны органов здравоохранения за прохождением лечения наркопотребителями и воздержанием от дальнейшего немедицинского наркопотребления, а также своевременность сообщения в органы внутренних дел о фактах немедицинского потребления наркотических средств, психотропных веществ либо уклонения от лечения в период диспансерного наблюдения. Кроме этого, система обеспечит централизованную выдачу медицинских документов (справок), необходимых для получения или замены водительских удостоверений, поступления на службу или трудоустройства через обра-

щение на портал государственных услуг, но главное – исключит возможность получения «платных» поддельных документов. Также система даст возможность врачам – психиатрам-наркологам получать достоверную информацию об истории и течении болезни, о назначении и выдаче больным лекарственных препаратов (в том числе подконтрольных на территории Российской Федерации) даже при смене наркопотребителями места жительства.

Наркопотребители достаточно часто меняют одно место жительства на другое в целях ухода от диспансерного наблюдения и возможности получения «чистых» медицинских справок по новому месту жительства для получения водительских удостоверений или трудоустройства.

Справочно: в Российской Федерации определены некоторые категории профессий, занятие которыми лицам, допускающим немедицинское потребление наркотических средств или психотропных веществ, запрещено. К примеру: частным детективам и охранникам; авиационному персоналу; военнослужащим; лицам, проходящим военную службу по контракту; лицам, поступающим на работу, если работа связана с деятельностью, к осуществлению которой не допускаются наркопотребители; лицам, принимаемым на работу, непосредственно связанную с движением поездов и маневровой работой; сотрудникам органов внутренних дел РФ; лицам, получающим лицензию на приобретение оружия.

Помимо изложенного единая система учета наркопотребителей позволит более качественно отслеживать исполнение наркопотребителями обязанности, возложенной судьями при назначении административного наказания за совершение административных правонарушений в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах, в порядке ч. 2.1. ст. 4.1. КоАП РФ.

Полагается, что в целях развития административно-правовых мер, направленных на противодействие незаконному потреблению наркотических средств, психотропных веществ, необходимо расширять сравнительно-правовые исследования в целях адаптации положительного зарубежного опыта в российских условиях.

Шлегель П.О.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

**МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

В условиях современной правовой реальности, отличающейся наличием массива явлений, характеризующих состояние действительности, неподдельный интерес вызывают изменения, связанные с восприятием таких значимых социально-правовых конструкций, как правопорядок. Противоречивые тенденции, представленные, с одной стороны, ростом преступности, появлением радикальных настроений, а с другой – повышением интереса к возможностям формирования и совершенствования правосознания, стремлением к преодолению правового нигилизма, позволяют обратить внимание на существующие недостатки в современной идеологической и правовой сферах государства и общества. В данной статье пойдет речь о состоянии механизма обеспечения правопорядка в условиях трансформации правосознания.

Видится логичным начать с общих закономерностей, которые так или иначе отражаются на правопорядке. Речь идет о состоянии общей культуры, которая сейчас не отличается высоким уровнем, что проявляется в разрозненности ценностей, отсутствии систематизированности идей и представлений, нетерпимости к новым направлениям творчества, а также в религиозном индифферентизме. Ни в одной из перечисленных сфер не сформирован тот идеал, ориентируясь на который стало бы возможно нравственное совершенствование человека и общества. Такая же проблема касается и правовой сферы. Право на данном этапе развития государства и общества стремится к автономии от духовно-нравственных основ культуры. В настоящее время правосознание человека явно связано с его поведением, законопослушностью, но не с его осознанным духовным состоянием, направленным на восприятие права в качестве ценности культуры¹.

Отсутствие твердой базы, философской и нравственной, которые являются первичными по отношению к праву, представляется опасным фактором для регулирования общественных отношений, сводящей право к совокупности установленных норм (юридический позитивизм). Право должно воспроизводиться сообразно культуре, а не только желанию законодателя, стремящегося урегулировать все стороны жизни правовыми нормами. Чрезмерная юридизация правоотношений ведет к бессознательному, неосмысленному поведению, проявляющемуся либо в нарушении, либо в соблюдении правовых норм. Однако их соблюдение еще не говорит о глубоко сформированной системе правовых представлений человека и в любой момент может обернуться правонарушением. Цель государства состоит в преодолении низкого уровня правовой культуры населения и усвоении идеи справедливости, лежащей в основе правопорядка. Все это свидетельствует о происходящей трансформации правосознания в условиях меняющейся реальности, влекущей за собой изменение восприятия сущности правопорядка и оказывающей особое влияние на механизм его обеспечения. О состоянии действующего правопорядка, а также об эффективности механизма его обеспечения мы можем судить по тем моделям правового поведения, которые актуальны и на сегодняшний день закрепились в индивидуальном и общественном правосознании. Чем выше уровень правосознания, тем больше он способен оказывать регулирующее воздействие в рамках правопорядка, стимулируя или ограничивая поведение, соответствующее той или иной ситуации.

Итак, трансформация правосознания выражена в утрате действенных идейных основ и стратегичности, что, в свою очередь, влечет переоценку самого восприятия правопорядка, а также глубокие изменения

¹ Семенюк Е.Ю. Проблемы формирования правосознания в России: аксиологический аспект // Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону : материалы XII региональной научно-технической конференции. Т. 2. Общественные науки. Ставрополь: СевКавГТУ, 2008. С. 15.

в действии механизма его обеспечения. В этих условиях важно уделить внимание влиянию идеологического компонента в контексте рассмотрения механизма обеспечения правопорядка.

Механизм обеспечения правопорядка представляет собой важнейший инструмент охраны, защиты и восстановления общественных отношений, упорядоченных посредством правовых способов и средств, сосредотачивающий в себе уполномоченных на то государством субъекты, и базирующийся на идейно-ценностных установках, представленных в виде правовой идеологии. Такие ценностные установки не являются абсолютными, наоборот, приведению разных ценностей к динамическому равновесию предшествует необходимая процедура их обсуждения. Будучи системообразующим элементом всего механизма, значение правовой идеологии заключается в том, что она оказывает влияние на остальные структурные элементы, поскольку сама представляет собой активно-деятельностный механизм по преобразованию социальной реальности¹. Больше всего это прослеживается на примере субъектов механизма обеспечения правопорядка.

К субъектам механизма обеспечения правопорядка в рамках нашего исследования мы можем отнести органы государственной власти, органы местного самоуправления, негосударственные объединения, наделенные правом, в том числе по охране общественного порядка, по охране прав и свобод граждан и правом предоставления иных услуг в сфере правопорядка. При этом среди негосударственных объединений стоит отметить активное участие представителей гражданского общества (например, народные дружины). В рамках механизма обеспечения правопорядка субъекты, помимо всего прочего, отличаются между собой типом правосознания. При этом значительную (если не большую) часть из них составляют субъекты с преобладанием профессионального правосознания, смыслообразующей идеей которого

является порядок, а основным принципом – ответственность. В связи с этим прослеживается влияние идеологии на обеспечение правопорядка через правосознание, поскольку именно она оказывает доминирующее воздействие на профессиональное правосознание². Ценности и установки субъектов механизма обеспечения правопорядка по поводу права способны определять содержание и эффективность проводимой деятельности. Соответственно, правовая идеология способна существенным образом влиять на формирование профессионального правосознания субъектов механизма обеспечения правопорядка, предоставляя возможность принятия адекватных решений и выбора алгоритма поведения на основе идейно-ценностных установок. Таким образом, взаимосвязь идеологического компонента с субъектным можно определить как функцию правовой идеологии по формированию правосознания в механизме обеспечения правопорядка.

Главная опасность заключается в неизбежной деформации правосознания, которая рано или поздно в случае отсутствия актуализации ценностных установок поджидает субъектов механизма обеспечения правопорядка. Стоит отметить, что содержание самой правовой идеологии формируется доктринальным правосознанием, однако в настоящее время наблюдается тенденция обособления профессионального правосознания от доктринального. Соответственно, утрата их связи влечет прямое нарушение полноценного процесса наполнения первого ценностными установками. Таким образом, мы получаем в правоохранительной сфере «неоправданную с практической точки зрения, детальную регламентацию и избыточный надзор», в правосудной сфере (которая осуществляется по большей части в форме восстановления правопорядка) – в «утрате...независимости правосудия»³, тогда как четко сформированная и обозначенная внедренная правовая идеология способна стать ценностной базой для названных сфер.

¹ Раков К.А. Современный правопорядок: формальные и содержательные основания : монография. М.: Проспект, 2023. С. 71.

² Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. С. 260.

³ Там же. С. 255.

Идеологическая функция государства нуждается в возобновлении, но прежде всего понятие идеологии требует развенчания таких негативных смысловых характеристик, как стремление к манипулированию общественным сознанием, насаждение деструктивных идей и ценностей, выгодных только власти.

Отказ от системы идей и ценностей, на которых базируется жизнь общества, не только не полезен для российского общества, но в условиях современных реалий также может обернуться разобщенностью народа вместо того, чтобы найти глубинный отклик в общественном сознании и объединить нацию. Забегая вперед, скажем, что ст. 13 Конституции Российской Федерации, в которой провозглашено идеологическое многообразие, а также, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, не означает курс на полное освобождение России от идеологии, но подчеркивает отказ от обязательного, насильственного насаждения идеологии, и даже наоборот, в этих положениях закреплено, что ценности и представления имеют важное значение для нашего общества.

Итак, для эффективности действия механизма его обеспечения огромное значение имеет идеологический компонент, представленный идеями и ценностями, наполняющими правовую идеологию. В связи с тем,

что особая роль в рассматриваемом механизме отводится субъектам, по большей мере, из правоохранительной и судебной сферы, особенно остро стоит проблема трансформации их правосознания – отсутствие четко сформулированных целей и задач, идеологических ориентиров подрывает государственную стабильность по обеспечению правопорядка. Правовая идеология способна преодолеть подрыв духовных и морально-нравственных ценностей, разрушение правовых взглядов и убеждений, а также нацелить на поиск общенациональной идеи, которая ляжет в основу построения и укрепления правового государства. Кроме этого, понимание определяющей роли права и законности, ориентация на правовую идеологию будут способствовать повышению уровня профессионального и массово-обыденного правосознания, что, несомненно, способно уравновесить всю систему механизма обеспечения правопорядка.

Вопрос формирования правовой идеологии должен обсуждаться в рамках публичного дискурса среди людей с разными правовыми взглядами, с разным мнением о сущности и будущем развитии государства и общества. Дальнейшая же деятельность по поддержанию и внедрению правовой идеологии должна лежать на трансляторах и ретрансляторах в лице государства и гражданского общества.

Галимова А.О.,

кандидат юридических наук

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР И ПРОБАЦИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Резкий рост преступности, в том числе ее рецидивной составляющей, изменение качественных характеристик совершаемых преступлений, имевшие место на рубеже XX-XXI веков и далее, в так называемые «нулевые» годы, обусловили необходимость кардинального реформирования системы противодействия преступлениям и профилактики преступности с целью адекватного реагирования на современные угрозы государству и обществу, включения в нее элементов не только в обновленном формате, но зачастую являющихся новацией для российского права.

В 2011 г. законодателем был реанимирован институт административного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ), достаточно эффективно действовавший в советский период в качестве превентивного института.

Институт административного надзора в обновленном формате в целом был положительно воспринят научным сообществом и активно реализуется на практике.

При обсуждении сущности, правовой природы, целей и задач административного надзора исследователями высказывались

критические замечания относительно отсутствия в институте административного надзора восстановительных элементов (социализации и реабилитации). Соглашаясь в целом с мнением о том, что зачастую лица, в отношении которых применен административный надзор, в первую очередь нуждаются в социальной помощи, поскольку за время пребывания в условиях изоляции от общества они утратили социально полезные связи¹, необходимо отметить, что силами только органов внутренних (которые являются основным субъектом реализации административного надзора) таких целей достичь невозможно, здесь необходим комплексный подход. Эти задачи могут быть решены лишь во взаимодействии государства, органов исполнительной власти и местного самоуправления, общественных организаций и объединений.

Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» дополнил российскую систему мер посткриминального воздействия новым для российского права институтом – пробацией, который вступит в действие с 1 января 2024 г. (отдельные нормы позднее; например, нормы, регламентирующие постпенитенциарную пробацию, – с 1 января 2025 г.).

Говоря о новизне института пробации, не стоит забывать о том, что он имеет социальную и правовую обусловленность. Создание службы пробации предусматривалось еще Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства России от 17 ноября 2008 г. № 1662-р), Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р). В качестве мер по реализации этих концепций обсуждались такие варианты, как создание службы пробации на базе действующих уголовно-исполнительных инспекций; организация ком-

плексной системы пробации с включением в нее органов власти и общественных организаций; формирование самостоятельной федеральной службы, подведомственной Министерству юстиции РФ².

Нашла отражение пробация и в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р). Кроме того, создана нормативная основа социального воздействия в рассматриваемом вопросе – Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Сформирована региональная нормативная база – в ряде субъектов приняты законы о социальной адаптации лиц, освобожденных из мест исполнения наказания (Республика Башкортостан, Архангельская, Кировская, Ленинградская, Омская и Тюменская области), созданы центры социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы – Республика Башкортостан, Забайкальский, Красноярский края, Воронежская, Ульяновская области, г. Санкт-Петербург³.

Законодатель определил институт пробации как совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, в отношении которых назначены иные меры уголовно-правового характера, а также лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, включая их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, защиту прав и законных интересов указанных лиц (ст. 1 Закона о пробации).

Основным субъектом применения рассматриваемых институтов (административного надзора и пробации) является лицо, совершившее запрещенное законом уголовное деяние и понесшее за него наказание. Проведем краткое законодательное сравнение этих институтов.

¹ Миронов М.Г. Меры законодательного противодействия рецидивной преступности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 1. С. 18; Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

² Уткин В.А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5-8.

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 232770-8 «О пробации в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

Целью административного надзора является защита государственных и общественных интересов; задачей – предупреждение совершения лицами, находящимися под надзором, преступлений и других правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия (специальная превенция).

Целями probation являются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, предупреждение совершения ими новых преступлений. Задачами – создание условий для оказания помощи лицам в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи, обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Содержанием административного надзора «выступают конкретные ограничения прав и свобод поднадзорного лица (в виде требований и правил), устанавливаемые в целях профилактического воздействия на это лицо»¹.

Содержанием probation являются различные восстановительные процедуры. Основным инструментом в этой сфере будет являться программа (ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации), которая будет носить исключительно индивидуализированный характер – включать в себя конкретные меры, применяемые к конкретному лицу в зависимости от его личностных характеристик и субъективных обстоятельств.

Административный надзор носит постпенитенциарный характер – применяется к лицу, уже отбывшему наказание за совершенное преступление, и его правовой режим остается неизменным на всем протяжении осуществления этой меры воздействия.

В зависимости от этапов применения probation предусмотрены три ее вида:

– приговорная (исполнительная) probation – меры, применяемые уголовно-испол-

нительными инспекциями при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

– пенитенциарная probation (в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы) – меры, направленные на исправление осужденных, а также на их подготовку к освобождению;

– постпенитенциарная probation – меры, направленные на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

В число субъектов реализации административного надзора входят органы внутренних дел, учреждения исполнения наказаний, уголовно-исполнительные инспекции, суд. Как уже отмечали ранее, ключевым субъектом являются органы внутренних дел.

В число субъектов probation законом включены федеральные органы исполнительной власти (Минюст России, ФСИН России, Минтруд России, Минпросвещения России, Минздрав России, МВД России), органы государственной власти субъектов Российской Федерации, учреждения уголовно-исполнительной системы, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, государственные учреждения и службы занятости населения, организации социального обслуживания. Кроме того, законом предусмотрена возможность привлечения к работе в сфере probation коммерческих и некоммерческих (в том числе религиозных) организаций и общественных объединений, организаций социального обслуживания, образовательных организаций, медицинских учреждений и др.

Координирующим органом в сфере реализации probation выступает ФСИН России, который рассматриваемым законом наделен полномочиями по ведению единого реестра лиц, в отношении которых применяется probation, а также осуществлению статистического учета в сфере probation.

Резюмируя изложенное, отметим, что коренное отличие рассматриваемых инсти-

¹ Подр.: Астахова А.О. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора: проблемы применения и пути решения : монография. Красноярск, 2018. С. 28-29.

тутов состоит в том, что административный надзор носит императивный, принудительный характер, а пробация – диспозитивный, обеспечительный, восстановительный характер. Пробация – дело исключительно добровольное, это не вид наказания и не новая мера уголовно-правового воздействия, а форма поддержки, помощи лицам, попав-

шим в сферу действия уголовно-исполнительной системы.

Несмотря на различия рассматриваемых институтов, их концептуальное назначение одно – снижение рецидивной преступности. Они дополняют друг друга, делая систему мер противодействия преступности более цельной.

Плошкина Я.М.,

кандидат юридических наук
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В ГЕРМАНИИ

В Основном законе ФРГ об организации полиции не упоминается, за исключением п. 6 и 10 ст. 73 Основного закона ФРГ, в соответствии с которыми к сфере исключительной законодательной компетенции Федерации относятся в том числе федеральные железные дороги и воздушное сообщение, а также взаимодействие Федерации и земель по вопросам деятельности уголовной полиции и охраны Конституции, создание Федерального управления уголовной полиции, а также борьба с международной преступностью. Следовательно, вопросы организации полиции отнесены к ведению федеральных земель.

Национальная полиция Германии организована на федеральном и земельном уровне и находится в сфере ответственности федерального МВД и МВД земель.

На сегодняшний день на федеральном уровне к полиции относятся следующие службы: Федеральная полиция, Федеральное управление уголовной полиции и полиция при Бундестаге Германии. При этом Федерация не имеет единой федеральной, действующей во всех землях полиции¹.

Федеральная полиция Германии (BPol) возникла из Федеральной пограничной службы (BGS) в 2005 г. и выполняет задачи, возложенные на нее Федеральным законом о федеральной полиции (BPolG). Эти обязанности включают, помимо прочего, охрану границ (что раньше составляло компетенцию Федеральной пограничной службы), обеспечение безопасности пассажиров на железнодорожном транспорте и охрану

железнодорожных объектов (железнодорожная полиция), защиту от посягательств на безопасность воздушного транспорта, защиту федеральных конституционных органов и федеральных министерств, а также помощь другим федеральным и государственным полицейским органам. Кроме того, она представляет также федеральную полицию по охране общественного порядка.

Федеральное управление уголовной полиции (ВКА) существует с 1951 г. как национальный центр сбора и анализа информации между отдельными федеральными полициями и полициями земель и зарубежными органами, осуществляющими уголовное преследование. Федеральное управление уголовной полиции представляет ФРГ в Интерполе. Данное управление уголовной полиции отвечает за координацию борьбы с преступностью на национальном уровне в тесном сотрудничестве с государственными органами уголовной полиции. В рамках этого у Федерального управления уголовной полиции имеются в распоряжении специализированные централизованные криминалистические учреждения и организации, проводящие различные виды экспертиз. Федеральное управление уголовной полиции занимается специальными расследованиями, деятельностью и задачами, представляющими общенациональный интерес, например по делам о крупной организованной преступности или незаконном обороте наркотических и психотропных веществ. Кроме того, Федеральное управление уго-

¹ Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М. 2001. С. 217, 249-268.

ловной полиции может проводить расследования, если генеральный прокурор Германии получит соответствующее распоряжение в Верховном Суде ФРГ, инициируемое Федеральным МВД или МВД соответствующей земли. Помимо этого, Федеральное управление уголовной полиции защищает должностных лиц федеральных высших органов государственной власти, предусмотренных в Основном законе ФРГ, а также свидетелей на федеральном уровне. Правовая основа деятельности Федерального управления уголовной полиции – ст. 73 Основного закона ФРГ и Федерального закона о криминальной полиции.

Полиция при Бундестаге Германии отражает принцип разделения властей. Согласно ст. 40 Основного закона ФРГ, Президент ФРГ осуществляет в здании Бундестага полицейские полномочия, без его согласия в помещениях Бундестага не допускается производить обыск и изъятие. Поэтому у Президента ФРГ имеется собственная полиция при Бундестаге, которая ответственна за предотвращение угроз общественной безопасности и правопорядку, а также за судебное преследование за уголовные и административные правонарушения в зданиях Бундестага и на прилегающих к ним территориях. Аналогичная полиция существует при парламентах земель на региональном уровне.

Основную часть полицейских функций (по содержанию и объему) в Германии выполняет полиция земель. Ни одно учреждение не приближено и не присутствует так повсеместно, незаметно и непосредственно в жизни большинства людей в Германии, как полиция, полномочия которой обширны и многообразны, особенно на уровне земель¹, поскольку, исходя из ст. 30, организация и деятельность полиции за небольшим исключением относится к ведению земель. Организационно полиция земель находится в подчинении министерств внутренних дел соответствующих земель. В каждой федеральной земле приняты свои законы об организации и задачах полиции, которые разработаны по одному образцу, что не исключает каких-либо особенностей.

В качестве примера рассмотрим устройство и задачи полиции в земле Бавария.

Основная сфера деятельности полиции – осуществление превенции: обеспечение общественной безопасности и порядка. К задачам полиции относится предотвращение опасности в сфере внутренней безопасности, то есть предотвращение или пресечение любых противоправных действий любого рода. В рамках мониторинга дорожного движения полиция координирует транспортные потоки и помогает с оказанием экстренной помощи. Кроме того, полиция в тесном сотрудничестве с органами власти обеспечивает профилактику преступности с целью заблаговременного выявления и предотвращения возможных уголовно наказуемых деяний.

На полицию также возложено осуществление репрессии: она занимается расследованием административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний, а также выявляет виновных. В германском уголовном процессе она является помощником прокуратуры, поскольку у прокуратуры практически нет собственных органов, проводящих следственные и иные процессуальные действия. Поэтому в немецкой литературе прокуратуру называют иногда «головой без рук». Большую часть работы по проведению следственных и иных процессуальных действий выполняют сотрудники других правоохранительных органов, прежде всего полиции, действующие в качестве следователей прокуратуры по ее поручению (§152 Закона ФРГ о судостроительстве)².

Существуют различные подразделения полиции на уровне земель, объединенных в единую полицейскую службу земли. Согласно Закону об организации полиции в Баварии, на территории данной земли предусмотрены различные подразделения полиции. Государственная полиция Баварии действует на всей территории земли Баварии для выполнения всех задач, возложенных на полицию, за исключением случаев, установленных данным Законом (ст. 4). Частью государственной полиции Баварии является пограничная полиция, в

¹ Offizielles Portal der deutschen Polizei. URL: https://www.polizei.de/Polizei/DE/Information/information_node.html (дата обращения: 24.02.2023).

² Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ / пер. с нем. Я.М. Плошкиной. Красноярск, 2004. С. 83.

обязанности которой входят полицейское наблюдение за границами; полицейский контроль за трансграничным движением, включая проверку документов о пересечении границы и разрешений на пересечение границы, а также предметов и транспортных средств, ввозимых при пересечении границы, пограничный розыск, устранение беспорядков и предотвращение опасностей, возникающих за пределами федеральной территории и в приграничной зоне в пределах 30-километровой пограничной зоны, устранение помех, и предотвращение опасностей, влияющих на безопасность границ (ст. 5). Помимо этого, существует такое специальное полицейское подразделение в Баварии, как ОМОН, которое действует в особых случаях для защиты высших государственных органов и органов власти Баварии, а также жизненно важных объектов и сооружений, для поддержки других подразделений полиции и для оказания помощи при стихийных бедствиях (ст. 6). Для вовлечения ОМОН, в распоряжении которого имеется вертолетная эскадрилья, требуется специальное распоряжение от МВД Баварии (ст. 6). Одним из подразделений полиции Баварии является государственное управление уголовной полиции, которое находится в непосредственном подчинении МВД Баварии. Государственное управление уголовной полиции является одновременно центральным ведомством уголовной полиции в понимании Федерального закона о криминальной полиции (ВКАГ), центральным управлением по обработке данных полиции, включая передачу данных, телекоммуникационным центром для передачи полицейских сообщений, а также центральным органом цифрового радиовещания государственных органов и организаций с функциями безопасности в Баварии (ст. 7). Государственное управление уго-

ловной полиции обязано собирать и оценивать сообщения и документы для предотвращения уголовно наказуемых деяний и судебного преследования полицией; развивать криминалистические методы; консультировать другие подразделения полиции по вопросам предотвращения уголовно наказуемых деяний и судебного преследования со стороны полиции; проводить криминологические исследования, служебные и криминалистические расследования по запросу других подразделений полиции, прокуратуры или по распоряжению МВД Баварии или суда, а также давать экспертные заключения; координировать розыскные мероприятия (ст. 7). Кроме того, Государственное управление уголовной полиции осуществляет уголовное преследование, а также в установленных данным Законом Баварии случаях может возложить предупреждение совершения уголовно наказуемых деяний и преследование на государственную полицию. При этом Государственное управление уголовной полиции находится в отношениях координации с Федеральным управлением уголовной полиции, оказывающим ей организационную, информационную и методическую поддержку.

В некоторых федеральных землях, если это предусмотрено конституциями земель (например, ст. 21 Конституции Баварии), существует полиция при парламентах земель, выполняющая те же полномочия, как полиция при Бундестаге Германии.

Таким образом, полиция в Германии действует как на федеральном, так и на уровне земель, но основная часть работы полиции и ее организация находятся в ведении земель. На уровне Федерации на сегодняшний день не предусмотрено единой федеральной полиции, действующей во всех федеральных землях.

Логинов Е.А.,

доктор юридических наук, профессор
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОНТРАБАНДЕ НАРКОТИКОВ

Перед таможенными органами Российской Федерации стоят задачи не только по защите экономического суверенитета государства, но и по обеспечению безопасности жизни и здоровья населения. Число наркопотребителей в нашей стране ежегодно увеличивается, а наркотические вещества становятся все дешевле и доступнее, растет объем поставляемых из-за границы веществ и крайне быстро расширяется их ассортимент, развивается наркомания. С ее развитием в обществе появляются все новые и новые проблемы. Наркомания как явление влияет на качество жизни не только потребителей наркотиков, но и людей, никак с ними не связанных. Зависимые люди сначала теряют здоровье, семью, работу, становятся асоциальными, а вследствие этого из-за нехватки денег на приобретение наркотика и удовлетворения своей потребности, порой идут на крайние меры и совершают преступления.

С учетом того, что половина изымаемых на территории нашей страны наркотиков имеет иностранное происхождение, разработка стратегии и тактики борьбы с контрабандой наркотиков, а также роль таможенных органов в данной сфере имеет особую актуальность¹.

Контрабанда наркотиков не является локальным явлением, такого рода преступная деятельность затрагивает практически все страны на земном шаре. Наркогруппировки, занимающиеся контрабандой наркотиков, постоянно набирают силу и укрепляют свои позиции. В их распоряжении имеются огромные ресурсы, как материальные, так и информационные с организационными². В связи с тем, что такой род деятельности приносит огромные доходы и тем

самым является крайне привлекательным, количество преступных организаций, осуществляющих деятельность в данном направлении, растет. Способы совершения контрабанды постоянно пополняются, появляются наиболее изощренные методы, что, безусловно, создает определенные трудности для таможенных органов.

Таможенным органам приходится, с одной стороны, проводить работы, связанные с интеграционными процессами, а с другой – направлять весь свой правоохранный потенциал на борьбу с наркотической контрабандой.

По итогам работы за 2022 г. таможенными органами Российской Федерации возбуждено 1847 уголовных дел. Из общего количества уголовных дел по контрабанде: 156 дел возбуждено по ст. 229.1 УК РФ; 704 дела – по ст. 226.1 УК РФ; 55 дел – по ст. 200.2 УК РФ; 103 дела – по ст. 200.1 УК РФ.

По возбужденным таможенными органами уголовным делам из незаконного оборота изъято более 2,1 т наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, более 68,7 кг сильнодействующих веществ³.

Немаловажным фактором успеха деятельности таможенных органов в данной области является налаживание межведомственных и международных связей. Таможенным органам Российской Федерации следует развивать сотрудничество как с местными, так и с зарубежными правоохранными органами и их таможенными службами. Такого рода взаимодействие определенно отразится в направлении сложившейся ситуации в лучшую сторону.

¹ Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р.

² Логинов Е.А. К вопросу о криминалистической характеристике контрабанды наркотиков как информационной базе для правоохранных органов // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 381-386.

³ Информационно-аналитический обзор правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации (данные за 2022 г.) // Архив ФТС России.

Необходимо выделить ряд проблем, с которыми сталкиваются таможенные органы: большая протяженность государственной границы со слабым техническим оснащением в местах пунктов пропуска; слабый уровень межведомственного и международного сотрудничества; высокий уровень коррупции; постоянное появление новых видов психоактивных веществ и т.д.¹

Для решения вышеуказанных проблем предлагаем ряд мероприятий, в частности: создание эффективной системы защиты от контрабандного ввоза наркотиков в местах пропуска через границу путем повышения технической оснащенности оборудования таможенных органов; укрепление пунктов пропуска через границу в местах, часто используемых преступниками на пути перевозки наркотиков; увеличение проведения мероприятий по выявлению преступлений коррупционной направленности; повышение уровня межведомственного и международного сотрудничества таможенных органов, увеличение количества проведения совместных операций, направленных на выявление и пресечение каналов поставки наркотиков; создание единой базы данных для всех уполномоченных в области противодействия контрабанды правоохранительных органов, через которую ведомства будут взаимодействовать путем обмена между собой всей необходимой им информацией; улучшение уровня подготовки, переподготовки и повышения квалификации должностных лиц таможенных органов; разработка и введение поправок в уголовные кодексы государств – членов ЕАЭС или внесение дополнений в договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства, с целью установления на территории ЕАЭС единых мер ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным перемещением наркотических средств через границу.

Основным резервом эффективности правоохранительной деятельности таможенных органов является совершенствование и внедрение новых методов оперативно-розыскной деятельности.

Например, глава 67 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» посвящена оперативно-розыскному мероприятию «контролируемая поставка». Она заключается в том, что ввоз и вывоз товаров в Российскую Федерацию либо их перемещение по территории разных стран осуществляются под контролем органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия контролируемой поставки товаров². Основной задачей такого негласного оперативно-розыскного мероприятия является выявление пути движения наркотических средств и лиц, имеющих к ним отношения, а также получение доказательств совершения преступления.

За 2022 г. Главным управлением по борьбе с контрабандой³ организованы 197 оперативно-розыскных мероприятий «контролируемая поставка», в том числе 8 международных операций. По результатам завершенных оперативно-розыскных мероприятий и международных операций по методу «контролируемая поставка» из незаконного международного оборота изъято 927 кг наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и сильнодействующих веществ⁴.

Актуальна проблема взаимодействия российских таможенных органов с таможенными органами зарубежных стран, в первую очередь СНГ, для решения которой следует активно развивать процедуру заключения двух- и многосторонних соглашений в сфере борьбы с трансграничным преступлением и правонарушениями, основываясь на моделях взаимодействия, доказавших свою эффективность в рамках ЕАЭС.

¹ Подр.: Логинов Е.А. Роль таможенных органов в обеспечении экономической безопасности России // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2016. № 3. С. 27-31.

² См.: ст. 390 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Об утверждении Положения о Главном управлении по борьбе с контрабандой : приказ ФТС России от 23.04.2013 № 797 (ред. от 13.09.2017). Документ опубликован не был.

⁴ Информационно-аналитический обзор правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации (данные за 2022 г.) // Архив ФТС России.

Для оптимизации деятельности по обеспечению экономической безопасности страны, правоохранительных структур в целом и оперативных подразделений таможенных органов в частности необходимо определить и законодательно закрепить границы полномочий в борьбе с контрабандой и другими правонарушениями в сфере внешнеэкономической деятельности Феде-

ральной службы безопасности, органов внутренних дел, Следственного комитета.

Таким образом, для повышения эффективности деятельности по противодействию контрабанде наркотиков таможенным органам требуется решить ряд проблем путем принятия во внимание предложенных рекомендаций. Государство, в свою очередь, обязано в этом всячески содействовать.

Бабин С.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О ПОНЯТИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПОЛИЦИИ В РОССИИ

В соответствии с законодательством Российской Федерации общество может контролировать деятельность полиции. Данный контроль следует считать частью более обширного административно-правового института общественного контроля за деятельностью органов публичной власти, правовые нормы которого содержатся в целом ряде законов и подзаконных актов. Базовым в этой системе нормативных установок является Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Кроме него указанный институт составляют положения Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», постановления Правительства РФ от 2 августа 2005 г. № 481 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных служб и федеральных

агентствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации», Указа Президента РФ от 4 августа 2006 г. № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» и некоторых других нормативных правовых актов.

Возможность осуществления общественного контроля за деятельностью полиции установлена ст. 50 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», из содержания которой следует, что перечисленные в ней институциональные субъекты общественного контроля (Общественная палата РФ, Общественные наблюдательные комиссии и Общественные советы, образуемые при МВД России и его территориальных органах) осуществляют свою деятельность в соответствии со специальными нормативными правовыми актами, устанавливающими их статус, тогда как «свободные» субъекты (граждане Российской Федерации и создаваемые ими общественные объединения), действующие добровольно и инициативно, реализуют свои полномочия в соответствии с Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Вместе с тем, как мы уже отметили, положения указанного закона являются базовыми для всей системы. Содержится в нем и понятие общественного контроля. Под

таковым в ч. 1 ст. 4 закона понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений.

Данная дефиниция часто подвергается критике в научной литературе. О ее несовершенстве говорит, например, известный исследователь института общественного контроля В.В. Гриб¹. О.С. Соколова, И.М. Япрынцев, конкретизируя критику, утверждают, что в рассматриваемом понятии цели общественного контроля, по большому счету, являются его формами, тогда как к целям следует относить обеспечение законности и эффективности деятельности органов власти². Справедливым является и замечание А.И. Авдеевой относительно того, что указанные недостатки легального понятия общественного контроля смещают акцент с сущности этой деятельности на возможные способы ее осуществления³. Соглашаясь с приведенными точками зрения, мы полагаем, что научная проработка понятия общественного контроля отвечает целям его эффективности, прозрачности и законности, в том числе и в отношении деятельности полиции.

Анализ научной литературы показывает, что исследователи в подавляющем большинстве уделяют внимание изучению сущности общественного контроля за деятельностью органов публичной власти в целом. При этом он воспринимается чаще всего как форма, механизм, деятельность и функция. Таким образом, общественный контроль выступает в научных исследованиях как форма участия граждан в осуществлении публичной власти в целях обеспечения законности и эффективности ее деятельности⁴ либо как форма защиты прав и свобод человека и гражданина⁵.

Механизм общественного контроля чаще всего видится исследователям как совокупность правовых принципов и норм, а также специальных органов, действующих с использованием определенных форм, методов и средств в целях обеспечения законности в деятельности публичной власти и реализации гражданами, их общественными объединениями своих прав, свобод и законных интересов⁶.

В литературе содержится большое разнообразие взглядов на общественный контроль за деятельностью органов власти как на деятельность различных субъектов контроля, включая отдельных граждан. При этом довольно распространенными являются утверждения, что ее характер заключается в установлении соответствия функционирования государственных и муниципальных органов нормативно-правовым стандартам, а также интересам общества и корректировании выявленных отклонений⁷.

¹ Гриб В.В. Проблемы и тенденции развития правовых основ об общественном контроле: пять лет спустя // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 2-6.

² Соколова О.С. Правовое регулирование участия граждан в общественном контроле // Административное и муниципальное право. 2015. № 2. С. 133-138; Япрынцев И.М. Общественный контроль в системе гражданских инициатив в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 88-89, 132-133.

³ Авдеева А.И. Правовое регулирование общественного контроля за деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 26.

⁴ Япрынцев И.М. Указ. соч. С. 127.

⁵ Огнева Е.А. Общественный контроль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9.

⁶ Гончаров В.В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации : монография. М.: Акад. труда и соц. отношений, 2019. С. 34-37; Зубарев С.М. Вопросы теории и правового регулирования общественного контроля за деятельностью органов публичной власти Российской Федерации // Вопросы правоведения. 2015. № 3. С. 75-120; Коломытцева О.Н. Контроль общества над государством : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 10.

⁷ Авдеева А.И. Указ. соч. С. 40-41; Забдалова О.С. Развитие общественного контроля в сфере деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9; Зубарев С.М. Понятие и сущность общественного контроля за деятельностью государственных органов // Административное право

В юридических исследованиях встречается мнение ряда авторов, что общественный контроль представляет собой функцию институтов гражданского общества. Как правило, к признакам такого функционального предназначения общественного контроля относят обеспечение эффективного участия граждан в реализации интересов гражданского общества, гарантирование правового ограничения власти, развитие правового государства и демократической политической системы¹. По нашему мнению, подобный подход не выдерживает критики, так как в своей основе содержит политологический, а не юридический аспект этого явления. С юридической точки зрения, как представляется, значимым признаком общественного контроля за деятельностью органов власти является его несомненное отношение к системе государственного управления и поэтому его следует рассматривать как разновидность контрольной функции именно этой системы. В государственном управлении общественный контроль наряду с государственным контролем выполняет функцию обратной связи с системой управляемых объектов для проверки правильности работы органов публичной власти, уточнения целей, задач и корректировки выявляемых отклонений².

Таким образом, проведенный анализ массива научного знания позволяет сделать вывод о том, что конкретными объектами

общественного контроля выступают два аспекта: законность и эффективность деятельности органов публичной власти. При этом с точки зрения общественного контроля законность воспринимается в узком смысле как состояние, при котором деятельность органов власти должна соответствовать правовым предписаниям и, таким образом, производится оценка ее внутриорганизационного качества. Эффективность же, понимаемая авторами по-разному, сводится к оценке внешней стороны деятельности органов власти, которая в своем многообразии должна отвечать как нормативным установкам и критериям, так и требованиям общества. Важно также отметить, что общество заинтересовано оценивать законность и эффективность их деятельности, а также корректировать ее, главным образом, в области соблюдения и защиты прав и свобод человека, гражданина и организаций. Указанное позволяет сформулировать понятие общественного контроля за деятельностью полиции как деятельность специально уполномоченных субъектов гражданского общества и граждан Российской Федерации, осуществляемая на добровольной, инициативной основе и в строгом соответствии с законом путем оценки законности и эффективности деятельности полиции, а также оказания регулирующего воздействия на нее для защиты прав и свобод людей и организаций.

Хутиев Р.В.

Нижегородская академия МВД России

КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ ФАКТОРОВ УСТАНОВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В отдельных отраслях законодательства Российской Федерации наблюдается серьезный дисбаланс юридической ответственности, а именно в установлении вида и размера наказания за содеянное субъективными факторами. По мнению И.В. Кушнир, дисбаланс юридической ответственности –

это состояние рассогласованности нормативных предписаний, их несоответствия системным принципам формирования института ответственности, неравнозначности и несоразмерности законодательно установленных мер ответственности право-

и процесс. 2011. № 5. С. 5-12; Лапшина А.И. Общественный контроль и иные институты контроля общества за деятельностью органов государственной власти // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (36). С. 144-148.

¹ Старчикова В.В. Общественный контроль в правовом государстве (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8.

² Шинкарев А.И. Социальный контроль в системе обеспечения правопорядка органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 11.

нарушениям¹. Одновременно с этим дисбаланс – это нарушение системы правовых предписаний, что, в свою очередь, ведет к снижению эффективности действия всего института юридической ответственности.

Примеры данного явления можно найти в любой отрасли законодательства. Так, в административном законодательстве Российской Федерации передача управления транспортным средством лицу, не имеющему при себе документов на право управление им (ч. 3 ст. 12.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)), влечет наложение административного штрафа в размере 3000 рублей. Лицо не лишено права на управление транспортным средством, не находится в состоянии алкогольного опьянения, не нарушает установленные правила дорожного движения, которые могут повлечь серьезные последствия как для самого водителя, так и для остальных участников движения. В то же время превышение установленной скорости до 60 километров в час (ч. 3 ст. 12.9 КоАП РФ), управление транспортным средством с заведомо неисправными тормозной системой, рулевым управлением (ч. 2 ст. 12.5 КоАП РФ), проезд на запрещающий сигнал светофора (ч. 1 ст. 12.12 КоАП РФ) наказываются административным штрафом в размере 1500, 500 и 1000 рублей соответственно.

Уголовное законодательство не является исключением, здесь также наблюдается несоразмерность размера и вида наказания за отдельные деяния, необоснованная объемом вреда, причиненного общественным отношениям. Как гласит Конституция РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, поэтому посягательство на жизнь людей – одно из строго наказываемых преступлений, предусмотренных УК РФ. Именно поэтому преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ, наказываются пожизненным лишением свободы либо смертной казнью. В то же время ведение агрессивной войны (ч. 2 ст. 353 УК РФ) предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 20 лет. Объективная

сторона данного деяния включает в себя убийство множества людей, в том числе путем массовых бомбардировок городов, последствия которых не просто сравнимы с квалифицированными видами убийства, они намного опаснее.

Еще одним проявлением дисбаланса юридической ответственности является превалирующее использование конкретного вида наказаний за преступление. На сегодняшний день в УК РФ содержится 13 видов наказаний, одно из которых – лишение специального воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград – может являться только дополнительным. По итогам 2021 г. были осуждены 565317 человек², из которых 156776 приговорены к лишению свободы, 158182 – к условному осуждению, 19976 – к ограничению свободы, 68774 – к штрафу, 47679 – к исправительным работам, 91469 – к обязательным работам. Из приведенной статистики следует, что превалирующим большинством наказаний, избранных судом, является лишение свободы (без учета условного осуждения).

Рассмотренные выше примеры ставят закономерный вопрос – чем руководствуется законодатель при установлении размера и вида наказания? Законотворцу необходимо иметь ориентир, который позволит из всего многообразия юридических средств выбрать наиболее эффективное и в то же время отвечающее критерию справедливости. Законодатель при установлении юридической ответственности должен опираться на определенные принципы и правила, которые устанавливаются в законодательстве и направлены на обеспечение справедливости, общественной безопасности и защиту прав и свобод граждан. Основными ориентирами законодателя при установлении юридической ответственности являются:

1) принцип законности – юридическая ответственность может быть возложена только в случаях и порядке, предусмотренных законом;

¹ Кушнир И.В. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 10 с.

² Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>.

2) соответствие меры ответственности совершенному деянию (пропорциональность) – мера ответственности должна быть определена с учетом тяжести совершенного деяния;

3) недопустимость двойного наказания – лицо не может быть дважды наказано за одно и то же деяние;

4) защита интересов общества – основной целью юридической ответственности является защита общества от правонарушений;

5) недопустимость дискриминации – юридическая ответственность должна устанавливаться без какой-либо дискриминации на основе пола, возраста, национальности, религии или иного признака.

Без внимания нельзя оставлять и факторы, влияющие на законодателя при конструировании санкции статей. Согласно толковому словарю Ушакова, фактор (от лат. factor – делатель, творец чего-н.) – движущая сила, причина какого-н. процесса, обуславливающая его или определяющая его характер¹. Исследуемые факторы представляют собой обстоятельства и условия, влияющие на установление конкретной меры юридической ответственности за правонарушение. Придерживаясь классического подхода, все факторы разделим на объективные и субъективные. Объективные состоят из четырех больших групп: социальные, политические, экономические и идеологические. Субъективные факторы включают в себя интересы, потребности участников уголовной политики и правоотношений, их личностные качества, психические свойства, уровень правовой культуры законодателя, его профессионализм, знание научных принципов нормотворчества, правовую грамотность.

Для оценки влияния конкретного фактора необходимо выделить систему критериев, позволяющих, во-первых, выявить их значение для законодателя, а во-вторых, определить его «географию», распространение на определенные отрасли российского законодательства.

1. Уровень изменения правовой действительности в связи с предполагаемым воздействием фактора. Для определения данного критерия необходимо проанализировать отдельные виды наказаний, принятых под влиянием факторов. Следует рассмотреть эффективность мер юридической ответственности под призмой ее цели. Основной целью наказания должна быть признана цель предупреждения новых правонарушений, как самим правонарушителем², так и другими лицами. Показателем в данном случае будет являться динамика сокращения и увеличения количества совершаемых правонарушений. Переходя на язык точных наук, следует выявить его коэффициент полезного действия.

2. Значение фактора при регулировании конкретных правоотношений. При таком исследовании возможна дифференциация факторов на две подгруппы: общие факторы, влияющие на юридическую ответственность во всей системе законодательства, и специальные факторы, влияющие только на одну или несколько отраслей законодательства.

3. Неизменность действия фактора во времени и сохранение тенденций по изменению института юридической ответственности. Чем дольше фактор действует на всю систему наказаний без коренного изменения динамики их эффективности, тем весомей он является в процессе составления санкции нормы.

4. Интенсивность (постоянность, периодичность или однократность) воздействия фактора на систему юридической ответственности. Данный критерий позволит оценить возможность использования фактора при установлении наказания в конкретный период времени.

В соответствии с вышесказанным одним из явлений современной правовой действительности является дисбаланс юридической ответственности. В связи с его негативным эффектом в регулировании общественных отношений появляется необходимость научного изучения ориентиров законода-

¹ Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=81998>.

² Толстик В.А. Цели и принципы юридической ответственности (наказания): проблемы согласования // Права человека и подготовка специалистов для правоохранительных органов в контексте реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства: отечественный и зарубежный опыт: материалы международной научно-практической конференции. Владимир: Владимирский юридический институт ФСИН, 2013. С. 317-326.

теля при установлении вида и размера наказания, а также влияния на данный процесс различных субъективных и объективных факторов. Выделение критериев оценки позволит разобраться в степени влияния

различных факторов на процесс создания санкции статьи, выступит своеобразным маркером, на который следует опираться нормотворцу в своей деятельности.

Моляров Е.А.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Куцкель М.В.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ
ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ПРИЗНАКОВ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ, СОВЕРШЕННОГО
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Сложившаяся наркоситуация в России оказывает негативное воздействие на экономическую и социальную стабильность, наносит значительный ущерб безопасности государства, вызывает недовольство общественности и является серьезной проблемой для российского общества. Органы внутренних дел, являясь самой многочисленной и многофункциональной правоохранительной структурой, становятся главным барьером между гражданами государства и наркопреступностью. Немаловажное место в противодействии наркоугрозе занимает служба участковых уполномоченных полиции.

Исходя из общих прав и обязанностей полиции, а также в соответствии с Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке участковый уполномоченный полиции в пределах своей компетенции обязан владеть информацией об административной деликтности и преступности на закрепленном административном участке, в том числе: о возможных местах хранения и осуществления противоправной деятельности в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее – НСиПВ); о лицах, употребляющих НСиПВ без назначения врача, а также о

лицах, незаконно приобретающих, хранящих, перевозящих, изготавливающих, перерабатывающих и сбывающих НСиПВ, в целях осуществления индивидуальной профилактической работы с данными лицами. Помимо этого, участковый уполномоченный обязан принимать меры по пресечению деятельности указанных выше лиц, в том числе информировать о них заинтересованные подразделения полиции, что отражается как в сведениях об обстановке на обслуживаемой территории, так и в паспорте административного участка¹.

Проведенное интервьюирование и анализ правоприменительной практики участковых уполномоченных полиции показывают, что сегодня должностные лица представленной службы сталкиваются со значительными затруднениями по документированию незаконного оборота НСиПВ при непосредственном выявлении данных противоправных деяний. Такие затруднения связаны в том числе с активным применением правонарушителями в процессе незаконного оборота НСиПВ информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети Интернет.

В связи с вышеизложенным нами предпринята попытка разработать и изложить в настоящей статье некоторые практические

¹ См.: О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России 29.03.2019 № 205 // СПС «КонсультантПлюс».

рекомендации для участковых уполномоченных полиции при обнаружении признаков незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Разнообразие форм несения службы участковыми уполномоченными полиции позволяет говорить о наличии множества ситуаций оперативно-служебной деятельности, при которых данным сотрудником полиции могут быть выявлены признаки незаконного сбыта НСиПВ. Одной из таких форм может являться обход административного участка, осуществляемый участковым уполномоченным повседневно в целях получения значимой информации и проведения профилактической работы с лицами, прямо указанными в Инструкции. Не исключается, что в рамках указанной деятельности участковым может быть выявлено лицо, осуществляющее незаконную деятельность по оборудованию тайниковых закладок с наркотическими средствами на территории административного участка.

Незаконный сбыт наркотиков квалифицируется по ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Принимая во внимание обособленность деятельности по расследованию преступлений и производству по делам об административных правонарушениях¹, можно отметить, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ при документировании незаконного сбыта НСиПВ неприменим. При выявлении и документировании признаков вышеуказанного преступления участковый уполномоченный должен прежде всего руководствоваться положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, Федерального закона от 7 февраля 2011 г. «О полиции», приказа МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных

полиции»² и другими нормативными правовыми актами.

При этом следует помнить, что в деянии лица, осуществляющего противоправную деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков, могут иметь место как преступления, так и смежные с ними административные правонарушения (ст. 228 УК РФ / ст. 6.8 КоАП РФ). Ввиду этого следует согласиться с Э.В. Рожковой³ в том, что первоочередное значение имеет документирование преступления, а при его отсутствии по результатам проверочных действий (экспертизы, предварительного исследования, установление цели противоправной деятельности) – сбор информации об административном правонарушении.

Рассмотрим алгоритм действий участкового уполномоченного полиции, обнаружившего лицо, которое осуществляет оборудование тайниковых закладок НСиПВ в общественном месте, более подробно.

1. О выявленном происшествии участковый немедленно сообщает оперативному дежурному органа внутренних дел, после чего действует согласно его указаниям. Одним из вероятных указаний оперативного дежурного органа внутренних дел может быть выполнение охраны места происшествия до прибытия следственно-оперативной группы (п. 2 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции»). В таком случае участковым уполномоченным полиции не выполняются следственные действия и иные процессуальные действия, направленные на сбор доказательств преступления.

Акцентируем внимание на ситуации, при которой отсутствует возможность прибытия на место происшествия следственно-оперативной группы территориального органа МВД России на районном уровне и возложение на участкового уполномоченного полиции задачи по проведению неотложных следственных и иных процессуальных действий, направленных на сбор необходимых доказательств преступления на месте происшествия.

¹ Цуканов Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел : монография / науч. ред. Ю.П. Соловей. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2012. С. 20.

² О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России 29.03.2019 № 205 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Рожкова Э.В. Административная ответственность за правонарушения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 146.

2. Находясь на месте происшествия, участковый уполномоченный полиции выполняет действия, направленные на пресечение преступления. Такие действия могут выражаться в требовании прекращения противоправных действий в соответствии с п. 1 ч. 1. ст. 13 Федерального закона «О полиции» либо пресечении противоправного деяния с использованием мер непосредственного принуждения (ст. 18-24 Федерального закона «О полиции»).

В процессе пресечения преступления важной задачей для участкового уполномоченного является обеспечение сохранения следов преступления, к которым в первую очередь относятся: предмет преступления – НСиПВ (как уже заложенное, так и находящиеся при закладчике); средство преступления – мобильный телефон или иное компьютерное устройство, обеспечивающее связь между участниками незаконного оборота НСиПВ.

При планировании действий участковый уполномоченный полиции должен брать во внимание следующие возможные поведенческие реакции правонарушителя при приближении к нему сотрудника полиции: 1) попытка скрыться с места преступления; 2) сброс преступником находящегося при нем предмета преступления – НСиПВ; 3) повреждение преступником находящегося в его пользовании средства преступления – мобильного телефона или иного компьютерного устройства либо осуществление попытки сброса настроек мобильного устройства до заводских (может выполняться путем нажатия заранее установленных «быстрых клавиш») с целью удаления с устройства компрометирующих файлов. Перечисленные действия могут быть выполнены в считанные секунды. Возможность совершения подобных действий должна быть блокирована участковым уполномоченным полиции. При первом же контакте с правонарушителем рекомендуется исключить имеющуюся у него возможность использовать мобильный телефон или иное компьютерное устройство с последующим включением «режима полета» для исключения удаленного управления устройством.

При изъятии мобильного телефона следует помнить, что в настоящее время существует множество программ, позволяющих

скрыть данные. В числе указанных можно выделить Private Space, являющуюся стандартным программным обеспечением для большинства современных устройств. Разблокирование мобильного устройства «вторым паролем» или другим, отличным от стандартного, отпечатком пальца позволяют лицам, совершающим противоправные деяния, скрыть всю информацию от сотрудников полиции, тем самым противодействуя сбору доказательственной информации.

Предмет преступления участковым уполномоченным может быть изъят в соответствии с п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» в рамках личного досмотра, проводимого в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях. В случае если предмет преступления был сброшен преступником, то он изымается в рамках осмотра места происшествия, производимого в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. При этом для документирования факта сброса НСиПВ опрашиваются очевидцы и правонарушитель, а участковым уполномоченным полиции составляется соответствующий рапорт.

Для обеспечения уголовного судопроизводства, руководствуясь п. 7 ч. 1. ст. 13 ФЗ «О полиции», участковый уполномоченный полиции требует от лица, совершающего преступление, оставаться на месте происшествия до прибытия следственно-оперативной группы для выяснения обстоятельств произошедшего. Вышеуказанное требование может также предъявляться и находящимся на месте происшествия гражданам, которые являлись очевидцами совершенного преступления.

В случае если правонарушитель предпринимает попытку скрыться с места преступления, игнорируя законное требование участкового уполномоченного полиции оставаться на месте происшествия, то к нему могут быть применены физическая сила и специальные средства для преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции и пресечения сопротивления, оказываемого сотруднику полиции на основаниях и в порядке, установленном ФЗ «О полиции». При этом указанные действия правонарушителя следует

квалифицировать по ст. 19.3 КоАП РФ, а в отдельных случаях и по статьям УК РФ.

Находясь на месте происшествия, при необходимости участковый уполномоченный полиции вправе требовать покинуть место совершения преступления граждан или групп граждан, не причастных к совершению правонарушения, если это необходимо для дальнейшего проведения следственных действий, документирования обстоятельств совершения преступления, для сохранения следов преступления.

На месте происшествия участковый уполномоченный полиции выясняет обстоятельства совершения преступления (место, время, способ совершения преступления, установочные данные преступника и другие обстоятельства преступления), выясняет состояние правонарушителя, устанавливает данные заявителя, возможных очевидцев. Отдельное внимание в рамках сбора необходимого доказательственного материала следует уделять установлению цели совершения противоправных действий, а также наличию иных составов преступлений и административных правонарушений.

В ходе производства осмотра места происшествия выполняются действия, направленные на:

- обнаружение закладки с НСиПВ, а также фиксацию места ее расположения и изъятие;
- обнаружение, фиксацию и изъятие других следов, обнаруженных на месте происшествия (например, следов рук, ног, транспортных средств);
- изучение и фиксацию обстановки в целом для выявления иных обстоятельств преступления, имеющих значение для уголовного дела (путей подхода и отхода, длительности нахождения на определенном месте и т.д.).

Особое внимание на рабочем этапе осмотра места происшествия по преступлениям рассматриваемой категории должно быть уделено выявлению следов рук. Они могут принадлежать как закладчику, так и курьеру. Следы рук могут быть выявлены на упаковке наркотического вещества

(фольгированной бумаге, отрезках полиэтилена и т.д.), а также на объектах, в которые данные свертки (брикеты, пакеты) помещены, – пачках из-под сигарет, спичечных коробках и т.д.¹ Для выполнения этих действий целесообразно привлечение к осмотру места происшествия соответствующего специалиста.

Как было указано ранее, в случае если преступником был осуществлен сброс находящихся при нем НСиПВ и (или) мобильного телефона или иного компьютерного устройства, то данные предметы изымаются в рамках производимого осмотра места происшествия. При изъятии в ходе осмотра места происшествия предмета преступления либо средства преступления целесообразно в протоколе следственного действия указывать замечания, сделанные участвующим в процессуальном действии правонарушителем (например, обнаруженное в ходе осмотра места происшествия вещество принадлежит мне, это вещество является наркотиком – героином, я его бросил на землю, когда увидел сотрудника полиции, так как испугался).

После проведения комплекса неотложных процессуальных действий на месте происшествия участковый уполномоченный полиции доставляет правонарушителя в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции в целях решения вопроса о задержании гражданина в соответствии с п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции».

В качестве вывода отметим, что участковый уполномоченный при обнаружении признаков незаконного сбыта НСиПВ, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также при отсутствии возможности оперативного прибытия следственно-оперативной группы может выполнять роль дознавателя и осуществлять производство неотложных следственных действий, направленных на обнаружение и фиксацию следов преступления, а также доказательств, требующих немедленного закрепления, изъятия и исследования.

¹ Земцова С.И. Некоторые вопросы технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия по преступлениям, связанным со сбытом наркотических средств, передача которых происходит бесконтактным способом // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2014. № 1(14). С 156-165.

Будникова А.Б.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СОСТАВОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 6.9, ЧАСТЯМИ 2, 3 СТАТЬИ 20.20
И ЧАСТЬЮ 3 СТАТЬИ 12.27 КОАП РФ**

В настоящее время проблема наркомании по-прежнему является одной из острых социальных проблем. По данным социологических исследований, в настоящее время в Российской Федерации число лиц, потребляющих наркотики, составляет 1,9 млн человек¹, при этом в 2021 г. от причин, связанных с потреблением наркотиков, умерло более 10 тысяч человек, что на 37% больше по сравнению с 2020 г.²

Административная ответственность за незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ (далее – НПСИПВ) выступает в качестве одного из ключевых средств противодействия распространению наркомании³.

Административная ответственность за нарушение запрета употреблять наркотические средства и психотропные вещества установлена не только в ст. 6.9, чч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ, но и в ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, в связи с чем возникает вопрос о соотношении составов указанных административных правонарушений.

Анализ состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, позволяет выделить следующие характерные особенности (признаки):

– специальный субъект административного правонарушения – водитель транспортного средства, являвшийся участником дорожно-транспортного происшествия, либо водитель, транспортное средство которого было остановлено сотрудником полиции;

– конкретный временной промежуток, в течение которого может быть совершено административное правонарушение – после дорожно-транспортного происшествия или после остановки транспортного средства, но до проведения уполномоченным должностным лицом освидетельствования в целях установления состояния опьянения либо до принятия решения об освобождении от проведения такого освидетельствования;

– объективная сторона правонарушения состоит в невыполнении водителем транспортного средства требований ПДД РФ о запрещении употреблять алкогольные напитки, наркотические средства и психотропные вещества⁴ при указанных выше обстоятельствах.

На первый взгляд, можно сделать вывод о том, что ст. 6.9 КоАП РФ и ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ соотносятся как общая и специальная правовые нормы и при наличии характерных признаков деяние лица следует квалифицировать именно по ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ.

Однако детальное изучение административной ответственности за указанные составы правонарушений позволяет выявить следующие несоответствия:

1) несоотносимые между собой виды наказаний, установленные за противоправные деяния. По ст. 6.9, чч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ предусмотрены административный штраф в размере от 4000 до 5000 рублей либо административный арест на срок до 15 суток, а для иностранных граждан и лиц без гражданства также администра-

¹ Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : утверждена Указом Президента Российской Федерации от 23.11.2020 № 733 // СПС «КонсультантПлюс».

² В России смертность от наркотиков выросла на 37% в 2021 году. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5457589> (дата обращения: 31.01.2023).

³ Цуканов Н.Н. Статья 6.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях как средство противодействия незаконному наркопотреблению // Вестник Омской юридической академии. 2017. Том 14. № 4. С. 102.

⁴ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 // СПС «КонсультантПлюс».

тивное выдворение. За совершение правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, установлен административный штраф в размере 30000 рублей с лишением права управления транспортными средствами от 1,5 до 2 лет, наказания в виде административного ареста и административного выдворения не предусмотрены;

2) недопустимость применения к лицам, совершившим административное правонарушение, предусмотренное ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, освобождения от административной ответственности в случае добровольного их обращения в медицинскую организацию для прохождения лечения от наркотической зависимости, что прямо следует из примечания к ст. 6.9 КоАП РФ;

3) наличие разных по своему характеру и содержанию дополнительных неблагоприятных последствий, влекущих изменение социально-правового режима жизнедеятельности лица¹. Так, например, лицо, привлеченное к административной ответственности по ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ за употребление наркотических средств или психотропных веществ после дорожно-транспортного происшествия, в течение года со дня окончания исполнения наказания не может являться водителем автобуса при осуществлении организованных перевозок групп детей². При этом лицо может осуществлять деятельность частного охранника или частного детектива, выполнять работу, связанную с обеспечением транспортной безопасности, поскольку в справке, предоставляемой лицом в соответствии со ст. 65 ТК РФ, отражаются только данные о

привлечении к административной ответственности по ст. 6.9, чч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ³.

Следует обратить особое внимание и на целевое предназначение рассматриваемых норм об ответственности. Целью ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ является привлечение к ответственности водителей, которые пытаются скрыть факт управления транспортными средствами в состоянии опьянения, употребляя запрещенные ПДД РФ вещества после дорожно-транспортного происшествия или после остановки транспортного средства сотрудником полиции. Статья 6.9, чч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ призваны не только противодействовать распространению наркомании, но и стимулировать лиц, потребляющих наркотики, к добровольному обращению в медицинские организации для лечения от наркотической зависимости.

На основании изложенного полагаем, что ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ не является специальной нормой по отношению к ст. 6.9 КоАП РФ, а выступает самостоятельным составом административного правонарушения, устанавливая ответственность для водителей транспортных средств за нарушение запрета, предусмотренного п. 2.7 ПДД РФ. Таким образом, при выявлении фактов незаконного потребления наркотических средств или психотропных веществ лицами, привлеченными к административной ответственности по ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, их действия должны дополнительно квалифицироваться по ст. 6.9 или чч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ.

¹ Будникова А.Б. О понятии и содержании административной ответственности за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 4(94). С. 137.

² Правила организованной перевозки группы детей автобусами : утверждены постановлением Правительства РФ от 23.09.2020 № 1527 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о том, является или не является лицо подвергнутым административному наказанию за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ: утвержден приказом МВД России от 02.11.2020 № 746 // СПС «КонсультантПлюс».

Сидоров Я.С.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**ОБ УТОЧНЕНИИ ПОЛОЖЕНИЙ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПРИМЕНЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ
МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ**

Применение сотрудниками полиции мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, регламентируется большим числом нормативных правовых актов. К числу наиболее важных можно отнести следующие: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции), Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», приказ МВД России от 28 июля 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России», постановление Правительства РФ от 21 октября 2022 г. № 1882 «О порядке освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения» и др.¹.

Однако, несмотря на существующее количество юридических источников, регулирующих рассматриваемые меры, отдельные исследователи высказываются о том, что этого недостаточно. В частности, такого мнения придерживается В.А. Мельников, который заявляет, что действия уполномоченных лиц по применению мер принуждения (в том числе при реализации мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков) должны быть детально регламентированы. В обосно-

вание своей позиции он уверяет, что подобная детализация поспособствует недопущению необоснованного ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина со стороны уполномоченных лиц, а также станет регулятором их действий в тех случаях, когда они испытывают трудности.

При этом стоит отметить, что вышеобозначенный исследователь не выдвигает конкретных предложений по детальной регламентации, в результате чего не представляется возможным оценить степень конкретизации отдельных положений, а также выявить негативные или положительные стороны таких предложений.

Проведенный нами опрос 2237 сотрудников полиции, применяющих меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, из разных субъектов Российской Федерации показал, что у 86% респондентов применение рассматриваемых мер в целом проблем не вызывает. В случаях же возникновения затруднительных ситуаций подобное компенсируется правоприменительной практикой.

Изучение предложений по уточнению отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в случае принятия, на наш взгляд, принесет определенные проблемы. Так, отдельные ученые высказываются о включении в качестве обязательного элемента реализации личного досмотра проведения его в изолированном помещении². Например, Ю.П. Гапон обосновывает такую необходимость тем, что нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность та-

¹ Подр.: Сидоров Я.С. К вопросу о необходимости закрепления легальных определений мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1(46). С. 81.

² См. напр.: Сафонова Л.С. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 17; Гапон Ю.П. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемые должностными органами пограничного контроля пограничных органов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 10; Соколов А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2012. С. 10.

моженных органов, обязывают его сотрудников проводить личный досмотр в изолированном помещении. В результате этого он делает вывод о том, что в целях усиления правовых гарантий досматриваемого данное положение должно быть включено в КоАП РФ, а значит, распространиться на всех должностных лиц, реализующих личный досмотр¹.

Стоит не согласиться с данным мнением, прежде всего, потому что обозначенное предложение не учитывает специфику деятельности других правоохранительных органов. В частности, деятельность сотрудников органов внутренних дел по контролю за оборотом наркотиков часто связана с тем, что досмотровые мероприятия в отношении лица, совершившего правонарушение в сфере незаконного оборота наркотиков, производится на месте выявления, в отдаленных от отдела локациях: в лесополосе, на загородной трассе и т.д. Поэтому целесообразнее сначала провести личный досмотр лица, а уже потом в случае необходимости доставить его в отдел для выяснения всех обстоятельств совершенного правонарушения. По этой причине обязанность по проведению личного досмотра в изолированном помещении если и должна найти свое отражение в деятельности иных правоохранительных органов, то только в качестве рекомендации, следование которой должно быть на усмотрение сотрудника полиции.

Интересным в вопросе детализации положений, регламентирующих применение сотрудниками полиции мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, является ст. 15.1 Закона о полиции, которая была принята для уточнения процедуры вскрытия транспортного средства. Так, в п. 5 ч. 1 указанной статьи написано, что сотрудник полиции имеет право на вскрытие транспортного средства «для применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, если имеются основания полагать, что совершившее

данное правонарушение лицо находится в состоянии опьянения». В результате этого не совсем понятно, могут ли применяться меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в иных случаях, например, когда гражданин подобрал закладку с наркотическим веществом (ст. 6.8 КоАП РФ) и закрылся в автомобиле.

При таком подходе, как указывает п. 6 ч. 1 ст. 15.1 Закона о полиции после вскрытия транспортного средства можно провести лишь его осмотр «...если имеются основания полагать, что в нем находятся без специального разрешения предметы или вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособные». В то же время провести досмотр транспортного средства и личный досмотр гражданина с целью обнаружения наркотических средств не представляется возможным. Связано это с тем, что процедура осмотра не является синонимичной по отношению к досмотру. При осмотре, как утверждает А.В. Жильцов, «...осматриваемый действует добровольно...», то есть сам определяет границы проводимого мероприятия².

В целом, получается такая ситуация, что сотрудники полиции в соответствии с п. 5 и п. 6 ч. 1 ст. 15.1 Закона о полиции имеют право на вскрытие транспортного средства при наличии основания полагать, что в нем находятся наркотические вещества, однако провести досмотр транспортного средства и / или личный досмотр гражданина как меру обеспечения производства по делам об административных правонарушениях с целью обнаружения предмета административного правонарушения возможно лишь при наличии основания полагать, что лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения. В то же время п. 16 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции никаких ограничений на этот счет не содержит и позволяет провести «...личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств, если имеются основания полагать, что эти граждане имеют при себе

¹ Гапон Ю.П. Указ. соч. С. 10.

² Жильцов А.В. Правовая природа, виды и содержание досмотровых мероприятий, реализуемых полицией // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII международной научно-практической конференции. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 47.

наркотические средства...», в результате чего непонятно, каким образом необходимо действовать сотруднику полиции в сложившейся ситуации, когда одно положение закона противоречит другому.

Таким образом, следует констатировать, что отдельные предложения, а также вновь принятые положения закона, с целью детализации применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, в том числе связанных с

незаконным оборотом наркотиков, решая одни проблемы, создают новые. Следует согласиться с авторами, которые утверждают, что детализировать деятельность полиции так, чтобы полностью исключить ее усмотрение, просто невозможно¹. Безусловно, обойтись без трансформации законодательства очень трудно, однако разрабатываемые положения не должны вносить негативные последствия в правоприменительную практику.

Дудина Н.А.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПРОПАГАНДА И НЕЗАКОННАЯ РЕКЛАМА НАРКОТИКОВ

В Российской Федерации запрет на пропаганду и рекламу наркотиков обеспечивается несколькими нормативными правовыми актами. Так, в ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» установлен запрет на пропаганду в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ и в сфере культивирования наркосодержащих растений; ч. 6 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» установлен запрет на распространение информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность; информация, способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, также находится под запретом (п. 2 ч. 2 ст. 5 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»); недопущение рекламы наркотических средств закреплено в ст. 7 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» и др.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях призван обеспечить среди прочих охранительную и

регулятивную функции, устанавливая соответствующие меры ответственности за невыполнение предписаний, содержащихся в вышеперечисленных законах.

Статьей 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность за пропаганду (в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет) и за незаконную рекламу наркотических средств.

Интересным, на наш взгляд, является разграничение понятий «пропаганда» и «незаконная реклама».

КоАП РФ не раскрывает понятие «пропаганда». Вместе с тем Верховным судом Российской Федерации определено, что «под пропагандой наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" следует понимать деятельность, осуществляемую физическими или юридическими лицами в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и направленную на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, местах их приобретения, способах и местах культивирования

¹ Напр.: Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск: ВШМ МВД России, 1993. С. 217; Цуканов Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел : монография / науч. ред. Ю.П. Соловей. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2012. С. 115.

наркосодержащих растений, а также совершение иных действий в целях побуждения интереса у зрителя (читателя) к наркотическим средствам, психотропным веществам и их прекурсорам, способам их употребления и т.д.; формирования представления о факте потребления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров для достижения состояния наркотического опьянения как допустимого, желательного»¹.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» реклама представляет собой информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, которая адресована неопределенному кругу лиц и направлена на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Анализ представленных терминов свидетельствует об их тождественности. Так, например, пропаганда представляет собой деятельность по распространению информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, иные действия в целях побуждения положительного или терпимого отношения, а также интереса у зрителя (читателя) к наркотическим средствам. Отметим, что пропаганда наркотиков может осуществляться как и в материальном мире, при помощи определенных вещей (например, характерные надписи на предметах одежды), так и в сети Интернет. Но и для рекламы схожи отдельные аналогичные черты. И пропаганда, и реклама наркотических средств представляют собой информацию, которая формирует и поддерживает интерес к наркотикам и положительное отношение к ним. Кроме того, законодатель в Федеральном законе «О рекламе» отметил, что информация может быть распространена любым способом и с использованием любых средств, в том числе и в сети Интернет. Растущая тенденция к бесконтактному

сбыту и анализ судебных решений² позволяют утверждать, что, несмотря на законодательный запрет рекламы наркотиков, сегодня мы можем наблюдать рекламу интернет-магазина, позволяющего приобрести наркотические средства. Думается, что сама по себе реклама интернет-магазина может рассматриваться как пропаганда наркотиков. Так, «на канале мессенджера <данные изъяты> выявлено, что М.Д.В. в 10.11 часов на странице пользователя под псевдонимом <данные изъяты> открыто разместила информацию о деятельности интернет-магазина по продаже наркотических средств (в т.ч. информацию о местах приобретения наркотических средств, каналах мессенджера <данные изъяты> чатах, на базе которых бесконтактным способом реализовывался незаконный сбыт наркотических средств)»³. В этой связи было бы логично уточнить на законодательном уровне содержание понятий «пропаганда наркотиков» и «незаконная реклама наркотиков».

Кроме того, не совсем ясна логика законодателя, который ввел административную ответственность за пропаганду наркотиков в сети Интернет, но не включил в объективную сторону состава правонарушения незаконную рекламу в сети Интернет, хотя, как уже было сказано, интернет-площадки сегодня полны ресурсов с рекламой магазинов, осуществляющих торговлю наркотиками.

В связи с этим предлагается дополнить ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ и изложить ее в следующей редакции: «Пропаганда либо незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо новых потенциально опасных психоактивных веществ с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" ...»

¹ Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2021) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022.

² Решения № 2А-160/2022 2А-160/2022(2А-1846/2021);~М-1792/2021 2А-1846/2021 М-1792/2021 от 11.02.2022 по делу № 2А-160/2022, № 2А-1018/2020 2А-1018/2020~М-918/2020 М-918/2020 от 18.11.2020 по делу № 2А-1018/2020; постановление № 5-702/2020 от 06.11.2020 по делу № 5-702/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Lfzh8vm4i0oW/>.

³ Постановление № 5-291/2020 от 30.07.2020 по делу № 5-291/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/>.

Шишкин П.Е.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ЛИЦАМИ, БОЛЬНЫМИ НАРКОМАНИЕЙ, СОВЕРШИВШИМИ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, И УКРЕПЛЕНИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ НАРКОКОНТРОЛЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ

Как уже отмечалось нами ранее, введение в действие в июле 2019 г. Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции обязанностей на обслуживаемом административной участке (далее – Инструкция), утвержденной приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205, привело к возникновению правовых коллизий и сложностей при постановке на профилактический учет лиц, больных наркоманией, совершивших два и более правонарушения, предусмотренных ст. 6.9, 6.9.1, а также чч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ¹.

Указанные обстоятельства иллюстрируются динамикой количественных показателей по указанной категории лиц, состоящих на профилактическом учете в территориальных органах МВД России. Так, согласно сведениям Центра статистической информации ГИАЦ МВД России по состоянию на декабрь 2022 г. на профилактическом учете в ОВД состояло 9093 лиц, больных наркоманией, состоящих на учете в наркологических медицинских организациях и совершивших два и более правонарушения, предусмотренных ст. 6.9, 6.9.1 а также чч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ (-18,8% по отношению к декабрю 2021 г.)², что свидетельствует о тенденции к снижению количества лиц данной категории, в отношении которых участковыми уполномоченными полиции осуществляются меры индивидуальной профилактики правонарушений.

Ранее нами уже отмечалась проблема истребования сотрудниками подразделений по исполнению административного законодательства и участковыми уполномоченными

полиции сведений о постановке на учет в наркологических диспансерах и выставлении диагноза «наркомания», лицам, совершившим два и более правонарушения по обозначенным выше статьям КоАП РФ в силу требований действующего законодательства об охране здоровья граждан Российской Федерации³. Кроме того, в силу требований п. 33.5 Инструкции основанием для проведения профилактической работы в отношении лиц указанной категории является информация подразделения по исполнению административного законодательства после подтверждения медицинской организацией нахождения данной категории лиц на учете в наркологическом диспансере в связи с лечением от наркомании. Однако в Типовом положении об отделе (отделении, группе) по исполнению административного законодательства территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на межрегиональном и районном уровнях, утвержденном приказом МВД России от 29 декабря 2012 г. № 1156, среди задач и функций подразделений ИАЗ территориальных органов МВД России отсутствует даже упоминание о необходимости выборочной проверки в автоматизированных банках данных лиц, совершивших правонарушения, предусмотренные ст. 6.9, 6.9.1, а также чч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ, и о дальнейшем направлении указанной информации в подразделения ОДУУП территориальных органов МВД России на районном уровне. Несмотря на это, указанная деятельность является достаточно трудоемкой и сопряжена с сущест-

¹ Подр.: Шишкин П.Е. К вопросу о проведении участковыми уполномоченными полиции профилактической работы с больными наркоманией, состоящими на учете в медицинской организации, совершившими административные правонарушения в области законодательства о наркотических средствах и психотропных веществах // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1(38). С. 16-18.

² Центр статистической информации ГИАЦ МВД России : электронный ресурс ведомственной сети МВД России. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt578_202112.046.txt (дата обращения: 25.02.2023).

³ Подр.: Шишкин П.Е. Указ. соч. С. 17.

венными временными затратами, при этом не относится к индикаторной в контексте оценки эффективности деятельности подразделений по исполнению административного законодательства¹.

На наш взгляд, проблема повышения эффективности осуществления индивидуальной профилактической работы в отношении рассматриваемой категории лиц имеет решение и в рамках действующего правового поля. Правовым инструментом является Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденная приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19. Мы предлагаем следующий алгоритм действий сотрудников подразделений участковых уполномоченных полиции. При поступлении информации о лице, совершившем два и более правонарушения, предусмотренных ст. 6.9, 6.9.1, а также чч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ, сотрудники подразделений ОДУУП готовят рапорт на имя руководителя территориального органа МВД России на районном уровне с просьбой запроса сведений о постановке данному лицу диагноза «наркомания» сотрудниками подразделений по контролю за оборотом наркотиков на основании пункта 7.16 Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений. После поступления указанного рапорта в подразделение наркоконтроля сотрудники ОНК устанавливают, не состоит ли данный гражданин на учете в связи с исполнением возложенной судом обязанности на основании ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ. В случае если данное лицо состоит на учете в ОНК по вышеуказанному

основанию, сотрудниками подразделения наркоконтроля подготавливается запрос в наркологический диспансер о предоставлении сведений о постановке данному лицу диагноза «наркомания» на основании п. 3.1 ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», т.к. данное основание позволяет преодолеть ограничение на запрос сведений о диагнозе гражданина без его согласия, составляющих в силу действующего законодательства врачебную тайну. В случае подтверждения наркологическим диспансером диагноза «наркомания» сотрудник подразделения ОНК направляет на основании п. 10.5 Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений данный ответ в форме приложения к рапорту на имя начальника территориального органа МВД России. При поступлении указанной информации в подразделение ОДУУП осуществляется постановка лица на профилактический учет на основании п. 33.5 Инструкции. На наш взгляд, данный алгоритм позволяет в рамках существующего нормативного правового регулирования существенно повысить эффективность профилактической работы и число лиц данной категории, состоящих на профилактическом учете в подразделениях участковых уполномоченных полиции, что в конечном итоге может положительно повлиять как на предупреждение совершения новых административных правонарушений и преступлений наркозависимыми, так и на потенциальное избавление от пагубного пристрастия к наркотикам.

Челпанова М.М.,

кандидат экономических наук, доцент
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь)

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ И (ИЛИ) ИНЫХ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На современном этапе человеческого развития ежедневно люди используют всемирную сеть Интернет для хранения и пе-

редачи информации. В основном Интернет оценивается с положительной точки зрения, он может служить кладезем знаний,

¹ См: приложение № 12 к приказу ГУ МВД России по Красноярскому краю от 31.08.2020 № 1391 «Об утверждении методик проверок и систем оценок деятельности территориальных органов МВД России на районном уровне Красноярского края».

используемых в различных целях, его основными характеристиками являются быстрота и мобильность, качественная связь и простота получения информации. Причем им пользуются различные категории людей – как взрослые, так и дети. Отсюда можно сказать, что в первую очередь необходимо обеспечивать безопасность для несовершеннолетних при использовании данной сети как государством, так и родителями.

Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» направлен в первую очередь на защиту детей от такого информационного воздействия, которое может повлечь за собой травмирование их психики, а также сформировать у несовершеннолетних неправильные жизненные установки. Данный федеральный закон также закрепляет понятие информационной безопасности детей, под ней понимается состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию.

Здесь важен тот аспект, что такую безопасность в отношении несовершеннолетних должны прежде всего обеспечивать их родители или законные представители. В соответствии с п. 1 ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, психическом, физическом, духовном и нравственном развитии своих детей, что, в свою очередь, предполагает проверку родителями просматриваемой несовершеннолетним информации и ограничение доступа к такой, которая может нанести вред. По мнению А.К. Поляниной, запрет и контроль со стороны родителей являются самыми главными способами, используемыми для защиты детей от неподходящей для них информации¹. Бездействие родителей в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних может трактоваться как равнодушие по отношению к тому, какую информацию может получить их ребенок, пользуясь Интернетом.

В этих случаях российским законодательством предусмотрена ответственность родителей за невыполнение своих обязанностей, связанных с защитой детей от информационных угроз.

Говоря об административном законодательстве, на первый план следует выдвинуть ст. 5.35 КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних». При этом стоит сказать, что КоАП РФ не детализирует, что конкретно входит в объективную сторону данного противоправного деяния. В связи с этим в правоприменительной практике очень часто возникают сложности по определению объективной стороны этого правонарушения.

Исходя из большинства мнений, одним из элементов объективной стороны данного правонарушения является получение несовершеннолетними такой информации, которая способна нанести как психический, так и физический вред здоровью.

По нашему мнению, игнорирование родителями получения зловерной информации их детьми и является неисполнением их прямых обязанностей. Здесь стоит отметить, что Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» разделяет такую информацию на определенные категории. Родители и иные законные представители несовершеннолетних должны ознакомиться с ними для того, чтобы в будущем принимать меры по защите и недопущению получения такой информации их несовершеннолетними детьми.

Исходя из вышесказанного, необходимо разработать в Семейном кодексе Российской Федерации такую норму, которая бы включала более развернутую версию обязанности родителей, а именно защиту детей от вредной для них информации, вследствие получения которой может быть причинен вред развитию ребенка. Сюда также относится осуществление контроля за доступом детей к информации, которая должна соответствовать их возрасту. Если добавить данные изменения в соответствующие нормы, то это одновременно приве-

¹ Полянина А.К. Семейно-правовая ответственность родителей за ненадлежащее исполнение обязанности по обеспечению информационной безопасности детей // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 34-38.

дет и к изменению механизма действия института административной ответственности относительно ст. 5.35 КоАП РФ.

Зная обязанности по информационной защите несовершеннолетних, родители или законные представители будут выполнять их в полной мере, и это может в будущем

свидетельствовать нам о том, что уменьшится показатель совершения правонарушений, предусмотренных ст. 5.35 КоАП РФ. Помимо этого, будет улучшена правоприменительная практика, так как сотрудникам полиции станет проще определять объективную сторону данного деяния.

Иванов А.Ю.,

кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПРОВОКАЦИОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН КАК ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Термин «провокация» очень часто используется при оценке законности действий сотрудников полиции. Так, в ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» должностным лицам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)». Аналогичный запрет можно обнаружить в ч. 3 ст. 6 Федерального закона «О полиции», кроме того, в п. 8.4 Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации неприемлемыми считаются «любые действия, связанные с провоцированием граждан в прямой или косвенной форме к совершению правонарушений»¹. В отдельных случаях нарушение указанных запретов может являться основанием для проверки законности действий сотрудников полиции, вследствие которой последние могут быть привлечены к дисциплинарной или уголовной ответственности в зависимости от последствий.

Действующим законодательством не определяется аналогичного запрета для граждан при осуществлении провокационных действий в отношении сотрудников полиции, однако за отдельные действия провокационного характера может предусматриваться административная или уголовная

ответственность (например, ч. 1 ст. 19.3, ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ, ст. 318, 319 УК РФ).

Термин «провокация» в различных словарях толкуется преимущественно как «действие, манипуляция, направленные против отдельных лиц, групп и т.п., осуществляемые в интересах провокатора с целью побуждения ответного действия, влекущим негативные последствия»².

Анализ материалов служебных проверок, решений судов, а также уголовных дел по фактам применения сотрудниками полиции физической силы и специальных средств за 2017-2021 годы позволил установить отдельные виды провокационных действий в отношении сотрудников полиции:

- высказывание недовольства действиями сотрудников полиции;
- громкая речь, сопровождающаяся нецензурной бранью;
- агрессивное поведение, сопровождающееся видеосъемкой сотрудников полиции;
- угрозы в отношении сотрудников полиции (угрозы причинения телесных повреждений, угрозы увольнения со службы в МВД России);
- лица, совершившие правонарушения или преступления, отказываются следовать в служебное помещение полиции, не реагируют на неоднократные требования выполнить определенные действия;
- лица, совершившие правонарушения или преступления, не реагирует на неодно-

¹ Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26.06.2022 № 460.

² Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия ; СПб.: Фонд «Ленинградская Галерея», 2002. 1628 с.

кратные требования сотрудников полиции прекратить противоправное поведение.

Указанные примеры наиболее распространенных провокаций могут иметь некоторые общие признаки: сопровождаются нецензурной бранью; направлены на возбуждение конфликта с сотрудником полиции; цель – уклонение от ответственности; проявляются в ситуациях, связанных с применением сотрудником полиции мер принуждения к гражданам или производством административных процедур (типовые ситуации).

Из анализа решений судов по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 286 УК РФ, следует, что нетиповыми являются ситуации, когда отдельные граждане, не являющиеся правонарушителями или подозреваемыми в совершении преступлений, умышленно провоцируют сотрудников полиции на конфликт, рассчитывая на грубый ответ сотрудников полиции, неправомерное применение силы, провокация сопровождается видеозаписью. Примером указанных провокаций может являться осуществление видеозаписи обращения граждан к сотрудникам полиции с требованием, содержание которого не может быть выполнено (например, убрать на улице все припаркованные автомобили с нарушением ПДД, обвинить в бездействии, см. приговор по делу № 1-14/2018 Пятигорского городского суда Ставропольского края от 5 сентября 2018 г.).

Из анализа практики применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств при выполнении задач по охране общественного порядка за 2020 г. и первое полугодие 2021 г. следует, что применялись: физическая сила – 92134 (правомерно – 92095 или 99,5%); специальные средства – 88570 (правомерно 85557 или 99,9%). Несмотря на высокий процент правомерного применения полицией физической силы и специальных средств, за указанный период также допущено 52 факта неправомерного применения силы (физи-

ческой силы – 39; специальных средств – 13). Из 39 фактов неправомерного применения физической силы 22 произошли при разбирательстве с задержанными на территории административных зданий органов внутренних дел, 9 – доставлении правонарушителей, 5 – задержании, 2 – составлении протокола, 1 – проведении оперативно-розыскных мероприятий. Неправомерно применялась физическая сила сотрудниками подразделений: ППС – 18, ДЧ – 8; УР – 5; ДПС – 4, УУПиПДН – 2, ОКПиО – 1, тыловые подразделения – 1. Из 13 фактов неправомерного применения специальных средств использовались средства ограничения подвижности – 5, электрошоковые устройства – 5, палки специальные – 3¹.

Учитывая тот факт, что каждый случай нерегламентированного применения физической силы и специального средства является не только предметом служебной проверки, но и основанием для возбуждения уголовного дела по ч. 3 ст. 286 УК РФ, целесообразной является разработка типовых алгоритмов реагирования сотрудников полиции на провокации граждан.

Практически во всех научных публикациях, посвященных вопросам, относящимся к теме исследования, отмечается, что у сотрудников полиции отсутствуют навыки по пресечению провокационных действий граждан, указывается на необходимость разработки алгоритма действий сотрудников полиции в ситуациях провоцирующего поведения граждан. Отдельные авторы, например О.С. Мантуров, Р.В. Нелюбин и др., предлагают внести изменения в ст. 20.1 КоАП РФ и установить ответственность за «провокацию сотрудников полиции»².

С учетом изложенного, а также в целях минимизации либо исключения неправомерных действий сотрудников полиции в части неправомерного применения физической силы, специальных средств в случае осуществления в их отношении провокационных действий со стороны граждан, целесообразно в образовательные программы

¹ Обзор о практике применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении задач по охране общественного порядка от 14.12.2021 исх. № 21/8/20548.

² Мантуров О.С., Нелюбин Р.В. Правовая культура сотрудника полиции как ответ на провоцирующее поведение граждан // Полицейская деятельность. 2019. № 4. С. 1-8. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30844 (дата обращения: 30.05.2022); Лоос Е.В. Провокация сотрудников полиции // Алтайский юридический вестник. 2019. № 2(26). С. 25-28.; Дьяченко Н.Н. Формы и виды дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2013. № 3(23). С. 55-59.

обучения курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России включить следующие вопросы (темы):

– порядок действий сотрудников полиции в случае осуществления в их отношении провокационных действий со стороны граждан, включая действия, являющиеся основаниями для применения физической силы, специальных средств;

– порядок действий сотрудника полиции во всех случаях общения с гражданином, в том числе при осуществлении в отношении сотрудника провокационных действий со

стороны граждан с производством аудио-, фото-, видеозаписи (или без такового);

– порядок действий сотрудника полиции по ограничению производства гражданином аудио-, фото-, видеозаписи в случаях наличия запрета, предусмотренного действующим законодательством;

– документирование результатов применения физической силы, специальных средств сотрудником полиции (с учетом результатов анализа материалов служебных проверок по фактам применения сотрудниками полиции физической силы и специальных средств).

Безгачев Ф.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОКРАШИВАЮЩИХ И МАРКИРУЮЩИХ СРЕДСТВ, А ТАКЖЕ ХИМИЧЕСКИХ ЛОВУШЕК

Сотрудники полиции применяют специальные средства в повседневной деятельности, однако существуют специальные средства, не применяемые в повседневной деятельности, такие как специальные окрашивающие и маркирующие средства, которые применяются для выявления лиц, совершающих или совершивших преступления или административные правонарушения и для защиты охраняемых объектов, блокирования движения групп граждан, совершающих противоправные действия.

При помощи специальных окрашивающих и маркирующих средств сотрудники оперативных служб полиции решают служебные задачи противодействия коррупции, профилактики и раскрытия имущественных преступлений и многие другие.

Специальными окрашивающими средствами являются специальные химические вещества, окрашивающие контактирующие с ними объекты в различные яркие цвета.

Одним из распространенных видов специальных порошков является «Родамин». Он осуществляет окрашивание рук в бордово-красный цвет и обладает устойчивой адгезией к кожному покрову человека. Также существует специальная мазь «Родамин-Л» с помощью которой ставятся невидимые человеческому глазу метки, но при использовании специального ультрафиоле-

тового осветителя метки подсвечиваются синеватым отливом.

«Кармин» является красящим химическим веществом, который в ультрафиолетовых лучах светится красным цветом. С кожного покрова человека «Кармин» смывается в течение нескольких дней.

В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» среди специальных средств выделяются специальные маркирующие средства. К таким средствам относят химические вещества, с помощью которых осуществляется негласная маркировка объектов, представляющих оперативный интерес. К маркирующим средствам относят запаховые, люминесцирующие вещества, индикаторы. Они могут входить в состав порошков, мазей, растворов, карандашей, аэрозолей. Люминесцирующие специальные химические вещества обладают свойством светиться в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах. Индикаторы под воздействием определенных химических реактивов изменяют свой цвет. А основным свойством запаховых маркирующих средств является стойкий запах, легко улавливаемый служебной собакой.

Примерами люминесцирующих маркирующих средств являются «Орлюм-254», «Орлюм-365», «Орлюм-980», «Огонек-254», «Огонек-365» и «Огонек-980». Номер

в названии маркирующего средства обозначает длину волны специального ультрафиолетового осветителя 254 нм и 365 нм, а также инфракрасного лазера с длиной волны 980 нм. При подсвечивании (выявлении) следов меток на руках подозреваемого специальными осветителями с длиной волны 365 нм и 980 нм метки светятся зеленым цветом, а с длиной волны 254 нм – красным цветом. При этом в случаях облучения другими длинами волн следы маркирующих средств не обнаруживаются. Эти и подобные маркирующие средства применяются для выявления фактов несанкционированного доступа, а также фактов хищения.

В качестве индикаторов могут применяться различные медицинские препараты: риванол, тетрацилин, рибофлавин, фенолфталеин. При добавлении к растворам, содержащим индикаторы щелочных или кислотных компонентов, они меняют свой окрас. К примеру, раствор фенолфталеина при добавлении щелочного раствора окрашивается в ярко-малиновый цвет. Раствор риванола окрашивается в желто-зеленый цвет, тетрацилин – в желтый, а рибофлавин – в желто-зеленый.

В запаховых маркирующих средствах применяются малораспространенные химические соединения, обладающие воздействием на обоняние собак, что облегчает проведение поисковых мероприятий с применением служебных собак. К запаховым средствам маркировки относят препарат «Лайка», мазь «СП», которые обеспечивают устойчивость следового запаха в пределах 30 суток.

Специальные окрашивающие, люминесцирующие и запаховые препараты широко применяются в изготовлении химических ловушек. Химические ловушки – это снаряженные (обработанные) специальными химическими веществами (красящие или запаховые) приспособления или устройства, закамouflированные под различные предметы, с помощью которых такие вещества переносятся на тело и одежду человека¹.

Химические ловушки применяются для выявления лиц, причастных к имущественным преступлениям (хищениям), для выяв-

ления фактов несанкционированного доступа, а также для проведения негласного дактилоскопирования. В химических ловушках могут использоваться пиротехнические заряды для распыления специальных химических веществ. Распространенными видами химических ловушек являются изделия «Купель», «Купель-Л», «Купель-МГ», «Кукла», «Мини-кредит», «Катапульта», «Коврик».

Химическая ловушка «Коврик» предназначена для усиления запахового следа человека. Для создания стойкого запаха применяется специальная мазь «СП».

Химические ловушки устанавливаются на объектах сосредоточения товарно-материальных ценностей, а также в местах временного хранения денежных средств. Для установки химической ловушки требуется получить согласие собственника объекта или уполномоченного им лица. Такие ловушки устанавливаются в местах с максимальной вероятностью вступления в контакт с ними правонарушителей. Кроме того, необходимо предусмотреть меры, исключающие срабатывание химических ловушек против случайных лиц.

Однако в настоящее время химические ловушки применяются достаточно редко в связи с широким распространением современных охранных комплексов и сигнализаций. К тому же вместо химических ловушек активно применяются радиосигнальные и сигнально-дымовые ловушки, которые более удобны в эксплуатации и, в отличие от химических ловушек, не портят окружающие предметы, а также не причиняют материального вреда лицам, случайно попавшим в такую ловушку.

Применение химических ловушек регламентировано приказом МВД России от 11 сентября 1993 г. № 423 «Об утверждении Инструкции о порядке применения химических ловушек в раскрытии краж имущества, находящегося в государственной, муниципальной, частной собственности и собственности общественных объединений (организаций)» и с момента начала действия приказа изменениям и редакциям не подвергался. Количество установок хими-

¹ Об утверждении Инструкции о порядке применения химических ловушек в раскрытии краж имущества, находящегося в государственной, муниципальной, частной собственности и собственности общественных объединений (организаций) : приказ МВД России от 11.09.1993 № 423.

ческих ловушек также сводится к минимуму. В связи с этим можно сделать вывод о том, что область химических ловушек потеряла свою актуальность, однако специ-

альные окрашивающие и маркирующие средства продолжают применяться сотрудниками оперативных подразделений.

Чумарова Е.Ю.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОРЯДКА ПОДАЧИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ
О ПОМЕЩЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ЦЕНТР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (далее – ЦВСНП, Центры) входят в систему органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) и являются одними из основных субъектов, призванных осуществлять деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений в подростковой среде. Помещение в такие Центры является принудительной мерой воздействия на несовершеннолетних, совершивших правонарушения или антиобщественные действия. Однако эти учреждения не являются местами отбывания наказания или исправления несовершеннолетних. Деятельность ЦВСНП имеет профилактическую направленность, преследует цели: обеспечить защиту жизни или сохранение здоровья несовершеннолетних; предупредить совершение ими повторных правонарушений; предпринять меры, направленные на их социально-педагогическую реабилитацию.

До недавнего времени в российском законодательстве имела место юридическая коллизия между нормами права, содержащимися в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – ФЗ № 120) и в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), в части, касающейся правовой регламентации порядка помещения несовершеннолетних правонарушителей в ЦВСНП.

ФЗ № 120, закрепляя основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с осуществлением в государственном масштабе профилактики безнадзорности и

правонарушений несовершеннолетних, определяет, что рассмотрение материалов о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП и специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (далее – СУ-ВУЗТ) относится к ведению суда. Именно в этом нормативном правовом акте были указаны порядок и сроки их рассмотрения, особенности обжалования, опротестования и исполнения соответствующего постановления судьи. Вместе с тем данный закон не регламентировал порядок судопроизводства по таким делам и основные принципы его осуществления.

В соответствии с чч.1 и 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации судебная власть в государстве реализуется исключительно посредством четырех видов судопроизводства: конституционного, гражданского, административного и уголовного.

Учитывая характер дел, связанных с помещением несовершеннолетних в указанные учреждения, такое судопроизводство должно осуществляться в соответствии с нормами КАС РФ. Однако КАС РФ не предусматривал специального порядка рассмотрения дел данных категорий, поскольку такие дела не были указаны в перечне, содержащемся в ч. 3 ст. 1 КАС РФ. В связи с этим суды вынуждены были руководствоваться лишь общими принципами и процедурами, не отвечающими в полной мере специфике таких дел.

Конституционный Суд Российской Федерации определил, что чч. 1 и 2 ст. 118 Конституции России не исключают установления в рамках предусмотренных видов судопроизводства специальных процедур разрешения отдельных категорий дел, при условии, что такое регулирование не отме-

няет действия общих принципов, присущих правосудию, и процессуальных гарантий, необходимых для полноценного судебного разбирательства¹. То есть закрепление в ФЗ № 120 специфических правил рассмотрения материалов о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП и СУВУЗТ не выходит за пределы дискреционных полномочий федерального законодателя. Однако недостаточная конкретизация в КАС РФ процессуального порядка помещения несовершеннолетних правонарушителей в ЦВСНП и конкуренция отдельных норм указанных нормативных правовых актов создавали препятствия для эффективного использования профилактического потенциала ЦВСНП.

Попытка разрешить обозначенную юридическую коллизию впервые была предпринята в 2018 г. Верховным Судом Российской Федерации в качестве законодательной инициативы был разработан проект федерального закона № 618625-7 «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»»². 28 декабря 2018 г. указанный законопроект был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, а 30 мая 2019 г. принят ею в первом чтении³. После этого процесс законотворчества по непонятным причинам был приостановлен. И только 21 ноября 2022 г. Федеральный закон № 445-ФЗ «О внесении в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних"» был подписан Президентом РФ.

В настоящее время указанный Федеральный закон вступил в силу, в связи с чем

в практической деятельности возникают затруднения, связанные с толкованием и применением его положений в условиях реформирования производства по помещению несовершеннолетних в ЦВСНП и СУВУЗТ.

К числу таких затруднений относятся вопросы, связанные с определением сроков и места подачи административного искового заявления о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП.

До внесения изменений в КАС РФ и ФЗ № 120 сроки обращения в суд в целях помещения несовершеннолетних в ЦВСНП были прямо урегулированы только для лиц, подвергнутых помещению в Центр на срок не более 48 часов на основании постановления руководителя или уполномоченного сотрудника органов внутренних дел (п. 4 ст. 22 и п. 1 ст. 31.1). При этом в соответствии с разъяснениями, сформулированными в постановлении Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2019 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" в связи с жалобой гражданки А.», в случае если мера государственного принуждения в виде помещения в ЦВСНП к несовершеннолетнему предварительно во внесудебном порядке не применялась, «решение о направлении материалов в суд должно приниматься компетентными должностными лицами органов внутренних дел своевременно, по крайней мере не позднее двух месяцев с момента вынесения постановления об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с достижением несовершеннолетним возраста уголовной ответственности».

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Назармадова Дидора Гулмамадовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 6 пункта 2 статьи 22 и пунктом 3 статьи 30 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: о Определении Конституционного Суда от 14.05.2013 № 690-О.

² О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 51.

³ О проекте федерального закона № 618625-7 «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних"»: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 30.05.2019 № 6251-7 ГД.

Кроме указанного правового пробела существовала также коллизия между нормами права, содержащимися в КАС РФ и в ФЗ № 120, в части, касающейся вопроса о территориальной подсудности административных дел о помещении несовершеннолетних правонарушителей в ЦВСНП.

Согласно ч. 3 ст. 22 КАС РФ административное исковое заявление к гражданину, который в спорных публичных правоотношениях выступает в качестве субъекта, не обладающего административными или иными публичными полномочиями, подается в суд по месту его жительства, если иное не установлено КАС РФ. В соответствии же с п. 1 ст. 31.1 ФЗ № 120 постановления о помещении несовершеннолетних, указанных в подп. 3-6 п. 2 ст. 22 ФЗ № 120, в ЦВСНП и материалы, подтверждающие обоснованность такого их помещения, должны были направляться в суд начальником органа внутренних дел или его заместителем по месту задержания несовершеннолетних.

Обозначенные недостатки правового регулирования порядка и сроков подачи административного искового заявления, связанного с помещением несовершеннолетнего в ЦВСНП, были устранены в связи с принятием Федерального закона от 21 ноября 2022 г. № 445-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних"», который регламентировал особенности рассматриваемого вида производства по административным делам.

В соответствии с ч. 1 ст. 285⁶ КАС РФ административное исковое заявление о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП подается в суд органом внутренних дел по месту задержания несовершеннолетнего либо по месту нахождения ЦВСНП не позднее чем за 24 часа до истечения срока нахождения несовершеннолетнего в ЦВСНП.

В случае если задержание к несовершеннолетнему не применялось, административное исковое заявление подается в суд органом внутренних дел по месту совершения общественно опасного деяния несовершеннолетним, не достигшим к моменту совершения этого деяния возраста, с которого наступает уголовная ответственность, в течение одного месяца со дня вынесения

постановления о прекращении уголовного дела в отношении указанного несовершеннолетнего или об отказе в его возбуждении либо возникновения иных обстоятельств, являющихся в соответствии с федеральным законом основанием для помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП (ч. 2 ст. 285⁶ КАС РФ). Административное исковое заявление о продлении установленного судом срока пребывания несовершеннолетнего в ЦВСНП подается органом внутренних дел в суд по месту нахождения соответствующего центра не позднее чем за 24 часа до истечения срока нахождения в нем несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 285⁶ КАС РФ).

Важно отметить, что в соответствии с ч. 4 ст. 285⁶ КАС РФ несоблюдение установленных ч. 1 и ч. 3 этой статьи сроков (то есть в случаях помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП на 48 часов после задержания и при продлении установленного судом срока пребывания несовершеннолетнего в ЦВСНП) не влечет возвращения или отказа в принятии административного искового заявления, а также не является основанием для отказа в его удовлетворении. Данное правило не распространяется на случаи, если задержание к несовершеннолетнему, совершившему общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не применялось. Пропуск срока, предусмотренного ч. 2 ст. 285⁶ КАС РФ и составляющего один месяц, возвращение или отказ в принятии административного искового заявления повлечет, а также будет являться основанием для отказа в его удовлетворении.

Указанные процессуальные правила определения сроков и места подачи административного искового заявления конкретизируют особенности рассматриваемого этапа административного производства, но не дают исчерпывающего ответа, как следует поступать в случаях, когда срок, предусмотренный ч. 2 ст. 285⁶ КАС РФ, истек, а обстоятельства, рассматриваемые в качестве основания для помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП, существуют.

Установление данного правила, на наш взгляд, с одной стороны, обусловлено тем, что более длительный период времени с момента принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела до обращения с административным иском в

суд, в течение которого несовершеннолетний не допускал противоправных деяний, свидетельствует о том, что он, возможно, встал на путь исправления и применение к нему такой принудительной меры, как помещение в ЦВСНП, с целью предупреждения совершения им повторного общественно опасного деяния является неоправданным. С другой стороны, строгое соблюдение указанного срока связано с необходимостью своевременного принятия решения о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП, если он находится в обстановке, угрожающей его жизни или здоровью.

В то же время полагаем, что обозначенное правило не исключает возможности решения вопроса о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП, если обстоятельства, угрожающие жизни или здоровью несовершеннолетнего либо свидетельствующие о необходимости предпринять меры, направленные на предупреждение совершения им повторного общественно опасного деяния, возникнут после истечения срока, предусмотренного ч. 2 ст. 2856 КАС РФ.

В данном случае, по нашему мнению, следует руководствоваться общими правилами восстановления пропущенного срока в

соответствии со ст. 95 КАС РФ. Применительно к производству по административным делам о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП в КАС РФ отсутствуют ограничения, связанные с невозможностью восстановления пропущенного процессуального срока, независимо от причин его пропуска. Следовательно, этот срок может быть восстановлен, если суд признает причину его пропуска уважительной. Такими причинами могут быть обстоятельства, объективно исключавшие возможность своевременного обращения в суд, а также обстоятельства, оцененные судом как уважительные по собственному усмотрению.

Таким образом, истечение срока, предусмотренного ч. 2 ст. 2856 КАС РФ, не является безусловным препятствием для подачи административного искового заявления о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП, как это могло бы показаться на первый взгляд. В случае пропуска указанного срока решение о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП может быть принято при условии убедительного обоснования целесообразности такого помещения посредством процедуры восстановления пропущенного срока, имеющей общий характер.

Ермолаева М.И.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ НАСЛЕДСТВО

В гражданском законодательстве одними из проблемных вопросов выступают аспекты, связанные с порядком наследования. К сложным темам можно отнести обязательную долю в наследстве; ситуации, возникающие при наследовании нетрудоспособными лицами и лицами, находящимися на иждивении наследодателя, не являющимися его родственниками; пропуск шестимесячного срока для принятия наследства; наследование имущества, находящегося под арестом или под залогом и т.д.

Остановимся на проблемной теме, касающейся недостойных наследников. При этом важно отметить, что особое место занимает недобросовестный характер действий наследников, который может повлечь

за собой не только гражданскую, но и уголовную ответственность.

Порядок признания наследника недобросовестным регламентирован ст. 1117 ГК РФ, в которой находят свое отражение основания, позволяющие сделать вывод о недобросовестном характере действий наследника. Благодаря данным основаниям правоприменитель может определить юридические факты, при наступлении которых лицо не сможет являться наследником и, соответственно, получить имущественные права, возникающие в связи со смертью наследодателя.

Что касается гражданской ответственности, то она устанавливается ст. 1102 ГК РФ. Так, для возникновения обязательств

необходимо, во-первых, чтобы обогащение одного лица произошло за счет другого, во-вторых, чтобы такое обогащение произошло при отсутствии к тому законных оснований или последующем их отпадении¹.

Важно отметить, что признание наследника недостойным представляет собой определенный процесс, включающий в себя несколько стадий, которые можно представить следующим образом:

- обращение в суд с иском о признании того или иного лица в качестве недостойного наследника;
- удовлетворение иска о признании наследника недостойным, после чего решение суда передается нотариусу;
- непосредственное отстранение нотариусом от принятия наследства;
- обжалование незаконных действий нотариуса.

Отметим, что в большинстве случаев наследники являются недобросовестными, когда имели место быть факты умышленного причинения вреда жизни или здоровью наследодателя. Так, К.А. Маджар справедливо отмечает, что норма ст. 1117 ГК РФ является бланкетной и отсылает правоприменителя за пределы гражданского законодательства – в сферу действия уголовного права².

При этом процесс признания лица виновным в совершении преступления, связанного с недобросовестными наследованием, является более сложным, так как необходим сбор достаточно большой прямой доказательственной базы. Также стоит отметить, что действия виновного, совершающего мошеннические действия в отношении наследства, в ряде случаев хорошо замаскированы, что усложняет процесс доказывания. Бывают и ситуации, при которых лицо завладевает имуществом в рамках недобросовестного наследования сразу нескольких лиц.

В качестве примера можно обозначить следующую ситуацию.

К. и Р. договорились незаконно унаследовать и похитить путем обмана вклад умершего Ю., открытый им в отделении Северо-Западного банка Сбербанка РФ, на сумму 38631 рублей 13 копеек. С этой целью К. и Р. решили составить фиктивное завещание от имени Ю. В нем излагалась воля умершего, сделанная до смерти, об оставлении всего своего движимого и недвижимого имущества в пользу наследника К. Для придания легитимности данному документу К. и Р. условились удостоверить его задним числом у должностного лица, уполномоченного совершать нотариальные действия³.

Как видим, в приведенном примере в качестве недобросовестности выступили действия мошеннического характера, направленные на хищение имущества умершего путем обмана с использованием подложных документов.

После смерти наследодателя некоторые граждане сразу бегут снимать деньги со счетов умершего или начинают продавать его имущество задним числом по поддельным договорам. Подобные действия могут быть квалифицированы как преступление. Если наследник использовал данные личного кабинета наследодателя и снял оттуда средства, то его действия подпадают под ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». А злоумышленника могут признать недостойным наследником на основании ст. 1117 ГК РФ. В таком случае мошенник уже не сможет получить наследство⁴.

Уголовная и гражданская ответственность за недобросовестное наследование в первую очередь различается по характеру общественной опасности деяний лица, что влечет за собой и различные наказания. Так, при совершении преступления происходит нарушение фундаментальных конституционных права человека, что характеризуется большей общественной опасностью и требует более сурового наказания.

¹ Савина Т.В. Неосновательное обогащение при признании лица недостойным наследником // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2021. № 7. С. 85-91.

² Маджар К.А. Недостойные наследники: понятие и порядок отстранения от наследования // Юридический факт. 2021. № 126. С. 27-31.

³ Приговор Гатчинского городского суда Ленинградской области от 11.01.2012. Дело № 1-43/2012. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.02.2023).

⁴ Риски и злоупотребления при наследовании активов. URL: <https://pravo.ru/story/240517/?ysclid=le6oe4jkb010385264> (дата обращения: 16.02.2023).

При этом одним из спорных вопросов выступает аспект, связанный с тем, что фактически в случаях с недобросовестным наследованием при наличии в действиях лица признаков преступления выносятся два судебных решения – о признании лица недостойным наследником в рамках гражданского судопроизводства и о признании лица виновным в совершенном преступлении в рамках уголовного законодательства.

На наш взгляд, обозначенный порядок является не вполне целесообразным, так как при вынесении обвинительного приговора лицо фактически уже признается недостойным наследником и лишается права на получение такого наследства. Признание же его недостойным наследником дополнительно в рамках гражданского процесса затрудняет всю процедуру в целом.

Из сказанного можно выделить еще одно различие уголовной и гражданской ответственности. Так, при наступлении гражданских отношений факт недобросовестности является бесспорным, что же касается уголовных правоотношений, то в данном случае необходим факт доказанности вины лица относительно совершения незаконных действий, связанных с наследованием.

Подводя итог, следует отметить следующее. Гражданская и уголовная ответственность за недобросовестное наследование имеет ряд существенных различий, что говорит о невозможности их отождествления и необходимости явного разграничения.

Так, исключительно гражданская ответственность имеет место быть в тех случаях, когда недобросовестный характер действий лица является бесспорным и не содержит в себе признаки состава преступления.

Что же касается уголовной ответственности, то данный процесс является более сложным, так как требует большой доказательственной базы вины лица, что обусловлено повышенной опасностью деяния и необходимостью назначения более сурового наказания. Также стоит отметить, что при вынесении обвинительного приговора происходит и признание лица недобросовестным наследником в рамках гражданского производства, что является не совсем целесообразным, так как обвинительный приговор фактически уже констатирует данный факт.

В связи с обозначенным видится необходимым изменение законодательства в части возможности признания лица недобросовестным наследником в пределах уголовного судопроизводства в рамках вынесения обвинительного приговора. При этом дополнительное разбирательство в рамках гражданского судопроизводства не должно осуществляться. Сказанное может позволить решить вопрос относительно нецелесообразности вынесения двух решений суда, касающихся одного и того же дела, а также позволит избежать излишней нагрузки на суды.

Тетерятников Н.Ю.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ДАРЕНИЕ И КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ: ТЕСНАЯ СВЯЗЬ, НО НЕ ТОЖДЕСТВО

Коррупция в современных реалиях представляет собой негативное социальное явление, заключающееся в том, что должностные лица, реализуя публично-властные полномочия, извлекают личную выгоду в ущерб интересам общества, в результате чего причиняют объективный вред своей

стране и ее жителям. Джозеф Сентурия (Joseph J. Senturia) почти сто лет назад определил коррупцию как «abuse of public power for private gain», что можно перевести: «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды»¹.

¹ Senturia J.J. Corruption, Political // Encyclopedia of the Social Sciences. New York: The Macmillan company, 1931. Vol. IV. P. 448-452. (Цит. по: Нисневич Ю.А. Коррупция: инструментальная концептуализация // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 61.).

Вместе с тем истоки коррупции можно усмотреть в обычае делать подарки с целью добиться расположения вышестоящего в социальной иерархии лица, например вождя либо иного соплеменника, обладающего каким-либо ресурсом.

Последнее, в частности, проявляется в таком обычае некоторых племен североамериканских индейцев, как потлач. Данный обычай способствовал укреплению авторитета наиболее зажиточных членов племени, чтобы они могли получить определенную автономию от общины и органов потестарной власти, формально этой общиной руководящих, а следовательно, выйти из-под действия отдельных социальных норм.

Термин «потлач» происходит от слова индейцев племени нутка – «патсхатл», который можно перевести как «дарение» или даже «раздача подарков». Суть потлача заключается в демонстративном уничтожении, а также отчуждении в пользу соплеменников накопленных богатств на специальном празднике по случаю похорон, свадьбы, завершения инициации, избрания вождя либо иного социально значимого события, на который созываются все члены общины, дабы своим гостеприимством можно было вызвать у них чувство если не уважения, то хотя бы восхищения. В ходе этого многодневного праздника значительная часть имущества тратилась на яства и напитки для гостей, а также оплату труда шаманов, музыкантов, певцов, танцоров и других артистов¹. Раздавая и уничтожая собственное имущество, человек получал по правилам дарообмена высокий престиж и становился одним из неформальных, а иногда и формальных лидеров общины. Например, вождем.

Кроме того, потлач не только способствовал повышению социального статуса дарителя, но и содействовал замене реципрокности (как эквивалентного обмена среди соплеменников) редистрибуцией, т.е. централизованным перераспределением

материальных, а вместе с ними и нематериальных благ в общине, что также укрепляло влияние устроителя праздника на окружающих, переходящее нередко уже во власть над ними, в т.ч. с целью их дальнейшей трудовой эксплуатации. Таким образом, благодаря потлачу в племени поддерживался на постоянном уровне, а иногда и повышался общий объем производства².

Из социальных практик, подобных потлачу, впоследствии сформировалось такое коррупционное явление, как подкуп избирателей, ныне являющийся разновидностью политической, а точнее – электоральной, коррупции³. Однако чаще дарение использовалось и используется для подкупа одаряемого – лица, находящегося в социальной иерархии выше дарителя.

Так, возникновение коррупции в качестве социально-правового явления хоть и презюмируется историческим периодом, предшествующим появлению письменности и института государства, документально подтверждается лишь начиная с III тысячелетия до н.э. Древнешумерский памятник права, датируемый XXIV в. до н.э. и приписываемый царю – лугалю (2318-2311 гг. до н.э.) города-государства (нома) Лагаша Уракагине (Урунимгине), предусматривал наказания за злоупотребления со стороны жрецов, судей и других чиновников, вымогающих с подданных незаконные вознаграждения за свою работу и проводимые обряды⁴.

То есть древнейшие свидетельства коррупции демонстрируют ее нам в качестве взяточничества, а именно получения взятки, которая может быть в виде денег, вещи, другого подарка, услуг или их эквивалента.

За семь месяцев (январь – июль) 2022 г. МВД России зарегистрировало 24613 уголовных дела коррупционной направленности, из них связанных со взяточничеством –

¹ См.: Леви-Строс К. Путь масок / пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского. М.: Республика, 2000. 399 с.

² См.: Васильев Л.С. Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 157-175.

³ Напр.: Игнатенко В.В. Подкуп избирателей как коррупционное административное правонарушение // Академический юридический журнал. 2014. № 3(57). С. 24-28.

⁴ Материалы к практическому занятию «Реформы царя Лагаша Урунимгины». Томский государственный университет. Исторический факультет. Томск, 2002. URL: <https://klio.tsu.ru/uruinim.htm>.

13252, т.е. почти 54%¹. При этом данный показатель относительно стабилен и практически не меняется из года в год. Так, в течение 2021 г. было зарегистрировано около 35000 преступлений коррупционного характера, из них дел о взяточничестве – 18590, т.е. более 53%².

Законодательная дефиниция взятки содержится в ст. 290 УК РФ и определяется как получение должностным лицом денег, ценных бумаг, иного имущества (например, подарка) или незаконных услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение деяний в пользу взяткодателя, в т.ч. недобросовестного дарителя. Примечание 1 к ст. 285 УК РФ поясняет, что под должностным лицом понимается человек, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющий функции представителя власти или выполняющий организационно-распорядительные либо административно-хозяйственные функции в государственных и муниципальных учреждениях. В связи с изложенным возникает вопрос: подарок государственному или муниципальному служащему – это всегда взятка?

Пункт 7 ч. 3 ст. 12.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в п. 7 ч. 3 указывает, что муниципальные и госслужащие, если иное не установлено федеральными законами, не вправе получать в связи с выполнением должностных обязанностей не предусмотренные законодательством вознаграждения и подарки. Однако подарки, полученные в связи с протокольными, иными официальными мероприятиями или в связи со служебными командировками, признаются государственной (муниципальной) собственностью и их можно выкупить.

Постановлением Правительства РФ от 9 января 2014 г. № 10 описан порядок того, как необходимо поступать муниципальному либо госслужащему в случае получения подарка в связи с официальным мероприятием. В МВД России это конкрети-

зировано в приказе от 1 июня 2017 г. № 334 и описывается следующим алгоритмом.

1. С момента получения подарка (возвращения из командировки) в течение 3 дней служащий должен подать уведомление в установленной форме в соответствующее структурное подразделение, откуда оно передается в комиссию по поступлению и выбытию активов либо в иной специально уполномоченный орган.

2. Если подарок дешевле 3000 руб., что подтверждается прилагаемыми документами, служащий может оставить его себе. Если же его стоимость не известна или выше 3000 руб., то подарок в 5 дней сдается по акту (приемки-передачи) на хранение. В случае, когда стоимость не известна, она определяется экспертным путем, и если будет не более 3000 руб., то подарок возвращается тому, кому он был вручен.

3. Если подарок дороже 3000 руб., одаваемый вправе его выкупить. Для этого нужно подать заявление в течение 2 месяцев с даты передачи подарка на хранение.

4. Подарок, содержащий драгоценные металлы (камни) и не выкупленный, передается в Гохран России при Минфине РФ для зачисления в Госфонд драгметаллов и драгоценных камней России. Иные не выкупленные подарки могут использоваться по назначению либо выставляются на продажу. Если их не купят, то они могут быть безвозмездно переданы благотворительной организации или уничтожены.

Важно, что п. 2 постановления Правительства РФ от 9 января 2014 г. № 10 к подаркам, полученным в связи с официальными мероприятиями (и, соответственно, к взяткам), не относит:

- канцтовары, которые были подарены каждому участнику мероприятия для исполнения им своих должностных обязанностей;

- подаренные цветы;

- ценные подарки, являющиеся поощрением или наградой за личные достижения сотрудника, в т.ч. в связи с достижением им

¹ Статистика по коррупции в России 2022. Данные за январь – июль от МВД // Общероссийская общественная организация содействия реализации гражданских антикоррупционных инициатив «Комиссия по борьбе с коррупцией». 26.08.2022. URL: <https://komiss-korrup.ru/статистика-по-коррупции-в-россии-2022/>.

² Коррупция в России и мире – в шести графиках: статистика преступлений // Коммерсантъ. 09.12.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5708590>.

призовых мест в творческих конкурсах или спортивных соревнованиях.

Эти вещи можно оставить себе независимо от их стоимости и без необходимости уведомления руководства об их получении.

По имеющейся статистике, в России взяточдателей привлекают к ответственности в 2 раза чаще, чем взяточполучателей. Самыми распространенными являются взятки на суммы от 10 до 50 тыс. руб. При этом суды нередко выносят обвинительные

приговоры по делам о взяточничестве, в которых сумма взятки существенно меньше. Так, в 2021 г. были привлечены к уголовной ответственности 67 взяточдателей и 4 взяточполучателей по делам, где взятка была меньше 500 руб.¹ Данное обстоятельство подразумевает, что подарок стоимостью менее 3000 руб., подаренный сотруднику за исполнение им должностных обязанностей, не гарантирует, что даритель и одаряемый не будут обвинены во взяточничестве.

Нуждин А.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Академия ФСИН России (г. Рязань)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПОБЕГОВ ОСУЖДЕННЫМИ

В последние годы прослеживается негативная тенденция к увеличению количества зарегистрированных пенитенциарных преступлений при снижении среднесписочной численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (в 2015 г. коэффициент преступности на 1000 осужденных составлял 1,58, а в 2022 г. уже 2,51)². Достаточно распространенными преступлениями, совершаемыми осужденными, являются побег³. Побег считается преступлением с высоким уровнем общественной опасности, так как лица, их совершающие, причиняют вред как гражданам, так и государству (зачастую в лице уголовно-исполнительной системы). Важно понимать, что такое большое количество побегов совершается из всех учреждений уголовно-исполнительной системы. Для уголовного законодательства нет никакой разницы, откуда совершен побег: из следственного изолятора, колонии строго режима или колонии-поселения. Тем не менее в практике деятельности уголовно-исполнительной системы принято классифицировать побег: из-под охраны и из-под надзора. Наибольшее количество преступлений (около 90%) совершается из-под надзора, из колоний-поселений, где осуж-

денные содержатся без охраны, но под надзором администрации колонии-поселения, а днем пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии. С разрешения администрации колонии-поселения осужденные могут передвигаться без надзора и вне пределов колонии. Следовательно, совершить побег для данной категории осужденных не представляет каких-либо трудностей, достаточно просто не вернуться на территорию колонии-поселения в установленное время.

Совершенно другую ситуацию представляют собой побег из-под охраны (из исправительных колоний, из тюрем, из лечебных исправительных учреждений, из воспитательных колоний, из следственных изоляторов), которых совершается относительно мало, но все они носят резонансный общественно опасный характер и негативно сказываются на деятельности не только конкретного исправительного учреждения, но и всей уголовно-исполнительной системы.

Указанные выше статистические данные показывают, что быстрое раскрытие и качественное расследование не перекрывает всех задач уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодатель-

¹ Коррупция в России и мире – в шести графиках: статистика преступлений.

² Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за 2015-2022 годы. Форма статистической отчетности ФСИН-1 // АИС «Статистика УИС».

³ Там же.

ства. Недостаточно быстро разыскать бежавшего осужденного, качественно расследовать совершенное преступление, выявить обстоятельства, подлежащие доказыванию. Важно принять меры к предупреждению последующих потенциально возможных побегов. А для достижения данной цели необходимо в процессе расследования выявить все обстоятельства, способствовавшие совершению побега, и принять скорейшие меры к их устранению.

Стоит отметить, что побеги обусловлены совокупностью обстоятельств, которые тесно взаимосвязаны друг с другом. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, необходимо выявить все обстоятельства, способствовавшие совершению побега, то есть определить причины побегов и условия, им способствовавшие. Практика расследования данной категории преступлений показывает, что указанные выше обстоятельства выявляются вместе с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, так сказать, попутно, в процессе всего расследования¹. Важно понимать, что обстоятельства, способствовавшие совершению побегов, могут быть получены и при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в процессе оперативно-розыскной деятельности.

Выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению побегов, можно посредством различных средств оперативно-розыскной деятельности. Информация, полученная в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности², может быть использована в предупредительных целях. Источниками оперативно-розыскной информации может выступать:

– информация, полученная при гласном содействии. Так, письменные или устные заявления, сообщения, рапорты сотрудников исправительных учреждений, осуж-

денных и иных лиц могут быть источником большого количества информации криминалистического характера. На основании полученных данных, их анализа можно делать выводы об обстоятельствах, способствовавших совершению побегов;

– информация, полученная при негласном содействии³. Информация, получаемая от различных конфиденентов, является особо ценной. Понимая, что источник получения информации не будет раскрыт, конфидененты предоставляют целый комплекс криминалистически важной информации о совершённом побеге;

– информация, полученная из анонимных источников. Подобного рода информация носит исключительно ориентирующий характер и должна быть проверена. Однако данная информация зачастую может сориентировать оперативного сотрудника, указать на наличие тех или иных обстоятельств, способствовавших совершению побегов;

– информация, содержащаяся в различных учетах и базах данных. Деятельность по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению побегов, должна быть основана на информации, содержащейся в различных видах учетов: профилактический, оперативно-розыскной, оперативно-справочный, криминалистический, судебный и так далее;

– информация, полученная в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Подобная информация является базовой и наиболее обширной. Законодательство об оперативно-розыскной деятельности наделило оперативного сотрудника исправительного учреждения огромным арсеналом сил и средств.

Важное значение имеет опрос осужденного, совершившего побег, а также иных лиц⁴. Данное оперативно-розыскное мероприятие обладает большими возможно-

¹ Крымов А.А. Направления использования результатов оперативно-режимных мероприятий, осуществляемых в исправительных учреждениях: проблемы законодательного закрепления // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1(92). С. 15-20.

² Оперативно-розыскная информация : монография / под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. 2-е изд., доп. М.: ИНФРА-М, 2020. С. 98.

³ Галахов С.С., Маликова Н.Б., Крипулевич А.Ю. О некоторых принципах, регулирующих оперативно-розыскную деятельность в работе с лицами, оказывающими негласное содействие // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 5(46). С. 15-21.

⁴ Кутуков С.А., Моисеев Н.Д. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий при розыске лиц, совершивших побег из исправительных учреждений // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12 (204). С. 289-291.

стями для выявления обстоятельств, способствовавших совершению побега.

Опрос позволяет выяснить причины, способствовавшие совершению побега, мотивы, которые подтолкнули осужденного к совершению данного преступления. Хорошо спланированный и качественно проведенный опрос позволяет выявить и установить не только причины, которые способствовали совершению побега, но и аспекты подготовки к его совершению, причины выбора того или иного способа совершения, соучастников и так далее.

Необходимо отметить, что все выявленные при опросе обстоятельства, способствовавшие совершению побега, не могут сразу считаться истинными. Их необходимо проверять с помощью других оперативно-розыскных мероприятий.

Вместе с опросом осужденного (лица, совершившего побег) часто используются и опросы иных лиц, в частности очевидцев побега. В зависимости от объекта опроса должна различаться и тактика производства данного оперативно-розыскного мероприятия с целью выявления обстоятельств, способствовавших совершению побега.

Большой комплекс обстоятельств, способствовавших совершению побега, может быть выявлен посредством обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Данное оперативно-розыскное мероприятие основывается на изучении обстановки как в месте совершения преступления, так и в месте его подготовки. Посредством проведения рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия могут быть выявлены следующие обстоятельства, способствовавшие совершению побега: состояние и расположение инженерно-технических средств ох-

раны и надзора; следы в месте преодоления линии охраны; характер и особенности предметов, используемых для совершения побега; состояние видимости; время нахождения преступника в месте совершения преступления (территория внутренней или внешней запретной зоны). Мы указали лишь некоторые оперативно-розыскные мероприятия, которые могут быть проведены с целью выявления обстоятельств, способствовавших совершению побегов.

На основании изложенного выше можно сделать следующие выводы:

- побеги осужденных из исправительных учреждений являются опасным преступлением. Количество совершаемых преступных деяний ежегодно остается на достаточно высоком уровне. Организации предупреждения данной категории преступлений должно быть уделено большее внимание;

- используя различные тактические приемы при проведении оперативно-розыскных мероприятий, возможно выявить комплекс причин и условий, способствовавших совершению побегов осужденных из исправительных учреждений. Выявленные обстоятельства общего характера, типичные для многих исправительных учреждений, будут способствовать предупреждению побегов во многих учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Выявление обстоятельств, способствовавших совершению побегов осужденных из исправительных учреждений, повысит уровень предупредительной работы в уголовно-исполнительной системе и будет способствовать достижению такой цели уголовно-исполнительного законодательства, как предупреждение совершения новых преступлений осужденными.

Контемирова Ю.В.,

кандидат юридических наук
Волгоградская академия МВД России

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ**

В современных условиях развития общества корысть и насилие сопровождают человека в повседневной жизни¹ и, к сожалению, приобретают статус привычных социальных явлений.

По мотивам корысти в самом широком понимании этого побуждения совершается до 90% всех учитываемых преступлений, она в значительной мере определяет криминологическую обстановку почти в каждой стране. Подавляющая часть криминального насилия мотивирована корыстью².

Среди корыстно-насильственных преступлений, получивших в последнее время наибольшее распространение на территории Российской Федерации, особо выделяются грабежи и разбойные нападения.

Преступления указанной категории обладают определенной спецификой и представляют повышенную общественную опасность не только своими масштабами и последствиями, но и тем, что формируют у граждан чувство страха, тревоги, опасения стать жертвой преступления.

Основными причинами совершения корыстно-насильственных преступлений являются: материальная нужда, резкая дифференциация населения по уровню материальной обеспеченности, рост безработицы, усугубление социальных противоречий и конфликтов в обществе.

Согласно статистическим данным ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области за 6 месяцев 2022 г. зарегистрировано 38 разбойных нападений (АППГ – 66). Количество приостановленных уголовных дел осталось на уровне прошлого года и составило 6 дел. Количество расследованных уголовных дел уменьшилось на 19 дел (с 55 до 36), раскрываемость составила 85,7% (АППГ – 90,2%).

Проведенный анализ по месту и способу совершения преступлений данной категории показал, что наиболее распространенными местами являются объекты малого кредитования, торговли и домовладения граждан. Так, по итогам 6 месяцев 2022 г. в общественных местах, площадях, парках, скверах совершено 22 преступления (АППГ – 26), на улицах – 15 (АППГ – 12), на трассах – 0 (АППГ – 0).

За 6 месяцев 2022 г. по данным ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области зарегистрировано – 466 грабежей (АППГ – 476), расследовано – 326 (АППГ – 320), приостановлено – 154 (АППГ – 167), раскрываемость составила – 67,9% (АППГ – 65,7%).

Проведенный анализ по месту и способу совершения преступлений данной категории показал, что наиболее распространенными местами являются уличные грабежи, совершенные в общественных местах и местах массового скопления людей. Так, по итогам 6 месяцев 2022 г. в общественных местах – 370 (АППГ – 365), на улицах – 155 (АППГ – 170), на трассах – 0 (АППГ – 0)³.

Как правило, преступления указанной категории совершаются в условиях неочевидности, когда преступники для совершения преступления в целях конспирации выбирают вечернее и ночное время суток, безлюдные места в парковых зонах и проходные улицы, с массой возможных путей отхода, сектора которых не просматриваются или не оборудованы системами видеофиксации. Также преступления данной категории не требуют тщательной подготовки и специфики исполнения, что зачастую позволяет не оставлять на месте преступления следов, а скоротечность и кратковременность преступного деяния не позволяют

¹ См.: Симоненко О.О. Мотивация и характер насилия групповых корыстно-насильственных преступлений против собственности граждан // Российский следователь. 2009. № 2. С. 29.

² См.: Ситковский А.Л., Басков А.В. Основные тенденции корыстно-насильственной преступности в России и проблемы ее предупреждения // Профessional. 2008. № 5. С. 25-27.

³ Статистический отчет ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области за 6 месяцев 2022 г.

потерпевшим дать исчерпывающую информацию о приметах преступника, в том числе возможность составить фотокомпозиционный портрет.

Причины низкой эффективности раскрытия и расследования уголовных дел данной категории.

1. Ненадлежащая организация проведения первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий на месте совершения преступления. Речь идет о некачественной работе с потерпевшими, установлении маршрутов преступника, отыскании и изъятии следов (изъятие видео, поквартирный и подворовой обходы, осмотр прилегающей территории по пути следования с целью отыскания возможных следов и похищенного имущества, работа с иными лицами – продавцы магазинов, работники АЗС, а также не устанавливаются т/с с видеорегистраторами).

2. Отсутствие взаимодействия заинтересованных служб и организующей роли руководства территориальных органов внутренних дел (далее – ТОВД), предусмотренного ведомственными нормативными правовыми актами. Так, указанное направление преимущественно носит формальный характер. На деле выясняется, что зачастую руководители отделов уголовного розыска, следственных отделов, отделов дознания на местах не обсуждают проблемные вопросы при расследовании, что нередко приводит к приостановлению уголовных дел, имевших перспективу на раскрытие и направление в суд, а также периодически переквалификацию уголовных дел на более тяжкие составы при приостановлении.

3. Ненадлежащая организация работы по сбору в рамках проводимых оперативно-розыскных мероприятий образцов ДНК с целью направления в ЭКЦ ГУ для проведения сравнительных исследований и пополнения единой федеральной базы геномной информации.

4. Неудовлетворительно осуществляется розыск лиц, совершивших преступления данного вида. Работа по розыску преступников сводится лишь к формальным проверкам адресов возможного пребывания разыскиваемых, направлению ориенти-

ровок, проверкам по учетам. Планы дополнительных оперативно-розыскных мероприятий не составляются. Информация о местонахождении преступников поступает нерегулярно, носит формальный характер. Отсутствует взаимодействие с оперативными службами.

Таким образом, в целях активизации работы по противодействию корыстно-насиленных преступлений необходимо:

1) ТОВД на районном уровне во взаимодействии с УУР на постоянной основе проводить анализ преступлений рассматриваемой категории;

2) руководству ТОВД взять на личный контроль указанное направление деятельности, обеспечить надлежащий контроль за оперативным сопровождением уголовных дел. Организовать в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными правовыми актами МВД России, взаимодействие заинтересованных служб по раскрытию, расследованию уголовных дел, возбужденных по ст. 161, ст. 162 УК РФ;

3) на основе анализа оперативной обстановки производить передислокацию патрульно-постовых нарядов, максимально приблизив их к местам, наиболее подверженным совершению преступлений, сбыту похищенного имущества;

4) на постоянной основе проводить профилактические мероприятия в среде несовершеннолетних с целью недопущения совершения преступлений;

5) на постоянной основе изымать и направлять в ЭКЦ ГУ образцы слюны у лиц, отрабатываемых на причастность к совершенным преступлениям, для выделения ДНК и проверке по единой федеральной базе геномной информации («КСЕНОН-2») с целью установления лиц, причастных к ранее совершенным нераскрытым преступлениям;

6) принять дополнительные меры по розыску лиц, совершивших грабежи и разбойные нападения на территории Волгоградской области.

Васеловская А.В.,

кандидат юридических наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОРЯДКА ПРЕБЫВАНИЯ ЛИЦ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, В МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ,
ОКАЗЫВАЮЩЕЙ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ**

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 491-ФЗ были внесены изменения в Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее – Закон о психиатрической помощи, закон) посредством дополнения его новой статьей 13.1, устанавливающей особенности госпитализации и нахождения в психиатрическом стационаре обвиняемых и подозреваемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу.

Несмотря на то, что положения ст. 13.1 Закона о психиатрической помощи являются новыми и вступили в силу чуть более года назад (с 10 января 2022 г.), анализ ее содержания, а также первая практика работы по новым правилам позволили выявить ряд проблемных аспектов, которые снижают эффективность применения данной нормы. Остановимся, на наш взгляд, на основных.

1. В ч. 2 ст. 13.1 указанного закона установлено правило, согласно которому лицо, госпитализированное в психиатрический стационар, подлежит обязательному психиатрическому освидетельствованию не реже одного раза в месяц для определения состояния его здоровья и возможности проведения с ним процессуальных действий. О результатах такого освидетельствования медицинская организация должна проинформировать орган предварительного расследования, суд, в производстве которых находится уголовное дело.

Представляется, что правило, установленное ч. 2 ст. 13.1 закона, подлежит изменению ввиду следующего. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 24 мая 2018 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.», если психическое состо-

яние лица улучшилось настолько, что необходимость в его нахождении в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, отпадает, а срок (в том числе продленный), на который это лицо было по решению суда помещено в такую медицинскую организацию, еще не истек, ее уполномоченные должностные лица должны информировать об этом органы предварительного расследования, на основании ходатайства которых суд отменяет данную процессуальную меру и одновременно (с учетом осуществляемого в отношении лица уголовного преследования), при наличии предусмотренных законом оснований, решает вопрос о необходимости применения к нему содержания под стражей или иной меры пресечения.

Состояние здоровья подстражного лица, помещенного в психиатрический стационар, и возможность его участия в процессуальных действиях на постоянной основе оцениваются лечащим врачом в ходе ежедневных осмотров и бесед с пациентом, проведение для этого комиссионных освидетельствований при отсутствии сложностей в верификации диагноза или подборе терапии не требуется.

Полагаем, что вместо положений ч. 2 ст. 13.1 в указанной статье целесообразно установить возможность проведения освидетельствования до наступления установленного судом срока (досрочно), если психическое состояние лица изменилось и более не требует пребывания в стационарных условиях. Предложенный порядок будет отвечать правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в п. 4.2 постановления от 24 мая 2018 г. № 20-П. Кроме того, аналогичный порядок (с возможностью проведения досрочного освидетельствования) в настоящее время предусмотрен при решении вопроса о продлении и прекращении принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 102 УК РФ).

3. Часть 3 ст. 13.1 Закона о психиатрической помощи предусматривает правило о том, что лицо, находящееся под стражей и госпитализированное в психиатрический стационар, пользуется всеми правами пациентов, находящихся в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 37 закона), однако решением суда для этого лица могут быть установлены запреты совершать определенные действия.

Статья 37 Закона о психиатрической помощи в ч. 2 предусматривает права пациентов, которые не подлежат ограничению, а в части 3 – те права пациентов, которые могут быть ограничены по рекомендации лечащего врача заведующим отделением или главным врачом в интересах здоровья или безопасности пациентов, а также в интересах здоровья или безопасности других лиц.

Правило, предусмотренное ч. 3 ст. 13.1 закона, предусматривает возможность установления постановлением суда запретов на совершение определенных действий. Данная формулировка противоречит положениям действующей редакции ч. 3 ст. 37 закона, предусматривающей возможность ограничения отдельных прав пациента заведующим отделением или главным врачом.

Следует отметить, что, по сути, между двумя указанными нормами имеется правовая коллизия в вопросе о том, кем именно может быть принято решение об ограничении отдельных прав пациента: судом (как предусмотрено в ч. 3 ст. 13.1) либо заведующим отделением / главным врачом медицинской организации (как предусмотрено в ч. 3 ст. 37 закона).

Кроме того, ограничение отдельных прав пациентов в интересах здоровья и безопасности самих пациентов, а также в интересах здоровья и безопасности других лиц возможно только с учетом оценки клинической картины и текущего психического состояния лица. Данный вопрос относится к категории медицинских, а потому должен входить в компетенцию медицинской организации, а не судебных органов.

С учетом указанных замечаний представляется целесообразным изложить ч. 3 ст. 13.1 закона в следующей редакции:

«(3) Страдающий психическим расстройством подозреваемый, обвиняемый, временно помещенный в медицинскую ор-

ганизацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, пользуется правами, предусмотренными статьей 37 настоящего Закона. Права, предусмотренные частью 3 статьи 37 настоящего Закона, в отношении указанных в настоящей статье лиц могут быть ограничены по рекомендации лечащего врача заведующим отделением или главным врачом в интересах здоровья и безопасности пациентов, а также в интересах здоровья и безопасности других лиц».

4. И наконец, ч. 4 ст. 13.1 Закона о психиатрической помощи закрепляет за медицинской организацией обязанность не позднее чем за 15 дней до истечения установленного судом срока пребывания лица в психиатрическом стационаре проинформировать о результатах обязательного психиатрического освидетельствования орган предварительного расследования, суд, в производстве которых находится уголовное дело, для решения вопроса о необходимости дальнейшего пребывания лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Полагаем, что указанная норма также нуждается в доработке и изложении в новой редакции.

В частности, полагаем, что информация о результатах психиатрического освидетельствования должна передаваться только в орган предварительного расследования, на основании ходатайства которого суд отменяет либо продляет назначенную процессуальную меру. Аналогичная позиция изложена в п. 4.2 постановления Конституционного Суда РФ от 24 мая 2018 г. № 20-П. Дублирование медицинской организацией указанной информации о результатах психиатрического освидетельствования в суд (без соответствующего ходатайства органа предварительного расследования) представляется нецелесообразным.

Медицинская организация дает заключение по результатам психиатрического освидетельствования о психическом состоянии лица и необходимости (либо отсутствии необходимости) его дальнейшего пребывания в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. Заключение о способности лично осуществлять свои права в судебном заседании не всегда может быть

дано заблаговременно, поскольку заключение комиссии врачей-психиатров составляется по текущему психическому состоянию лица, оценить в перспективе, каким будет психическое состояние лица на момент проведения судебного заседания (без конкретизации, о каком именно судебном заседании идет речь и в каком временном периоде оно будет проходить) в абсолютном большинстве случаев не представляется возможным.

Полагаем, что указанные замечания и аргументы свидетельствуют о необходимости изложения ч. 4 ст. 13.1 закона в новой редакции. При этом с учетом указанных замечаний относительно ч. 2 рассматриваемой статьи, представляется целесообразным объединить ч. 2 и ч. 4 ст. 13.1 и изложить их в следующей редакции:

«Медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях, не позднее чем за 15 дней до истечения установленного судом срока пребывания в ней лица, временно помещенного в указанную организацию, проводит психиатрическое освидетельствование указанного лица и информирует о результатах освидетельствования орган предварительного расследования для решения вопроса о необходимости его дальнейшего пребывания в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Психиатрическое освидетельствование лица может быть проведено до наступления срока, указанного в настоящей части, по инициативе лечащего врача, если в процессе лечения он пришел к выводу об изменении психического состояния лица, при котором необходимость в его дальнейшем пребывании в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, отпала, а также по ходатайству самого лица, его законного представителя или органа предварительного расследования. Ходатайство подается через администрацию медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. О результатах такого освидетельствования медицинская организация информирует орган предварительного расследования».

Несмотря на то, что ст. 13.1 Закона о психиатрической помощи была введена в действие относительно недавно (с 10 января 2022 г.), ее положения нуждаются в существенной доработке, поскольку в действующей редакции содержат в себе противоречия и снижают эффективность ее применения. Представляется, что размышления автора, представленные в настоящей статье, могут быть полезными для дальнейшей работы по данному направлению.

Гамзина А.В.

Красноярский государственный аграрный университет

Гумерова О.Ю.

Красноярский государственный аграрный университет

К ВОПРОСУ О ВХОЖДЕНИИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ В СОСТАВ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

В Российской Федерации (далее – РФ) уже традиционно среди подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) именно участковые уполномоченные полиции (далее – участковые уполномоченные) являются представителями структур правоохранительного аппарата, наиболее приближенными к народу.

Несмотря на то, что основы данного института были заложены еще в дореволюционной России, рассвет службы приходится на советский период нашей истории, когда участковые уполномоченные решали большой спектр задач, что вызывало у советских граждан заслуженное уважение к данному подразделению милиции. Кроме того, по-

добному авторитету способствовала пропаганда позитивного образа участкового инспектора, представленная в литературе и кинематографе¹.

Именно в данный период участковые инспекторы милиции не только являлись главным звеном в борьбе с бытовыми правонарушениями, но и были надежными помощниками уголовного розыска (далее – УР) в предотвращении и раскрытии более серьезных преступлений. При этом каждый из инспекторов милиции имел своего куратора из состава оперативников УР, что обуславливало эффективное взаимодействие данных подразделений, обеспечивая общие высокие показатели их совместной работы. В данный период участковые инспекторы милиции в своей деятельности активно применяют средства и методы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Важно отметить, что активное использование возможностей участковых инспекторов милиции в интересах УР благодаря грамотной организации их деятельности, а также общей штатной численности (в советское время количество участковых инспекторов при пересчете на количество граждан, проживающих на обслуживаемом участке, было примерно в два раза выше, чем в настоящий момент) не оказывало негативного влияния на ведение административной практики и осуществление профилактической работы.

Таким образом, совместная деятельность рассматриваемых подразделений ожидаемо привела к вхождению в состав отделов УР участковых инспекторов. В 1974 г. они были введены во вновь созданную службу профилактики, являющуюся, в свою очередь, составной частью подразделений УР. Данная реформа доказала, с одной стороны, что возможности службы участковых инспекторов представляли неподдельный интерес для уголовного ро-

зыска. С другой – становится ясным, что государство на тот момент еще недостаточно осознало возможности и значение института участковых уполномоченных милиции в охране правопорядка. В 1983 г. служба профилактики была упразднена, а участковые инспекторы выведены из подчинения аппарата УР².

При этом некоторые исследователи, несмотря на разделение рассматриваемых подразделений, указывают на положительный опыт их совместного функционирования и общность решаемых ими задач. Так, в частности, А.В. Серова утверждает, что нахождение в период с 1974 по 1983 гг. участковых уполномоченных в штате уголовного розыска свидетельствует о близости задач обеих служб³.

Противодействие преступлениям общеправовой направленности отнесено в полиции к полномочиям уголовного розыска⁴.

После выхода службы участковых уполномоченных из состава уголовного розыска вплоть до настоящего момента происходило сокращение их функционала в части возможности раскрытия преступлений и смещение его исключительно к ведению административной практики⁵. Несколько позже произошло и отстранение участковых уполномоченных от ведения ОРД.

В свою очередь, в настоящий момент участковые уполномоченные ориентированы на профилактическую работу и рассмотрение небольших правонарушений.

На практике такое разделение функционала обернулось чрезмерной загруженностью участковых именно административными делами, требующими выполнения многих бюрократических процедур.

Фактически же, по утверждению участковых инспекторов, работающих непосредственно «на земле», зачастую руководство ОВД судит об эффективности их работы

¹ Подр.: Гамзина А.В., Гумерова О.Ю. К вопросу об участии участковых уполномоченных полиции в оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-1. С. 3-4.

² Организация деятельности участкового уполномоченного полиции : учебник. СПб.: ООО «Р-КОПИ», 2017. 308 с.

³ Серова А.В. О субъектах оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Законодательство и практика. 2016. № 2(37). С. 81-83.

⁴ Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. 332 с.

⁵ Подр.: Гамзина А.В., Гумерова О.Ю. Указ. соч. С. 3-4.

именно по количеству раскрытых преступлений лично¹.

Указанное несоответствие между предъявляемыми требованиями и имеющимися в арсенале участковых возможностями для борьбы с преступностью, а также реалии сегодняшнего дня вполне закономерно обуславливают вопрос о возвращении их в штат УР, по примеру позднесоветского этапа нашей истории.

В обоснование этого предложения также важно отметить, что фактически при раскрытии преступлений участковые уполномоченные в ходе профессиональной

деятельности продолжают проводить мероприятия, похожие на оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), но формально таковыми не являющиеся². Очевидно, что придание и так проводимым инспекторами процедурам законного статуса ОРМ повысит эффективность их работы. В данном случае с учетом положительного опыта советской милиции включение участковых уполномоченных в штат УР позволит им использовать возможности ОРД, что, в свою очередь, ожидаемо повысит эффективность их деятельности.

Кулакова Д.В.

Академия управления МВД России (г. Москва)

ЭКСТРЕМИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ПОНЯТИЕ И ПРОЯВЛЕНИЯ

В Конституции РФ указывается, что никто не может присваивать власть в Российской Федерации (ст. 3), и далее установлен запрет на создание и деятельность общественных организаций, цели и действия которых направлены на насильственное изменение конституционных основ, разжигание расовой, национальной, религиозной розни (ст. 13, 26). Тем не менее, по данным Генеральной прокуратуры РФ³, в 2020 г. были зарегистрированы 833, в 2021 г. – 1057, а в 2022 г. – 1566 преступлений экстремистской направленности.

Об угрозе экстремизма в той или иной степени говорил Президент РФ в посланиях Федеральному Собранию в 2023, 2021 годах⁴. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»⁵ закрепляет основные положения в сфере противодействия экстремизму. При этом зако-

нодатель не разделяет понятия экстремизма и экстремистской деятельности, используя их в качестве синонимичных, что может быть вполне оправдано в том понимании, что экстремизм проявляется именно в конкретной деятельности лиц.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года⁶ подчеркивается, что «экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и единства, подрывает социальную защищенность и государственную целостность Российской Федерации, формирует реальную опасность сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия».

Социальная система общества, сформировавшаяся в ходе длительного исторического развития, включает в себя различные

¹ Почему государство уничтожает институт участковых уполномоченных полиции? URL: <https://dzen.ru/a/XjVK33yvj5a3sX> (дата обращения: 12.08.2022).

² Подр.: Гамзина А.В. Проблемные аспекты взаимодействия отделов уголовного розыска с подразделениями по делам несовершеннолетних и участковыми уполномоченными полиции в процессе криминалистической профилактики преступлений в среде несовершеннолетних // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 2(22). С. 34-44.

³ Динамика показателей преступности России // Портал правовой статистики. URL: crimestat.ru/offences_chart (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.02.2023 // Российская газета. 21.02.2023; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Российская газета. 21.04.2021.

⁵ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Парламентская газета. 2002. № 142-143.

⁶ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.

сферы: политическую, экономическую, социальную, духовную и иные.

Для корректного формулирования определения политической сферы необходимо выявление и формулирование ее состава и сущностных характеристик. Считаем возможным выделить внутреннюю и внешнюю политическую сферы из учета выделения

законодателем в качестве основных источников угроз экстремизма внутренние и внешние экстремистские угрозы (согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года). Данный компонентный состав представлен в схеме 1.

Схема 1. Структура политической сферы в зависимости от ее функций

Нацеленность власти на внутреннюю политику, улучшение благосостояния населения, усиление обороноспособности, решение межнациональных конфликтов, противодействие экстремистской и террористической деятельности и другое образуют внутреннюю политическую сферу по отношению к государству.

Внешняя политическая сфера по отношению к государству представляет собой

защиту интересов страны на международной арене, поддержание дипломатического имиджа, гарантированность безопасности от внешнего вмешательства, рост своего политического потенциала.

Считаем, что субъектный состав политической сферы можно представить в виде схемы:

Схема 2. Структурный состав политической сферы

Целями деятельности любой политической партии являются обретение и осуществление политической власти посредством приумножения своих представителей.

Немаловажную роль в политической сфере играют политические лидеры, многие из которых в силу своего должностного

либо общественного положения наделены возможностью транслировать собственное мнение и взгляды.

В число субъектов политической сферы также необходимо включать СМИ. Они имеют возможность формировать общественные предпочтения и повестку дня,

влиять на мнение аудитории – политический дискурс характеризуется высоким уровнем воздействия на людей¹.

Общественное объединение – это организованное воплощение гражданского общества, олицетворяющее общественное мнение. Также лидеры общественного мнения являются ретрансляторами сведений, в которых могут быть заинтересованы политические участники.

Религиозные деятели могут входить в состав общественных советов при государственных органах, участвовать в различных объединениях гражданского общества, а также с помощью своего статусного положения влиять на правосознание и понимание индивидами политических решений.

Финансово-экономическая элита представляет собой совокупность экономических представителей государства, аккумулирующих и контролирующих крупнейшие капиталы. П.И. Иванов констатирует, что «материальная и финансовая помощь организаторам и руководителям экстремистских организаций служит для них основой существования», а также подчеркивает, что «эффективность противодействия экстремизму может быть достигнута лишь в том случае, когда будут максимально минимизированы как сами источники, так и каналы их финансирования»².

Лидеры преступных группировок могут воздействовать на политические отношения или участвовать в избирательной компании с целью приобретения политической власти.

Также в схеме можно выделить враждебно настроенные государства. Их влияние подтверждается данными ГУООН МВД России по протестной активности за 2020-2021 гг., в которых указано, что весной и летом 2021 г. наблюдалась значительная активизация деструктивной деятельности западных неправительственных организаций и аффилированного с ними российского некоммерческого сектора, создающих угрозу основам конституционного строя, обороноспособности и безопасности государства³.

Следует отметить, что политическая сфера является многогранной в реальном

проявлении, а также подвижно развивается и изменяется под действием экономической, социальной, духовной действительности, поэтому невозможно вывести абсолютное определение, отражающее все практические реалии. Считаем возможным считать политическую сферу деятельностью лиц, социальных групп и организаций, направленной на получение политической власти или воздействия на нее.

Экстремизм любой формы имеет политические цели, проявляется в преступлениях и административных правонарушениях. Конечно, субъекты экстремистской деятельности, несомненно, разнообразны, очевидно, что такая деятельность проявляется и в молодежной, и в религиозной, и в иных сферах, однако направлена она на подрыв конституционных основ и имеет политические цели.

На основе авторского понимания политической сферы общества и ее составляющих компонентов к экстремизму в политической сфере можно отнести: насильственное изменение конституционного строя, нарушение территориальной целостности страны; подрыв доверия к законно избранным органам государственной власти, воспрепятствование их деятельности; воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан; подрыв идеологических основ, духовных и нравственных ценностей общества; публичные призывы, пропаганда, спонсирование такой деятельности; распространение экстремистских материалов политической направленности; возбуждение расовой, национальной, религиозной розни.

В последнее десятилетие происходит явная деструкция современного мирового общественного порядка (затяжная санкционная политика западных стран в отношении России, попытка ее изоляции в системе международных отношений). В условиях современной социально-экономической нестабильности необходимо активизировать противодействие экстремизму в политической сфере построенной государством системой противодействия. Необходим комплексный подход в процессе выявления,

¹ Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник ННГУ. 2013. № 6-1. С. 403.

² Иванов П.И. Финансирование экстремистской деятельности (оперативно-розыскное реагирование) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2(58). С. 102.

³ Информационно-справочные материалы ГУООН МВД России за 2020-2022 гг. С. 5.

предупреждения, пресечения, выявления, раскрытия и расследования правонарушений экстремистской направленности, на-

правленный на все приведенные автором элементы политической сферы общества.

Филипсон К.Ю.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ОСОБЕННОСТИ ПРИНУЖДЕНИЯ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

В современной юридической науке нет единого подхода к понятию принуждения. На наш взгляд, принуждение является обязательным элементом функционирования не только государства и права, но и общества в целом.

Как верно отмечает Н.В. Макарейко, право и принуждение представляют собой социальные явления, которые не могут быть рассмотрены в изоляции друг от друга. Их взаимодействие находит свое проявление в двух аспектах. Во-первых, принудительность является неотъемлемым свойством права. Во-вторых, принуждение, опосредованное правом, приобретает новые интеграционные свойства, оно становится правовым принуждением¹.

В юридической литературе принято выделять лишь государственное принуждение, которое закреплено охранительной нормой. В связи с этим формой реализации такого принуждения является только властеотношение, в котором в качестве властвующего субъекта выступает государство.

На наш взгляд, преобладание такой односторонней позиции относительно понимания принуждения и того, кто уполномочен его применять и на основании каких норм права, связано прежде всего с необоснованным отождествлением правового и государственного принуждения.

В юридической литературе вопросы соотношения государственного и правового принуждения носят дискуссионный характер². Как правило, большинство ученых, утверждая, что только государство обладает способностью к принуждению, приводят в пример публичные отрасли права, в

которых наиболее явно можно проследить подтверждение их точек зрения.

Действительно, если рассматривать принуждение в сфере публичного права, то оно в большинстве случаев осуществляется только посредством деятельности уполномоченных на то властных органов. Публичные правоотношения построены на власти и подчинении, т.е. обладают четкой вертикальной направленностью, поскольку субъекты государственно-властных отношений занимают строго определенное место в системе публично-властного отношения. Властным субъектом в данных правоотношениях выступает государство через свои государственные, правоохранительные и контролирующие органы, которые обладают возможностью применять и использовать принудительную власть самостоятельно и без волеизъявления потерпевшей стороны.

Например, ст. 8 УПК РФ закрепляет, что правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом и никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном УПК РФ. В то же время в ст. 37 УК РФ указано, что в случае защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия обороняющемуся предоста-

¹ Макарейко Н.В. Право и принуждение: к вопросу о взаимосвязи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 1. С. 52-60.

² Козулин А.И. Правовое принуждение (Правовые начала государственного принуждения в советском обществе) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. С. 6; Жаренов И.П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 27.

вляется правомочие применять необходимую оборону как меру индивидуального правового принуждения.

Согласно ст. 2.7 КоАП РФ, допускается причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред.

Законодатель в указанных регулятивных нормах публичного права предоставил обладателю нарушенного субъективного права возможность воспользоваться мерами принуждения, выражающимися в ущемлении или нарушении прав другого лица в целях пресечения правонарушения и восстановления нарушенных субъективных прав.

В связи с этим мы считаем, что применять государственное властное принуждение в публичном праве уполномочены не только органы государственной власти. В случаях, прямо предусмотренных законом, иные лица также обладают правомочием осуществлять принуждение. Данное принуждение носит правовой характер, но, в отличие от государственного принуждения, осуществляется на основании регулятивных норм права.

В сфере частного права складывается иная ситуация. Участники гражданских правоотношений юридически равны, тем самым отсутствует схема власти и подчинения. Государство в данных отношениях занимает место охраняющего органа и становится участником гражданских правоотношений только в том случае, если обязанная сторона в добровольном порядке не исполняет свои обязанности либо не восстанавливает нарушенные права.

Мы согласны с Ю.К. Осиповым, который писал, что «государство вольно поручать реализацию права самому обладателю, установив соответствующие рамки действий»¹. Так, в соответствии с гражданским законодательством невластные субъекты

наделены правомочием на односторонние принудительные действия.

Так, в соответствии с гражданским законодательством невластные субъекты наделены правомочием на односторонние принудительные действия.

Применение мер одностороннего воздействия осуществляется в неюрисдикционной форме и не влечет за собой возникновение нового охранительного правоотношения, так как возможность их реализации закреплена в регулятивных нормах права, а не охранительных.

Меры одностороннего воздействия включают в себя самозащиту и меры оперативного воздействия.

Самозащита как мера принуждения носит межотраслевой характер и находит свое закрепление не только в публичном, но и в частном праве (необходимая оборона, крайняя необходимость, отказ от выполнения работы в случаях, предусмотренных законом и т.п.).

Раскроем меры оперативного воздействия в качестве правового принуждения в частном праве. В.П. Грибанов под мерами оперативного воздействия понимал такие юридические средства правоохранительного характера, которые применяются к нарушителю гражданских прав и обязанностей непосредственно самим управомоченным лицом как стороной в гражданском правоотношении, без обращения за защитой права к компетентным государственным или общественным органам².

К мерам оперативного воздействия относятся удержание, отказ от (исполнения) договора, отказ от принятия ненадлежащего исполнения, приостановление встречного исполнения и другие.

Применяя односторонние меры правового принуждения, управомоченное лицо лишает воли правонарушителя, тем самым заставляя совершить действия по защите нарушенного права. Должнику навязывается определенный вариант поведения, который он добровольно совершать не желает.

Например, согласно ст. 359 ГК РФ кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу,

¹ Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел. М., Статут. 2003. С. 91-94.

² Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 133.

указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено. Требования кредитора, удерживающего вещь, удовлетворяются из ее стоимости в объеме и порядке, предусмотренных для удовлетворения требований, обеспеченных залогом.

Также возможность удержания обеспечивает обязательство заказчика по договору подряда уплатить подрядчику причитающуюся ему сумму (ст. 712 ГК РФ), поверенного, действующего в качестве коммерческого представителя по договору поручения (п. 3 ст. 972 ГК РФ), комиссионера по договору комиссии (п. 2 ст. 996 ГК РФ), перевозчика (п. 4 ст. 790 ГК РФ)¹.

Полагаем, что удержание как мера принуждения стимулирует должника исполнить обязательство надлежащим образом. Совершенно верно по этому поводу высказался В.А. Белов: «Если вещь должнику действительно необходима, то он постарается исполнить обязательство как можно скорее, чтобы получить ее назад»².

Например, сторона, осуществившая строительство объекта недвижимости по договору строительного подряда, при неисполнении контрагентом обязанности по их оплате может воспользоваться правом удержания, предоставленным ей ст. 712 ГК РФ (п. 6 постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем».

Согласно ст. 712 ГК РФ при неисполнении заказчиком обязанности уплатить установленную цену либо иную сумму (условие), причитающуюся подрядчику в связи с

выполнением договора подряда (условие), подрядчик имеет право на удержание в соответствии со ст. 359 и 360 ГК РФ результата работ, а также принадлежащих заказчику оборудования, переданной для переработки (обработки) вещи, остатка неиспользованного материала и другого оказавшегося у него имущества заказчика до уплаты заказчиком соответствующих сумм (следствие).

В то же время в ст. 360 ГК РФ указано, что если удержание не оказало должного воздействия на обязанное лицо по возврату вещи, то требования кредитора удовлетворяются из ее стоимости помимо воли недобросовестного контрагента и без обращения к государственным органам, т.е. без запуска механизма охраны субъективных прав. У правонарушителя в сложившейся ситуации нет возможности не исполнять возложенную на него обязанность по уплате стоимости работ по договору и убытков, так как согласно нормам об удержании вещи управомоченная сторона в принудительном порядке реализует свое субъективное право.

Считаем, что на примере удержания наиболее ярко и полно раскрывается действие правового (негосударственного) принуждения, когда субъекты правоотношений разрешают конфликтную ситуацию без использования механизма государственного принуждения. Несмотря на это, действие правовых норм всегда подкреплено возможным применением мер государственного принуждения.

Исходя из вышеизложенного, принуждение может применяться как государственными органами, так и иными управомоченными лицами в целях защиты субъективных прав. Мы согласны с Д.Н. Кархалевым в том, что «главное в принуждении – отсутствие свободы воли, а не субъект, применяющий меру принуждения»³.

¹ Гонгалов Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М. : Статут, 2004. С. 222.

² Белов В.А. Новые способы обеспечения исполнения банковских обязательств // Бизнес и банки. 1997. № 45(367). С. 2.

³ Кархалев Д.Н. Меры оперативного воздействия в гражданском праве // Российский судья. 2009. № 4. С. 15.

Мельникова Л.Ю.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ:
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Стремительный рост объемов создаваемой информации, существенное развитие цифровых технологий и повсеместное их внедрение во все сферы общественной жизни создает такие условия, при которых создание правовых основ, обеспечивающих цифровизацию различных сегментов социальной жизни, является остро необходимым. При этом само содержание, форма, структура и даже механизмы действия существующих правовых институтов также подвергаются существенным изменениям в процессе цифровизации.

В этих условиях вполне закономерным является широкое использование сотрудниками правоохранительных органов современных информационных систем как с целью решения поставленных перед ними задач, так и для взаимодействия с гражданами. Влияние цифровых технологий на деятельность полиции сегодня обусловлено в первую очередь современной политикой государства, в которой информатизация является одним из ведущих направлений.

Цифровая трансформация предполагает не просто переход всех процессов в цифровую форму, а повышение уровня эффективности деятельности всей структуры в целом. Подобная эффективность достигается в том числе и за счет использования информационных технологий в осуществляемой деятельности.

Поэтому для того, чтобы понять, насколько существенно сегодня влияние процессов цифровой трансформации на деятельность полиции, а также выделить положительные и отрицательные аспекты такого влияния, необходимо в первую очередь дать общую оценку современному состоянию информационных технологий в правоохранительной деятельности. А также изучить разрабатываемые государственными органами концепции и направления по обеспечению цифровых процессов при реализации стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики,

социальной сферы и государственного управления в Российской Федерации.

Сегодня практически ни один человек, являющийся активным членом общества, не мыслит свою жизнь без использования цифровых технологий, информационных и технических программ, а также цифровых алгоритмов, которые помогают максимально упростить жизнь и автоматизировать многие процессы. Осознавая ту роль, которую играют информационные технологии в жизни современного общества, научные сотрудники, исследователи и практические эксперты разрабатывают специальные программы, технические устройства, информационные системы и программы, которые помогают правоохранительным органам, в том числе и полиции, в реализации поставленных перед ними основных целей: обеспечение безопасности, раскрытие и предупреждение правонарушений.

В системе органов внутренних дел на сегодняшний день реализуется ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2021-2023 гг., утвержденная распоряжением МВД России от 29 декабря 2020 г. № 1/15065. Одной из задач этой программы является ликвидация имеющихся отставаний по вопросам применения технологий искусственного интеллекта.

Среди наиболее важных достижений в указанной области – специальное программное обеспечение «МСП-ТВ» и Context Capture (специализированная рабочая станция для построения 3D-моделей), беспилотные и малогабаритные летательные аппараты.

Кроме того, на сегодняшний день созданы интегрированные базы данных (следотека, базы учета пропавших без вести и т.д.), системы учета, фиксирующие полную информацию о личности преступника и характере совершенного правонарушения, разработаны технологии, которые позволяют оперативно получать информацию о правоприменительной деятельности, осуществлять быстрый обмен данными между

ведомствами и подразделениями. Среди традиционно используемых систем можно выделить АИСС (автоматизированные информационно-справочные системы), экспертные системы (например, система ЭС «Кортик» помогает проводить экспертизы холодного оружия), дактилоскопические системы, а также автоматические системы для создания портретов.

Мир криминала сегодня – активный пользователь цифровых технологий, что позволяет правонарушителям совершать более масштабные преступления, последствия которых становятся все более серьезными. И это тот факт, который полиции также необходимо учитывать. Так, например, в составе Главного следственного управления Следственного комитета РФ было создано новое подразделение – отдел по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий. Таким образом, цифровизация, внедряемая в систему правоохранительных органов, помогает последним своевременно модернизировать методики расследования новых видов преступлений.

Конечно, если сравнивать применение цифровых технологий в правоохранительной деятельности и в сфере, например, услуг, то оно будет гораздо менее масштабным. Тем не менее современной полиции, как уже было отмечено выше, не чужды новшества цифровых технологий, что дает, с одной стороны, такой положительный аспект, как новые возможности по обеспечению безопасности граждан, а с другой – может привести к появлению и отрицательных последствий, например к нарушению прав и свобод человека.

Четвертая промышленная революция привносит в нашу повседневную жизнь достижения современных технологий (блокчейн, искусственный интеллект, дроны, беспроводная связь и т.п.), что выдвигает к полицейским структурам новые требования как технологического характера – идти в ногу со временем и применять в своей деятельности цифровые технологии, так и социального – демонстрировать большую прозрачность, гласность и открытость полиции для общества и граждан. Применение таких технологий в положительном ключе помогает полиции не только более эффективно справляться со своими функциями,

как мы уже сказали выше, но и за счет открытого диалога на одном уровне повысить доверие граждан и в какой-то мере снизить вероятность коррупции.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что программу цифровой трансформации всей системы МВД можно считать запущенной и уже нельзя отрицать имеющийся положительный эффект от внедрения цифровых технологий.

Однако организационная сложность самой структуры МВД России, необходимость соблюдения требований законодательства, жесткая внутренняя регламентация организации деятельности, а самое важное – дефицит квалифицированных кадров не только снижают уровень эффективности внедрения информационных технологий, но и влекут за собой ряд отрицательных моментов. Один из, пожалуй, самых важных – это возможные сбои в работе информационных систем, которые могут привести к ошибкам и внештатным ситуациям.

Следующей немаловажной проблемой является, по сути, неконтролируемый сбор и хранение огромных объемов данных о гражданах. А в целях выявления потенциальных правонарушителей все чаще применяется так называемый «сплошной» мониторинг социальных сетей. Участие в тех или иных акциях протеста, как и составление протоколов об административных правонарушениях, осуществляется сегодня все чаще при помощи городских систем видеонаблюдения. При этом законом никак не регламентировано, может ли применяться такая система распознавания лиц в случаях с административными правонарушениями. Все эти моменты влекут за собой негативные последствия, как то неправомерное вмешательство в частную жизнь.

Вопрос о регулировании использования таких средств, как системы распознавания лиц, видеонаблюдения, и других систем искусственного интеллекта, является одним из самых серьезных на сегодняшний день, потому что такое регулирование жизненно необходимо на уровне закона и особенно актуально сегодня, так как защита персональных данных все еще недостаточно эффективна. При этом законодатель уже предусмотрел ответственность за разглашение персональных данных (ст. 137 УК РФ) и внес соответствующие изменения

специальным законом от 30 декабря 2020 г. № 515-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об осуществлении оперативно-розыскной деятельности» в отношении сведений об оперативно-розыскной деятельности и частной жизни сотрудников правоохранительных, контролирующих органов.

Указанные отрицательные аспекты процессов цифровой трансформации в деятельности полиции, конечно, не остаются без внимания. Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека совместно с Правительством Российской Федерации был подготовлен проект Концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации. Отмечая довольно высокую сложность цифровой среды и очень быстрое формирование цифрового

пространства в Российской Федерации, правозащитное общество признает возникающие в процессе пробелы законодательства и проблемы правоприменения. Данная Концепция направлена на решение вопросов о противостоянии угрозам информационной безопасности государства и установлении механизмов обеспечения прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации, в том числе и в деятельности полиции.

Такой подход к цифровизации процессов оказания государственных услуг гражданам, в том числе и со стороны МВД России, позволит повысить эффективность организации информационных потоков внутри ведомства, а также позволит увеличить положительные аспекты процессов цифровой трансформации, происходящих в деятельности полиции сегодня, и минимизировать, а по возможности и полностью устранить негативные моменты.

Галушин П.В.,

кандидат технических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ МЕТОДОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Одним из важных направлений деятельности правоохранительных органов является профилактика правонарушений, то есть совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения¹.

По состоянию на 2022 г. в России насчитывается около 130 миллионов пользователей Интернета, что составляет около 90%

населения страны². При этом только 13% опрошенных заявили, что вообще не пользуются социальными сетями³. Эта статистика означает, что в социальных сетях содержатся огромные объемы информации о гражданах, существенная часть которой является открытой и одновременно с этим представляет интерес для правоохранительных органов.

Поэтому целесообразно рассмотреть вопрос о возможностях использования методов анализа социальных сетей в сфере профилактики правонарушений.

С учетом специфики информации, размещаемой в социальных сетях, перспек-

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Российская газета. 28.06.2016.

² Дмитрий Чернышенко: Сегодня в России насчитывается около 130 миллионов интернет-пользователей – это практически 90% населения // Правительство России : сайт. URL: <http://government.ru/news/46639/> (дата обращения: 26.01.2023).

³ Онлайн-практики россиян: социальные сети // Фонд Общественное мнение: сайт. URL: <http://fom.ru/SMI-internet/12495> (дата обращения: 27.01.2023).

тивным выглядит выявление лиц, склонных к совершению преступлений, и сетевых сообществ, распространяющих идеи противоправного и антисоциального поведения.

Методы анализа социальных сетей, которые могут быть применены для выявления подобных лиц и сетевых сообществ, целесообразно разделить на две категории.

К первой относятся системы поиска и мониторинга, которые позволяют осуществлять первичный поиск информации по ключевым словам или иным признакам, заданным пользователем¹.

С точки зрения практики работы правоохранительных органов использование подобных систем имеет два недостатка. Во-первых, правоохранительные органы, как правило, организованы по территориальному принципу и имеют определенную зону ответственности. Сетевые сообщества, напротив, могут включать лиц, проживающих в различных частях страны и даже в разных странах.

Во-вторых, поиск по ключевым словам и признакам может быть недостаточно эффективен в силу сложности их правильной формулировки. Слишком общие критерии поиска будут приводить к большому количеству ложноположительных результатов, а значит, сотрудники правоохранительных органов будут вынуждены тратить большое время на их отбраковку. С другой стороны, слишком конкретные критерии и ключевые слова будут приводить к тому, что некоторые лица и сообщества, требующие внимания в рамках системы профилактики правонарушений, будут оставаться неохваченными.

Кроме того, внедрение поиска и мониторинга по конкретным словам и признакам будет создавать «селективное давление» на пользователей и сообщества социальных сетей, то есть со временем эффективность поиска по этим конкретным признакам и ключевым словам будет падать. Еще более серьезное падение эффективности произойдет, если критерии поиска и ключевые слова будут разглашены, а значит, заинтере-

сованные пользователи и администрация групп смогут специально избегать использования этих ключевых слов. Кроме того, нельзя игнорировать и такие факторы, как изменение моды и естественное изменение языка, что также требует изменения критериев поиска.

Следует подчеркнуть, что проблемой является использование именно конкретных и неизменных признаков и ключевых слов. Таким образом, решением проблемы падения эффективности методов поиска и мониторинга лиц и сетевых сообществ, требующих внимания в целях профилактики правонарушений, является адаптация критериев поиска. В свою очередь, адаптация будет достаточно эффективной только в том случае, если она будет автоматизирована.

Для определения сетевых сообществ и лиц, требующих внимания, в целях профилактики правонарушений могут быть использованы современные технологии искусственного интеллекта, в частности искусственные нейронные сети².

Однако искусственные нейронные сети требуют для своей работы обучающую выборку. В данном случае это должен быть список пользователей и / или сообществ, про которых достоверно известно, что они требуют внимания в рамках системы профилактики правонарушений. Ручное формирование таких списков чревато теми же проблемами, которые обсуждались выше.

Таким образом, представляется, что система мониторинга и поиска лиц и сетевых сообществ, требующих внимания в рамках профилактики правонарушений, должна быть трехуровневой.

На первом уровне осуществляется автоматический поиск учетных записей социальных сетей, соответствующих лицам, совершившим преступления и правонарушения. Это может быть реализовано с помощью искусственной нейронной сети, осуществляющей комбинированный поиск по фотографиям и данным выявленных лиц.

¹ Антропов Д.М. Компьютерные программы в профилактике правонарушений несовершеннолетних (на примере ПМК «Социомониторинг») // Государственная политика Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом, коррупцией и наркотизацией общества : сборник научных трудов XVII Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Волжский филиал Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета, 2022. С. 26-32.

² Серебряная Л.В. Методы построения искусственных нейронных сетей для классификации данных // Цифровая трансформация. 2022. Т. 28, № 1. С. 20-26.

На втором уровне полученные списки учетных записей используются для обучения искусственной нейронной сети для распознавания лиц, требующих внимания в рамках системы профилактики правонарушений.

На третьем уровне искусственная нейронная сеть, обученная на втором уровне, используется для мониторинга социальных сетей и автоматического выявления лиц, требующих внимания правоохранительных органов в рамках системы профилактики правонарушений.

Ко второй категории методов и систем анализа социальных сетей следует отнести системы анализа связей между пользователями и / или сетевыми сообществами в социальных сетях. Исходными данными для подобных систем и методов являются не ключевые слова или признаки, а списки граждан, совершивших преступления или административные правонарушения определенных категорий или по иным причинам попавших в сферу интереса правоохранительных органов.

Для данного списка лиц необходимо выполнить выявление общих и возможных друзей, а также общих и возможных групп социальной сети¹. Так как объемы информации, размещенной в социальных сетях, очень велики, то эффективный анализ и мониторинг социальных сетей невозможны

без использования автоматизированных информационных систем. Большинство социальных сетей позволяет получать доступ к данным о пользователях и группах через программные интерфейсы².

Перечисленные методы анализа связей в социальных сетях были реализованы автором в виде программы для ЭВМ³.

С гражданами, склонными к совершению правонарушений, целесообразно проводить профилактическую работу силами, например, участковых уполномоченных или инспекторов по делам несовершеннолетних⁴.

После установления сетевых сообществ, пропагандирующих ценности преступного мира, целесообразно предпринимать действия по блокированию таких сообществ путем подачи жалоб администрации социальной сети или, в случае отсутствия желаемого результата, в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Таким образом, применение современных информационных технологий и технологий искусственного интеллекта может повысить эффективность деятельности правоохранительных органов по профилактике правонарушений за счет автоматизации рутинных операций и адаптации к изменяющимся условиям.

¹ Подр.: Галушин П.В., Смирнов И.А. Автоматизация аналитической работы органов наркоконтроля с информацией, размещенной в социальных сетях // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 3(16). С. 117-121.

² Подр.: Галушин П.В. Возможности автоматизированного доступа к информации, предоставляемые социальными сетями // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей : материалы XVIII международной научно-практической конференции / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015. С. 60-63.

³ Подр.: Галушин П.В. Анализ связей социальной сети «ВКонтакте» : свидетельство о регистрации программы для ЭВМ. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39304709_49510629.PDF (дата обращения: 01.02.2020).

⁴ Хабибова Л.Д. Основные направления деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению и профилактике правонарушений и преступлений // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 2(6). С. 39-44.

Бойко О.А.,

кандидат юридических наук
Омская академия МВД России

Панов С.Л.,

кандидат юридических наук
Омская академия МВД России

РОЛЬ СТАНДАРТИЗАЦИИ В БОРЬБЕ С ОБОРОТОМ КОНТРАФАКТНОЙ И ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОЙ ПРОДУКЦИИ

Оборот контрафактной и фальсифицированной продукции на отечественном потребительском рынке причиняет существенный ущерб правообладателям товарного знака, изготовителям, дистрибьюторам, поставщикам, ритейлерам и покупателям.

Эффективное осуществление деятельности по противодействию обороту контрафактной и фальсифицированной продукции возможно только в случае совместной работы (взаимодействия) государственных структур, правоохранительных органов, промышленных объединений, общественных формирований, предпринимательского сообщества, отдельных граждан-покупателей.

Для достижения эффективной защиты необходима рациональная комбинация организационных и технических мер с учетом их взаимного влияния и особенностей для каждого вида продукции, организации и рынка. Одной из таких мер является стандартизация – деятельность Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации (далее – Росстандарт) по разработке, опубликованию и применению стандартов, по установлению норм, правил и характеристик в целях обеспечения безопасности и качества выпускаемой продукции.

В настоящее время активизация деятельности по выявлению рисков и установлению барьеров для поступления на отечественный рынок контрафактных товаров выдвинута в числе приоритетных задач Росстандарта.

Для защиты отечественного рынка от недобросовестных участников оборота товаров компаниями-производителями все шире используют различные средства аутентификации. Важно установить требо-

вания к эффективности средств аутентификации, предназначенных для противодействия обороту фальсифицированной и контрафактной продукции, как на национальном, так и международном уровне. Это приведет к повышению доверия со стороны потребителей, поддержит безопасность цепи поставок, а также поможет уполномоченным органам в разработке и проведении превентивных, сдерживающих и карательных мер.

Наличие методов аутентификации обеспечивает конкретный и более надежный метод определения подлинности товара или выявления фальсификации. Установление подлинности той или иной продукции заключается в сверке основных существенных характеристик заведомо подлинного экземпляра и исследуемого «подозрительного» товара.

Разработка и внедрение в практику различных стандартов позволяют: во-первых, обеспечить высокий уровень доверия потребителей к аутентичности выпускаемой производителями продукции; во-вторых, защитить владельцев их права на товарный знак; в-третьих, с их помощью противодействовать обороту на рынке фальсифицированных и контрафактных товаров.

Стандартизация может решить многие процедурные вопросы. В частности, это касается стандартизации требований, предъявляемых к технологиям по борьбе с подделками (люминесцентные датчики, RFID-метки, микропечать, водяные знаки, голограммы, идентификационные коды, нанометки, биологические и химические маркеры, магнитные полосы и др.). Так, маркировка продукции контрольными идентификационными знаками осуществляется в целях персонификации каждой единицы

клейменого товара, защиты его от дублирования и повторного использования¹.

Приказами Росстандарта утвержден целый ряд национальных стандартов системы защиты от фальсификаций и контрафакта². Среди них – документы, устанавливающие требования к прослеживаемости оборота продукции, методам обеспечения контроля аутентичности и критериям эффективности решений по аутентификации. Принятые стандарты позволят снизить риски изготовителей, поставщиков и правообладателей, обеспечить высокий уровень доверия потребителей к аутентичности выпускаемой изготовителем продукции и к достоверности связанных с ней документов и данных.

Стандарт определяет основные положения системы противодействия обороту фальсифицированной и контрафактной продукции, устанавливает состав и порядок проведения оценок условий, способствующих незаконному обороту, а также оценок рисков, связанных с таким оборотом. Кроме того, содержит рекомендации по выбору и реализации экономически целесообразных мер, направленных на предотвращение или снижение рисков материальных и нематериальных потерь, связанных с оборотом фальсифицированной и контрафактной продукции, а также по оценке эффективности таких мер.

Так, ГОСТом Р 58636-2019 «Система защиты от фальсификаций и контрафакта. Прослеживаемость оборота продукции. Общие требования» закреплён порядок прослеживаемости, являющийся одним из важнейших и эффективных элементов обеспечения качества, безопасности применения, противодействия обороту фальсифицированных и контрафактных товаров³.

Внедрение систем прослеживаемости дает возможность более эффективно достигать поставленных целей и задач, в част-

ности: подтверждение наличия заявленных характеристик или параметров; защита брендов; подтверждение подлинности товаров; борьба с контрафактной продукцией; повышение прозрачности производственных процессов и цепи поставок в целом⁴.

Процесс прослеживания продукции предоставляет всем заинтересованным участникам оборота товаров на отечественном рынке удаленный и постоянный доступ к любой или всей информации о товаре на протяжении его жизненного цикла и всей цепочки поставок с помощью системы цифровых идентификационных данных. Одним из направлений прослеживаемости движения того или иного товара является цифровая маркировка каждой единицы контролируемого объекта.

В рамках государственной концепции прослеживаемости товаров и борьбы с контрафактной и фальсифицированной продукцией распоряжениями Правительства РФ №№ 792-р и 2647-р утверждены перечни отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в которые вошли табачная продукция, духи и туалетные воды, одежно-обувные товары, шины, фотокамеры и отдельные виды молочной продукции⁵. Таким образом государство сможет отслеживать путь любого промаркированного товара изделия, а также выявлять наличие в этой цепочке фирм-однодневок. Кроме того, такой сквозной контроль повышает персональную ответственность предпринимателей за работу с сомнительными контрагентами.

Сегодня серьезным направлением инвестиций корпораций становится разработка стандартов, однако их оборот и использование зачастую происходят с нарушением прав разработчиков. Особенно острой проблема стала при переходе к цифровой форме стандартов, которые представляют

¹ Джаркымбаева А.К. Современные технологии защиты от контрафакта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 8-2(71). С. 135.

² Об утверждении национального стандарта Российской Федерации : приказ Росстандарта от 30.10.2019 № 1202-ст // СПС «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении национального стандарта Российской Федерации : приказ Росстандарта от 30.10.2019 № 1203-ст // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Беязкая Т.Н., Фещенко С.Л. Цифровая прослеживаемость: понятие и направления развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2021. Том 14. № 4. С. 8.

⁵ Об утверждении перечня отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации : распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 № 792-р (в ред. от 30.11.2022 № 3680-р) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 19, ст. 2773.

собой не просто документ, а базу знаний, данных и типовых элементов для производства разнообразных товаров – от продуктов питания до сложных агрегатов. Решить проблему контрафакта при обороте цифровых стандартов можно только одним способом – выстроив прозрачную процедуру их лицензирования.

В настоящее время от заинтересованных в борьбе с контрафактом структур требуется непрерывный мониторинг рисков получения неаутентичной продукции; предзакупочный, входной и периодический контроль материалов и изделий. Кроме того, обязательными должны стать проверки и лабораторные испытания «подозрительных» товаров, изделий и материалов.

Проблемы технического регулирования и стандартизации в системе защиты от фальсификата и контрафакта на протяжении нескольких лет являются одной из обсуждаемых тем открытых сессий и круглых столов в рамках ежегодного Международного форума «Антиконтрафакт».

Полагаем, что принятие (внедрение в практику) Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации различных национальных стандартов способно значительно повысит эффективность деятельности заинтересованных субъектов в сфере противодействия обороту фальсифицированной и контрафактной продукции.

Рябинин Н.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Современная действительность требует от Министерства внутренних дел России подготовки сотрудников ОВД, имеющих комплексные знания, умения и навыки противодействия преступлениям и административным правонарушениям.

Сегодня сотруднику ОВД для осуществления эффективной профессиональной деятельности недостаточно знаний отраслей публичного права (уголовного, уголовно-процессуального, административного и т.д.), именно поэтому в образовательные программы ведомственных вузов были внесены дисциплины гражданско-правовой сферы.

К сожалению, на сегодняшний день в вузах Министерства внутренних дел России сложилась тенденция тотального сокращения академических часов, выделяемых на изучение частноправовых дисциплин. Полагаем, что такая ситуация негативно отразится на качестве профессиональной деятельности будущих сотрудников ОВД, на их способности осуществлять защиту прав граждан и юридических лиц и в том числе

приведет сотрудников к неспособности защищать свои частные права, нарушенные в рамках их служебной деятельности.

Рассмотрим отдельные аспекты деятельности сотрудников ОВД, требующие обязательного наличия у них знаний, умений и навыков в гражданско-правовой сфере¹.

1. Правильная юридическая квалификация преступлений, правонарушений и иных происшествий, которая может понадобиться любому сотруднику полиции (например, в соответствии со ст. 27, 28 Федерального закона «О полиции» либо в рамках осуществления должностных полномочий).

Знание специфических характеристик, оснований и условий гражданско-правовых деликтов, их отличительных особенностей от уголовных преступлений и административных правонарушений позволит сотруднику ОВД правильно отреагировать на заявление гражданина или самостоятельно выявленное нарушение. Сотрудники должны отличать удержание имущества от самоуправства, потребление вещи от ее порчи

¹ Также см.: Применение норм гражданского законодательства в деятельности органов внутренних дел : учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2022. С. 10.

или уничтожения, находку от хищения, займ от мошенничества и другие схожие правовые категории.

2. Умение защищать имущественные права физических и юридических лиц, а также неимущественные права и нематериальные блага граждан.

Учитывая, что значительная часть преступлений и административных нарушений влечет за собой наступление для потерпевшего негативных последствий имущественного либо неимущественного характера, следователь, дознаватель, оперуполномоченный, участковый и другие должностные лица, осуществляющие защиту прав, должны иметь необходимые знания в сфере возмещения причиненного вреда и быть способными применить их в своей профессиональной деятельности (признать потерпевшего гражданским истцом, наложить арест на имущество, назначить экспертизу по определению размера ущерба и т.д.).

Также необходимо помнить, что грамотная юридическая консультация по вопросам применения частноправовых способов защиты и возмещения вреда, данная сотрудником потерпевшему, несомненно, повысит авторитет в глазах населения данного сотрудника и органов внутренних дел в целом.

3. В ряде случаев надлежащая правоприменительная деятельность сотрудников ОВД подтверждает юридические факты причинения имущественного и неимущественного вреда и необходима для последующего возмещения причиненного вреда в рамках судебного разбирательства. К таким случаям может относиться:

- составление документов, подтверждающих факт нарушения и виновность в дорожно-транспортном происшествии;

- привлечение к административной ответственности за оскорбление – для компенсации морального вреда, к ответственности за уничтожение или повреждение имущества – для возмещения причиненного имущественного вреда;

- составление протоколов об административных правонарушениях за потребление алкогольной продукции, наркотических средств и психотропных веществ – для последующего решения вопроса об ограничении лица дееспособности;

- фиксация иных юридических фактов, имеющих значение для судебного разби-

рательства (факт совместного проживания, факт неисполнения обязанностей по воспитанию, факт обращения с найденной вещью, факт отсутствия сведений о месте пребывания гражданина и другие).

4. Знание отдельных норм и институтов гражданского права позволит сотрудникам ОВД оперативно раскрывать и эффективно расследовать различные преступления в экономической сфере, связанные с собственностью, банковскими счетами и картами, кредитным мошенничеством, обманом в сфере страхования, перевозки и долевого строительства.

5. Одним из наиболее важных аспектов, обосновывающих необходимость углубленного изучения гражданско-правовой сферы в вузах МВД России, выступает неспособность сотрудников ОВД защитить свои частные права, нарушенные в ходе осуществления их профессиональной деятельности.

Сотрудникам ОВД следует не только знать свои частные права и их содержание, но четко определять случаи посягательства на эти права и факты их нарушения. Сотрудник должен обладать навыками составления гражданско-процессуальных документов для осуществления судебной защиты своих прав, уметь собирать доказательства, необходимые для гражданского судопроизводства.

Кроме перечисленного сотрудники ОВД должны иметь представления о порядке привлечения к гражданско-правовой ответственности в соответствии со статьями:

- за причинение вреда гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействий) государственных органов либо должностных лиц этих органов (ст. 1069 ГК РФ);

- причинение вреда гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности (ст. 1070 ГК РФ).

Также необходимо знать о правилах и порядке предъявления обратных требований (праве регресса) к сотрудникам ОВД, предусмотренных ст. 1081 ГК РФ.

Проведенное анкетирование действующих сотрудников ОВД, проходящих обучение по заочной форме обучения и на курсах повышения квалификации, указывает на несформированность у них представлений о значимости, месте и роли частноправовых знаний, умений и навыков в деятельности органов внутренних дел. Большинство опрошенных сотрудников в общих чертах описывают возможность применения гражданского права в деятельности органов внутренних дел, и только в единичных случаях сотрудники (как правило, работающие на должности участкового уполномочен-

ного полиции) могут раскрыть конкретные примеры и способы применения своих знаний и навыков в частноправовой сфере на практике¹.

При этом все опрошенные сотрудники заявляют о готовности более глубокого изучения гражданско-правовой сферы и применения полученных знаний в своей практической деятельности.

На основании вышеизложенного считаем, что в силу наличия у сотрудников органов внутренних дел установленной законом обязанности осуществления защиты частноправовых интересов, в образовательных учреждениях Министерства внутренних дел России необходимо существенно увеличить количество часов на изучение дисциплин гражданско-правовой сферы.

Горелик А.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Евтушенко А.А.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**ПРОФИЛАКТИКА УГРОЗЫ ЗДОРОВЬЮ
ПАССАЖИРОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА Г. КРАСНОЯРСКА
ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛИКТОВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЧАСТЬЮ 1 СТАТЬИ 6.24 КОАП РФ**

Как известно, действующим административным законодательством предусмотрен запрет на курение табака в салоне общественного транспорта, нарушение которого может повлечь применение к деликвентам дисциплинарной, гражданско-правовой, административной ответственности. Следует констатировать, что курение представляет собой серьезную проблему, достаточно обратиться к статистике, данные которой неутешительны – «от болезней, спровоцированных курением, каждый год умирают до 400000 россиян»².

Неслучайно поэтому в разделе 2 Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению

табака и иной никотинсодержащей продукции в Российской Федерации на период до 2035 года и дальнейшую перспективу со ссылкой на данные Всемирной организации здравоохранения акцентируется внимание на то, что «употребление табака является одной из самых значительных угроз для здоровья человека, когда-либо возникавших в мире»³.

По данным администрации г. Красноярска в среднем ежедневно на улицы города Красноярска выходят порядка 733 единицы общественного транспорта: автобусов, троллейбусов и трамваев, в которых перевозится до 170 млн пассажиров в год. Тем не менее, по результатам проведенного

¹ Подр.: Рябинин Н.А. Некоторые аспекты защиты частных (гражданских) прав органами внутренних дел // Современное право. 2019. № 4. С. 85.

² См., напр.: Иванов А.Ю. Административно-правовые основы ограничения курения табака в Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1(10). С. 211-216.

³ См.: О Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в Российской Федерации на период до 2035 года и дальнейшую перспективу : распоряжение Правительства РФ от 18.11.2019 № 2732-р.

нами в период 2020-2022 гг. мониторинга соблюдения требований Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», установлено, что каждый третий водитель автобуса во время работы на маршруте осуществляет курение табака, что, безусловно, представляет угрозу здоровья пассажиров¹.

К числу причин происходящего пренебрежения нормами административного, гражданского права можно отнести экономический фактор, связанный с недостаточным размером заработной платы водителей и, как следствие, потерю престижа данной профессии, который, в свою очередь, влечет за собой снижение культурных компетенций при найме перевозчиками персонала. В имеющихся условиях практическая реализация отдельных «основных принципов охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма ...»² являющихся составной частью единой государственной политики применительно к сфере общественных перевозок в г. Красноярске де-факто существенно затруднена. Анализ же официальных статистических данных демонстрирует тенденцию снижения административной деликтности (выявленных административных правонарушений по ч. 1 ст. 6.24 КоАП РФ совершенных водителями (кондукторами) общественного транспорта) в рассматриваемой сфере. Так, согласно информации территориального отдела государственного автодорожного надзора по Красноярскому краю Межрегионального территориального управления Федеральной службы по надзору в сфере транспорта по Сибирскому Федеральному округу, в 2020 г. было выявлено 59 фактов курения табака, наложено административных штрафов на физических лиц на общую сумму 30500 рублей; в 2021 г. было выявлено 45 фактов курения табака, наложено административных штрафов на физических лиц на общую сумму 24500 рублей; в 2022 г. было выявлено всего 20 фактов

курения табака, наложено административных штрафов на физических лиц на общую сумму 8750 рублей³. Мы считаем, что приведенные цифры не в полной мере отражают сложившуюся оперативную обстановку с реальным уровнем административной деликтности в заявленной для исследования теме.

Следует еще раз уточнить, что приведенные выше данные - это сведения об административных правонарушениях, которые нашли отражение в официальной статистике. В действительности реальное количество противоправных фактов, которые можно было бы квалифицировать как административные правонарушения, значительно больше, в том числе из-за высокого процента латентности рассматриваемых правонарушений.

Далее отметим, что противодействие административной деликтности в рассматриваемой сфере требует также совершенствования системы взаимодействия между органами муниципального и федерального уровня контроля. Например, информация о факте курения, поступившая в отдел жалоб МКУ «Красноярскгортранс», который по своей компетенции не вправе подвергать административному преследованию персонал общественного транспорта, в дальнейшем передается только представителю перевозчика, который имеет право налагать дисциплинарные взыскания. Представители профильных федеральных контрольно-надзорных структур (Ространснадзор и Роспотребнадзор), обладающие административно-юрисдикционными полномочиями в приведенном выше примере, как ни странно, выпадают из информационного обмена. В этой связи полагаем, что отсутствие единой системы учета количества выявленных фактов курения табака в общественном транспорте негативно сказывается на планировании работы по их предупреждению. Дополнительной причиной, оказывающей негативное влияние на складывающуюся ситуацию, следует признать углубляющийся правовой нигилизм, в результате которого курение табака как фор-

¹ Всего объектами мониторинга явились 45 автобусов на 8 автобусных маршрутах.

² См.: ст. 4. Федерального закона от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции».

³ Письмо МТУ Ространснадзора по СФО от 16.02.2023 № 00428/7.

ма противоправного поведения зачастую стала рассматриваться как социально допустимая, обыденная.

Анализ размера административного штрафа наложенного представителем административного органа показывает, что он в среднем составляет 500 рублей, что, по нашему мнению, недостаточно, с учетом негативных и даже опасных последствий влияния табачного дыма на здоровье пассажиров. При этом мы поддерживаем существующее мнение о том, что идеологически КоАП РФ в принципе должен носить не карательный, а превентивный характер¹ и цель использования «профилактических» мер применительно к контексту исследуемой проблемы должна состоять в реальном снижении количества совершаемых административных правонарушений по ч. 1 ст. 6.24 КоАП РФ. Необходимо также понимать, что «никаким контролем и принуждением извне невозможно добиться должного поведения человека всегда и везде. Принуждать, правда, много легче и не требует ума, но много хуже, чем побудить человека к цивилизованному поведению»². Поверхностный анализ юридической конструкции диспозиции ч. 1 ст. 6.24 КоАП РФ позволяет утверждать, что рассматриваемое административное правонарушение следует относить к формальным составам. С точки зрения административного процесса для привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 6.24 КоАП РФ достаточно установить факт курения табака водителем (кондуктором) общественного транспорта. Как показывает анализ материалов дел об административных правонарушениях, доказательств будет достаточно, если в материалах дела имеются свидетельские показания или материалы фото-, видеофиксации правонарушения. Интересно, что результаты проведенного интервьюирования водителей общественного транспорта показывают, что 50% из тех, кто имеет

вредную привычку курить табачные изделия на рабочем месте, полагают, что они не нарушают закон, так как находятся не в салоне автобуса, а в кабине, которая отделена от салона стеклоблоком. Возможно, по этой причине водители часто закрывают обзор кабины от пассажиров шторами, светоотражающей пленкой и т.п., тем самым затрудняя действия по фиксации совершаемого правонарушения, оставляя, тем не менее, запаховые следы на месте совершения административного правонарушения.

Таким образом, даже при осуществлении одной поездки в условиях, когда нарушается законодательный запрет на курение табака водителем транспортного средства, происходит перевод пассажира в разряд непроизвольных, или пассивных, курильщиков табака, что как минимум не добавляет привлекательности общественному транспорту и, наконец, не способствует формированию положительного имиджа г. Красноярска как регионального административного и культурного центра Восточной Сибири. В этой связи уместно будет напомнить, что действующее законодательство допускает компенсацию морального вреда за нарушение прав гражданина в сфере охраны здоровья от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака³.

Поэтому, рассуждая далее в упомянутом контексте, мы полагаем, что факты курения табака во время осуществления перевозки пассажиров в общественном транспорте следует относить к общественно опасным действиям и, как верно отмечает Н.Н. Цуканов, термин «общественная вредность административного правонарушения» фактически не используется действующим законодательством, в то же время словосочетание «общественная опасность административных правонарушений» в целом воспринимается судебными органами⁴.

¹ Рукавишникова И.В. Новый КоАП носит не карательный, а превентивный характер // Парламентская газета. 2020. № 23(2935).С. 12.

² Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел : учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юрид. профиля / под. ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 339-340.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.11.2016 № 67-КГ16-13.

⁴ См.: Цуканов Н.Н. Общественная опасность административного правонарушения: к вопросу о состоятельности гипотезы //Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII

Высказанные предложения и замечания – только попытка рассмотреть отдельные

аспекты такого всеобъемлющего процесса, как осуществление борьбы с курением.

Фомичева О.Л.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ МИЛИЦИИ В РОССИИ

Основные законодательные предпосылки по организации подразделений муниципальных сил правопорядка на территории нашей страны сводятся к положению, закрепленному в ст. 132 Конституции Российской Федерации, о том, что органы местного самоуправления осуществляют охрану общественного порядка, и нашедшем подтверждение в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», предложившем создание правоохранительного органа – «муниципальной милиции».

Обратившись к историческому аспекту, отметим, что правовая основа для формирования муниципальных органов охраны общественного порядка определена Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 802 «О поэтапном формировании муниципальных органов охраны общественного порядка», где отмечалась самостоятельность органов местного самоуправления при осуществлении охраны общественного порядка. Было решено, что эксперимент по созданию в России муниципальных органов охраны общественного порядка начнется в январе 1999 г. и будет заключаться в формировании указанных органов в 10 пилотных регионах нашей страны¹. Необходимо отметить, что сам эксперимент проводился при участии и под контролем МВД России и в 2000 г., однако Указом Президента РФ от 2 июня 2000 г. № 1011 он был завершен

в связи с тем, что «результаты эксперимента показали, что к выполнению функций по охране общественного порядка оказались не готовы ни субъекты Российской Федерации, ни муниципальные образования»². Причиной тому явилось отсутствие достаточного финансирования в бюджете органов местного самоуправления для содержания подразделений муниципальной милиции, кроме того, регионы по результатам эксперимента не смогли предоставить серьезных аргументов о необходимости создания таких структур.

Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» были формально определены нормы в сфере правоохранительной деятельности, относящиеся к вопросам местного значения:

1) оказание поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, создание условий для деятельности народных дружин (п. 33 ч. 1 ст. 14; п. 37 ч. 1 ст. 16; п. 13 ч. 1 ст. 16.2);

2) организация охраны общественного порядка силами муниципальной милиции на территории муниципального района (п. 8 ч. 1 ст. 15) и городского округа (п. 9 ч. 1 ст. 16)³.

По мнению Е.С. Шугриной, в соответствии с данными положениями различаются два принципиально разных подхода⁴. Первая норма реализует оказание муниципальной

международной научно-практической конференции : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. Ч. 1. С. 18.

¹ О проведении в ряде муниципальных образований эксперимента по организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления : Указ Президента РФ от 17.09.1998 № 1115. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12933> (дата обращения: 28.02.2023).

² По материалам сайта МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/1764405> (дата обращения: 28.02.2023).

³ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁴ Шугрина Е.С. Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9. С. 189.

властью помощи и поддержки инициативы жителей по организации объединений, осуществляющих охрану общественного порядка. В том числе сюда относятся и деятельность добровольных народных дружин – института гражданского участия в охране правопорядка. Т.В. Голованова¹ считает, что такое привлечение населения к правоохранительной деятельности на местном уровне может рассматриваться в качестве альтернативы решения вопросов охраны общественного порядка в рамках муниципалитета.

Вторая норма предусматривает осуществление муниципалитетом собственной деятельности по охране общественного порядка на вверенной территории путем создания особого органа – «муниципальной милиции».

При этом отмечается, что условием действия указанных выше норм по организации охраны общественного порядка является издание нормативного правового акта, определяющего задачи, порядок организации и компетенцию муниципальной милиции. Однако отметим, что нормативный правовой акт, регламентирующий деятельность муниципальных органов охраны общественного порядка, до настоящего времени не издан, более того, предлагаемые законопроекты не получают должной поддержки у законодателя.

Анализ проектов федеральных законов, вносимых в Государственную Думу Российской Федерации и регламентирующих образование и деятельность муниципальной милиции, позволяет сделать вывод о наличии ряда проблемных моментов. Так, в 2014 г. депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.М. Мироновым, Т.Н. Москальковой, М.В. Емельяновым и др. в Государственную Думу в качестве законодательной инициативы был внесен проект федерального закона № 621910-6 «О муниципальной

милиции в Российской Федерации». Правительством Российской Федерации представленный законопроект был рассмотрен и возвращен коллективу авторов в связи с наличием ряда замечаний, в том числе из-за необоснованного расширения полномочия органов местного самоуправления по охране общественного порядка. Кроме того, указанный законопроект предполагал участие служащих муниципальной милиции практически во всех направлениях деятельности полицейских (в том числе в обеспечении правового режима контртеррористической операции, режимов военного и чрезвычайного положений), что дублирует полномочия сотрудников МВД России².

В октябре 2016 г. депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.М. Мироновым, А.Л. Бурковым, О.Н. Епифановой и др. в Государственную Думу был внесен новый законопроект № 385-7 «О муниципальной милиции в Российской Федерации». В рамках данного проекта закона с 1 января 2018 г. было предложено повсеместное создание на территории страны муниципальной милиции, а также были определены круг ее полномочий и порядок деятельности. Однако и этот законопроект не нашел поддержки депутатов в связи с выявленными замечаниями, в частности отсутствием разграничения полномочий полиции и муниципальной милиции по охране общественного порядка, может являться коррупционным фактором и привести к негативным последствиям³.

Несмотря на имеющиеся пробелы в законодательстве, в отдельных регионах нашей страны функционировали так называемые парамилицейские структуры. По мнению А.Г. Авдейко и А.М. Кононова, формы таких подразделений совершенно различны: «Самостоятельные административно-технические инспекции в форме

¹ Голованова Т.В. Муниципальная милиция в России, есть ли шанс? // Политика, государство и право. 2016. № 4. URL: <https://politika.snauka.ru/2016/04/3814> (дата обращения: 28.02.2023).

² Голубых Н.В., Запандова Ю.А. Перспективы создания муниципальной милиции // Вестник Уральского юридического университета МВД России. 2017. № 2. С. 62-63.

³ Заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления по проекту федерального закона № 385-7 «О муниципальной милиции в Российской Федерации», внесенному депутатами Государственной Думы С.М. Мироновым, А.Л. Бурковым, О.Н. Епифановой, О.А. Ниловым, М.В. Емельяновым, А.Г. Аксаковым, И.А. Ананских, В.Г. Газзаевым, В.К. Гартунгом, А.Н. Грешневиловым, Е.Г. Драпеко, С.И. Крючком, О.А. Николаевым, Г.З. Омаровым, А.А. Ремезковым, Н.И. Рыжаком, А.В. Терентьевым, Ф.С. Тумусовым, Г.П. Хованской, А.В. Чепой, О.В. Шеиным.

бюджетных или казенных учреждений (как, например, в Казани или в Набережных Челнах), либо службы квартальных, действующих также самостоятельно на уровне районов крупных городов (Екатеринбург, Тюмень), или это могут быть подразделения городских администраций без создания юридического лица в помощь административным комиссиям»¹.

Приведем несколько примеров деятельности подразделений муниципальных сил правопорядка, именуемых «муниципальной милицией» или «муниципальной инспекцией». В г. Шахты Ростовской области сотрудники местного правоохранительного органа занимались организацией мероприятий, направленных на улучшение экологической обстановки, контролировали процесс благоустройства города, участвовали в деятельности административной комиссии. Сотрудники муниципальной милиции г. Златоуста (Челябинская область) выявляли лиц, осуществляющих безбилетный проезд в общественном транспорте, и лиц, являющихся авторами рекламных объявлений, размещенных в не предусмотренных для этого местах. В г. Ижевске (Республика Удмуртия) муниципальные милиционеры

обеспечивали своевременное взыскание дебиторской задолженности в бюджет муниципального образования, осуществляли контроль за соблюдением установленных законодательством норм поведения граждан в общественных местах, занимались профилактикой экстремизма и терроризма².

На основании изученного материала можно сделать вывод, что в процессе организации муниципальная милиция по своему правовому статусу должна быть представлена как исполнительный орган местного самоуправления муниципальных районов и городских округов и не должна входить в систему органов государственной власти, в том числе и в систему МВД России. Соглашусь с мнением А.М. Лимонова³, что преимущество милиции муниципального образования заключается в том, что она неподконтрольна органам государственной власти и в своей деятельности должна быть ориентирована на потребности местного населения. Таким образом, эффективность работы муниципальной милиции как особого органа местного самоуправления будет оцениваться не властью в лице полицейской структуры, а непосредственно жителями муниципалитета.

Иккерт А.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ВОДИТЕЛЯМИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ЗАПРЕТА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕЛЕФОНА ВО ВРЕМЯ ДВИЖЕНИЯ

В Российской Федерации принимаются меры, направленные на снижение аварийности на дорогах и уменьшение числа жертв дорожно-транспортных происшествий.

В настоящее время реализуется Национальный проект «Безопасные качественные дороги», одна из инициатив этого проекта – «Безопасность дорожного движения». Основная цель нацпроекта – снизить смерт-

ность в результате дорожно-транспортных происшествий в 3,5 раза к 2030 г.: до 4 смертей на 100 тысяч населения.

Одной из причин совершения дорожно-транспортных происшествий является использование телефона водителями транспортных средств. Управление автомобилем с одновременным использованием технических средств связи увеличивает риск воз-

¹ Авдейко А.Г., Кононов А.М. Проблемы реализации административно-юрисдикционных полномочий органов местного самоуправления в области охраны общественного порядка и предупреждения правонарушений // Вестник Омской юридической академии. 2017. Том 14. № 4. С. 50-51.

² Муниципальная (местная) полиция в России – прошлое, настоящее и возможное будущее // Общественная инициатива. Муниципальная полиция : сайт. URL: <https://www.municipal-police.ru/opit-primeneniya.html> (дата обращения: 28.02.2023).

³ Лимонов А.М. Конституционно-правовые основы организации муниципальной полиции в муниципальных организациях // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 32-33.

никновения аварийной ситуации в 4 раза, чтение информации и просмотр видеофрагментов – в 6 раз.

В 2001 году в КоАП РФ) появилась ст. 12.36.1 «Нарушение правил пользования телефоном водителем транспортного средства». Результаты правоприменительной практики показывают, что при осуществлении сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения функции по надзору за безопасностью дорожного движения допускаются правовые коллизии в отношении субъектов административного правонарушения при использовании нормы права, установленной ст. 12.36.1 КоАП РФ. Проблема заключается в содержании диспозиции ст. 12.36.1 КоАП РФ и, как следствие, отсутствии у участников дорожного движения единого понимания сущности правонарушения, что способствует возникновению споров между участниками дорожного движения и сотрудниками полиции.

Бланкетный характер состава административного правонарушения ст. 12.36.1 КоАП РФ определяет деяние субъекта правонарушения как действия, нарушающие норму права, установленную п. 2.7 Правил дорожного движения, в котором указано, что водителю запрещается пользоваться телефоном во время движения транспортного средства, не оборудованного техническим устройством, позволяющим вести переговоры без помощи рук.

Следует отметить, что норма права запрещает лицу, управляющему транспортным средством, использование телефона, в связи с чем возникает противоречивое толкование термина «использование телефона», так как водители в настоящее время используют различные средства для обмена информацией, такие как смартфон, планшетный компьютер, навигатор и другие технические устройства. Терминология такого технического средства передачи информации, как телефон, установленная нормой права ст. 12.36.1 КоАП РФ, устарела и не соответствует современной классификации технических средств.

Определение устройства телефона в условиях запрета его использования водителем за рулем, управление транспортным средством не определяет порядок эксплуатации радиостанций водителями автомо-

билей, соответственно, можно сказать, что необходимо изменить диспозицию ст. 12.36.1 и дополнить ее содержанием использованием иных технических средств связи водителями и получением информации в процессе управления транспортными средствами.

Состав административного правонарушения ст. 12.36.1 КоАП РФ определяет, что субъектами административного правонарушения являются водители механического транспортного средства, имеющие специальное право на управление, и не определено, как применить требование ст. 12.36.1 КоАП РФ к средствам индивидуальной мобильности (Транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства), на которые в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения не предоставляется специальное право управления. Вместе с тем в предусмотренных отдельными статьями главы 12 КоАП РФ случаях устанавливается административная ответственность и лиц, управляющих иными средствами передвижения (в частности, велосипедами, гужевыми повозками), при нарушении такими лицами ПДД РФ (например, ч. 2 и 3 ст. 12.29 КоАП РФ).

Анализируя судебную практику, можно установить обстоятельства, при которых производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.36.1 КоАП РФ. Несколько примеров из судебной практики.

Решение суда от 29 июля 2020 г. г. Славгорода Алтайского края полностью поддерживает сторону водителя и отменяет постановление должностного лица по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.36.1 КоАП РФ, на основании п. 3 ч. 1 ст. 30.7 Кодекса в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление. Водитель указывает, что административное правонарушение не совершал. Кроме того, сотрудник ДПС не разъяснил ему права, предусмотренные ст. 51 Консти-

туции РФ и ст. 25.1 КоАП РФ, в нарушение требований ст. 25.1 КоАП РФ не дал возможности ознакомиться с протоколом об административном правонарушении, тем самым он был лишен возможности внести в протокол свои объяснения и ходатайство о допуске защитника. В жалобе ссылается на нарушение требований ст. 25.1 КоАП РФ, в частности на отказ должностного лица предоставить ему возможность ознакомиться с протоколом об административного правонарушения, внести в протокол свои объяснения и ходатайство о допуске защитника. Из видеозаписи следует, что мужчина, сидя на переднем пассажирском сидении, снимает диалог с инспектором ДПС. Из диалога следует, что мужчина говорит фразы: «Давайте, я говорю, ознакомлюсь, не надо нигде за меня расписываться» и «Официально заявляю, что хочу ознакомиться». Инспектор говорит фразы: «Я вам уже 10 раз повторял, вы издеваетесь» и «Я вас уже три раза ознакомил, три раза и статьи вам зачитал». Оценивая вышеперечисленные доказательства в совокупности по правилам ст. 26.11 КоАП РФ, суд пришел к выводу об отсутствии достаточных доказательств факта соблюдения при составлении протокола об административном правонарушении требований ч. 4 ст. 28.2 КоАП РФ, факт соблюдения данных требований вызывает сомнения. Согласно ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ не допускается использование доказательств по делу об административном правонарушении, полученных с нарушением закона. Приведенные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что протокол об административном правонарушении составлен должностным лицом с нарушением требований ст. 28.2 КоАП РФ, поэтому подлежит признанию недопустимым доказательством.

Дело № 24RS0№-54 (судья Свердловского районного суда г. Красноярск) – водитель ссылается на присутствие свидетелей, подтверждающих отсутствие факта нарушения ПДД. В свою очередь, в материалах данный факт сотрудниками ДПС ГИБДД не опровергнут, в результате суд отменил постановление инспектора ДПС полка ДПС ГИБДД МУ МВД России «Красноярское» по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.36.1 КоАП РФ, в соответствии с требованиями п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ, в

связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых оно вынесено. При рассмотрении дела установлено, что субъект правонарушения при подписании протокола не согласился с данным правонарушением, указав, что по телефону не разговаривал, имеются свидетели. Между тем, изучив материалы дела, судья не может согласиться с выводом должностного лица о доказанности вины в совершении правонарушения.

Так, сам водитель отрицает факт нарушения ПДД, ссылаясь на то, что не разговаривал по телефону при управлении транспортным средством и не нарушал ПДД РФ, в объяснениях указал свидетелей. Доказательств, опровергающих этот довод, в деле нет. Исходя из указанного положения закона, обязанность по доказыванию вины возложена на должностное лицо, рассматривающее дело и принимающее постановление. В данном случае собранные по делу доказательства не позволяют констатировать наличие вины в совершении вмененного ему административного правонарушения.

Решением Пензенского областного суда (Пензенская область) № 7-238/2020 от 9 июля 2020 г. по делу № 7-238/2020 установлен факт видеофиксации нарушения, тем не менее суд поддерживает сторону водителя.

В жалобе, поданной в Пензенский областной суд, инспектор ДПС ОГИБДД просит отменить решение от 18 июня 2020 г. № 12-6/2020, поскольку водитель У. 23 апреля 2020 г. совершил административное правонарушение, что помимо фото- и видеофиксации было зафиксировано им и визуально, однако судьей районного суда этому не была дана надлежащая оценка.

Материалами дела подтверждено, что У. фактически управлял автомобилем в положении, при котором его левая рука подпирала голову в районе шеи и располагалась на подлокотнике водительской двери.

Представленным должностным лицом административного органа в материалы дела фото- и видеоматериалам судья районного суда дала надлежащую оценку с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности по правилам ст. 26.11 КоАП РФ. Доказательств того, что У. управлял транспортным средством, пользуясь во время движения телефоном, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без

использования рук, чем нарушил п. 2.7 ПДД РФ, в материалах дела не имеется. Также необходимо учитывать положения ч. 4 ст. 1.5 КоАП РФ о том, что неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица.

Анализ правоприменительной и судебной практики свидетельствует о том, что при выполнении функции надзора за участниками дорожного движения должностными лицами подразделений Госавтоинспекции возникают сложности с доказыванием объективной стороны состава админи-

стративного правонарушения, предусмотренного ст. 12.36.1 КоАП РФ, в том числе с установлением факта непосредственно разговора водителя по телефону в процессе управления транспортным средством, а также использование водителем иных современных технических устройств для получения информации. Проблема также состоит в установлении факта разговора водителя по телефону и в процессе доказывание наличия прямой причинной связи с наступившими последствиями, такими как дорожно-транспортные происшествия.

Никонов И.С.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

УЖЕСТОЧЕНИЕ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ОТВЕТНАЯ МЕРА НА ТЕНДЕНЦИЮ РОСТА НЕЛЕГАЛЬНОЙ ИММИГРАЦИИ В РОССИИ

Российская Федерация – один из основных мировых лидеров по количеству принимаемых мигрантов. Только за 2020 г. органы внутренних дел оформили 138279 приглашений на въезд в Российскую Федерацию, а также выдали 224666 виз. За этот же период на миграционный учет было поставлено 9802448 иностранных граждан и лиц без гражданства.

В соответствии с Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей поставлено на учет 61952 иностранных гражданина. Безусловно, эти цифры значительно ниже, чем в предшествующие периоды, на что оказали существенное влияние эпидемиологическая ситуация, связанная с новой коронавирусной инфекцией Covid-19 и, как следствие, закрытие границ.

В настоящее время в российском законодательстве общественные правоотношения в сфере миграции регулируются в основном такими нормативными актами, как Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 115-ФЗ), Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства

в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 109-ФЗ), Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114 «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – ФЗ № 114-ФЗ) и т.д.

В названных Законах содержатся лишь общие положения. Более детально вопросы, касающиеся основания назначения административных наказаний за административные правонарушения в сфере миграции, порядка их назначения и исполнения, порядка применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в указанной сфере, уже закреплены в КоАП РФ.

Однако, как показывает практика, к сожалению, значительная часть миграционных перемещений осуществляется с нарушением законодательства принимающих государств: зачастую иностранными гражданами и лицами без гражданства не соблюдаются установленные правила въезда, пребывания, проживания, осуществления трудовой деятельности, что сулит следующую проблематику: различный рост криминала, неуважение этнических обществ, например притеснение религии или расизма, безработица (исходя из этого – снижение зарплат, сложная ситуация на рынке труда, конкуренция за рабочее место, что имеет агрессивный характер в некоторых случаях).

Функции по надзору за соблюдением миграционного законодательства возложены на Министерство внутренних дел РФ и Федеральную миграционную службу. 30 апреля 2009 г. был издан совместный приказ МВД России и ФМС России № 338/97 «Об утверждении Административного регламента по исполнению государственной функции контроля и надзора за соблюдением положений миграционного законодательства Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства и за соблюдением правил привлечения работодателями, заказчиками работ (услуг) иностранных работников в Российскую Федерацию и использования их труда».

Основными направлениями миграционного контроля, осуществляемого названными органами, являются: реализация мер по предупреждению и пресечению нелегальной миграции; контроль за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства; контроль и надзор за соблюдением работодателями правил привлечения и использования иностранной рабочей силы. Нарушения законодательства в области миграции являются основанием для привлечения виновных к административной ответственности.

На сегодняшний день за нарушение миграционного законодательства установлена административная и уголовная ответственность, в зависимости от общественной опасности совершенного правонарушения.

Как следует из ч. 1 ст. 2.6 КоАП РФ, иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица, совершившие на территории Российской Федерации административные правонарушения, подлежат административной ответственности на общих основаниях.

Количество фактов привлечения к административной ответственности во много раз превышает число доведенных до суда уголовных дел¹.

Известно, что усиление ответственности за нарушения в области миграции связано с тем, что увеличилось количество нарушений в этой сфере. Для анализа и система-

тизации правонарушений проводится классификация на основе объекта и субъекта правонарушений. Российское законодательство указывает на существование нескольких видов ответственности за правонарушения. Но в контексте анализа трудовых миграционных процессов особую актуальность приобретает вопрос административной ответственности.

Важность административной ответственности обусловлена тем, что наряду с функцией охраны правоотношений она выполняет функцию регулирования миграционной сферы².

Административная ответственность в России занимает центральное место среди административно-правовых средств принуждения.

Большинство составов административных правонарушений в рассматриваемой нами сфере содержится в главе 18 КоАП РФ «Административные правонарушения в области защиты Государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации».

Однако стоит обратить внимание, что не все составы административных правонарушений в названной главе связаны с вопросами миграции. Часть из них касается режима защиты Государственной границы Российской Федерации, например, в ч. 2 ст. 18.1 КоАП РФ закреплена административная ответственность за нарушение иностранными гражданами правил пересечения Государственной границы Российской Федерации.

Так, к числу таких составов можно отнести и следующие статьи КоАП РФ: ст. 18.8 «Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации», ст. 18.9 «Нарушение правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства», ст. 18.10 «Незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Рос-

¹ Лебедева Е.А. Некоторые аспекты применения мер административного принуждения в сфере миграции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 6(82). С. 89.

² Айрапетян С.В. Административные правонарушения в области миграции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014. № 2. С. 108.

сийской Федерации», ст. 18.11 «Нарушение иммиграционных правил», ст. 18.14 «Незаконный провоз лиц через Государственную границу Российской Федерации», ст. 18.15 «Незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства», ст. 18.16 «Нарушение правил привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к трудовой деятельности, осуществляемой на торговых объектах (в том числе в торговых комплексах)», ст. 18.17 «Несоблюдение установленных в соответствии с федеральным законом в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций ограничений на осуществление отдельных видов деятельности».

Также ст. 19.15.2 КоАП РФ закрепляет административную ответственность российского гражданина за проживание по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении без регистрации; за нарушение правил регистрации гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении. Ответственность за нарушение правил уведомления уполномоченных государственных органов об обучении или о прекращении обучения иностранных граждан и лиц без гражданства в образовательных организациях установлена в

ст. 18.19 КоАП РФ. А с 2015 г. действует новая статья КоАП РФ – 18.20, в которой закреплена ответственность за нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства срока обращения за выдачей патента. Принятие новых составов административных правонарушений одновременно сопровождалось ужесточением наказаний по ранее установленным составам.

В заключение необходимо отметить, что применение административной ответственности влечет серьезные правовые последствия для иностранных граждан и лиц без гражданства в виде соответствующих наказаний. Таким образом, ужесточение миграционного законодательства в современных политических, социально-экономических условиях вполне объяснимо, что обусловлено негативными последствиями незаконной миграции, которые имеют различные проявления.

Как отмечается в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, незаконная миграция способствует возникновению угроз общественной безопасности, ухудшению социальной обстановки и возрастанию социальной напряженности, создает условия для формирования террористических организаций, политического и религиозного экстремизма, национализма и др.

Невирко Д.Д.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОРРУПЦИОННОГО ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОСТУПКА

С момента принятия Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в Российской Федерации проведена огромная работа по правовому регулированию антикоррупционной деятельности. При этом рассматриваемая тема остается чрезвычайно актуальной как для представителей юридической науки, так и для законодателя и правоприменителя.

Вопросы противодействия коррупции ежегодно поднимаются Президентом Российской Федерации на расширенных заседаниях коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности России и Генеральной прокуратуры России¹.

Так, выступая на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России 20 марта 2023 г., Президент

¹ Выступления Президента РФ В.В. Путина на расширенных заседаниях коллегии МВД России 17.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67795>; 09.03.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014>; 15.03.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515>; на заседании коллегии Генеральной прокуратуры России 14.03.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54035>.

Российской Федерации отметил, что «с учетом тех масштабных задач развития страны, регионов, всех отраслей промышленности, которые мы сейчас решаем, принципиальное значение имеют такие направления работы, как обеспечение экономической безопасности и борьба с коррупцией»¹.

Как неоднократно отмечалось, противодействие коррупции не будет эффективным без работающего механизма привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения². При этом если вопросам, связанным с привлечением к уголовной или административной ответственности за коррупционные правонарушения, в научной литературе уделяется достаточно пристальное внимание, то проблемные вопросы, связанные с привлечением к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, практически не являются предметом научных исследований.

Тем не менее, по данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2020 г. «прокурорами вскрыта четверть миллиона нарушений антикоррупционного законодательства, в том числе 90 тысяч фактов несоблюдения государственными служащими установленных запретов и ограничений. В связи с выявленными коррупционными проступками по представлениям прокуратуры привлечены к дисциплинарной ответственности 35 тысяч чиновников, 507 уволены по причине утраты доверия». В рамках мер по конфискации имущества должностных лиц, которые не смогли подтвердить законность его приобретения, подано исков на общую сумму 74 миллиарда рублей³.

По состоянию на 20 марта 2023 г. в Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, включены 3701 должностных лиц

органов государственной власти и местного самоуправления⁴.

При этом, у вышеописанных процессов есть и обратная сторона медали. Ввиду недостаточной проработанности самого понятия «коррупционный дисциплинарный проступок» (как и «коррупционное правонарушение») довольно часто имеют место случаи неправильной квалификации противоправного деяния лица, занимающего государственную должность.

Несмотря на кажущуюся простоту поднятой проблемы, подобные нарушения со стороны представителя нанимателя могут служить основанием для серьезного нарушения прав лиц, находящихся на государственной или муниципальной службе. Законодательство не выделяет особых видов дисциплинарных взысканий, налагаемых за совершение коррупционных правонарушений (за исключением, пожалуй, увольнения в связи с утратой доверия), однако одно и то же дисциплинарное взыскание, наложенное за обычный дисциплинарный проступок и за коррупционное правонарушение, может иметь принципиально различные правовые последствия.

Например, достаточно распространены случаи, когда ненадлежащий контроль со стороны руководителя за подчиненными, совершившими нарушения коррупционного характера, квалифицируется как коррупционный проступок⁵. Например, 17 февраля 2020 г. Ленинский районный суд г. Ростова-на-Дону рассмотрел дело по иску бывшего начальника отдела – старшего судебного пристава Н.И.В., на которого было наложено дисциплинарное взыскание – освобождение от занимаемой должности в связи с утратой доверия за непринятие мер по предотвращению или урегулированию

¹ Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 20.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744>.

² Подр.: Невирко Д.Д. К вопросу о проблемах доказывания при привлечении к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXV международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. Ч. 1. С. 71-73.

³ Стенограмма расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры России 20.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65165>

⁴ Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr> (дата обращения: 20.03.2023).

⁵ Подр.: Невирко Д.Д. К вопросу о разграничении коррупционных проступков и иных нарушений законодательства о государственной службе // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. Ч. 1. С. 81-84.

конфликта интересов в связи с тем, что подчиненные ему сотрудники принимали решения по исполнительным производствам в отношении водителя данного отдела (вопреки нормам законодательства о конфликте интересов). Представитель нанимателя посчитал, что в данном случае Н.И.В. совершил коррупционное правонарушение. Суд с данной позицией не согласился и отменил приказ об увольнении. Как указано в решении суда: из анализа имеющихся в деле документов усматривается лишь ненадлежащий контроль со стороны Н.И.В. за ходом исполнительного производства¹.

Одной из причин вынесения подобных судебных решений является возникшая правовая неопределенность, связанная с содержанием понятий «коррупционное правонарушение» и «коррупционный дисциплинарный проступок». Так, в Федеральном законе «О противодействии коррупции» термин «коррупционное правонарушение» встречается 17 раз, в Федеральном закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – 9 раз, при этом нормативная дефиниция рассматриваемого понятия в законодательстве отсутствует. Думается, что в настоящее время сложилась не совсем соответствующая духу Конституции России и Федеральному закону «О противодействии коррупции» практика, при которой под коррупционным правонарушением понимается любое нарушение, связанное с антикоррупционными стандартами.

В ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» указано, что в качестве коррупции понимается «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для

третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами», таким образом, ряд нарушений антикоррупционного законодательства, которые не связаны с получением выгоды (например, технические ошибки при оформлении документов), не могут считаться коррупционным дисциплинарным проступком.

Однако данная позиция не разделяется правоприменителями. Так, в одной из работ, подготовленных для СПС «КонсультантПлюс» судьей районного суда, указывается, что «*коррупционные правонарушения* – это противоправные, виновные деяния (действие или бездействие) государственных или муниципальных служащих, выражающиеся в нарушении норм антикоррупционного законодательства с использованием своего служебного положения и влекущие соответствующую ответственность»². Подобная точка зрения в настоящее время является практически аксиомой для правоприменителя.

Как справедливо отмечается в литературе, предусмотренная законодателем понятийная неопределенность и двусмысленность правовой конструкции не только негативно сказывается на правоприменительной практике, формирующейся на злоупотреблениях и усмотрении, неправомερных решениях судов и должностных лиц, но и идет вразрез как с принципом согласованности с системой действующего правового регулирования, так и с принципом формальной определенности закона, предполагающим точность и ясность законодательных предписаний, выступающим в качестве необходимой гарантии обеспечения верховенства права. Конституционный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно формулировал критерии определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы, вытекающие из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообраз-

¹ URL: https://leninsky--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=93053697&dolo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 09.02.2021).

² Булгаков С.Н. Виды коррупционных правонарушений // СПС «КонсультантПлюс», 2023.

ного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями¹.

Подводя итогу, отметим, что понятийный аппарат антикоррупционного законодательства по-прежнему нуждается в уточнении и дополнении, что позволит избежать

формального подхода при привлечении должностных лиц к ответственности за коррупционные правонарушения и более успешно достигать целей антикоррупционного законодательства.

¹ Спектор Е.И. Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации // Журнал российского права. 2015. № 8 (224). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsionnye-pravonarusheniya-problemnye-voprosy-yuridicheskoy-kvalifikatsii> (дата обращения: 20.04.2023).

СЕКЦИЯ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Репецкая А.Л.,

доктор юридических наук, профессор
Институт правовых исследований Байкальского государственного университета (г. Иркутск)

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ РЫНОК УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Криминальный рынок услуг в структуре современного российского криминального рынка занимает важное место, наряду с криминальным рынком товаров. Его структура представляет собой два неравноценных как по структуре, так и по распространению, а также общественной опасности сегмента. Глобальная цифровизация в значительной мере влияет на все общественные процессы, в том числе и на криминальные рынки в целом, однако каждый из сегментов детерминируется указанными процессами по-разному.

Первый сегмент криминального рынка услуг является менее опасным, но более распространенным и разнообразным. В нем услуги разрешены в гражданском обороте, они легальны по своему содержанию, но осуществляются в теневой сфере, т.е. без лицензии или специального разрешения.

Структура указанного сегмента состоит из нескольких наиболее распространенных видов легальных услуг – это бытовые, финансовые, рекламные услуги, а также медицинские и ритуальные услуги. В 2021 г. удельный вес легальных услуг в структуре теневого рынка России составлял 21%¹.

Анализ динамики состояния этих видов услуг свидетельствует, что глобальная цифровизация, которая, несомненно, оказывает влияние на механизмы поиска, предоставления и оплаты рассматриваемых услуг, не имеет принципиального значения для содержания основных их видов, по-прежнему имеющих контактный характер (бытовые, медицинские, ритуальные). Однако есть ви-

ды рынков, значительно изменившиеся в связи с развитием интернет-технологий (рекламные, финансовые услуги) или появившиеся в связи с цифровизацией (майнинговые услуги).

Например, рекламные услуги в настоящее время оказались тесно связаны с развитием различных интернет-ресурсов, в частности социальных сетей, с появлением цифровых рекламных носителей, электронных порталов объявлений, таких как, например, «Авито» или «Юла», расширением рекламной деятельности блогеров; а динамика роста в 2021 г. цифровых рекламоносителей в сегменте ООН (Out-of-Home) относительно 2020 г. составила рекордные 69%².

Между тем значительная часть этих услуг предоставляется без лицензии. Так, более 40% рекламных сделок между блогерами и компаниями на российском рынке никак не оформлены. Еще в 30% случаев отношения оформлены с блогерами как с физическими лицами. В таких ситуациях ответственность сторон так же до конца не прозрачна, как и при полном отсутствии договора³.

Если же говорить о традиционных носителях рекламного контента, то оценочный уровень незаконных рекламных конструкций варьирует от 30% до 90%. В целом ряде российских городов подавляющее число таких конструкций используется без договора на установку и эксплуатацию⁴.

Кроме того, цифровизация и виртуализация рынков товаров и услуг привели к возникновению цифровых валют. Однако

¹ Теневой бизнес в 2021 году: рекомендации для бизнеса // Сбербанк : официальный сайт. URL: http://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/tenevoj-biznes-rossii-v-2021-riski-i-posledstviya-dlya-ekonomiki.

² Кирьянов А. Вывести рынок наружной рекламы из тени // Российская газета. № 177. 10.08.2022.

³ Эксперты оценили долю теневых сделок с блогерами на рекламном рынке России // Федерал Пресс. URL: <https://fedpress.ru/news/77/economy/2389730>.

⁴ Кирьянов А. Указ. соч.

размытый правовой статус, отсутствие материальных носителей и анонимность владельцев делают процессы, связанные с использованием криптовалюты, слабо контролируемыми. Да и сам процесс майнинга, т.е. производство криптовалюты, пока находится вне правового поля. В результате бюджет страны теряет десятки миллиардов рублей из-за отсутствия налогового регулирования процессов, связанных с криптовалютой, а сама криптовалюта выступает средством платежа за незаконные товары и услуги.

Другой сегмент криминального рынка, где предоставляются услуги, запрещенные в гражданском обороте, обладает максимальной степенью общественной опасности по сравнению с рассмотренным ранее.

Его современное состояние и структура претерпели существенные изменения. Так, наряду с продолжающими функционировать традиционными видами услуг, стали развиваться новые, не известные ранее виды, возникшие именно в процессе цифровизации, вследствие развития компьютерных технологий и интернет-пространства.

Наглядный процесс изменения традиционного вида нелегальных услуг в новые, современные его разновидности, базирующиеся исключительно на компьютерных технологиях и цифровизации документооборота, можно проследить, например, на подделке документов. Как сам процесс изготовления поддельных документов, так и предложение и заказ подобных услуг, а также их оплата, сегодня осуществляются с помощью современной компьютерной техники и Интернета.

Еще одним новым видом услуг, тесно связанным с глобальной цифровизацией большинства персональных документов, внесением их во всевозможные базы данных, при относительно слабой их защите, является торговля персональными данными. Кражи персональных данных стали огромной проблемой, которая связана с халатностью сотрудников компаний и государственных структур, откуда сведения похищаются, с дефицитом специалистов по

информационной безопасности, а также недостаточностью средств для контроля за оборотом таких данных. В результате из похищенных сведений создаются «цифровые портреты», которые могут быть использованы для мошенничества, буллинга, диффамации и иных правонарушений.

С виртуализацией общественной жизни, развитием информационно-коммуникационных технологий связаны и такие специфические виды услуг, как взлом аккаунтов и другие хакерские услуги. Среди них наиболее распространенные – это компьютерный шпионаж, кодграбберы¹, «пробивка» по различным базам данных (в том числе ГИБДД, Сбербанк и т.п.), услуги по блокировкам банковских карт, узнаванию баланса и кодового слова².

Эти же детерминанты способствуют совершенствованию легализации преступных доходов, оказанию коррупционных услуг, организации незаконной миграции. Современный рынок этих услуг достаточно широк, а сами они нередко взаимосвязаны между собой. Коррупция используется для организации незаконной миграции, а полученные от нее доходы легализируются. При организации незаконной миграции нередко используются услуги лиц по изготовлению поддельных документов, бланков, печатей. Однако и коррупционные услуги, и услуги по легализации преступных доходов имеют самостоятельные рынки пользователей, как правило, занимающихся разными видами нелегальной деятельности.

Виртуализация этих услуг, анонимность, которую дают коммуникационные технологии, их заказ и оплата через теневой интернет, как правило, в цифровой валюте, позволяют расширять данный сегмент криминального рынка, при этом повышая уровень безопасности его субъектов, ограждая их от социального контроля.

Таким образом, глобальная цифровизация, развитие интернет-ресурсов, компьютерных, коммуникационных технологий способствуют не только развитию традиционных видов услуг, но и возникновению новых их видов. Даже если указанные техно-

¹ Кодграббер – специальное электронное устройство, предназначенное для взлома охранной системы автомобиля, других запирающих электронных устройств, например шлагбаумов, ворот и пр.

² Подр.: Репецкая А.Л., Родивилин И.П. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям в сфере обращения охраняемой законом информации. Иркутск: Издательский дом БГУ, 2021. С. 91.

логии не повлияли на механизмы предоставления самих услуг (бытовые, ритуальные и т.п.), то их предложение, заказ и оплата, как правило, осуществляются с их использованием.

Соответственно, при разработке системы противодействия развитию криминального рынка услуг необходимо выявлять детерминирующие факторы, которые затем нейтрализовать или блокировать с по-

мощью правовых, организационных, технических мер предупреждения. Стабилизация данного рынка, сужение его неформального сектора принесут государству огромные прибыли, которые в настоящее время не попадают в бюджет, а воздействие на сегмент нелегальных услуг позволит контролировать коррупцию, нелегальную миграцию, сократит возможности легализации преступных доходов.

Зотина Е.В.

Казанский юридический институт МВД России

ЛИЧНОСТЬ ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИКА В ФОКУСЕ КРИМИНОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Телефонное мошенничество, т.е. совершение мошеннических действий с использованием средств сотовой связи, представляет собой одно из самых распространенных противоправных деяний, предусмотренных ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации. Несмотря на разработанные способы раскрытия и расследования телефонного мошенничества, а также меры виктимологической профилактики, существует реальная необходимость дальнейшего научного изучения способов и методов противодействия данному преступлению. Ключевой категорией является личность телефонного мошенника, требующая тщательного криминологического исследования.

Основные схемы реализации телефонного мошенничества хорошо известны и достаточно типичны; как правило, разворачиваются следующие коммуникативные ситуации: «Родственник попал в беду, необходима помощь», «Ваша банковская карта заблокирована», «Вы получили неожиданный выигрыш в лотерее». В настоящее время появляются и другие варианты телефонного мошенничества: «Участие в распродаже товаров бренда, уходящего с российского рынка», «Звонок от сотрудника МФЦ».

Дистанционное общение преступника с жертвой, реализуемое посредством телефонной связи, практически всегда осуществляется с использованием приемов и методов социальной инженерии, или, как это часто фигурирует в текстах приговоров

судов, «с использованием наступательной тактики общения». В связи с этим преступник должен иметь соответствующую психологическую подготовку либо обладать способностью убеждения, принуждения, особенностями и чертами характера, позволяющими ему быстро адаптироваться к партнеру по коммуникации.

Однако манипулятивное воздействие осуществляется не только в результате использования особых психологических приемов, направленных на достижение результата, но и посредством сознательного голосового модулирования – изменения интонации, тембральной окраски голоса и других паралингвистических элементов речевого общения. Как правило, голосовое манипулирование реализуется преступником сознательно и целенаправленно, в преступных целях и является одним из компонентов стратегии его преступного поведения. Кроме устного общения посредством сотовой связи, других способов воздействия на потенциальную жертву нет, поэтому задача преступника – максимально использовать не только приемы психологического воздействия, но и технику голосового (речевого) манипулирования (как правило, осуществляется голосовая подстройка под близкого родственника, которому «требуется помощь», используются интонация плача, тревоги, неуверенности, ускоренный речевой темп – весь арсенал средств фонационного паралингвистического воздействия).

В связи с этим возникает необходимость применения междисциплинарного подхода к исследованию личности телефонного мошенника, предполагающего ее изучение как с позиций криминологии, так и с использованием достижений лингвистической науки. Междисциплинарный характер самой криминологической науки актуализирует обращение к новым исследовательским парадигмам.

В криминологии личность преступника – одно из ключевых понятий. В лингвистике существует понятие языковой личности как совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью¹. Полагаем, что применительно к личности телефонного мошенника можно использовать интегрированное понятие с учетом симбиоза криминологии и лингвистики – «языковая личность преступника». Привлечение лингвистических познаний способно существенно обогатить криминологическое представление о социально-демографических характеристиках преступника, таких как его пол, возраст, уровень образования, возможное место проживания. Эти сведения, например, можно получить в ходе проведения специальных фоноскопических диагностических экспертиз. Кроме того, наличие явно выраженных речевых признаков – дефектов произношения отдельных звуков (например, альвеолярный «р», картавость), ненормативного речевого дыхания и т.п. – может помочь в установлении личности преступника.

В рамках интеграции криминологического и лингвистического подходов к анализу личности преступника – телефонного мошенника следует обозначить новые исследовательские задачи и перспективы:

1) конструирование криминологического портрета телефонного мошенника с использованием информации о специфике его голоса и речи;

2) более полное описание всех элементов криминологической характеристики личности преступника с учетом экспликации социально-демографических, социально-ролевых, нравственно-психологических и даже уголовно-правовых признаков в его речи;

3) проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению личности преступника с учетом данных, полученных в ходе диагностических фоноскопических экспертиз;

4) разработка действенных мер виктимологической профилактики телефонного мошенничества, направленных на формирование навыков коммуникативной устойчивости к манипулятивным действиям преступника. Представляется, что эта задача является одной из основных и самых перспективных. Несмотря на меры, предпринимаемые государством, правоохранительными органами и общественными организациями, количество регистрируемых фактов телефонного мошенничества не становится меньше. Статистические данные правоохранительных органов дают основание утверждать², что граждане (причем чаще всего лица пенсионного возраста) подвержены манипулятивным атакам по телефону и не всегда способны оказывать эффективное противодействие. Обучение основным коммуникативным стратегиям нивелирования деструктивного речевого воздействия имеет существенный предупредительный потенциал.

Подводя итоги изложенному, отметим, что криминологическое исследование личности телефонного мошенника – преступника, совершающего мошеннические действия с использованием средств сотовой связи, является крайне актуальной проблемой. Специфика совершения мошеннических действий посредством устного общения требует от преступника не только определенных познаний в психологии, но и умения голосового манипулирования, что актуализирует криминологическое лингвистическое исследование его личности.

¹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 264 с.

² О состоянии преступности в России за январь – июль 2021 г. : сборник Генпрокуратуры России. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 20.02.2023).

Акименко П.А.,

кандидат юридических наук

Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТАВЕ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП В СФЕРЕ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ ПРЕКУРСОРОВ**

Наркопреступность представляет серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации, затрагивая интересы общества и государства. Негативное развитие наркоситуации в Российской Федерации убедительно доказывает тот факт, что наркобизнес продолжает занимать прочные позиции в сфере теневой экономики. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров становится серьезным препятствием на пути прогрессивных процессов в сфере международной политики и торгово-экономических отношений мирового сообщества.

В соответствии со Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733, в качестве угроз национальной безопасности в сфере оборота наркотиков в среднесрочной и долгосрочной перспективах выделяется расширение глобального рынка наркотиков, в том числе вследствие увеличения объемов незаконного производства наркотиков на недостаточно контролируемых властями территориях, а также в зонах вооруженных конфликтов (п. 9).

Криминальные процессы в сфере незаконного оборота наркотиков, связанные с деятельностью организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций) (далее – ОГ, ПС), в том числе транснациональных, являются угрозой общественной безопасности. В последние годы появляются новые формы противоправной деятельности ОГ и ПС, нарастается конспирация каналов поставки и сбыта наркотиков с использованием инновационных коммуникационных и других новых технологий. Организованная наркопреступность отличается высокой устойчивостью и

быстрой приспособляемостью, что обусловлено перспективой получения сверхприбыли. Как отмечает директор Росфинмониторинга Ю.А. Чиханчин, «наркоденьги составляют половину всех доходов транснациональной организованной преступности»¹.

В структуре организованной преступности наркопреступления, уголовные дела о которых окончены расследованием, составляют более трети. Причем их количество ежегодно растет, вследствие чего с 2017 по 2021 гг. оно увеличилось почти в 2 раза (с 3994 до 7761). Доля наркопреступлений, совершенных участниками ОГ и ПС, в общем количестве расследованных наркопреступлений также имеет устойчивую тенденцию к росту (с 4,5% в 2017 г. до 12% в 2021 г.). За 9 месяцев 2022 г. по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. было расследовано почти на 14% больше наркопреступлений, совершенных участниками ОГ и ПС (7566 против 6637).

Статистика фиксирует постоянное усиление опасности организованной наркопреступности. За 5 последних лет с 2750 до 3761 увеличилось число участников ОГ и ПС, совершивших наркопреступления. Среди них в 1,5 раза (с 977 в 2017 г. до 1468 в 2021 г.) выросло число лиц, ранее совершавших преступления.

В 2022 г. рост числа участников групповой наркопреступности продолжился. За 9 месяцев 2022 г. по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. по расследованным уголовным делам было выявлено почти на 19% больше таких лиц (3508 против 2950). Среди них также увеличилось число лиц, ранее совершавших преступления (с 1150 до 1293 или на 12,4%)².

В мае 2022 г. по разработанной авторской анкете был проведен опрос 705 прокурорских работников в 26 субъектах Россий-

¹ Вступительное слово Ю.А. Чиханчина // Финансовая безопасность. 2020. № 28. С. 5.

² Использованы сведения по форме 582 «О результатах борьбы с организованной преступностью».

ской Федерации о состоянии наркопреступности и изменениях этого состояния в 2020-2022 гг. Каждый второй прокурорский работник (50,6%) высказался о повышении реального уровня организованности наркопреступности. Усилению организованной наркопреступности, повышению ее опасности способствуют активное применение информационно-телекоммуникационных технологий, использование коррупционных связей, вовлечение несовершеннолетних и молодежи. Неслучайно каждый третий прокурорский работник (29,5%) высказался об имеющихся проблемах правового регулирования и контроля антикриминального использования возможностей информационных технологий, почти каждый пятый (23,8%) – о низкой эффективности антинаркотического просвещения и воспитания несовершеннолетних, каждый седьмой (14,1%) – о коррупции.

Пандемия COVID-19 существенно закрепила тенденцию к осуществлению незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ дистанционным способом, при котором непосредственный контакт между соучастниками и покупателем полностью исключается. В частности, перевод образовательных организаций на обучение в онлайн-форме повлек увеличение продолжительности пребывания несовершеннолетних в Интернете и, как следствие, рост масштабов их вовлеченности в деятельность, связанную с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Значительное число респондентов снижение эффективности противодействия наркопреступности связывают с наличием проблем в борьбе с организованным криминалом, в частности – безнаказанностью преступников, являющихся организаторами наркобизнеса (33,2%) и недостатками в противодействии организованной наркопреступности (24,1%).

Почти каждый второй участвовавший в опросе прокурорский работник (47,3%) отметил необходимость первоочередного повышения эффективности борьбы с организованной преступностью.

При этом 31,1% участвовавших в опросе прокуроров наиболее эффективным в противодействии наркопреступности рассматривают ужесточение уголовного наказания за наркопреступления.

Приоритетность противодействия организованным формам наркопреступности в некоторой степени определила преимущество в ответах прокурорских работников за мерами, связанными с правоохранительной, контрольной (надзорной) деятельностью, а также усилением ответственности за нарушения законов в сфере оборота наркотиков.

Следует отметить, что еще одной тенденцией криминального рынка наркотиков выступает активное использование организованными преступными группами возможностей информационных технологий.

Всего в 2021 г. в сфере наркопреступности выявлено почти 12 тыс. участников организованных преступных групп и преступных сообществ, из которых 35,6% совершили преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (4,2 тыс. преступлений), в том числе посредством сети Интернет (3,7 тыс. преступлений)¹.

Уголовные дела о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, совершенных в составе ОП и ПС, характеризуются следующим:

- уголовные дела возбуждаются по результатам оперативно-розыскной деятельности в целях накопления и формирования достаточной доказательственной базы;

- типичные следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, зависят от конкретного способа незаконных действий с ними;

- эффективность проведения следственных действий и последующее рассмотрение дела в суде зависит от организации взаимодействия следователя, прокурора, судьи, оперативных сотрудников, экспертов и специалистов. Именно благодаря их слаженной работе возможны своевременное выявление

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 02.11.2022).

совершенного преступления и придание ему надлежащей правовой оценки;

– особое место в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров занимает взаимодействие правоохранительных органов разных стран, в том числе и при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий;

– важную роль в вопросе противодействия наркотическим преступлениям играет создание качественной материальной базы для сотрудников, осуществляющих поиск оперативной информации, интернет-ресурсов, сайтов, форумов, групп, в которых распространяется необходимая для поимки преступников информация. Эта специфическая материальная база должна включать в себя высокотехнологичное инфокоммуникационное оборудование, новейшие оперативно-технические средства и аппаратно-программные комплексы.

Таким образом, в целях противодействия получения наркодоходов правоохранительным органам необходимо продолжить наращивание усилий по противодействию ОГ и ПС с межрегиональными и международными связями, осуществляющим

поставки соответствующих веществ из-за рубежа, а также их производство и распространение на территории нашей страны. Как отмечается в Докладе Государственного антинаркотического комитета о нарко-ситуации в Российской Федерации за 2021 год, имеющаяся практика перекрытия крупных каналов поставок наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров свидетельствует о возрастающей потребности в проведении комплексных операций, в том числе в целях подрыва экономических основ наркопреступности¹.

Для повышения эффективности данной работы требуется обеспечить активное межведомственное взаимодействие правоохранительных органов с Росфинмониторингом на самых наркоопасных направлениях, продолжив практику проведения оперативных мероприятий во взаимодействии с компетентными органами зарубежных стран. Кроме того, целесообразно упростить процедуры межгосударственного сотрудничества правоохранительных органов, так как зачастую в преступных целях используются интернет-ресурсы, находящиеся на территории других государств.

Молоков В.В.,

кандидат технических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В арсенале методов статистического анализа данных правовой статистики в настоящее время находятся не только классические положения теории математической статистики, но и автоматизированные инструменты интеллектуальной обработки данных. Используя их, ученый-исследователь или практик способны непрерывно, а главное, оперативно, не дожидаясь публикаций официальных аналитических обзоров, осуществлять анализ криминологической обстановки, что неотъемлемо должно приводить к принятию управленческих и

тактических решений в целях профилактики и противодействия преступности.

Комплексное исследование статистических характеристик преступности обычно представляет иерархическую декомпозицию изучения ее региональных особенностей, как, например, в структуре: Российская Федерация, федеральные округа, субъекты. Такой подход позволяет выявить детерминацию преступности и материальный потенциал борьбы с ней в конкретных региональных условиях².

¹ Доклад ГАК-2021. М., 2021. С. 23-25. URL: https://правовая-наркология.пф/images/document/norm_akt_2022/2021_report_on_the_drug_situation.pdf (дата обращения: 11.11.2022).

² Миняйло А.С., Балац Я.Е. Многомерный статистический анализ уровня преступности в субъектах РФ // Приложение математики в экономических и технических исследованиях. 2017. № 1(7). С. 125-129.

В рамках предлагаемого исследования изучаются основные публичные показатели состояния преступности в Сибирском федеральном округе (СФО), полученные на Информационно-аналитическом портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, приводятся результаты агломеративного подхода¹ к определению уровня криминализации составляющих его субъектов.

Априорная информация описывается рядами динамики (период 2019-2022 гг.) основных криминологических показателей, характеризующих общее число зарегистрированных преступлений, их категории и отдельные виды. В целях применения кластерного анализа показатели нормированы и приведены к коэффициентам преступности.

Статистический анализ показал, что динамика общего числа зарегистрированных преступлений в СФО коррелирует с темпами роста в Российской Федерации (РФ) и сохраняет тенденцию снижения. Средние значения цепных темпов роста² зарегистрированных преступлений в РФ и СФО равны соответственно 99% и 99,4%, при этом в 2022 г. темпы роста составили в РФ – 98,1%, в СФО – 99,3%. Сохраняется незначительное снижение численности населения как на территории РФ, так и в СФО.

Средние темпы роста региональных показателей преступности представлены в таблице 1. Фоном выделены значения, имеющие тенденцию увеличения.

Таблица 1

СРЕДНИЕ ТЕМПЫ РОСТА КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
В СУБЪЕКТАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ЗА ПЕРИОД 2019-2022 ГГ.

Субъекты СФО	Количество населения	Зарегистрировано преступлений							
		всего	особой тяжести	тяжких	средней тяжести	небольшой тяжести	экономической направленности	убийств и покушений на убийство	связанных с НОН
СФО	99,4	97,6	106,5	101,9	95,8	96,2	103,6	97,5	100,3
Алтайский край	99,1	101,9	119,5	107,6	103,3	97	103,2	90,6	108,9
Иркутская область	99,4	93,8	108,3	93,1	91,1	95,3	99,9	99,7	96
Кемеровская область-Кузбасс	99,1	95,7	102,7	101,6	93,7	94	101,1	101,9	98,7
Красноярский край	99,7	99,3	102,6	105,1	95,3	100	109,5	98,2	102,3
Новосибирская область	99,8	97,7	105,6	102,1	97,7	94,9	104	97,8	108,3
Омская область	98,9	97,5	108,4	104,1	98,5	92,8	100,0	95,3	96,9
Республика Алтай	100,4	102,4	114,7	111,1	98,7	101,4	127,7	95,2	107,8
Республика Тыва	100,8	91,6	92,2	94,8	89	92,4	115,2	98,2	84,9
Республика Хакасия	99,5	96,3	100,7	108,8	94,1	93,3	96,2	89,8	99,2
Томская область	99,7	101,7	108,7	100,6	96,5	105,1	105,8	95,9	88,1

Растущие значения темпов роста числа зарегистрированных преступлений в 2022 г. сохранили следующие регионы: Томская

область – 110,5%, Новосибирская область – 100,8%, Алтайский край – 100,3%.

¹ Подр.: Тепляшин П.В., Молоков В.В. Агломеративный подход к оценке степени криминализации субъектов Российской Федерации: методика статистического анализа и криминологическая характеристика // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 509-521.

² Далее – темпы роста.

Наименьший темп роста общего числа преступлений в 2022 г. наблюдается в Республике Тыва – 78%.

По показателю числа нераскрытых преступлений средние темпы роста в плюсе наблюдаются в регионах: Алтайский край – 109%, Республика Хакасия – 103,4%, Красноярский край – 100,8%.

При этом в 2022 г. темпы роста числа нераскрытых преступлений демонстрируют снижение во всех субъектах, кроме Томской области (108,4%).

Анализ преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков выявил тенденцию их увеличения, что отмечается повышенными темпами роста этого показателя во многих регионах в 2022 г., в частности: Новосибирская область – 151,8%, Алтайский край – 133,3%, СФО – 110,7%, Томская

область – 110,4%, Омская область – 109,4%, Республика Алтай – 109,1%, Кемеровская область-Кузбасс – 107,7%, Республика Хакасия – 101,7%, Иркутская область – 94,1%, Красноярский край – 93,8%, Республика Тыва – 88,3%.

В целях выделения субъектов, схожих по уровню основных показателей преступности, применена процедура иерархической классификации (кластеризации) с разделением объектов на три класса. Разбиение административных территорий на классы дает основание для ранжирования уровня криминализации субъектов, полагая, что первый класс – высокий уровень, второй – средний, третий – низкий. При этом интерес представляет таблица динамики переходов из класса в класс (таблица 2).

Таблица 2

ДИНАМИКА ПЕРЕХОДОВ ИЗ КЛАССА В КЛАСС СУБЪЕКТОВ СФО

Субъекты СФО	2019	2020	2021	2022
Алтайский край	1	1	1	1
Иркутская область	1	2	1	2
Кемеровская область-Кузбасс	2	1	1	1
Красноярский край	1	1	1	2
Новосибирская область	1	2	1	2
Омская область	1	1	1	2
Республика Алтай	1	2	2	3
Республика Тыва	3	3	3	3
Республика Хакасия	2	1	1	1
Томская область	1	1	1	2

Анализируя динамику агломеративного разбиения субъектов СФО, можно отметить, что в 2022 г. произошли изменения в уровне криминализации регионов. Незменное присутствие в группе регионов с высоким уровнем преступности сохраняет Алтайский край, а с низким – Республика Тыва. Шесть регионов в 2022 г. изменили присутствие в ранее составляющем классе.

В 2022 г. отмечается незначительное изменение удельного веса преступлений в зависимости от характера и степени об-

щественной опасности деяния. В 2022 г. в СФО в сравнении с 2021 г. на 1% возросла доля преступлений особой тяжести, при этом на 1,9% сократилась доля тяжких преступлений. В субъектах СФО только в Красноярском крае незначительно снизилась (-0,5%) доля особо тяжких преступлений, в Алтайском крае и Омской области она увеличилась на 2%. Структура преступности в субъектах СФО в 2022 г. представлена в таблице 3.

Таблица 3

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ПРЕСТУПЛЕНИЙ (%) В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ХАРАКТЕРА
И СТЕПЕНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЯ В СФО В 2022 Г.

Субъекты СФО	Особой тяжести	Тяжкие	Средней тяжести	Небольшой тяжести
СФО	5,7	20,2	32,5	41,6
Алтайский край	6,1	21	30,3	42,6
Иркутская область	4,6	21,1	34	40,3
Кемеровская область-Кузбасс	6,1	19,3	30,4	44,2
Красноярский край	6,2	20,4	34,7	38,7
Новосибирская область	4,3	19,7	39,4	36,6
Омская область	8,6	23	23,9	44,5
Республика Алтай	3,7	18,5	30	47,8
Республика Тыва	4,1	19,9	35,3	40,7
Республика Хакасия	5,8	19,2	30,4	44,6
Томская область	5,3	18,3	28,4	48

Таким образом, статистический анализ преступности в Сибирском федеральном округе выявил следующие тенденции:

- наблюдается снижение общего числа зарегистрированных преступлений;
- уменьшается доля тяжких преступлений, но эта положительная динамика

компенсируется незначительным увеличением преступлений особой тяжести;

- растет количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и экономической направленности;
- в 2022 г. увеличилось число субъектов, агломеративно составляющих кластер со средним уровнем преступности.

Винокуров С.И.,

кандидат юридических наук, доцент

Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОНЯТИЯ «ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ»

Комплексный анализ и определение сущностных признаков противодействия преступности следует начать с углубленного исследования глобального явления (понятия) «преступность». Оно представляет собой весьма сложный, многозначный, разнообразный социальный феномен, включающий в себя общественно опасные действия и бездействие, умышленные и неосторожные преступления, впервые совершаемые (первичные) и рецидивные посягательства, различные видовые группы преступлений, латентную преступность и др.

При этом главное негативное свойство преступности, определяющее ее общественную опасность и отрицательное отношение к ней социума – это причинение (реальная опасность причинения) ею уголовно-право-

вого вреда. Именно данное объективное вредоносное свойство преступности обуславливает введение соответствующих юридических ограничений и запретов относительно общественно опасных деяний, а также жестких мер правового воздействия к лицам, их совершившим. При этом уголовно-правовой вред понимается нами как негативное изменение (реальная угроза изменения) охраняемых уголовным законом объектов и ценностей (благ) внешнего мира, а равно психического состояния потерпевшего в результате общественно опасного воздействия (деяния) человека (нарушителя).

Весьма значимым является также вопрос о разграничении объективной и юридической форм выражения уголовно-правового вреда. С точки зрения объективного

проявления вред воспринимается как реальный вредоносный результат общественно опасного деяния. При этом он может быть двух видов: незавершенный (промежуточный) и целевой.

Незавершенный вред может возникнуть в ходе реального совершения общественно опасного деяния, когда поставленная нарушителем цель, направленная на причинение конкретного вреда, не была им в полной мере реализована, а следовательно, существует реальная возможность минимизации такого вреда. Именно это обуславливает продление границ предупредительной деятельности до стадии покушения на преступление (для умышленных преступлений). Что касается оконченного причинения целевого вреда, то оно характеризует полную реализацию нарушителем своей вредоносной цели, что означает невозможность вести далее речь о предупреждении первичных преступлений.

Существенные различия наблюдаются и при анализе юридического аспекта восприятия и оценки общественно опасного вреда. Прежде всего, следует отметить, что в данном смысле указанный вред может оцениваться в одном случае как реальный, а в другом – как потенциальный.

Признание опасности последнего выражается в криминализации приготовления к преступлению, когда деяния по умышленному созданию условий для совершения преступления лишь чреватые реальным причинением уголовно-правового вреда охраняемым уголовным законом объектам (интересам). По сути дела, здесь можно вести речь только об организационной составляющей замышляемого преступления. Следовательно, законодатель прибегает к криминализации данной начальной стадии уголовного деяния (тяжкого или особо тяжкого), исходя из негативной юридической оценки потенциальной, вполне обоснованной угрозы реального причинения общественно опасного вреда в ходе дальнейшего совершения преступления.

Что касается реального причинения общественно опасного вреда, то его оценка во многом совпадает с объективным восприятием данного вреда. Здесь также может идти речь о незавершенном (промежуточном) вреде и целевом. Вместе с тем тут наблюдаются и особенности. Они прояв-

ляются в юридической дифференциации различных проявлений общественно опасного вреда (например, по степени тяжести и др.), а равно отягчающих (смягчающих) обстоятельств его причинения (например, совершение преступления в условиях чрезвычайного положения).

Одной из важных характеристик преступности является то, что общественно опасные деяния могут совершаться путем как активных вредоносных действий, так и бездействия, что во многом зависит от способа правового регулирования отношений взаимодействующих индивидов.

Так, если уголовный закон предписывает должное поведение специальным субъектам правоотношений (должностным лицам, медицинским работникам, военнослужащим и т.д.), а соответствующие лица, например, уклонились от его исполнения, то реальным способом данного общественно опасного поведения (преступления) является бездействие. Совсем другая ситуация складывается, если уголовно-правовая норма содержит ограничения или запрет. В данной ситуации их нарушение проявляется в форме действия.

Оценивая в целом понятие «противодействие преступности», следует отметить, что оно является наиболее широкой и объемной формой негативного отношения общества к любым формам общественно опасного поведения. Это можно подтвердить в том числе и смысловым содержанием данного термина.

В частности, преступления (преступность) реализуются чаще всего путем активных действий (телодвижений) либо преступного бездействия. Поэтому наиболее всеобъемлющим и комплексным средством воспрепятствования такому поведению является именно противодействие ему, осуществляемое самыми разнообразными способами.

Важно также отметить, что противодействие преступности является одной из важнейших форм реакции социума на негативные явления и события окружающего мира.

Сначала следует восприятие вредоносных явлений, затем вступает в действие мышление человека (оценка и определение им своего отношения к воспринимаемой действительности). В конечном счете это завершается выработкой и принятием про-

тивостоящих преступности позитивных комплексных решений и их деятельной реализацией. Последняя и составляет суть указанного противодействия.

При этом принципиально важно подчеркнуть, что оно выражается исключительно в активных действиях, которые могут проявляться как в объективной форме, так и в субъективной. В последнем случае мы имеем в виду законотворческое противостояние преступности, нацеленное на ее упреждение путем четкого правового регулирования и оказания позитивного психического воздействия на адресатов уголовного закона.

Важно учитывать и то, что целый ряд федеральных законов (например, о противодействии экстремизму, терроризму, коррупции) совершенно однозначно включает в понятие «противодействие» этим правонарушениям (преступлениям) другие формы противостояния преступности: предупреждение, борьбу, профилактику как более частные понятия¹.

При этом сущностные признаки противодействия во многом определяются осуществляемыми социумом (прежде всего органами уголовной юстиции) основными правоохранительными стратегиями.

Первую составляют масштабные, всеобъемлющие, разнообразные комплексные меры, направленные на упреждение обоснованно прогнозируемых, общественно опасных для личности, общества и государства вызовов и угроз безопасности. Содержание второй стратегии также складывается из комплексных мер, обеспечивающих своевременное и эффективное реагирование социума на реально совершаемые (совершенные) общественно опасные деяния в соответствии с действующим уголовным законом.

Причем упреждающие противодействующие меры направлены прежде всего на реализацию общей превентивной цели воздействия на преступность. Это достигается, в частности, формированием с помощью законотворческой деятельности правоопослушного образа жизни людей. К упреждающим мерам следует отнести и сдерживание, недопущение адресатами уголовного

закона общественно опасного поведения, выявления и устранения причин и условий, этому способствующих, и др.

Что касается реагирующего сегмента противодействия, то его составляют меры наиболее активного воздействия социума на уголовно-правовые отношения, возникшие в связи с совершением уголовные деяния. Данные меры обеспечивают эффективное расследование и раскрытие совершенных общественно опасных деяний, восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевших и возмещение причиненного им вреда, назначение справедливого наказания виновным и его эффективное исполнение в целях исправления осужденных, а равно предупреждение рецидива правонарушений (преступлений) и др.

При этом, несмотря на определенные различия перечисленных стратегий противодействия, их объединяет общая направленность осуществляемых мер, которые отражают негативное отношение социума к преступности и имеют общую нейтрализующую направленность в отношении уголовно-правового вреда.

Принципиально важно указать и на такую особенность «противодействия», как его присутствие в двух основных сферах правовой жизни социума: правотворческой и правоприменительной. В правотворчестве противодействие преступности выражается в принятии законов в уголовно-правовой сфере, обладающих общей превенцией.

В сфере правоприменения противодействие подразделяется на два сегмента. Первый проявляется в форме предупреждения совершаемых преступлений. Второй включает в себя реагирование на уже совершенные (совершаемые) преступления.

Таким образом, противодействие преступности в современных условиях представляет собой наиболее объемное и широкое понятие в правоохранительной сфере. Оно включает в себя сложную, многогранную, разноуровневую системную деятельность всех институтов государства, общества, отдельных граждан, реализуемую с использованием всего социального и правового арсенала сил, средств и методов в целях:

¹ Напр.: О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ; О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ; О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ и др.

- формирования законопослушного образа жизни адресатов права;
- минимизации (нейтрализации) рисков формирования и действия в социуме разнообразных криминогенных (вредоносных) вызовов, угроз, факторов;
- сдерживания и недопущения правонарушений (преступлений);

- позитивного воздействия на лиц, склонных к правонарушениям (преступлениям) или их уже совершивших;
- применения мер юридической ответственности к причинителям вреда;
- устранения негативных последствий преступлений (преступности), возмещения вреда потерпевшим.

Баасанцэрэн А.

Университет внутренних дел Монголии (г. Улан-Батор)

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ НЫНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ С НЕЗАКОННЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НАРКОТИКОВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В МОНГОЛИИ

В Монголии профилактика наркотиков и психотропных веществ и контроль над ними являются серьезной проблемой. Устойчивый рост этого вида преступности в последние годы приобретает негативные тенденции. Так, в 2022 г. средний темп роста в различных регионах Монголии составлял 22,5% в сравнении с прошлыми периодами. Противодействие этим преступлениям является приоритетом государственной политики.

Международное и национальное законодательство, в частности Закон Монголии «О контроле за потоками наркотиков и психотропных веществ», Конвенция Организации Объединенных Наций о наркотиках 1961 года и Конвенция Организации Объединенных Наций о психотропных веществах 1971 года, раскрывают ряд понятий, учитываемых для организации противодействия обороту наркотиков в Монголии:

- поток наркотических средств и психотропных веществ включает приготовление, распространение, продажу, использование, транспортировку, хранение, уничтожение, передачу наркотических средств и психотропных веществ через границы Монголии и прохождение через территорию страны;
- производство фармацевтических препаратов и психотропных веществ для сбора, посадки, сбора, очистки, переработки и производства продуктов и сырья;
- фармацевтические препараты и психотропные вещества используются для производства и переработки растений, наркоти-

ков и психотропных веществ, которые подлежат надзору, как это предусмотрено законодательством и международными договорами Монголии¹;

Представляет практический интерес место совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: 42,4% совершаются в жилых помещениях, 10,5% – в общественных местах, 2% – в общественном транспорте, 1% – в государственных учреждениях.

Характеризуя личность преступника, следует отметить, что общее число осужденных в 2022 г. увеличилось на 13,3%, 89% преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков совершены мужчинами, несовершеннолетними (от 14 до 17 лет) – 2,5% всех зарегистрированных преступлений².

Социальный статус лиц, совершивших преступления: безработные – 121, работники и государственные служащие – 88, студенты и ученики – 28 человек.

Для эффективного противодействия необходима точная информация о препарате и его эффектах в возрастной группе, а также разработка стандартов, основанных на информации о влиянии наркотиков на человека с учетом возрастных особенностей.

Например, в Японии информация о наркотиках распространяется среди общественности с ограниченной оглаской, в то время как в Канаде отражается в учебных программах с начальной школы.

Преступность в сфере незаконного оборота наркотиков является транснацио-

¹ Статья 3 Закона о Контроле наркотических средств и психотропных веществ 2002 г.

² Статистические данные ИАЦ ГУП Монголии за 2023 г.

нальной, то есть отнесена к преступности с международным характером.

В Монголии в 2012-2022 гг. были рассмотрены в общей сложности 1518 преступлений по фактам злоупотребления наркотиками. Например, в 2022 г. за 229 преступлений привлечены к ответственности 238 человек. Молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет составляют 80% от этого числа, в последние годы наблюдается последовательный рост, поэтому необходимо активизировать борьбу с этим видом преступности.

Следует указать, что Национальная программа борьбы с наркотиками и психотропными веществами, утвержденная правительством Монголии в 2000 г., должна быть обновлена и реализована в соответствии со сложившейся наркоситуацией в стране, а профилактика данного вида преступности должна быть организована по международным стандартам. Законодательство Монголии усиливает политику наказания за эти виды преступлений и обеспечивают соблюдение мер, отвечающих потребностям современного общества.

Пустовойт Е.С.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ПРОГНОЗИРОВАНИИ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В РЕГИОНЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В исторических масштабах допустимо считать, что доктрина риска в криминологии начинает развиваться и в настоящее время частная теория криминологических рисков находится в разработке. Становится все более актуальным выявление неблагоприятных условий, которые могут усугублять причинный комплекс соответствующей преступности. По мнению М.М. Бабаева, Ю.Е. Пудовочкина, «феномен стал объектом самостоятельной и быстро развивающейся науки рискологии¹, уже доказавшей теоретическую и прикладную значимость, и что рискологические исследования занимают сегодня заметное место едва ли не во всех основных сферах науки и социальной практики, то станет ясно, насколько на самом деле сложна, многогранна и в практическом смысле перспективна эта далеко не во всех отношениях проясненная категория»².

Категория «риск-ориентированный подход» используется в тексте Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществ-

лении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Закон). Исходя из смысла ст. 8.1 Закона, риск-ориентированный подход выступает методом организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором в предусмотренных Законом случаях выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю, мероприятий по профилактике нарушения обязательных требований определяется отнесением деятельности юридического лица, индивидуального предпринимателя и (или) используемых ими при осуществлении такой деятельности производственных объектов к определенной категории риска либо определенному классу (категории) опасности.

Кроме того, ряд авторов рассматривали указанную теорию, например И.М. Клейменов в рамках профессионального спорта и криминологических аспектов спорта, возникновения и развития преступности в сфере спортивной деятельности и т.д.³ П.В. Тепляшин рассмотрел криминологи-

¹ Рискология – наука, которая дает ученым и практикам основы методологии анализа рискогенной обстановки, стратегии и тактики управления рисками.

² Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14: Право. 2019. № 10. С. 136-137.

³ Клейменов И.М. Профессиональный спорт и криминологические риски // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. № 3(17). С. 85.

ческие риски в области нормотворческих антинаркотических инициатив государств – членов ОДКБ¹. Также имеет место изучение криминологических рисков (риск-ориентированного подхода) применения искусственного интеллекта². Поэтому представляется возможным экстраполировать положения формирующейся в настоящее время частной теории криминологических рисков на тему исследования.

Криминологические риски необходимо исследовать, так как в первую очередь это может сказаться на качестве решения задач предупреждения преступлений: картина криминальной детерминации оказывается неполной, ее оценка неточной, следовательно, профилактическая система лишается некоторых важных предпосылок повышения эффективности своих практических усилий³, не говоря уже о том, что риски, не взятые под контроль, оставленные на свободе, быстро разрастаются и превращаются в масштабные угрозы безопасности граждан, общества, государства. В рамках темы исследования использование рисков обусловлено необходимостью построения более точных прогнозов развития наркоситуации в регионе ответственности государств – членов ОДКБ и принятия более точных с криминологической точки зрения путей решения по ее профилактике.

Теория направлена на выявление рисков по отношению к определенному виду

криминальной деятельности и ее субъектов в плане обеспечения их безопасности. По мнению П.В. Тепляшина, «ее методологическая сердцевина заключается в обоснованной допустимости прямо не ожидаемых, но возможных угроз криминального характера, дальнейшей вероятности неблагоприятного развития криминогенной обстановки и неэффективности существующих контрмер»⁴.

Риск-ориентированный подход должен основываться на вызовах и угрозах коллективной безопасности ОДКБ, указанных в Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года, негативно влияющих на систему коллективной безопасности, среди которых незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в указанной территории, поступающих из Афганистана, которые носят трансграничный характер и продуцируют риски.

Таким образом, представляется крайне эффективным применение частной теории риск-ориентированного подхода, которая может способствовать прогнозированию наркопреступности в регионе ОДКБ с целью изучения перспектив повышения региональной защищенности и выработки научно обоснованных предложений и рекомендаций профилактического характера.

Никульченкова Е.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ДЕТЕРМИНАНТЫ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Эпоха цифровизации, интеллектуального разума, интернет-технологий нового поколения современного общества стали непосредственной частью нашей жизни, благодаря чему мы ускоряемся в выполнении рабочих операций, мыслительных про-

цессов, обработки информации, принятии решений и в целом нашей жизни.

Одновременно с новыми технологиями, которые, безусловно, прогрессивно улучшили жизнь в современном мире, позволили общаться в безвременных рамках вир-

¹ Тепляшин П.В. Криминологические риски в области нормотворческих антинаркотических инициатив государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности // Наркоконтроль. 2022. № 4. С. 9.

² См.: Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6(12). С. 767-775; Бегишев И.Р. Криминологическая классификация роботов: риск-ориентированный подход // Правоприменение. 2021. № 1. С. 185-201.

³ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Указ соч. С. 138.

⁴ Тепляшин П.В. Указ соч. С. 9.

туально с любым уголком планеты, безопасность использования таких технологий, правовые аспекты регулирования правоотношений с использованием информационных технологий и их влияние на будущую жизнь в обществе вызывают много вопросов и обращают на себя внимание многих исследователей.

Особенно актуальными становятся проблемы роста киберпреступлений (преступлений с использованием IT-технологий) и возможности общества и государства им противостоять.

Некоторые исследователи киберпреступность определяют как совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве (информационном пространстве) с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству в рамках компьютерных систем или сетей и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных¹.

В настоящее время киберпреступность вышла на профессиональный уровень, стала изощренной и превратилась в огромный бизнес, а ее объемы стали масштабными².

Статистические показатели преступности, по данным ГИАЦ МВД России за период 11 месяцев 2022 г., показали, что было зарегистрировано 470143 преступлений с использованием информационных технологий, из которых раскрыто 128417 – то есть около 27%, что не может не вызывать тревогу. Из этого количества преступлений больше всего – 342495 – совершены с использованием сети Интернет; 190087 – с использованием средств мобильной связи; 116295 – с использованием пластиковых карт; 26466 – с использованием компьютерной техники³.

По нашему мнению, низкая раскрываемость киберпреступлений обусловлена во

многом невозможностью установления субъекта преступления; потерпевшего (которые либо не обращаются в правоохранительные органы, либо не подозревают, что стали объектом преступления); использованием несуществующих IP-адресов, а также трансграничным характером таких преступлений.

Нераскрытая преступность, так же как и латентная, является весьма опасным явлением ввиду ее накопительного эффекта. В дальнейшем она становится криминогенным фактором, стимулирует продолжение преступной деятельности и безнаказанности⁴.

Значительная часть киберпреступлений являются латентными. Зарубежные исследователи отмечают, что преступления, связанные с неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации, характеризуются высокой степенью латентности и достигают 80-85%⁵.

Анализ причинности явлений и факторов, порождающих преступления того или иного вида, является важным для выявления полной криминологической картины преступности, с помощью которой можно выработать адекватные меры противодействия.

При установлении причин и условий появления и совершения тех или иных преступлений исследователи используют разную терминологию: причины и условия совершения преступлений, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, криминогенные факторы, детерминанты преступления.

Детерминантами преступности являются проявления криминогенного характера, порождающие преступления и создающие благоприятные условия для выполнения преступного замысла⁶.

Детерминанты всегда выступают в комплексе различных причин и условий, факторов и обстоятельств, личности преступ-

¹ Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1(24). С. 45-55.

² Lewis, James. Economic Impact of Cybercrime. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/economic-impact-cybercrime> (дата обращения: 15.01.2023).

³ Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2022 г. МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/34307225/> (дата обращения: 14.01.2023).

⁴ Клейменов М.П. Нераскрытая и латентная преступность: различия и сходство // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 106-113.

⁵ Ki Hong (Steve) Chon. Cybercrime Precursors: Towards a Model of Offender Resources // The Australian National University Journal. 2018. №1. P. 66-81.

⁶ Клейменов М.П. Криминология : учебник. М.: Норма, 2018. 400 с.

ника, его мотивации и психологического состояния, виктимологических предпосылок поведения потерпевшего и др.

Киберпреступность можно охарактеризовать как криминальное антисоциальное явление, возникающее в результате применения информационных технологий, продуктов искусственного разума, IT-технологий для совершения преступлений. Характерными особенностями киберпреступлений, которые значимо отличают их от иных преступных деяний, являются высокая технологичность использования IT-технологий, Интернет-пространства, компьютерной техники, мобильных гаджетов; обладание специальными познаниями в области информационных технологий; высокая латентность, скрытый характер, во многом транснациональный масштаб совершения преступлений.

Одним из детерминантов киберпреступности является недостаточная, а порой и низкая компьютерная грамотность пользователей сети Интернет, несоблюдение правил безопасной работы в интернет-пространстве и мобильных гаджетов.

Мотивы и цели у киберпреступников самые различные – корыстные и некорыстные, политические и религиозные, диверсионные и экстремистские и масса других.

Современные средства защиты от вредоносных атак и спама в большинстве случаев не работают на опережение. Как правило, методы защиты разрабатываются после совершенных киберпреступлений, что указывает на отставание технологий современной защиты, вследствие чего риск повторного совершения преступлений остается высоким.

Опасным фактором является совершение киберпреступлений несовершеннолетними. Молодые люди способны очень быстро адаптироваться к новым знаниям в сфере информационных технологий, но не всегда правильно их используют, а зачастую и целенаправленно овладевают такими знаниями для совершения противоправных деяний.

Увеличение количества несовершеннолетних киберпреступников объясняется многими факторами. Ими движет интерес, азарт, правовой нигилизм, легкие средства

наживы, а также понимание того, что в интернет-пространстве несовершеннолетний остается неузнанным и во многих случаях неуязвимым.

Таким образом, можно заключить, что сегодня мы имеем новый вид преступности – киберпреступность, детерминантами которой выступают различные объективные и субъективные факторы, развитие информационного прогресса, совершенствование способов совершения преступлений, недостаточная правовая грамотность населения в сфере безопасного использования компьютерных программ, сети Интернет и мобильных банков, отсутствие эффективных механизмов борьбы с новыми видами преступлений в сфере информационных технологий.

Дальнейшее развитие информационных технологий и переход жизни на цифровые отношения в будущем неизбежны. Соответственно, киберпреступления будут совершенствоваться и увеличиваться. Поэтому государству необходимо серьезно отнестись к киберугрозам, выработать эффективные методы своевременного выявления, пресечения таких преступных деяний и обеспечить безопасность граждан, общества и государства в информационном пространстве.

Полагаем, эффективными мерами противодействия киберпреступлениям будут являться следующие:

- 1) разработка более эффективных средств и методов защиты от киберпреступлений специалистами сферы IT-технологий;
- 2) постоянное проведение криминологического мониторинга киберпреступности и выработка предложений по их предупреждению;
- 3) осуществление постоянной работы с населением и несовершеннолетними в целях повышения правовой культуры и грамотности в сфере безопасного использования интернет-технологий и ответственности за совершение киберпреступлений.

Также мы солидарны с мнением о необходимости непрерывной подготовки профессиональных кадров в правоохранительных органах, обладающих достаточными компетенциями в области информационных технологий¹.

¹ Молоков В.В. Киберпреступность: анализ и региональные особенности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4(49). С. 171-175.

Изгагина Т.Ю.

Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

Анализ сведений о числе зарегистрированных преступлений в таможенной сфере¹ свидетельствует о снижении числа зарегистрированных преступлений по контрабанде: на 21% по ст. 226.1 УК РФ (2022 г. – 1272 преступления, 2021 г. – 1539, 2020 г. – 1465) и на 58,9% по ст. 229.1 УК РФ (2022 г. – 286 преступлений, 2021 г. – 695, 2020 г. – 362). Наблюдается тенденция снижения числа уклонений от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ) на 1,1% (2022 г. – 368 преступлений, 2021 г. – 372, 2020 г. – 384).

По данным ведомственной статистики (ФТС России), которая учитывает не количество преступлений, а количество уголовных дел, число возбужденных уголовных дел по контрабанде на основании оперативных материалов также снизилось на 9,8% (в 2022 г. возбуждены на основании оперативных материалов таможенных органов 1810 уголовных дел², в 2021 г. – 2007³; в 2020 г. – 1993⁴). Из них: наибольшее количество уголовных дел возбуждены по ст. 226.1 УК РФ (в 2022 г. – 703 уголовных дела; в 2021 г. – 745; в 2020 г. – 828). Стоимость незаконно перемещенных стратегически важных товаров и ресурсов в 2022 г. составила 9643,4 млн руб. (в 2021 г. – 10995 млн руб.).

По ст. 194 УК РФ возбуждены 335 уголовных дел (-3,2%) (в 2021 г. – 346; в 2020 г. – 311).; по ст. 193.1 УК РФ (совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов) возбуждены 147 уголовных дел (+7,3%) (в 2021 г. – 137; в 2020 г. – 170),

размер уклонения от уплаты таможенных платежей в 2022 г. составил 19614,6 млн руб. (в 2021 г. – 18858,4 млн руб.).

По материалам оперативных подразделений таможенных органов по результатам таможенного контроля после выпуска товаров и иным основаниям доначислено денежных средств на сумму более 13,5 млрд рублей (+36,4%) (в 2021 г. – 9,9 млрд руб., в 2020 г. – 17,7 млрд руб.); взыскано в федеральный бюджет более 9 млрд рублей (в 2021 г. – 6 млрд руб., в 2020 г. – 8,8 млрд руб.).

Помимо названных преступлений таможенными органами возбуждаются уголовные дела по следующим преступлениям⁵: по ст. 200.1 УК РФ – 103 уголовных дела (в 2021 г. – 99) размер незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) денежных инструментов в 2022 г. составил 584,4 млн руб. (в 2021 г. – 1498,1 млн руб.); по ст. 200.2 УК РФ – 55 уголовных дел (в 2021 г. – 87), при этом стоимость незаконно перемещенных алкогольной продукции в 2022 г. составила 36,7 млн руб. (в 2021 г. – 70 млн руб.) и табачных изделий 293,7 млн руб. (в 2021 г. – 482,9 млн руб.). По ст. 189 УК РФ возбуждены 3 (в 2021 г. – 2); по ст. 193 УК РФ – 32 (в 2021 г. – 32), размер невозвращенной иностранной валюты или валюты Российской Федерации составил 19614,6 млн руб. (в 2021 г. – 29055,3 млн руб.); по ст. 193.1 УК РФ – 147 (в 2021 г. – 140) уголовных дел, размер незаконно переведенной иностранной валюты или валюты РФ в 2022 г. составил 10520,5 млн руб. (в 2021 г. – 11283,1 млн руб.); по ст. 174 УК РФ таможенными органами возбуждено

¹ Отчет 4-ЕГС Сводный отчет по России «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений».

² Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы за 2022 г. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-glavnogo-upravleniya-po-bor-be-s-kontrabandoj/document/375823> (дата обращения: 16.01.2023).

³ Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы за 2021 г. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-glavnogo-upravleniya-po-bor-be-s-kontrabandoj/document/321650> (дата обращения: 16.01.2023).

⁴ Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы за 2020 г. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-glavnogo-upravleniya-po-bor-be-s-kontrabandoj/document/263689> (дата обращения: 16.01.2023).

⁵ 1-УТРД «Сведения о движении уголовных дел о преступлениях в сфере таможенного дела» за январь – декабрь 2022 г.

1 уголовное дело (в 2021 г. – 0), по ст. 174.1 УК РФ – 9 (в 2021 г. – 8), при этом размер легализованных денежных средств или иного имущества составил 58,5 млн руб. (в 2021 г. – 37,2 млн руб.).

Анализ статистических показателей свидетельствует, что доля преступлений, совершенных организованными группами, незначительна. Вместе с тем анализ преступных схем в таможенной сфере свидетельствует, что преступниками используются в качестве транзитных территории государств ЕАЭС, а распространенность и многообразие криминальных схем перемещения товаров по таможенной территории ЕАЭС, вовлеченность в них представителей различных государств, устойчивость преступных связей свидетельствуют об организованном характере данного вида преступности¹.

Несмотря на предусмотренную Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733, приоритетность борьбы с данным видом преступлений, правоохранными органами по-прежнему не в полной мере используется комплекс имеющихся в их распоряжении сил и средств в целях ликвидации крупных каналов поставок наркотиков в Россию. Работа по выявлению преступлений, совершенных в составе организованных групп и преступных сообществ, а также фактов легализации преступных доходов в указанной сфере не приводит к существенным положительным результатам.

Среди факторов, которые этому способствуют, можно назвать трансграничность преступных групп, отсутствие единого учета таможенных преступлений. Отсутствует возможность учета преступлений, которые совершает один и тот же субъект

на территории других стран ЕАЭС. При этом повторное совершение преступления являетсяотягчающим обстоятельством по законодательству всех стран. В рамках общей таможенной территории и свободного движения товаров и транспортных средств это повышает риск совершения повторных преступлений². По нашему мнению, отрицательно на борьбе с преступностью в таможенной сфере сказывается либерализация ответственности за валютные правонарушения и преступления³, недостаточная эффективность системы управления рисками, которая применяется при осуществлении таможенного контроля⁴.

Не способствует качественному расследованию уголовных дел по преступлениям указанной категории «разорванность расследования». Статистика свидетельствует о том, что за период 2013-2021 гг. таможенными органами по подследственности передано 5293 сообщения о преступлениях, предусмотренных ст. 193 УК РФ, и 476 – по ст. 193.1 УК РФ. По этим сообщениям о преступлениях уголовные дела возбуждены по ст. 193 УК РФ по 171 сообщению, или в 3% случаев, а по ст. 193.1 – по 50 сообщениям, или в 10,5% случаев; по 1337 сообщениям – о преступлениях, предусмотренных ст. 193 УК РФ (или в 25,2% от числа сообщений, направленных по подследственности), и по 146 сообщениям – о преступлениях, предусмотренных ст. 193.1 УК РФ (30,7% от числа сообщений, направленных по подследственности), в ФТС России информация о принятом решении вообще представлена не была⁵. Это свидетельствует о низком уровне следствия по данной категории дел, недостаточно профессиональном оперативном сопровождении по переданным материалам. Требуется сосредоточить выявление преступлений и их расследование «в одних руках» – ФТС России, что обеспечит

¹ Подр.: Изгагина Т.Ю. Использование преступных схем для перемещения товаров по таможенной территории Евразийского экономического союза // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2021. № 3. С. 55-62.

² Прокурорский надзор за исполнением законов о таможенном регулировании в условиях функционирования Евразийского экономического союза : монография. М.: Проспект, 2022. 240 с.

³ Подр.: Изгагина Т.Ю. Либерализация ответственности за валютные правонарушения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 4(90). С. 66-74.

⁴ Подр.: Изгагина Т.Ю. К вопросу об эффективности системы управления рисками в таможенной сфере // Современная наука. 2022. № 2. С. 35-40.

⁵ Форма № 2-УТРД «Сведения о материалах с признаками преступлений за январь – декабрь 2021 г.».

заинтересованность в выявлении преступлении, оперативное и криминалистическое сопровождение в ходе расследование. Это также позволит преодолеть и «разорванность прокурорского надзора» на данном направлении, поскольку после передачи по подследственности в органы МВД России уголовные дела и материалы проверок переходят из поля зрения транспортных прокуроров и попадают в сферу надзора территориальных прокуроров, что также негативно отражается на эффективности прокурорского надзора в целом.

Попытки вернуть полномочия по расследованию указанных преступлений предпринимались неоднократно. В настоящее время рассматривается законопроект Министерства финансов Российской Федерации¹ «О внесении изменений в статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в подготовке ко-

торого приняли участие Генеральная прокуратура Российской Федерации, ФТС России и МВД России².

Возможным приоритетным способом решения задач по противодействию правонарушениям и преступности в таможенной сфере может стать создание единой, унифицированной нормативно-правовой базы об административных правонарушениях и преступлениях в таможенной сфере, а также наказаниях за их совершение.

В научной литературе высказываются позиции о необходимости создания наднациональных правоохранительных органов, в частности Евразийской полиции – Евразпола, чтобы обеспечить противостояние трансграничной преступности³. Конечно, такой орган необходим, как и создание при таком органе аналитического центра, в задачи которого бы входил анализ состояния законности в целом в ЕАЭС.

Куценко Е. С.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Симферополь)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Проблемы безопасности, с которыми сталкивается человечество сегодня, многочисленны и разнообразны. Современные компьютерные технологии прочно проникли во все сферы нашей жизни и стали ее частью. В уголовных делах все чаще фигурируют компьютерные преступления.

Преступная деятельность, в рамках которой используются компьютеры, компьютерные сети, сетевые устройства, является киберпреступностью. Следовательно, к компьютерным преступлениям, то есть киберпреступности, можно отнести все преступления, связанные с использованием компьютерной техники и информационно-телекоммуникационных технологий. Киберпреступления совершаются как част-

ными лицам, так и организациями, которые используют инновационные технологии и методики.

Классификация компьютерных преступлений достаточно разнообразная. Особый научный интерес вызывают стремительно развивающиеся киберпреступность в сфере незаконного оборота наркотических средств и коррупционная киберпреступность.

В Российской Федерации осуществляется многоуровневая работа, направленная на противодействие распространения наркотиков, на постоянной основе функционируют государственные системы мониторинга наркоситуации, реализуются действенные механизмы ресурсного обеспечения антинаркотической деятельности. Вместе с

¹ Законопроект ID 01/05/11-20/00110871. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=110871> (дата обращения: 19.10.2021).

² Транспортные прокуратуры в системе прокуратуры Российской Федерации : монография. М.: Проспект, 2922. С. 214-215.

³ Падалка В.В. Евразийская полиция как одна из составляющих механизма минимизации угроз национальной и экономической безопасности российской Федерации при взаимодействии в рамках евразийского экономического союза. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-politsiya-kak-odna-iz-sostavlyayuschih-mehanizma-minimizatsii-ugroz-natsionalnoy-i-ekonomicheskoy-bezopasnosti/viewer> (дата обращения: 01.06.2021).

тем достижения научно-технического прогресса, современное развитие информационных и телекоммуникационных технологий, динамика вхождения сети во все сферы жизни человека усиливают риски распространения наркотиков и отмывания доходов, полученных от их сбыта¹.

Деятельность наркоиндустрии неизменно совершенствуется, повышается ее технический, финансовый потенциал, образуются устойчивые организованные преступные сообщества, в том числе транснациональные преступные группировки и организации. При этом преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств приобретают все более конспиративный характер, переходят из реальной действительности в виртуальную и все чаще осуществляются бесконтактным способом.

Использование наркопреступниками скрытой сети DarkNet, виртуальных частных сетей (VPN), мессенджеров Signal, Telegram, Viber, WhatsApp, сервисов доставки существенно осложняет работу правоохранительных органов.

Например, сервис доставки PickPoint предоставляет возможность регистрации посылки в мобильном приложении или на сайте. При этом не заполняются квитанции и не предъявляется документ, удостоверяющий личность. Постаматы (автоматизированные терминалы), через которые передаются посылки, массово расположены в торговых центрах, магазинах, супермаркетах. Для получения посылки достаточно кода получения заказа, который присваивается автоматически и поступает на мобильный номер телефона или e-mail. Оплата производится в постамате наличными или банковской картой.

Запросы потребителей и новые технологии меняют скорость, качество и подходы к оказанию услуг в логистике. Они направлены на развитие дистанционных и безлюдных технологий. Компании начали рассматривать VR- и AR-разработки как инструменты для решения бизнес-задач.

Компаниями принимаются меры, направленные на повышение логистических услуг для простоты и удобства, однако такой бесконтактный способ становится возможностью конспиративного приобретения и сбыта наркотических средств.

Также можно выделить новое направление в исследовании проблем коррупции – коррупционную киберпреступность.

Коррупционная киберпреступность – это прежде всего виновное, общественно опасное деяние, совершенное физическим лицом с целью извлечения личной выгоды.

Возможны два варианта последствий коррупционной киберпреступности: практические последствия наступают за проведенные коррупционные схемы в киберпространстве и могут быть применены к коррумпированным киберпреступникам; социальные последствия, исходя из транснационального характера распространения коррупции, негативно отразятся на возможности развивать межкультурный и межрелигиозный диалог на международной бизнес-арене².

В настоящее время выявление, расследование и доказательство коррупционных преступлений, ввиду их латентности, представляет значительные трудности, связанные с развитием информационных технологий, применяемых методов маскировки противоправных действий.

Сегодня одним из популярных коррупционных преступлений является система государственных закупок. Важным шагом в развитии цифровизации в этой сфере стало создание единого информационного пространства для всей сферы государственных закупок России – интегрированной информационной системы в сфере закупок. Ключевым моментом здесь является то, что, хотя такие вопросы, как уход от физических документооборотов, экономия ресурсов и времени, были решены, все еще существует человеческий фактор, который может способствовать коррупции в отрасли³.

¹ Подр.: Куценко Е.С. Киберпреступность в сфере незаконного оборота наркотических средств // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV Международной научно-практической конференции. С. 272-274.

² Хайрутдинова Л.Р. Образование коррупционной киберпреступности в виртуализированном пространстве // Политика, государство и право. 2014. № 4. URL: <https://politika.snauka.ru/2014/04/1583>.

³ Абдусаламова Д.М., Бурмистров И.А. Коррупционная киберпреступность как новый вид преступления // Актуальные исследования. 2023. № 2(132). Ч. II. С. 10-13.

К новым видам коррупционной киберпреступности можно отнести взятки с использованием электронных платежных систем, сервисов доставок, интернет-площадок и прочее. Взятничество в таком случае связано с передачей взятчику не наличных средств, а реквизитов доступа к электронному бумажнику либо коду доступа (QR-коду) к получению дорогостоящего товара.

Для решения проблемы с киберпреступностью необходимо повысить эффективность методов борьбы. В совершенствовании и корректировке нуждается подготовка

специалистов для правоохранительных органов по противодействию использованию компьютерной информации в совершении преступлений.

Одним из наиболее действенных способов борьбы с киберпреступностью будет являться просветительская деятельность и пропаганда правил пользования информационными сетями для граждан Российской Федерации – пользователей сети Интернет. Кроме того, необходимо развивать национальное законодательство, направленное на борьбу с компьютерными преступлениями, опираясь на существующий позитивный опыт.

Коберкова Т.А.

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

СИСТЕМА НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ ПОДЛОГОВ

Служебный подлог, ответственность за который установлена ст. 292 УК РФ, относится к коррупционным преступлениям. Это обстоятельство повышает интерес к изучению и совершенствованию данного состава преступления. Ведь коррупционные преступления в целом выступают объектом пристального внимания со стороны представителей уголовно-правовой науки¹.

Осуществление прав и защита интересов человека, организаций, общества и государства невозможны без документального удостоверения юридически значимых фактов и отношений, что также определяет актуальность исследования норм уголовной ответственности за подлог документов.

Многие вопросы применения ст. 292 УК РФ на практике вызывают затруднения, некоторые из них решены не однозначно, все это влечет актуальность исследования данной уголовно-правовой нормы. Так, отсутствуют четкие критерии отнесения документов к категории официальных; нет каких-либо официальных разъяснений относительно проблем установления квалифицирующих признаков, представленных в ч. 2 ст. 292 УК РФ; вызывает сомнение позиция высшего судебного органа в вопросе квалификации ситуаций, когда виновный,

наряду с совершением действий, влекущих уголовную ответственность по ст. 285 УК РФ, совершил служебный подлог, повлекший последствия, предусмотренные законом. Поэтому распространенность и рост числа преступлений по ст. 292 УК РФ определяют актуальность данного исследовательского вопроса.

Уникальность служебного подлога заключается в двойном предупреждении этого преступления. Помимо борьбы с подделкой официальных документов, оно позволяет предотвратить другие преступления, которые осуществляются с использованием служебного подлога. В практике возникает довольно много вопросов, связанных с применением этой уголовно-правовой нормы, обусловленных различными причинами: отсутствием четких критериев официального документа как предмета данного преступления, проблемами соотношения состава служебного подлога с иными составами преступлений.

Таким образом, факты совершения подлога носят дискуссионный характер и являются предметом всестороннего исследования проблем уголовно-правового предупреждения служебных подлогов. Основным инструментарием исследования проблем

¹ Мальков С.М. Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. С. 4-5.

уголовно-правового характера выступает комплекс научных методов. Именно их использование позволяет нам достичь полного понимания и понимания уголовно-правовых основ служебного подлога, а также проблем квалификации деяний по ст. 292 УК РФ, которые решаются неоднозначно.

При исследовании проблем уголовно-правового предупреждения служебных подлогов целесообразно использовать диалектический метод для познания проблем уголовно-правовой профилактики. Это дает возможность всестороннего, объективного и конкретного рассмотрения такого уголовно-правового феномена, как служебный подлог. Кроме этого, должны применяться общенаучные (обобщение, анализ, синтез) и частно-научные (статистического анализа, системно-структурный, сравнительно-правовой, социологического исследования, юридической герменевтики) методы.

С помощью анализа исследуется гипотеза, диспозиция, санкция ст. 292 УК РФ, судебная практика, которые показывают, с какими спорными вопросами при квалификации деяния по ст. 292 УК РФ судам приходится сталкиваться. Статистический метод обеспечивает выявление динамики соответствующего вида преступности. Обзор статистических данных свидетельствует об изменении количества лиц, осужденных за совершение деяния, предусмотренного ст. 292 УК РФ, за последние годы, показывает количество совершенных служебных подлогов за определенный отрезок времени.

Герменевтический метод необходим для юридического толкования как рассматриваемой уголовно-правовой нормы, так и положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Например, в п. 35 указанного постановления более подробно разъясняется понятие официального документа как предмета служебного подлога и сформулированы положения по ряду спорных вопросов установления признаков состава служебного под-

лога, а также для решения вопроса правильной квалификации деяния. Помимо этого рассматриваются доктринальные источники, посвященные уголовно-правовому регулированию отношений, возникающих в связи со служебным подлогом – сочинения русских юристов дореволюционного периода Н.С. Таганцева¹ и И.Я. Фойницкого².

Синтез позволяет соединить знания об объекте, предмете, субъекте служебного подлога, о содержании его объективной и субъективной стороне в одно целое, что образует уголовно-правовую характеристику служебного подлога.

С помощью метода обобщения в рамках научного исследования можно сделать умозаключения и конструктивные выводы. В процессе обобщения совершается переход от единичных понятий к общим, от менее общих понятий – к более общим. Так, с его помощью из разных структурных элементов служебного подлога получаем его уголовно-правовую характеристику. На это указывает то, что служебный подлог по своей сущности является предпосылкой совершения коррупционных преступлений. Именно подлог в большей степени способствует совершению таких преступлений, как злоупотребление должностными полномочиями, нецелевое расходование бюджетных средств и т.д.

Формально-логический метод позволяет установить логические связи между уголовно-правовыми понятиями, смежными явлениями, тем самым помогает преодолеть конкуренцию уголовно-правовых норм, разграничить смежные составы преступлений. Ведь в этой части имеется множество проблем. Так, большое практическое значение имеет соотношение служебного подлога с иными составами преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, так как они объединены родовым и видовым объектами. Вместе с тем на практике встречаются дела, когда действия схожи со служебным подлогом, но квалифицировать их нужно по смежной норме, предусмотренной ст. 285 УК РФ. В частности, И.А. Волкова считает,

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. / сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 299-304.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. С. 387-389.

что «такая квалификация необходима, если подлог является способом совершения злоупотребления должностными полномочиями и органически связан с ним единством цели и умысла виновного должностного лица. В этих случаях применимо общее правило квалификации преступлений при конкуренции части и целого, которое состоит в том, что всегда должна применяться та норма, которая охватывает с наибольшей полнотой все фактические признаки совершенного деяния»¹.

Метод статистического анализа видится достаточно эффективным методом в сфере изучения коррупционных преступлений. Статистика позволяет проследить показатели вынесения оправдательных приговоров по ст. 292 УК РФ, обеспечивает возможность обнаружить динамику роста служебных подлогов относительно временных отрезков.

Сравнительно-правовой метод совместно с герменевтическим методом позволяет сопоставить такие юридические понятия, как «фальсификация документов», «служебный подлог», «официальные документы», «исправления», «искажение» и другие, а также позволяет сравнить смежные составы преступлений и установить между ними сходства и различия.

Метод социологического исследования, с помощью которого может быть проведен контент-анализ приговоров судов различных субъектов Российской Федерации. Так, было изучено 7 приговоров суда, по

которым получены следующие результаты: по двум делам в отношении подсудимых были вынесены оправдательные приговоры по ст. 292 УК РФ в связи с ошибочной квалификацией. Более 50% уголовных деяний суды квалифицировали по ч. 2 ст. 292 УК РФ. Это объясняется тем, что в большинстве случаев внесение в документы исправлений влечет за собой последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Среди всех проанализированных решений квалификация содеянного по совокупности с иными преступлениями против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления встречалась наиболее часто. С помощью исследования судебной практики можно наблюдать за тем, как суды разрешают спорные вопросы в квалификации служебного подлога. Изучение приговоров способствует выявлению пробелов в праве, связанных с исследованием элементов состава преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, на которые законодательно стоит обратить внимание.

Таким образом, использование системы научных методов позволит определить смысловую однозначность, помогающую избежать двоякого толкования элементов служебного подлога. Логическая целостность и применение вышеуказанной методологии указывает на глубину соответствующих проблем.

Шакирьянов М.М.

Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

К ВОПРОСУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

Профессиональная организованная преступность всегда представляла и представляет сегодня особую опасность для национальной безопасности любого государства, и Россия не является исключением.

Главная роль в мире профессиональных преступников принадлежит авторитетам уголовного мира, лидерам преступного

сообщества. В нашей стране таких лиц называют «ворами в законе», «положенцами», «смотрящими» и т.п. Указанные лица обладают своеобразными организационно-распорядительными функциями в преступной среде и являются одновременно носителями «воровской» идеологии.

¹ Волкова И.А. Ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 246.

В этой связи органами власти, в том числе государств постсоветского пространства, принимаются различные меры по противодействию деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Так, еще в 2005 г. Уголовный кодекс Грузии был дополнен ст. 223.1 «Членство в воровском сообществе, вор в законе», предусматривающей наказание за членство в воровском сообществе и за пребывание лица в положении вора в законе. Удивительно, но даже Европейский Суд по правам человека поддержал грузинского законодателя в части обоснованности привлечения к уголовной ответственности лица за одно только членство в воровском сообществе¹.

Через 14 лет, в апреле 2019 г., Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен самостоятельной ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии»².

За почти 4 года действия указанной нормы правоохранительными органами и судами наработана определенная правоприменительная практика. Нельзя сказать, что она однозначная. На данный момент нет единого мнения как среди ученых, так и среди практиков относительно предмета доказывания по указанной статье. Тем не менее уголовные дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, возбуждаются в различных регионах Российской Федерации и после предварительного расследования направляются в суд для рассмотрения по существу.

Согласно статистическим данным, уголовные дела по ст. 210.1 УК РФ в 2019 г. судами не рассматривались. Начиная с 2020 г. суды начали выносить решения в отношении подсудимых, привлекаемых к уголовной ответственности по указанной статье.

За занятие высшего положения в преступной иерархии предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом в размере до 5 миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет.

При этом возникает вопрос об отсутствии в санкции статьи конфискации имущества у лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Поэтому считаем необходимым включить в перечень преступлений, перечисленных в ч. 1 п. «а» ст. 104.1 УК РФ, ст. 210.1.

Соглашаясь с мнением некоторых ученых, необходимо указать, что в качестве одного из фактов, подтверждающих занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, может и должно расцениваться наличие у него имущества и денежных средств, законность происхождения которых не может быть им подтверждена в установленном законом порядке. Наличие у такого лица права распоряжаться по своему усмотрению средствами воровской кассы – «общаком» отличает вора в законе от других представителей преступного мира³.

Учитывая повышенную общественную опасность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, необходимо активизировать работу правоохранительных органов по данному направлению, в том числе используя современные возможности органов прокуратуры. Имеющиеся у прокуроров средства позволяют установить факты наличия у обвиняемого имущества и доходов, законность происхождения которых не может быть им подтверждена и которые составляют фонды управляемого ими «общака».

Одновременно с применением механизма конфискации, предусмотренного

¹ Напр.: Дело «Ашларба (Ashlarba) против Грузии» (жалоба № 45554/08) : постановление ЕСПЧ от 15.07.2014. По делу обжалуется то, что пункт статьи Уголовного кодекса, на основании которого заявитель был осужден за участие в «воровском сообществе», не был достаточно точным и предсказуемым для того, чтобы заявитель мог соответствующим образом регулировать свои действия. По делу не допущено нарушений ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание». 2021. № 5 // СПС «КонсультантПлюс». Постановление вступило в силу 15.10.2014 в соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности : Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии : монография / под ред. П.В. Агапова. М.: Проспект, 2022. С. 28-29.

ст. 104.1 УК РФ, необходимо внести соответствующие изменения и в гражданское законодательство Российской Федерации. По аналогии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции или о противодействии терроризму необходимо расширить предусмотренный ч. 2 ст. 235 Гражданского кодекса РФ перечень оснований для принудительного изъятия имущества у собственников по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены сведения и доказательства, подтверждающие законность его приобретения. Необходимо дополнить указанный перечень пунктом 10 следующего содержания: «Обращение по решению суда в доход Российской Федерации денег, ценностей, иного имущества и доходов от них, в отношении которых лицом, признанным на основании вступившего в законную силу приговора виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 210-210.1 УК РФ, не представлены сведения, подтверждающие законность их приобретения».

Данная мера может послужить еще одним из способов противодействия организованной преступности.

Необходима разработка основного закона о противодействии организованной преступности, который мог бы стать фундаментом в этой работе по аналогии с законом о противодействии коррупции. Возможно, в нем на законодательном уровне можно было бы закрепить такие понятия, как: «преступная иерархия», «занятие высшего положения», «вор в законе», «криминальная субкультура» и т.д.

Необходимо ввести более четкие квалифицирующие признаки ст. 210.1 УК РФ, возможно даже восстановление такого понятия, как «особо опасный рецидивист», так как профессиональная преступность почти всегда связана с рецидивом.

Напрашивается вопрос об исключении состава ст. 210.1 УК РФ из подсудности судов с участием присяжных заседателей по аналогии с делами террористической направленности. Полагаем, что данные составы должны рассматривать только профессиональные судьи, возможно даже окружных военных судов.

Требуется совершенствование механизма досудебного соглашения о сотруд-

ничестве с лицами, которые помогают избавлять авторитетов преступного мира.

Отдельный вопрос – это эффективность и качество исполнения самого наказания в виде лишения свободы в отношении лидеров и участников организованной группы и преступных сообществ, начиная с обеспечения их раздельного содержания в местах лишения свободы и заканчивая отречением лидера от титула «вора в законе», так как они представляют особую общественную опасность в связи с возможностью координации преступных действий, наличием устойчивых преступных связей, а также негативным воздействием на содержащихся вместе с ними в местах лишения свободы осужденных. Поэтому требуется внесение изменений в ч. 2 ст. 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о том, что осужденные за занятие высшего положения в преступной иерархии должны содержаться изолированно от других осужденных, указав, что для содержания таких осужденных, помимо других помещений, могут быть использованы камеры штрафных изоляторов, помещений камерного типа и единых помещений камерного типа в порядке и на условиях отбывания назначенного судом вида наказания. В случае допущения нарушения режима содержания в исправительном учреждении авторитетами преступного мира, ограничения, предусмотренные для лиц, помещенных в данные помещения, будут распространяться и на указанную категорию осужденных.

Наконец, необходим законодательный запрет на пропаганду норм, ценностей и знаково-опознавательной атрибутики преступной среды, в том числе криминального жаргона, романтизацию криминальной субкультуры, ее экспансию в сообщества подростков и молодежи, да и в общество в целом.

В завершение хотелось бы обратить внимание следующее. В 2008 г. было принято решение о расформировании подразделений по борьбе с организованной преступностью МВД России, с возложением их функций на подразделения уголовного розыска по борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности, а на подразделения по борьбе с экономическими преступлениями – функции по борьбе с коррупцией и организованной преступностью экономической направленности.

Полагаем, что прежнюю систему необходимо восстановить в новом виде, с уче-

том задач, которые возложены сегодня на МВД России.

Ильиных Н.А.

Омская академия МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ

На сегодняшний день крайне актуальной является проблема роста числа экстремистских преступлений в Российской Федерации. В то же время усиливается роль использования информационно-телекоммуникационных технологий, в частности Интернета как одного из основных способов совершения преступлений данного вида. Одними из таких наиболее общественно опасных и часто совершаемых являются деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием информационных-телекоммуникационных сетей или СМИ). Данный факт подтверждается статистикой. Сегодня крайне высоким является показатель, характеризующий удельный вес данных деяний в структуре всех преступлений экстремистской направленности. По состоянию на декабрь 2022 г. он составил 30,2%. Аналогичная тенденция прослеживается на протяжении последних лет: 44% в 2019 г., 40% в 2020 г. и 43% в 2021 г.

Противодействие экстремизму является одной из приоритетных целей государственной политики¹. Ключевой задачей на пути к достижению указанной цели является установление характеристики личности лица, осуществляющего публичные призывы в Интернете. Как справедливо отмечают П.В. Агапов и С.Ф. Милюков: «Соответствующие криминологическо-психологические исследования проводятся и имеют несомненный прикладной интерес для познания причин преступности, прогнозирования преступного поведения и борьбы с ним»².

В ходе исследования установлено, что в 2022 г. наиболее часто публичные призывы

к экстремистской деятельности в Интернете осуществляли мужчины (в 91,2% случаев). Однако, как отмечает И.В. Буров, женщины все чаще выступают в роли организатора различных экстремистских интернет-площадок³.

Лица, совершающие преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 280 УК РФ, чаще всего обладают средним профессиональным (39,2%) или средним общим (25,5%) образованием. Уровень образования вполне позволяет им достаточно грамотно формулировать свою идеологическую позицию и пользоваться различными возможностями информационно-телекоммуникационных технологий (например, написание постов, содержащих призывы к экстремизму в социальных сетях или создание соответствующих видеоматериалов). Однако в то же время отсутствие у человека высшего образования может свидетельствовать о недостаточном уровне правосознания и искажении морально-ценностных ориентиров в сторону экстремистских.

Указанные преступления, как правило, совершаются людьми без постоянного места работы (52,5%) или работниками промышленного сектора (35,6%). Данный факт, по нашему мнению, может свидетельствовать о том, что человек, осуществляющий публичные призывы к экстремистской деятельности в Интернете, как правило, не удовлетворен своим финансово-материальным положением и условиями труда. У него отсутствует желание изменить свое положение законными способами. В сложившейся ситуации человек становится ведомым различных экстремистских идей. Более того,

¹ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. С. 3475.

² Агапов П.В., Милюков С.Ф. Актуальные исследования личности террориста // Обозреватель. 2023. № 1. С. 154.

³ Буров И.В. Криминологическая характеристика личности преступника экстремиста в Интернете // Вестник науки. 2019. № 1(10) С. 57-60.

он стремится обрести единомышленников, следствием чего становится осуществление публичных призывов к экстремизму.

Согласно статистическим данным, в подавляющем большинстве случаев возраст лиц, призывающих к экстремистской деятельности в Интернете, составляет 30-49 лет. Лица указанной возрастной категории отличаются наличием значительного опыта в общении с людьми. Они способны эффективно выстраивать коммуникацию и оказывать влияние, в первую очередь на молодых людей. В складывающейся ситуации молодежь становится главной целью для лиц, распространяющих экстремистскую идеологию. О данном факте свидетельствуют результаты многочисленных научных работ. Например, З.З. Мозговая особое внимание уделяет проблеме возросшей активности экстремистов в вовлечении в свою деятельность молодежи¹. Как справедливо отмечают Д.Д. Мухтаров и Х.Л. Кушхов, в силу не устоявшихся жизненных ориентиров и подверженности манипуляциям со стороны лиц старшего поколения, молодежь становится приоритетной целью для экстремистов². Более того, молодые люди в силу своего максимализма гораздо более активны и радикальны по сравнению со взрослыми. Молодежь гораздо быстрее способна прибегать к действиям и совершать преступления под влиянием экстремистских взглядов, зачастую не задумываясь о последствиях, чем активно пользуются лица, осуществляющие свои призывы.

На сегодняшний день по степени организованности лиц, осуществляющих публичные призывы к экстремистской деятельности, можно разделить на две категории:

1. Одиночки. Лица, относимые к данной категории, под влиянием укоренившихся в их сознании и поведении экстремистских идей стремятся самостоятельно распространять свои взгляды в Интернете. Экстремисты указанного вида отличаются особенной приверженностью своим взглядам и радикализмом. Зачастую данные лица могут не

иметь прямой связи с организаторами экстремистских сообществ и действовать от своего имени. Они также могут не обладать специальными знаниями и приемами распространения экстремистских материалов. Как правило, у них отсутствует многочисленная аудитория потенциальных последователей. Несмотря на указанное обстоятельство, данные лица способны оказывать значительное негативное влияние, в первую очередь на близкий круг их общения.

2. Лица, состоящие в организованных экстремистских сообществах либо оказывающие им содействие на постоянной основе. К данной категории следует отнести в первую очередь лиц, распространяющих экстремистскую идеологию на профессиональной основе. Их деятельность строго регламентирована организаторами экстремистских сообществ или иными заинтересованными в распространении деструктивных идей лицами. Как правило, представители данной категории проходят специальное обучение, они имеют специальные знания о технологиях наиболее эффективного осуществления призывов в Интернете. Лица данной категории отличаются большей расчетливостью и последовательностью своих действий, зачастую они обладают более высоким по сравнению с представителями первой группы уровнем образования. Указанные лица сами могут не быть приверженцами распространяемых ими идей. Однако они готовы содействовать экстремистским организациям в указанной деятельности, прежде всего за материальное вознаграждение.

В последнее время все большую роль в поддержке деятельности таких лиц стали играть представители правительств и организаций недружественных России стран. Деятельность, осуществляемая лицами этой категории, часто основывается на иностранных активах, а в некоторых случаях обеспечивается только за счет иностранных инвестиций³. Как справедливо отмечают В.В. Меркуев и О.В. Боброва, «нельзя недо-

¹ Маздогова З.З. Предупреждение вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 5. С. 227-229.

² Мухтаров Д.Д., Кушхов Х.Л. Технологии вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность: новые вызовы и пути противодействия // Журнал прикладных исследований. 2022. № 3. С. 72-74.

³ Грачев Ю.А. Портрет экстремистской личности на современном этапе развития общества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3(57). С. 45-49.

оценивать того, что внедряемая пропагандистско-подрывная работа зарубежными спецслужбами активно ведется через информационные ресурсы: Интернет и мессенджеры»¹.

Таким образом, личность лица, осуществляющего публичные призывы к экстремистской деятельности в Интернете, можно охарактеризовать как манипулятивную, обладающую в отдельных случаях волевыми и лидерскими качествами, которые позволяют ему оказывать воздействие на

других лиц. Такое лицо стремится претворить свои идеи в жизнь за счет побуждения к действию других людей, в первую очередь молодежь как наиболее подверженную в силу своих психофизиологических особенностей и не устоявшихся жизненных позиций категорию населения.

Считаем, что дальнейшее изучение особенностей личности указанной категории преступников позволит сформировать наиболее эффективную систему противодействия экстремизму в России.

Агарзаев С.К.

Академия управления МВД России (г. Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ РЕЖИМА ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Противодействие преступности является одной из наиболее важных и базовых задач органов публичной власти Российской Федерации. Основную позицию в противодействии преступности занимают органы внутренних дел Российской Федерации. В ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ № 3) противодействие преступности закреплено в качестве целевого предназначения полиции.

В актах российского законодательства отсутствует нормативное определение термина «противодействие преступности», а его содержание раскрывается лишь посредством противодействия конкретным видам преступлений (терроризм, экстремизм, коррупция). В этой связи в юридической науке и практической деятельности данному термину придают различные смысловые значения, а зачастую и отождествляют с термином «борьба с преступностью». Двоякость смысла отмечает и профессор А.И. Долгова, которая обращает внимание на неясность направленности противодействия, то есть государство противодействует преступно-

сти или преступность противодействует обществу и государству². Как справедливо отмечает С.А. Кутякин, в целях комплексного и всестороннего определения противодействия преступности его необходимо рассматривать как взаимонаправленную деятельность общества, государства и преступности³. Противодействие преступности является более широким понятием, включающим в себя борьбу с преступностью. Таким образом, под противодействием преступности применительно к целям ФЗ № 3 будем понимать целенаправленную деятельность полиции и общества по выявлению, предупреждению и пресечению правонарушений, раскрытию и расследованию преступлений с применением широкого спектра методов противоборства для устранения существующего противоречия.

Эффективная реализация противодействия преступности осуществляется посредством деятельности подразделений и служб органов внутренних дел РФ во взаимосвязи с общественностью как в мирное, так и в военное время. Сегодня особенную озабоченность вызывают вопросы функ-

¹ Меркуев В.В., Боброва О.В. Защита суверенитета России в современных геополитических реалиях // Обозреватель. 2023. № 1. С. 137-152.

² Криминология : учебник для юридических вузов / под. общ. ред. проф. А.И. Долговой. М.: ИНФРА-М НОРМА, 1997. С. 321.

³ Кутякин С.А. Некоторые аспекты современного состояния разработки понятия «противодействие преступности» в юридической науке и законодательной практике // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 2(8). С. 40-51.

ционирования органов внутренних дел Российской Федерации в период действия режима военного положения. Это связано с обостренной военно-политической обстановкой в мире и введением военного положения на территории четырех субъектов РФ (Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области)¹. Правовую основу участия органов внутренних дел РФ в обеспечении режима военного положения составляют Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ), Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (далее – ФКЗ № 1) и ФЗ № 3.

Статья 87 Конституции РФ предусматривает введение Президентом РФ на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях режима военного положения в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии. Целевым назначением режима военного положения является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации. Созданию таких условий способствует применение комплекса экономических, политических, административных, военных и иных мер. Согласно п. 29 ст. 12 ФЗ № 3, участие в обеспечении режима военного положения в случае его введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях отнесено к числу обязанностей полиции. В ст. 32 ФЗ № 3 указывается, что к выполнению обязанностей, возложенных на полицию, могут привлекаться сотрудники органов внутренних дел, не являющиеся сотрудниками полиции, а также стажеры. При этом в период действия режима военного положения на сотрудников полиции могут возлагаться дополнительные функции и обязанности. Среди прочих, могут дополнительно вменяться обязанности по выявлению лиц, уклоняющихся от призыва и военной службы, розыску дезертиров, установлению диверсантов и разведывательно-диверсионных групп, по борь-

бе с мародерством, распространителями провокационных слухов и др.

В период действия режима военного положения, на фоне повышенных общественных волнений, а также негативных экономических и социальных процессов, возрастает риск увеличения разнохарактерных правонарушений. Помимо приобретения массового характера совершения «обычных» преступлений (против жизни, здоровья, собственности), увеличивается вероятность появления «новых» преступлений и способов их совершения. И если методика противодействия первым уже выработана практикой, то вторые представляют затруднения и требуют поиска новых решений.

В условиях глобализации на первый план выходят преступления в сфере информации и киберпреступности. Создание и распространение дезинформации является одной из основных современных угроз², особенно остро проявляющейся в период военного времени. Разнообразие способов совершения преступлений пополняется посредством использования новых технологий, например, таких как беспилотные летательные аппараты, применяемые чаще для транспортировки оружия, боеприпасов, взрывных устройств и наркотических средств. Эффективность противодействия преступности в таких условиях будет зависеть от грамотного и своевременного реагирования на современные вызовы и поиска новых способов их преодоления. Так, для противодействия распространению дезинформации, умышленного формирования у населения искаженного представления о действительности и т.п. следует организовать и осуществить более тесное и эффективное взаимодействие государственных, муниципальных и общественных организаций. Сохраняется острая необходимость в развитии системы подготовки и переподготовки кадров, в том числе специалистов в сфере информационных технологий. Положительную динамику в противодействии новым преступлениям также оказывает своевременное создание специализирован-

¹ О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.02.2022).

² Грищенко Л.Л., Синодов И.А. Роль и место МВД России в обеспечении информационной безопасности // Академическая мысль. 2022. № 4(21). С. 130-135.

ных подразделений и структур в системе МВД России.

Таким образом, можно отметить, что основную позицию в противодействии преступности занимают органы внутренних дел Российской Федерации. Под противодействием преступности понимается целенаправленная деятельность полиции и общества по выявлению, предупреждению и пресечению правонарушений, раскрытию и расследованию преступлений с применением широкого спектра методов противо-

борства для устранения существующего противоречия. Эффективность противодействия преступности в период действия режима военного положения может зависеть от организации взаимодействия органов публичной власти и общественности, подготовки и переподготовки кадров органов внутренних дел РФ и своевременного создания в системе МВД России специализированных подразделений и структур.

Бельский А.Е.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ПРОИЗВОДСТВУ, СБЫТУ ИЛИ ПЕРЕСЫЛКЕ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Криминологические термины «профилактика преступности», «предупреждение преступности», «борьба с преступностью» и «противодействие преступности» отражают «разные концепции противостояния преступности, а именно правовой превенции, социальной превенции (профилактики), медико-биологической превенции, виктимологической профилактики, компромисса с преступной средой, легализации преступного поведения»¹. Рассмотрим их сущностные идеи.

Термин «борьба с преступностью» ассоциируется с концепцией правовой превенции, суть которой – осуществление государством активной и целенаправленной правоохранительной политики и деятельности в целях противодействия преступности. Эта концепция является основной для России в плане противодействия незаконному обороту наркотиков, что подтверждается следующим. УК РФ предусматривает в п. «б» ч. 4 ст. 228.1 состав преступления «незаконное производство, сбыт или пересылка наркотиков, совершенные лицом с использованием своего служебного положения». В ГАС «Правосудие» за период с 2012 по 2021 гг. обнаружены тексты 34 приговоров, вынесенных судами в результате

рассмотрения уголовных дел по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Силами правопорядка регулярно проводятся задержания наркопреступников и изымаются крупные партии наркотиков, о чем имеются сообщения в средствах массовой информации, в частности на официальном сайте МВД России². Достоинствами этой концепции являются ясная, понятная и четкая стратегия противодействия преступности, мотивирование активности органов правопорядка. Оказывается непосредственное воздействие на личность преступника, очевидность и простота понимания населением страны, как следствие, популярность и поддержка народными массами проводимой государством уголовно-правовой политики. Но есть и существенный недостаток, снижающий ее эффективность – концепция правовой превенции оказывает минимальное влияние на негативные общественные явления, которые способны детерминировать преступность (негативные экономические, социальные, духовные и политические общественные явления и процессы).

Для воздействия на негативные общественные явления, способные детерминировать преступность, возникла концепция социальной превенции преступности, ее

¹ Шеслер А.В., Шеслер С.С. Противодействие преступности: основные концепции // Вестник Владимирского юридического института, 2010. № 3(16). С. 165.

² Новости МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/rubric/14> (дата обращения: 07.12.2022).

главная идея – ликвидация, нейтрализация негативных общественных явлений, которые являются причинами преступности, путем улучшения качества жизни граждан, и в первую очередь ее материальной составляющей. В России используется эта концепция, что подтверждается следующим. Прожиточный минимум на 2023 г. предлагается увеличить до 14375 рублей на душу населения, а минимальный размер оплаты труда – до 16242 рублей¹. Президент РФ поручил Правительству РФ в январе 2023 г. провести индексацию зарплат бюджетников, а также выделить необходимую финансовую помощь тем регионам, которые действительно нуждаются в этой помощи².

Следующей концепцией противодействия преступности, которая получила свое развитие в России, является концепция медико-биологической превенции, провозглашающая идею противодействия преступности путем применения иных мер правового принуждения, а не только путем применения наказания. «Это меры некарательного ограничения поведения физических лиц, организаций (в т.ч. юридических лиц), применяемые специально для предотвращения вредоносного воздействия определенного источника повышенной опасности либо ограждения объекта повышенной охраны от вредного влияния любых источников опасности»³. Похожие идеи в криминологической науке высказывались еще во второй половине XX в. Так, в США и Австралии стало применяться «сбалансированное» правосудие, реализуемое на практике специализированными «лечебными», «наркологическими» судами. Деятельность этих судов «направлена в первую очередь на решение вопросов по лечению и реабилитации наркопотребителей и только затем – на избрание соответствующих мер пресечения

и наказания за совершенное преступление»⁴. В 6 разделе УК РФ предусмотрены иные меры уголовно-правового характера – принудительные меры медицинского характера, которые, несомненно, играют положительную роль в лечении наркозависимых.

Концепция виктимологической профилактики заключается в снижении виктимности конкретных лиц, в создании организационно-правовой базы для защиты потерпевшими своих прав. Проявлением реализации этой концепции в России является ст. 42 УПК РФ, которая служит организационно-правовой основой для защиты потерпевшими своих прав в рамках уголовного судопроизводства. Также следует отметить, что 24 июня 2014 г. в Государственную Думу РФ внесен проект федерального закона «О психологической помощи населению в Российской Федерации», который не принят до настоящего времени⁵. Концепция виктимологической профилактики преступности реализуется в России не в достаточном объеме.

Концепция компромисса с преступностью исходит из того, что силы правоохранительных органов и криминальные формирования иногда могут объединять свои усилия в борьбе против совершения каких-либо преступлений, совершаемых отдельными преступниками и преступными группами. Одним из сторонников данной концепции являлся политический деятель, глава либерально-демократической партии России В.В. Жириновский⁶. Эта концепция обладает существенными недостатками. Полностью положиться на криминальные структуры в деле борьбы с преступностью невозможно, так как высока вероятность того, что криминалитет может превратиться из инструмента противодействия отдельным преступным проявлениям в инструмент лоббирования

¹ МРОТ на 2023 год предлагается увеличить до 16242 руб., а прожиточный минимум – до 14375 руб. // Минтруд России : официальный сайт. 2022. URL: <https://mintrud.gov.ru/> (дата обращения: 09.12.2022).

² Совещание с членами Правительства РФ // Президент РФ : официальный сайт. 2022. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 09.12.2022).

³ Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности. Красноярск, 2006. С. 14.

⁴ Тепляшин П.В. «Сбалансированное» правосудие в контексте криминологических перспектив профилактики наркопреступности // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы международного научно-практического семинара / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. С. 50-53.

⁵ Проект Федерального закона № 553338-6 «О психологической помощи населению в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.06.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Жириновский В.В. Последний вагон на север : сборник. М.: Фолиант, 1995. С. 51-52.

преступных интересов через органы государственной власти. Иными словами, государство рискует стать представителем интересов криминальных структур¹. Применение отдельных аспектов этой концепции можно найти в российском уголовном законодательстве – заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, рассмотрение уголовного дела в особом порядке, освобождение от уголовной ответственности при добровольной сдаче наркотиков.

Концепция легализации предусматривает декриминализацию производства, хранения и распространения наркотиков, обосновывая это тем, что привлечение лица к уголовной ответственности способствует не исправлению осужденного, а его отчуждению от общества. М.Ш. Шакиров на основе негативного опыта легализации наркотиков в Амстердаме выделил основные недостатки этой концепции. Наркотики получили более широкое распространение. Наркозависимые стали переходить к употреблению более сильных наркотиков, так

как потребление легких наркотиков не дает необходимого эффекта. Любой наркотик при употреблении влечет причинение вреда здоровью². С учетом вышеуказанных существенных недостатков концепция легализации преступного поведения не нашла своего воплощения в Российской Федерации.

Подводя итог анализу вышеуказанных концепций и их реализации в России, можно сказать, что на практике сложилась многофакторная (альтернативная) модель противодействия преступности³. Данная модель противодействия наркопреступности исходит из того, что преступность в принципе неискоренима и основной задачей является контроль за ее состоянием, удержание преступности в предельно допустимых, безопасных в целом для общества и государства параметрах. Для достижения этой задачи Российская Федерация использует лучшие идеи всех концепций противодействия преступности.

Иванов А.Г.

Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРАКТИКА ОЦЕНКИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЕМ

Уголовная ответственность, как известно, является самым суровым видом юридической ответственности, и ключевым принципом ее установления является принцип вины, который не допускает привлечения лица к уголовной ответственности без установления вины. В структуре субъективных признаков преступления вина выступает в качестве основного, и ее установление, хотя и представляет определенные сложности, но является обязательным. А оценка степени вины прямым образом влияет на меру наказания.

В Уголовном кодексе РФ, к сожалению, отсутствует законодательное определение указанной категории, но, исходя из ее форм,

можно сказать, что вина представляет собой отношение лица, совершившего преступные деяния к общественной опасности этого деяния и наступлению общественно опасных последствий, а также желания их наступления. Но в контексте рассматриваемого вопроса нас интересует только интеллектуальный компонент вины.

Именно в рамках установления отношения лица, совершившего преступные деяния, к общественной опасности немаловажную роль, как представляется, играет социальный элемент.

Для понимания сущности социального элемента необходимо некоторое отступление. Неоспоримо, что в обществе любой

¹ Клейменов М.П. Идеология воздействия на преступность // Научный вестник Омского юридического института МВД России. 1998. № 1(7) С. 7.

² Шакиров М.Ш. Наркобизнес в России. Многоликая наркомафия расширяет преступную деятельность в России. М.: Центрполиграф, 1998. С. 137-140.

³ Мальков С.М. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: характеристика и тенденции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1(42) С. 52.

факт имеет социальное значение, которое нередко определяется обстоятельствами, находящимися вне его, и меняется в зависимости от этих обстоятельств. Один и тот же факт при разных обстоятельствах может быть как общественно полезным, так и общественно опасным. Так, в ситуации, когда лицо причиняет смерть потерпевшему, к примеру в силу личных неприязненных отношений, необходимо говорить о совершенном преступлении (убийстве). А в ситуации, когда лицо причиняет смерть террористу, захватившему заложников, о совершении убийства вряд ли можно утверждать. Хотя совершенные факты по объективной стороне идентичны, но социальный элемент абсолютно разный.

Далее, следует признать, что, во-первых, любое действие (за исключением рефлексорного и при болезненном состоянии психики) не обходится без участия сознания, разума и субъективной реальности. Во-вторых, любое лицо, находясь в социуме, дает социальную оценку своих действий.

В работах, посвященных исследованию сознания и мозга Ю.И. Александров, говоря об оценке индивидом своего поведения, обращает внимание на то, что каждый наш результат оценивается с позиции того, хорошо ли это для достижения коллективного результата¹.

Особенно ярко социальная оценка совершаемых действий выражена при совершении действий, выходящих за рамки обычных.

Благодаря процессу социализации в субъективном опыте происходит отражение нравственных канонов, обозначенных границами категорий «добро» и «зло», «дозволено» и «запрещено», «хорошо» и «плохо». И именно этот сегмент субъективного опыта позволяет лицу при совершении действия проводить его оценку с позиции полезности, нейтральности или вредности для общества или, лучше сказать, для социума, сферой которого окружен субъект.

Как было отмечено еще в прошлом столетии, особенность фактических элементов

состава преступления состоит в том, что взятые сами по себе они не характеризуют действие в качестве антиобщественного. Эту характеристику сообщают ему его социальные элементы². Из чего можно с уверенностью заявить о присутствии социального элемента или, как его трактовали Г.А. Злобин и Б.С. Никифоров, антиобщественность, в каждом преступном деянии, а соответственно, необходимости его оценки при установлении вины и определении ее степени.

Осознание социального элемента при совершении преступления является необходимым для признания вины лица, совершившего действие, запрещенное УК РФ. Помимо этого нельзя не учитывать психологическое отношение лица, совершившего деяния, к восприятию и оценке социального элемента преступления. Данное утверждение можно рассмотреть на примере причинения смерти из чувства сострадания.

Так, К. проживал вдвоем с потерпевшей Ф., у которой имелось онкологическое заболевание с осложнениями, не поддающееся лечению. В течение нескольких месяцев Ф. не могла самостоятельно обслуживать себя, она испытывала сильные боли, из-за чего дважды предпринимала попытки суицида. К. один ухаживал за ней. Потерпевшая высказывалась, что хочет умереть, просила его помочь ей уйти из жизни.

В один из дней К., находясь в состоянии повышенного эмоционального напряжения, возникшего в условиях длительной психотравмирующей ситуации, связанной с неизлечимым заболеванием потерпевшей, из сострадания к последней, имея умысел на причинение смерти Ф., неуставленным предметом сдавил органы шеи потерпевшей, перекрыв дыхательные пути, и удерживал Ф., пока та не перестала подавать признаков жизни, в результате чего наступила смерть³. За данное деяние назначено наказание в виде лишения свободы сроком 4 года. При применении ст. 73 УК РФ назначенное наказание – условное с испытательным сроком 3 года.

¹ Александров Ю.И. Сознание и мозг: варианты системного решения проблемы // Межфакультетский учебный курс МГУ Сознание и мозг: последний рубеж. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k5m2bkWZkHs>.

² Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М., 1972. С. 151-152.

³ Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области по делу № 1-280/12. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/uE0dieqkNYo1/> (дата обращения 19.01.2023).

В другом случае Д. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к Ф., являющейся его матерью, связанных с его нежеланием осуществлять уход за последней ввиду ее болезненного состояния, имея умысел, направленный на причинение смерти матери, причинил телесные повреждения в виде механической асфиксии, в результате чего наступила смерть.

О неизлечимой болезни матери подсудимый узнал от медика скорой помощи, который сделал вывод о том, что состояние Ф. предагональное и она может скоро скончаться. Был выставлен диагноз «цирроз печени», что является онкологическим заболеванием, в связи с этим заболеванием Ф. госпитализации не подлежала. По клинике, внешнему состоянию, температуре, давлению было видно, что у Ф. предсмертное состояние. Как показали свидетели, Д. переживал по поводу заявления медика скорой помощи, который сказал, что матери осталось жить считанные часы¹. Наказание за данное преступление назначено в виде лишения свободы сроком 8 лет.

Подобная ситуация: А., сын подсудимого К., страдал генерализованным туберкулезом. А. постоянно просил отца причинить ему смерть, чтобы мучения закончились. В один из дней в ходе совместного распития спиртных напитков А. снова стал просить К. лишить его жизни, чтобы прекратились его мучения. Тогда у К. в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств и неоднократных просьб сына лишить его жизни возник преступный умысел на умышленное причинение смерти своему сыну А. по мотиву сострадания. После этого К., пожалев своего сына и желая облегчить его страдания, взял из хлебницы на кухонном столе нож и умышленно один раз ударил им своего сына в грудную клетку слева. Потерпевший А. сразу же скончался на месте происшествия². Назначено наказание в виде 8 лет лишения свободы.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что преступления совершены, если

так можно сказать, с благим намерением. Во всех ситуациях потерпевшим помочь, по вердикту медиков, было уже нельзя и летальный исход был неизбежен. При этом больной испытывал еще и сильные физические и, соответственно, психологические страдания.

Убийство, несомненно, представляет собой высокую общественную опасность. Следует отметить, что в приведенных ситуациях сознанием виновного охватывается прежде всего общественная полезность, выраженная в стремлении помочь больному и избавить его от мучительных страданий. Безусловно, противоправность своих действий во всех приведенных случаях виновные не могли не осознавать. При данных обстоятельствах можно говорить о наличии у виновного субъективной ошибки в общественной опасности совершенных деяниях. И то, что в приговорах указано о том, что виновный осознавал общественную опасность совершенного деяния, может свидетельствовать лишь о формальном подходе по установлению умысла. Стоит заметить, что в одном из приведенных судебных решений было обращено внимание на психотравмирующую ситуацию, в результате которой вполне допустимо искажение психологического отношения к общественной опасности совершенного деяния.

Да, в России эвтаназия запрещена³, но в рассматриваемом контексте и не ставится вопрос о необходимости ее разрешения, хотя это весьма дискуссионная тема. Акцент сделан на осознании виновным общественной опасности совершенного деяния и оценке этого психологического момента правоприменителем в условиях установления вины. Интересным представляется то, что судебные органы неоднозначно подходят к оценке исследуемого обстоятельства, и это в свою очередь выражается в сильном расхождении строгости назначенного наказания.

Стоит предположить, что одной из причин данной ситуации выступает факт от-

¹ Приговор Новошахтинский районный суд Ростовской области по делу № 1-230-2011. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/mr0YtmywszNu/> (дата обращения: 20.01.2023).

² Приговор Кызылский городской суд Республики Тыва по делу № 1-922/11 URL: <http://sudact.ru/regular/doc/69ljSnKLv3rW/> (дата обращения: 20.01.2023).

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

сутствия законодательной регламентации субъективной ошибки в уголовном праве.

А в разрезе темы настоящей статьи можно резюмировать, что социальный элемент в рамках преступления выступает не

только в качестве фактического звена, характеризующего деяние как антиобщественное, но и качественного показателя, который способен влиять на степень вины.

Шеслер А.В.,

доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск),
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Шеслер С.С.,

кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Уголовно-правовая оценка действий подстрекателя к преступлению

Анализ уголовного законодательства позволяет утверждать, что уголовно-правовая оценка действий подстрекателя к преступлению состоит как в дифференциации, так и в индивидуализации наказуемости таких действий. Дифференциация наказуемости действий подстрекателя к преступлению осуществляется через их квалификацию, в процессе которой дается уголовно-правовая оценка подобных действий как действий соучастника преступления в смысле ст. 33 УК РФ, а также как действий исполнителя и соисполнителя преступления. После квалификации действий подстрекателя к преступлению их уголовно-правовая оценка выражается в индивидуализации их наказуемости.

При квалификации действий подстрекателя к преступлению прежде всего необходимо их отличать по правовой сущности от действий других соучастников преступления. Это необходимо делать, во-первых, потому что в судебной практике нередко применяется избыточная квалификация, при которой действия одного лица квалифицируются одновременно как действия организатора и подстрекателя или еще как пособника, т.к. такое лицо одновременно выполняет их функции¹. Полагаем, что квалифи-

кация действий лица как организатора со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ поглощает квалификацию его действий как подстрекателя и пособника, а квалификация действий подстрекателя со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ поглощает квалификацию его действий как пособника. Выполнение подстрекателем к преступлению помимо подстрекательских действий также действий пособника должно учитываться не через дифференциацию, а через индивидуализацию уголовной ответственности и наказания в соответствии ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 67 УК РФ, т.е. через учет характера и степени фактического участия лица в совершении преступления.

Во-вторых, в судебной практике в ряде случаев действия подстрекателя, породившего развитие причинной связи в совместной преступной деятельности при отсутствии реальной фигуры организатора, квалифицируются как организация преступления². Вместе с тем для организатора преступления необходимо, чтобы он своими действиями породил не только развитие причинной связи между общим деянием и единым для соучастников преступным результатом, но и соединил их усилия для совершения преступления. Действия подстре-

¹ Напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.01.2002 по делу № 53-001-79.

² Напр.: Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека (1996-2004 гг.). М., 2006. С. 79-80, 117-118.

кателя, породившего развитие причинной связи в совместной преступной деятельности тем, что он возбудил в других соучастниках решимость совершить преступление, только этим и ограничиваются.

В-третьих, действия всех участников организованной группы в судебной практике, независимо от их роли в содеянном, квалифицируются как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ¹. На наш взгляд, подобная позиция необоснованна, т.к. она противоречит заложенным в ч. 2 и ч. 3 ст. 34 УК РФ основаниям дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления в зависимости от характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления, которые определяются соисполнительством или иным участием в преступлении (действиями организатора, подстрекателя или пособника). Поэтому действия подстрекателя, являющегося участником организованной группы, который полностью или частично не выполнял деяние, входящее в объективную сторону конкретного состава преступления, должны квалифицироваться как соучастие в соответствующем преступлении, совершенном организованной группой, со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Избежать подобных ошибок в квалификации позволит понимание сущности действий подстрекателя к преступлению, которое состоит в том, что он склонил других соучастников к преступлению (возбудил в них решимость совершить преступление), не выполняя при этом полностью или частично деяние, входящее в объективную сторону конкретного состава преступления. В тех случаях, когда подстрекатель к преступлению вместе с другими лицами выполняет такое деяние, он становится соисполнителем преступления и его действия должны квалифицироваться без ссылки на ч. 4 ст. 33 УК РФ. Фактическое выполнение таким подстрекателем действий по возбуждению у других соисполнителей решимости совершить преступление должно получать уголовно-правовую оценку через индивидуализацию уголовной ответственности и наказания в соответствии с ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 67 УК РФ.

Действия подстрекателя к преступлению квалифицируются как действия исполнителя преступления без ссылки на ч. 4 ст. 33 УК РФ только в тех случаях, когда они образуют самостоятельный состав преступления (например, в ч. 1 ст. 205.1, ст. 205.2 УК РФ). Тенденцией развития действующего уголовного законодательства является расширение криминализации подстрекательской деятельности через признаки самостоятельного состава преступления, выполнение которого образует исполнительские действия. Полагаем, что такие законодательные конструкции не дают внятного представления об основаниях и пределах уголовной ответственности подстрекателя к преступлению, обуславливают ошибки в судебной практике при квалификации его действий, состоящие в том, что действия исполнителя преступления квалифицируются как действия подстрекателя, и наоборот.

И наконец, при квалификации действий организатора преступления необходимо отличать их от организаторских действий, которые соучастием в преступлении не являются. Они представляют собой подстрекательство к преступлению лиц, не являющихся субъектами преступления, например вовлечение в совершение преступления несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности (ст. 150 УК РФ), либо подстрекательство к совместной правонарушающей деятельности, например вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), или даже подстрекательство к девиантным действиям, не являющихся правонарушением, например склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110.1 УК РФ). В подобных ситуациях возможно соучастие нескольких подстрекателей этих видов деятельности, по сути, их соисполнительство. Такое соисполнительство учитывает законодатель, предусматривая, в частности, в качестве квалифицирующего признака вовлечение в совершение преступления несовершеннолетнего осуществление этого действия через преступную группу (ч. 4 ст. 150 УК РФ), а при склонении к самоубийству и при вовлечении в занятие проституцией – совершение этих

¹ Напр.: О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1, п. 10.

преступлений группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «г» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ, п. «в» ч. 2, ч. 3 ст. 240 УК РФ). Иные лица, которые скло-

няются к совершению правонарушений или девиантных действий, соучастниками преступления не являются.

Мальков С.М.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Институт необходимой обороны в рамках уголовно-правовых норм и уголовно-правовых отношений законодательству Российской Федерации известен на протяжении длительного времени: ст. 98 Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных (1845 г.); ст. 45 Уголовного Уложения (1903 г.); ст. 13, 139 УК РСФСР (1926 г.); ст. 13 УК РСФСР (1960 г.); ст. 37 УК РФ (1996 г.). За период действия уголовного законодательства нормы о необходимой обороне подвергались изменениям, совершенствовалась судебная практика, в том числе и Верховного Суда СССР и Российской Федерации, что обусловило принятие нескольких постановлений Пленума, в которых обобщалась правоприменительная практика о применении нормы о необходимой обороне, а также предлагались варианты толкования и применения.

Вместе с тем действующее законодательство и практика применения нормы о необходимой обороне далеки от совершенства, имеется много вопросов, требующих единообразного решения. Правовая природа необходимой обороны характеризуется неопределенностью и неконкретностью многих положений, а также применением большого количества оценочных понятий для толкования нормы правоприменителем, что негативно сказывается на эффективности рассматриваемого института.

В связи с этим обратим внимание на некоторые проблемы, препятствующие совершенствованию правоприменительной практики о необходимой обороне.

1. Одним из условий правомерности необходимой обороны является общественно опасное посягательство, на которое четко указал законодатель в ч. 1 ст. 37 УК РФ. Раскрывая основное содержание данного понятия п. 3 постановления Пленума Вер-

ховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» указывает как на непосредственную угрозу личности обороняющегося, так и на посягательство на иные охраняемые уголовным законодательством объекты: неприкосновенность жилища, чужую собственность, общественную безопасность, в том числе безопасность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения. Верховный Суд РФ признает возможность устранения в рамках необходимой обороны и ряда неосторожных преступлений. Кроме того, обращая внимание на возможность защиты от побоев (ст. 116, 116.1 УК РФ) вполне логично предположить и возможность защиты от побоев, за причинение которых установлена административная ответственность (ст. 6.1.1. КоАП РФ).

Таким образом, в рамках необходимой обороны необоснованно предоставлено право на устранение не только преступлений, фактически угрожающих жизни и здоровью личности, но и тех преступлений, которые не связаны с посягательством на личность, в том числе и неосторожных, а также административных правонарушений. Считаем, что законодатель искусственно завысил объем основания правомерности необходимой обороны, указав на общественно опасное посягательство. Это понятие не соответствует сущности института необходимой обороны и ее цели, заключающейся в нейтрализации посягательства и защите основных прав и свобод граждан, поскольку защита обороняющегося является ответной реакцией на угрозу реальной агрессии, вызванной неправомерными действиями ли-

ца¹. Таким образом, необходимая оборона может быть только от нападения.

Устранение указанной проблемы возможно внесением изменения в ч. 1 ст. 37 УК РФ, в соответствии с которым признать нападение основанием для дальнейших действий по защите личности. Наиболее удачно понятие нападения раскрывается в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», под которым понимаются действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создание реальной угрозы его немедленного применения. Следует указать, что нападение может характеризоваться совершением различных насильственных, корыстно-насильственных и иных преступлений, в которых насилие является способом совершения преступления (убийство, вред здоровью, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, террористический акт, разбой, насильственное вымогательство, хулиганство, сопряженное с посягательством на личность). Заметим, что нападение как основание необходимой обороны обосновывалось в уголовно-правовой науке ранее².

Защиту правоохраняемых интересов от иных преступлений, в том числе и неосторожных, а также административных правонарушений можно обеспечить другими правовыми средствами (ст. 38, 39 УК РФ, ст. 2.7. КоАП РФ).

2. Необходимая оборона может быть индивидуальной или коллективной, и актуальность обсуждения этого вопроса определяется возникающими проблемами в процессе применения нормы о необходимой обороне, в частности об объеме причинения вреда нападавшему; о конкретных лицах, которым возможно причинить вред при защите; о возможности защиты нескольких лиц от одного нападающего и др.

Анализ правовой природы необходимой обороны (ч. 1 ст. 37 УК РФ) не позволяет

четко сделать вывод о том, какой характер (индивидуальный или коллективный) необходимой обороны закрепила эта норма. Данный вопрос не рассмотрен и в практике Верховного Суда РФ. Вместе с тем и правоприменитель, и лицо, защищающее свои права (жизнь и здоровье), обязаны это четко знать. Осознание индивидуального или коллективного характера необходимой обороны позволит защищаемому лицу четко оценить опасность нападения, выбрать соответствующие средства защиты и не допустить превышения пределов необходимой обороны и, кроме того, совершения умышленного или неосторожного преступления после завершения необходимой обороны.

В рамках рассматриваемой проблемы не менее актуальным представляется вопрос о том, возможна ли необходимая оборона в групповой (обоюдной) драке и в чем она может заключаться.

По общему правилу необходимая оборона в драке невозможна, хотя есть и исключения. Так, лицо, участвующее в драке, может сослаться на состояние необходимой обороны, если, во-первых, в процессе драки одна из сторон резко усилилась (например, по количеству участников или путем вооружения), во-вторых, если одна из сторон прекратила драку, а вторая ее продолжает. Право на необходимую оборону есть у третьих лиц, не участвующих в драке, если они причиняют вред одной из дерущихся сторон или даже обеим с целью прекратить драку и не допустить причинения более тяжких увечий или убийства³.

3. Правомерность пределов необходимой обороны и выбор необходимых вариантов защиты зависят в первую очередь от осознания защищаемого лица об опасности совершаемого на него нападения. Несмотря на очевидность данного вывода, законодатель сформулировал уголовно-правовую норму о необходимой обороне без учета осознания обороняющегося лица. Восполнить данный пробел попытался Верховный Суд РФ. В частности, в п. 3 постано-

¹ Пермякова Т.В. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны // Стратегии исследования в общественных и гуманитарных науках : материалы международной научно-практической конференции. Белгород, 2022. С. 46-49.

² Шаргородский М.Д. Вопросы общей части уголовного права. Законодательство и практика. Л., 1955. С. 85-88.

³ Уголовное право (Уголовный закон. Теория преступления) : курс лекций / под ред. С.М. Малькова. Красноярск, 2018. С. 254.

вления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» указывается, что при рассмотрении уголовных дел о необходимой обороне суду необходимо установить, что у обороняющегося имелись основания для вывода о том, что имеет место реальная угроза посягательства.

Вместе с тем, на наш взгляд, обозначенная проблема остается нерешенной. В процессе принятия решения на необходимую оборону, в основном за очень короткий промежуток времени, защищающееся лицо индивидуально, исходя из своих психических особенностей, фактических обстоятельств нападения и субъективного критерия, поразному оценивает опасность нападения. Неправильная оценка характера посягательства исключает правомерность необходимой обороны и порождает негативные для обороняющегося лица правовые последствия, такие как правомерная «мнимая» оборона, неправомерная «мнимая» оборона, превышение пределов необходимой обороны, совершение умышленного преступления. Представляется наиболее сложным определить момент начала и окончания нападения, а предлагаемые в уголовно-правовой науке варианты оценки при необходимой обороне объективно не могут учитывать всех обстоятельств дела¹.

Для решения рассмотренной проблемы необходимо законодательно уточнить, что оценка обороняющегося лица опасности нападения осуществляется исходя из собственного мнения данного лица, но с учетом всех обстоятельств нападения, в том числе и показаний очевидцев. Данное предложение позволит исключить возможность неоднозначного понимания пределов необходимой обороны субъектами правоприменения и обороняющимся лицом.

4. В рамках необходимой обороны лицо может защищать не только свою жизнь и здоровье либо третьих лиц от напа-

дения, но и свое имущество, в частности неприкосновенность жилища. При этом особую актуальность может представлять вопрос об особенностях использовании технических средств защиты, сопряженных с причинением вреда посягающему лицу.

В уголовно-правовой науке высказано мнение о том, что в целях обеспечения неприкосновенности жилища следует признать правомерными установку технических устройств, причиняющих вред лицам, незаконно проникающим в жилище, и, соответственно, причинение посягающему любого вреда, включая и тяжкий вред здоровью, причинение техническими устройствами смерти посягающему лицу следует рассматривать как превышение пределов необходимой обороны².

Частично критикуя высказанное мнение, считаем, что, во-первых, имеет место явное несоответствие объектов защиты (конституционное право на неприкосновенность жилища) и объектов причиняемого вреда (жизнь и здоровье личности), во-вторых, технические средства создают опасность для лиц, не причастных к нарушению неприкосновенности жилища, в том числе и неопределенного круга лиц, в-третьих, необходимая оборона возможна лишь против конкретного, реально осуществляемого посягательства, в-четвертых, необходимая оборона невозможна против кажущегося посягательства. Вместе с тем, если же указанный вред причиняется для отражения посягательства на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, совершаемого одновременно с незаконным проникновением в жилище, необходимую оборону следует признавать правомерной.

Таким образом, в рамках необходимой обороны следует признавать защиту имущества правомерной, только в случае если такая защита не сопряжена с причинением посягающему смерти либо вреда здоровью.

В завершение отметим, что решение рассмотренных проблем позволит более эффективно применять институт необходимой обороны и достигать его целей.

¹ Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенкова. М., 1993. С. 226.

² Шелестюков В.Н. Уголовно-правовые средства обеспечения неприкосновенности жилища. Кемерово, 2007. С. 105.

Долголенко Т.В.

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Мельникова Т.В.

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Рычкова Н.Ю.

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

О ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНА

Согласно ч. 1 ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ, запрещены купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение. В санкции этой части статьи предусмотрено лишение свободы на срок до 6 лет. В пп. «б», «з» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ в качестве квалифицирующих обстоятельств предусмотрены те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего и (или) в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. В санкции статьи в этих случаях предусмотрено лишение свободы от 3 до 10 лет. Такие наказания в виде лишения свободы позволяют считать преступления, подпадающие под действия ч. 1 и ч.2 ст. 127.1 УК РФ, тяжкими преступлениями. В соответствии с действующим законодательством вывод однозначен – человек не может быть предметом сделок.

В соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»: «В статье 127.1 УК РФ под куплей-продажей человека понимается совершение действий, состоящих в передаче человека одним лицом другому лицу (лицам) за денежное вознаграждение, а под иными сделками в отношении человека – другие противоправные

действия, приводящие к передаче потерпевшего от одного лица другому лицу (например, безвозмездная передача, обмен на какие-либо материальные ценности)»¹.

Нельзя не обратить внимание и на то, что в качестве одной из задач в достижении целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ, в 2021 г. названо повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности².

Суррогатное материнство в России до сегодняшнего дня далеко не всегда представляло собой правомерно оказанную услугу по вынашиванию и рождению ребенка. За так называемой услугой, предоставляемой, как правило, иностранным гражданам, нередко скрывалась противоправная деятельность по торговле детьми. За последние несколько лет за рубеж было вывезено 45 тыс. младенцев, оборот нелегального бизнеса составил более €2 млрд, такие малыши зачастую оказывались в тяжелейших ситуациях: становились жертвами преступлений, в том числе продажи на органы, попадали в однополые пары³; случаи гибели и торговли детьми, рожденными суррогатными матерями для иностранцев, регулярно попадали в поле зрения правоохранителей, а ввиду отсутствия у таких детей российского гражданства, преступления с ними было легче скрыть⁴.

¹ О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми : постановление Пленума ВС РФ от 24.12.2019 № 58 // СПС «КонсультантПлюс».

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Госдума в декабре запретит суррогатное материнство для иностранцев // URL: https://iz.ru/1431987/2022-11-27/gosduma-v-dekabre-zapretit-surrogatnoe-materinstvo-dlia-inostrantcev?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 28.11.2022).

⁴ Госдума планирует запретить иностранцам доступ к услугам суррогатных матерей. URL: <https://iz.ru/1336061/2022-05-18/gosduma-planiruet-zapretit-inostrantcam-dostup-k-uslugam-surrogatnykh-materei> (дата обращения: 28.11.2022).

Данные факты послужили причиной для пересмотра положений Семейного кодекса РФ и ряда законов, регулирующих отношения суррогатного материнства. Федеральным законом от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был введен запрет на оказание подобных услуг иностранным гражданам.

Изменения семейного законодательства, несомненно, затрагивают и уголовно-правовую сферу, побуждая к разграничению суррогатного материнства и торговли людьми (преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ). Разрешив суррогатное материнство, законодатель тем самым допускает изъятие из запрета торговли людьми. Следовательно, это положение должно быть максимально оправданным, мотивированным, общественно полезным и строго регламентированным. В этой связи важное значение имеет правильное решение вопроса о квалификации поведения суррогатной матери либо как преступления, предусмотренного ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ, либо как поведения правомерного, соответствующего закону.

Поведение суррогатной матери, принявшей на себя права и обязанности матери по закону, по отношению к рожденному ею ребенку может в некоторых случаях иметь противоправную цель – вынашивание и рождение ребенка с целью совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ. К числу юридически значимых обстоятельств, позволяющих усмотреть в поведении суррогатной матери, ставшей матерью по закону, признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ, можно (в зависимости от конкретных обстоятельств дела) отнести следующие.

Во-первых, заключение договора суррогатного материнства не до момента переноса донорского эмбриона, а после этого, либо вообще после рождения женщиной ребенка. Такой договор следует рассматривать в качестве ничтожной сделки (ст. 169 Гражданского кодекса РФ). В прежней редакции п. 9 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан»¹ суррогатное материнство определялось как вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. Такая неудачная формулировка данного пункта, сохранившаяся и сегодня (договор заключается с лицом, чьи половые клетки уже использовались для оплодотворения), может явиться основанием для иного толкования – о том, что договор может быть заключен уже после переноса донорского эмбриона. В связи с этим предлагается в указанной правовой норме слово «использовались» заменить на слова «планируется использовать». Во-вторых, нужно принимать во внимание факт передачи женщиной ребенка после родоразрешения другим лицам, в том числе прямо в роддоме, в нарушение порядка, предусмотренного ст. 51 Семейного кодекса РФ. В-третьих, важен и последующий фактический отказ от осуществления родительских прав и обязанностей, при условии, что суррогатная мать приняла на себя по закону права и обязанности матери.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Жмуров Д.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ КИБЕРЖЕРТВ

Учение о жертве преступлений, совершаемых при помощи компьютерных технологий, именуется кибервиктимологией. Одной из ее центральных тем является кибержертва, то есть проблематика индивида, пострадавшего от противоправных деяний в цифровом пространстве.

Несхожесть характеристик кибержертв вызвана во многом различиями контекста виктимизации в сети, расхождением их личностно-психологических особенностей, обстоятельствами иной природы. Имеющиеся при этом классификации кибержертв берут свое начало из классической виктимологии (когда основаниями выступают характер причиняемого ущерба, наличие специальных знаний в сфере информационных технологий, специфика биофизиологических характеристик и т.п.), нередко используются традиционное деление на физических / юридических, насильственных / ненасильственных пострадавших.

Особенности содержания и параметры взаимодействия с преступником позволяют выделить как минимум четыре типа кибержертв.

1. Нейтральная (индифферентная по отношению к преступнику или даже характеризующаяся положительно) – не обладает виктимогенными качествами и атрибутами, несмотря на это, подвергается криминальному воздействию вследствие каких-либо внешних обстоятельств.

К таковым можно отнести следующих пострадавших:

а) жертвы, ставшие уязвимыми в силу использования ими ненадежного (потенциально компрометируемого) программного обеспечения, при этом не совершающие неосмотрительных или опасных для себя действий. Важнейшим виктимогенным фактором выступают технические ошибки разработчиков, т.е. третьих лиц, служащие катализатором противоправных действий в отношении данной категории потерпевших;

б) жертвы разглашения персональной информации, произошедшего по вине третьих лиц, обязавшихся ее хранить (сведений о личной жизни, контактов, финансовых или банковских идентификаторов и т.д.);

в) жертвы хищения виртуальных средств платежа и иных финансовых инструментов (от криптовалюты до цифровых финансовых активов), находившихся на хранении в специализированных «учреждениях» (биржах, кастодиальных сервисах и т.п.). Потеря активов была вызвана неспособностью вышеупомянутых организаций защитить важную информацию от преступного посягательства;

г) косвенные жертвы атак на цифровые системы, когда отключение последних (т.н. блэкаут, шатдаун) приводит к негативным последствиям для аффилированных с ними лиц (чаще всего это непосредственные пользователи). В качестве примера можно привести пассажиров беспилотного шаттла, пострадавших в результате спровоцированной программно аварии; лиц, не получивших своевременную медицинскую помощь в результате «падения» сервера медицинского учреждения и т.п.

При этом в криминальных ситуациях нейтральные жертвы могут возникать алогично и непрогнозируемо, т.е. без каких-либо виктимологических предпосылок.

2. Побуждающая (агрессивная, активная, инициативная) – такая жертва демонстрирует провокационное поведение, чем дополнительно мотивирует нарушителя к дискриминационным действиям.

Среди этой категории лиц выделяются:

а) агрессивная жертва – реализует деструктивные формы поведения, чем обуславливает у преступника криминальную решимость. Для таких лиц характерны специфические особенности (культ физической силы, лживость, злопамятность, черствость, хитрость, агрессивность, жестокость, циничность, мстительность¹).

¹ Артемьев Н.С. Криминологическое исследование поведения потерпевших в насильственных преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1–4). № 1. С. 22–28.

Ряд исследователей отмечают наличие у таких потерпевших низкой самооценки, чрезмерного беспокойства, депрессивности и трудностей в принятии на себя ответственности¹.

В зарубежных источниках выделяются четыре подтипа агрессивных жертв²:

- традиционные агрессивные жертвы;
- агрессивные кибержертвы (допускают физическое насилие по отношению к сверстникам, но становятся жертвами в виртуальной среде);

- кибагрессивные жертвы (являются изгоями в коллективе, из-за чего вымещают агрессию в Интернете путем распространения компрометирующих материалов);

- кибагрессивные кибержертвы (жестокое обращение со сверстниками в виртуальной среде является ответной реакцией на их жестокость по отношению к таким жертвам);

б) активная жертва – своими неагрессивными поступками порождает в отношении самой себя преступную мотивацию и намерения. Такие потерпевшие, по Д.В. Ривману, характеризуются неоднозначными (подстрекательскими, самопричиняющими) поступками;

в) инициативная жертва – характеризуется положительным (гиперсоциальным) поведением, которое в конечном итоге приводит к причинению ей вреда. Для такой жертвы свойственна высокая степень морально-этического, общекультурного развития³.

3. Аккомодирующая (чрезмерно доверчивая, некритичная, пассивная, страдающая психическим расстройством, пожилая или малолетняя, одинокая, неопытная, рискованная, импульсивная и проч.), т.е. обладающая широким спектром всякого рода

качеств, реализация которых создает благоприятные условия для осуществления преступного посягательства.

4. Противодействующая (неосновательно бдительная, тревожная, мнительная) – слишком подозрительная и оппозиционная, пытающаяся препятствовать осуществлению дискриминационных действий. Желает избежать виктимизации, но именно это стремление становится причиной злоупотреблений в ее отношении. Мотив избегания виктимизации является весьма значимым для большинства пользователей Интернета. Исследования показывают, что страх стать жертвой киберпреступников сильнее фобий ядерной или химической войны⁴. Однако эти страхи успешно используются злоумышленниками при совершении киберпреступлений. Существуют несколько видов противодействующих жертв:

а) жертвы отмены (осуществляют попытки отменить или свести к минимуму уже причиненный им в результате киберпреступления ущерб, чем заметно повышают риск ревиктимизации);

б) жертвы превенции (стараются заранее себя обезопасить в интернете, однако попадают в ловушку и, наоборот, ухудшают свое положение);

в) жертвы оппозиции (в случае совершения посягательства пытаются сопротивляться, чем вызывают еще больший ущерб).

Итак, несмотря на различия кибержертв, в целом по характеру взаимодействия выделяются четыре основных типа – нейтральные, побуждающие, аккомодирующие и противодействующие жертвы. Применение предложенного варианта классификации представляется возможным и в достаточной степени универсальным.

¹ Swearer S.M. Psychosocial correlates in bullying and victimization: The relationship between depression, anxiety, and bully/victim status // *Journal of Emotional Abuse*. 2001. № 2. Pp. 95-121; Georgiou S.N., Stavrinides P. Victims and bully – victims. Psycho-social profiles and attribution styles // *School Psychology International*. 2008. Vol. 5. № 29. Pp. 574-589; O'Moore M., Kirkham C. Self-esteem and its relationship to bullying behavior // *Aggressive Behavior*. 2001. № 27. Pp. 269-283.

² Cuadrado-Gordillo I., Ante-lo I. Cyberspace as a generator of changes in the aggressive-victim role // *Computers in Human Behavior*. 2014. No. 36. Pp. 225-233.

³ Артемьев Н.С., Полищук Е.Г. Вопросы типологии жертв преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2007. № 17. С. 82-90.

⁴ Bricker D. Future of the world. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2019-11/a-more-dangerous-world-fear-2019.pdf> (дата обращения: 22.07.2022).

Шарапов Р.Д.,

доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАВЯЩЕННОСТИ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ,
ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ**

В соответствии с Федеральным законом от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ, вступившим в силу 17 марта 2022 г., изменена редакция квалифицирующего признака, преступления предусмотренного в п. «б» ч. 2 ст. 242 УК РФ. Данная редакция предусматривает использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, в качестве средства совершения любого из преступлений, предусмотренных чч. 1 или 2 ст. 242 УК РФ. Аналогичные изменения произошли в редакции квалифицирующего признака, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ.

В прежней редакции п. «б» (до введения в действие Федерального закона от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ) соответствующий квалифицирующий признак излагался иначе – использование средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). В связи с этим в судебной практике существовало два подхода к вменению квалифицирующего обстоятельства, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ.

Согласно первому из них квалификация преступления по указанному пункту возможна как в случае использования виновным средства массовой информации, так и в случае использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), не являющихся средством массовой информации¹.

Согласно другому подходу использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) является не отдельным квалифицирующим признаком преступления, наряду с использованием средств массовой информации, а од-

ним из способов использования средств массовой информации, например, если преступление совершено с использованием сетевого издания (ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации»). Поскольку сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является (ст. 8 Закона РФ «О средствах массовой информации»), использование такого сайта или иных не относящихся к средствам массовой информации ресурсов информационно-телекоммуникационной сети (включая сеть Интернет) при незаконных изготовлении или обороте порнографических материалов или предметов не дает оснований для квалификации преступления по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ².

Второй подход до изменения уголовного закона являлся предпочтительным. Он соответствовал не только грамматическому толкованию уголовно-правовой нормы в прежней редакции. В последней, в отличие от аналогичных норм, в которых употребляется союз «либо» (например, ч. 2 ст. 128.1, ч. 2 ст. 205.2, ч. 2 ст. 280 УК РФ), использовался оборот «в том числе», означающий, что использование для совершения преступления средств массовой информации возможно также в форме информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). В соответствии с абз. 5 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"» лица, допустившие нарушения законодательства при распространении массовой информации через сайты в сети Интер-

¹ Апелляционное определение Пензенского областного суда 14.08.2013 № 22-968; Апелляционное определение Московского городского суда от 05.07.2016 № 10-7544; Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 6.07.2020 № 77-416/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Московского городского суда от 13.11.2017 № 4у/11-5600/17; определение восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2020 № 77-1042/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

нет, не зарегистрированные в качестве средств массовой информации, несут уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации без учета особенностей, предусмотренных законодательством о средствах массовой информации.

В соответствии с действующей редакцией п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ квалификация преступления по указанному пункту возможна как в случае использования виновным средства массовой информации, так и в случае использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), не являющихся средством массовой информации. С уголовно-политической точки зрения такое решение законодателя является пенализацией общественно опасного деяния, означающей принятие уголовного закона, усиливающего наказание за незаконные изготовление или оборот порнографических материалов или предметов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, не относящихся к средствам массовой информации. В соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный

закон, усиливающий наказание, обратной силы не имеет, т.е. не распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу. Таким образом, деяния лиц, совершивших незаконные изготовление или оборот порнографических материалов или предметов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, не относящихся к средствам массовой информации, в период времени до 17 марта 2022 г. не могут квалифицироваться по «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ.

Вместе с тем решение законодателя, изменившего редакцию квалифицирующего признака, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, путем принятия Федерального закона от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ, с одной стороны, соответствует сложившейся судебной практике, исходившей в прежние годы из расширительного толкования указанного признака, о чем свидетельствуют данные о существенном превышении количества осужденных по ч. 3 ст. 242 УК РФ по сравнению с количеством осужденных по ч. 1 и 2 ст. 242 УК РФ¹ (см. диаграмму).

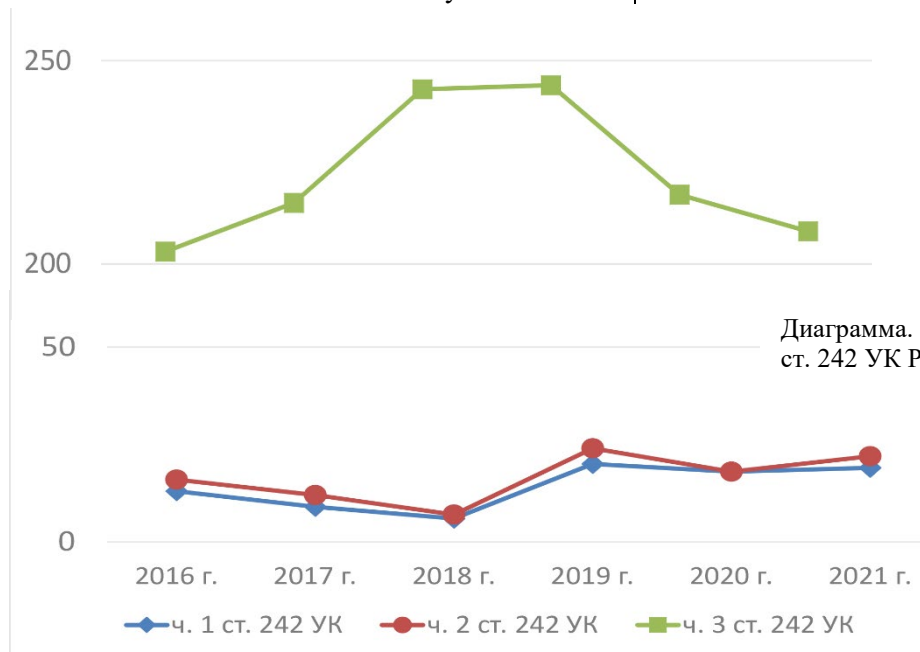

Диаграмма. Количество осужденных по ст. 242 УК РФ

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 05.02.2023).

С другой стороны, указанное решение противоречит выработанному в науке уголовного права правилу дифференциации уголовной ответственности с помощью квалифицированных составов преступлений, а именно тому, что, во-первых, конструирование квалифицированного состава является обоснованным, если он отражает отягчающее обстоятельство, обуславливающее существенный перепад в уровне общественной опасности преступления по сравнению с его основным составом; во-вторых, обязательна нехарактерность отягчающего обстоятельства, претендующего на роль квалифицирующего признака, для большинства случаев совершения данного преступления, предусмотренного в основном составе («обстоятельства, которым придается статус квалифицирующих признаков, не должны быть нормой для большинства преступлений с основным составом»)¹.

В соответствии с п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ предусматривается более строгая уголовная ответственность за жестокое обращение с животным, совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет). Очевидно, что в структуре состава преступления рассматриваемый квалифицирующий признак характеризует обстановку преступления, когда жестокое обращение с животным совершается виновным в присутствии других лиц, являющихся очевидцами посягательства (например, расправа с животным на много-

людной улице, совершение акта жестокого обращения в качестве зрелищного мероприятия и т.п.). Однако возникает вопрос, может ли инкриминироваться указанный квалифицирующий признак в случае, когда публичная демонстрация жестокого обращения с животным необязательно сопутствует по времени совершению деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ (например, при прямой трансляции акта преступления в сети Интернет), но следует за его совершением (например, виновный с заранее возникшим умыслом производит видео- или фотосъемку жестокого обращения с животным и затем размещает видеозапись или фотоснимки в сети Интернет для всеобщего обозрения пользователей сети). В правоприменительной практике имеются судебные решения, положительно отвечающие на поставленный вопрос².

В таком случае преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ, надлежит считать юридически оконченным с момента публичного показа или размещения для публичного обозрения соответствующих видео- или фотоматериалов (например, размещение информации в общем доступе в сети Интернет, ее массовая рассылка абонентам по электронной почте или при помощи мобильной связи и т.п.), что, в свою очередь, приводит к постановке дополнительных вопросов о месте и времени совершения такого преступления, признании его длящимся, исчислении давностного срока.

¹ Козаченко И.Я., Костарева Т.А., Кругликов Л.Л. Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка. Екатеринбург, 1994. С. 36; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 368; Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. С. 183.

² Постановления Михайловского районного суда Амурской области от 07.07.2020 по делу № 1-90/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/mCT4myCgBTN1/> (дата обращения: 05.02.2023), Курганского городского суда Курганской области от 11.01.2019 по делу № 1-108/2019. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/B1w8TpCfncIP/> (дата обращения: 05.02.2023).

Ермакова О.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России

**ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ПОСТРОЕНИЯ КОНСТРУКЦИЙ КОНКРЕТНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Вопросы противодействия преступности находятся в прямой зависимости от эффективности уголовно-правовых норм, поскольку только при соблюдении неотвратимости уголовной ответственности возможно осуществить как общее, так и специальное предупреждение. Вместе с тем правоприменительная деятельность практически по каждому преступлению сопряжена со значительными сложностями, поскольку построение конкретных составов преступлений, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса РФ, осуществляется произвольно, не основываясь на каких-либо правилах. В результате возникают вопросы обоснованности включения того или иного признака в конструкцию состава преступления. К примеру, в составе жестокого обращения с животными указана цель причинения боли или страданий. Анализ судебной практики показывает, что установление такой цели достаточно проблематично для правоприменителей, вследствие чего они ограничиваются «механическим» цитированием диспозиции ст. 245 УК РФ¹.

В научной литературе высказываются соображения относительно отсутствия необходимости выделения цели в качестве самостоятельного признака, поскольку само по себе жесткое обращение, воплощающееся умышленных действиях, уже представляет существенную общественную опасность и предполагает стремление виновного причинить вред животному². Р.Д. Шарапов отмечает оценочный характер понятий «боль» и «страдание»³.

В ряде случаев законодатель не включает признак в конструкцию конкретного состава преступления, однако правоприме-

нительные органы по каким-то причинам самостоятельно возводят его в число обязательных. Например, в составах преступлений против половой неприкосновенности отсутствует упоминание о мотиве и цели. Однако в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 содержится требование установления цели в виде удовлетворения сексуального влечения виновного или вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего. В результате складывается следующая парадоксальная ситуация: с одной стороны, отсутствует прямое отражение мотива и цели в конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, т.е. законодатель предполагает возможным наличие любых мотивов и целей; с другой – Пленум Верховного Суда РФ, фактически подменяя собой законодателя, вводит эти признаки в число обязательных.

Таким образом, создание конструкций конкретных составов преступлений должно основываться на четких критериях отбора обязательных признаков и правилах их отражения в нормах уголовного закона⁴. Однако в современной уголовно-правовой науке критерии отбора обязательных признаков фактически не разработаны, в связи с чем необходимо проведение исследований в данном направлении.

Гетерогенность построения конструкций конкретных составов преступлений также проявляется в нарушении правил единства предписаний уголовного закона.

К примеру, составы мошенничества (как общий, так и специальные) не согласуются между собой даже по способу совершения преступления, поскольку такому престу-

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 45 судебного района г. Лесозаводска и Лесозаводского района Приморского края. URL: http://75.prm.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=4240 (дата обращения: 27.02.2023).

² См.: Филиппов П.А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука. 2019. № 12. С. 92-98.

³ Шарапов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1(47). С. 51-61.

⁴ Подр.: Ермакова О.В. Отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах особенной части Уголовного кодекса РФ (концептуальные основы). М., 2022. С. 263, 269.

плению, как мошенничество в сфере компьютерной информации, не свойственен обман или злоупотребление доверием, являющиеся обязательными для любого мошенничества.

Еще большее удивление вызывает включение законодателем в состав преступления, предусмотренный ст. 274.2 УК РФ, специального субъекта – должностного лица с разъяснением в примечании к указанной статье этого понятия без учета уже существующей трактовки, представленной в ст. 285 УК РФ. В частности, понятие должностного лица как специального субъекта преступлений против государственной власти в качестве места выполнения лицом функций представителя власти, организационно-распорядительных, административно-хозяйственных предусматривало органы государственной власти, государственные учреждения, государственные предприятия и т.д. В примечании к ст. 274.2 УК РФ при использовании аналогичного термина «должностное лицо» законодатель наделяет его иным содержанием как относительно выполняемых лицом функций, так и места их осуществления исключительно в коммерческой и иной организации. Очевидно, что произошло смешение понятий

должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой и иной организации. Полагаем, при создании конкретных составов преступлений необходимо исключить наделение одних и тех же понятий в рамках конкретных составов преступлений различным содержанием, поскольку в обратном случае видится проблемным осуществить доктринальное толкование уголовного закона, не говоря уже о судебном.

Таким образом, следует констатировать отсутствие гомогенного подхода при отражении в уголовном законе признаков конкретного состава преступления, вследствие чего возникают вопросы относительно обоснованности конструкций, закрепленных в Особенной части УК РФ и сложности в правоприменительной деятельности. С целью унификации законодательного материала, а также повышения качества предписаний закона следует создать четкие критерии отбора обязательных признаков конкретных составов преступлений. Кроме того, законодателю необходимо соблюдать системное единство законодательного материала, не допуская содержательной разнородности конструкций конкретных составов преступлений.

Ступина С.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Железнодорожный)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ (ЗАЙМОВ) ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

«Черные кредиторы», занимающиеся деятельностью по выдаче займов под огромные проценты, а также использующие незаконные методы возврата долга, работающие во взаимосвязи с коллекторами, – явление не новое¹.

По данным Департамента Центробанка по противодействию недобросовестным практикам, в 2020 г. выявлены 1549 компаний, которые занимались нелегальной деятельностью, из них 53%, или 821 органи-

зация, незаконно выдавали займы. В 2021 г. было обнаружено 948 таких организаций. В первом квартале 2022 г. выявлено более 170 «черных кредиторов». В январе – июне 2022 г. Банк России выявил 2288 субъектов с признаками нелегальной деятельности, в том числе с признаками финансовых пирамид. Это в три раза превышает количество подобных компаний, выявленных за анало-

¹ В Центробанке предупредили о росте числа нелегальных кредиторов. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/06/15/14969504.shtml> (дата обращения: 06.02.2023).

гичный период 2021 г., и лишь немногим меньше показателя за весь прошлый год¹.

Чтобы снизить риски вовлечения граждан и организаций в незаконную деятельность, Банк России раскрывает список нелегальных кредиторов, т.е. лиц, в деятельности которых имеются признаки осуществления профессиональной деятельности по предоставлению потребительских кредитов / займов, не имеющих права на ее осуществление². Однако список не содержит сведений о физических лицах и индивидуальных предпринимателях.

В правовом поле возникла необходимость защиты прав потребителей финансовых услуг, а также формирования более совершенного правового механизма противодействия деятельности нелегальных кредиторов, осуществляющих выдачу потребительских займов³.

В связи с этим Федеральным законом от 11 июля 2021 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена ст. 171.5, предусматривающая уголовную ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов).

Анализ признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 171.5 УК РФ, позволяет констатировать, что по конструкции состав является формальным.

Объективная сторона представлена действиями, выраженными в осуществлении предусмотренной Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»⁴ деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), в том числе обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, не содержащее признаков состава

преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, и совершенное в крупном размере индивидуальным предпринимателем или лицом, которое в силу своего служебного положения постоянно, временно либо по специальному полномочию исполняет возложенные на него обязанности по руководству организацией, не имеющими права на осуществление указанной деятельности и подвергнутыми административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ.

Полагаем, что необходимо учитывать, что указанная в ст. 171.5 УК РФ деятельность должна осуществляться субъектом на профессиональной основе и, соответственно, крупный размер следует исчислять как для продолжаемого преступления по общему объему выданных кредитов (займов).

При установлении такого признака состава преступления, предусмотренного ст. 171.5 УК РФ, как незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) в крупном размере, следует понимать, что согласно Федеральному закону «О потребительском кредите (займе)» потребительский кредит (заем) – денежные средства, предоставленные кредитором заемщику на основании кредитного договора, договора займа, в том числе с использованием электронных средств платежа, в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Договор займа и кредита урегулирован прежде всего главой 42 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Понятие кредитного договора определено в ст. 819 ГК РФ, согласно которой такой договор может быть заключен только с таким кредитором, как банк или иная кредитная организация.

¹ Противодействие недобросовестным практикам участников рынка // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/analytics/currency_control/ (дата обращения: 06.02.2023).

² Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/inside/warning-list/#a_b1b40097498c4b65ab0258c753f7360b. (Дата обращения: 06.02.2023).

³ Законопроект № 237666-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о введении ответственности за незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237666-7> (дата обращения: 06.02.2023).

⁴ О потребительском кредите (займе) : Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 08.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

В ст. 172 УК РФ установлена уголовная ответственность за осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере.

Как видно, деяние в рамках объективной стороны незаконной банковской деятельности законодательно ограничено именно банковскими операциями, которые, согласно Федеральному закону от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹, самостоятельно определены в ст. 5 «Банковские операции и другие сделки кредитной организации», которая не содержит указание на заключение кредитного договора.

Деятельность банков и иных кредитных организаций по предоставлению потребительских кредитов регулируется ГК РФ и Федеральным законом «О потребительском кредите (займе)».

Если у банка при выдаче потребительского кредита нет регистрации или лицензии (ст. 13 Федерального закона «О банках и банковской деятельности») и это деяние причинило крупный ущерб гражданам либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, то обоснованно вести речь о привлечении к уголовной ответственности по ст. 171.5 УК РФ. Однако выдача такого кредита, сопряженная с осуществлением банковских операций, при условии наступления соответствующих последствий подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, и требует отдельной квалификации.

Нередко, согласно данным Департамента Центробанка по противодействию недобросовестным практикам, «черные кредиторы» маскируют свою деятельность по незаконной выдаче потребительских займов под деятельность ломбардов.

Федеральным законом от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах»² регулируются отношения, возникающие при осуществлении ломбардами кредитования граждан под залог принадлежащих гражданам вещей и деятельности по хранению вещей.

Ломбарды вправе осуществлять профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов в порядке, установленном Федеральным законом «О потребительском кредите (займе)».

Однако существенным условием такого договора является его обеспечение таким способом, как залог.

Договор займа оформляется выдачей ломбардом заемщику залогового билета, который должен содержать условия договора потребительского займа, соответствующие Федеральному закону «О потребительском кредите (займе)», а также предусмотренные ч. 5 ст. 7 Федерального закона «О ломбардах» информацию и положения.

Соответственно, если ломбард нарушает условия договора займа, например, завышая сумму процентов, то это относится к гражданско-правовым отношениям.

При анализе признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171.5 УК РФ, некоторые исследователи предлагают криминализировать такое деяние, как нарушение условий кредитования³. Полагаем, что это отчасти может быть расценено как нарушение основных принципов гражданских правоотношений, среди которых важное значение отводится свободе договора. Излишнее включение уголовно-правовых механизмов в гражданско-правовые повлечет неравенство положения субъектов таких правоотношений и пагубно скажется на хозяйственном обороте. Тем более что в гражданском законодательстве имеется множество инструментов регулирования нарушений условий кредитования.

В случае выдачи организацией, не отвечающей требованиям законодательства, предъявляемым к ломбардам, потребитель-

¹ О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ 1996. № 6. Ст. 492.

² О ломбардах : Федеральный закон от 19.07.2007 № 196-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. № 31. Ст. 3992.

³ Гладких В.И. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171.5 УК РФ): еще одна новелла с неясными перспективами // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3(56). С. 237.

ского займа наступает уголовная ответственность по ст. 171.5 УК РФ при условии наличия всех признаков такого состава преступления.

В целом, организации, не обладающие статусом кредитной организации, микрофинансовой организации, кредитного потребительского кооператива, сельскохозяйственного потребительского кооператива, ломбарда, а также индивидуальные предприниматели не имеют права осуществлять профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов.

Соответственно, говоря о специальном субъекте преступления, предусмотренного нормой ст. 171.5 УК РФ, отметим, что им выступает индивидуальный предприниматель или лицо, которое в силу своего служебного положения постоянно, временно либо по специальному полномочию исполняет возложенные на него обязанности по руководству организацией, которые не имеют права на осуществление указанной деятельности и подвергнуты административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ.

Как неоднократно отмечалось в судебной практике¹, круг лиц, имеющих право на предоставление займов, законодательно не ограничен, поскольку следует отличать банковские операции, требующие лицензирования, от заемных обязательств.

Таким образом, чтобы привлечь индивидуального предпринимателя к уголовной ответственности по ст. 171.5 УК РФ за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), необходимо установить, что такая деятельность осуществляется им на профессиональной основе.

При соотношении преступления, предусмотренного ст. 171.5 УК РФ, с составом незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ), полагаем, что последняя является общей нормой².

Вместе с тем заметим, что точное установление всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171.5 УК РФ, при условии всестороннего учета положений законодательства, регулирующего деятельность по выдаче потребительских кредитов (займов), позволяет отграничить указанное преступление от сходных составов преступлений.

Кириллов И.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ТЕРРОРИЗМ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Хотя история современного терроризма уходит своими корнями в глубь веков, но первым теоретиком современного терроризма можно считать Карла Гейнеца (1848 г.), концепции которого содержат многие фундаментальные элементы, предвосхитившие более поздние террористические идеи. Среди них идеи: ни перед чем не останавливаться, не считаться ни со сред-

ствами, ни с жертвами, ни с моральными нормами³.

В России впервые тактика террора была применена народниками. Один из их лидеров и теоретиков Сергей Нечаев являлся крайним представителем террористов-фанатиков⁴.

Нужно четко понимать, что ни в XIX веке терроризм нечаевского толка, ни современный терроризм в наше время

¹ Постановления Арбитражного суда Московского округа от 10 мая 2018 г. № Ф05-5475/18 по делу № А40-130584/2017, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.01.2015 по делу № Ф08-10344/14, решение Арбитражного суда Вологодской области от 05.04.2016 по делу № А13-7506/2013 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/consult/business/1287731/> (дата обращения: 06.02.2023).

² Подр.: Ступина С.А. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): вопросы квалификации // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11(162). С. 316.

³ См.: Terrorism reader: A historical anthology. L., 1979. P. 64.

⁴ Витюк В.В. Социологические исследования. М., 1981. № 2. С. 172-173.

практически не имеет ничего общего с борьбой за свободу, демократию, за общественный прогресс, повышение благосостояния народа, так как два основных положения объясняют это утверждение.

Во-первых, несмотря на положение о его независимости от каких бы то ни было деклараций, терроризм дезорганизует не только правительственные силы, но и личность, общество и государство. Можно сослаться на факт, когда в результате 35 терактов в 2022 г. было убито около 500 и ранено около 1000 человек по данным мировых СМИ. В России 1 сентября 2004 г. в СШ № 1 г. Беслана погибло 333 человека, большинство из них дети.

Во-вторых, в результате смыкания терроризма политического, а также получившего распространение в наше время внешнегосударственного с иными появляется гибрид, представляющий собой более опасное явление. При этом: политический терроризм обычно направлен на изменение (дестабилизацию) существующего строя, захват либо удержание власти. В то же время государственный терроризм организуется и проводится государственными органами. Государственный терроризм можно разделить на внутригосударственный и внешнегосударственный. Внутригосударственный терроризм (репрессивный террор) используется правительственными кругами для устрашения либо физического устранения своих оппонентов либо целых социальных групп населения. Внешнегосударственный терроризм используется для достижения государством своих целей за рубежом¹.

Терроризм вошел в следующую стадию своего развития, так как восприняв целый ряд исторически новых принципов, предшественники нынешних террористов, воплотили в своих действиях основные черты террористической деятельности.

В настоящих условиях задача борьбы с терроризмом, как признано сейчас во всем мире, не сводится исключительно к выявлению и пресечению отдельных террористических преступлений, а стоит гораздо шире – пресечь саму террористическую деятельность, важную роль в существовании которой играет ее финансовая основа, дающая

возможность терроризму, его людским и материальным ресурсам воспроизводиться и наращивать силу.

28 сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН единодушно принял резолюцию 1373 о широкомасштабных мерах по борьбе с терроризмом, особенно по пресечению финансовой поддержки, необходимой террористам для осуществления своих действий, учредившей Комитет Совета Безопасности ООН по борьбе с терроризмом (Контртеррористический комитет – КТК), который должен взять на себя роль координирующего механизма, механизма мониторинга, а также роль стимулятора и катализатора более активных действий стран – участниц ООН в борьбе с терроризмом. Но отказ от международных обязательств, ослабление систем глобальной и региональной безопасности, эскалация напряженности в зонах постоянно текущих конфликтов на Ближнем Востоке, Северной Африке, Афганистане, Корейском полуострове, а также проводимой для защиты интересов РФ СВО в Украине сформировали угрозу как стратегической стабильности и международной, так, естественно, и российской безопасности.

В отличие от ситуации недавнего прошлого, теперь террористическая деятельность в России превратилась в систематическую серию акций, часто осуществляемых вполне профессионально, хорошо организованными и экипированными группировками, нередко со сложной и разветвленной структурой и инфраструктурой, что показали взрыв на Крымском мосту, взрывы на трубопроводах «Северных потоках»).

В настоящее время примером совершенствования нормативной базы являются Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», с изменениями на 26 мая 2021 г., Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года», Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где неоднократно задачами по достижению целей обеспечения государственной и общественной безопасности

¹ Подр.: Кириллов И.А., Назаров С.Д. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006. С. 37-39.

указаны «предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности ...», «предупреждение финансирования терроризма», «противодействие использованию информационной инфраструктуры ... террористическими организациями».

Прежде существовала какая-то логическая линия между войной и терроризмом (хотя и она относилась только непосредственно к боевым действиям и не всегда к тому, что может им сопутствовать, например, к террору против мирного населения, военнопленных и т.п.). Сейчас эта линия становится все более условной, происходит своего рода интеграция терроризма и войны, что подтверждается, например, событиями в армяно-азербайджанском конфликте и особенно на Украине, в последнее время, в конце февраля 2023 года, после заявления МО РФ о возможных проявлениях терроризма, усилилась угроза эскалация военного конфликта в Приднестровье. Поэтому можно констатировать, что терроризм служит не только дополнением и органическим элементом, но и детонатором военных конфликтов, в частности препятствует мирному процессу.

В законодательстве ряда развитых стран и в международных документах, например Европейской конвенции по борьбе с терроризмом от 27 января 1977 г., последний квалифицируется как уголовное преступление, независимо от его причин, целей, мотивов. Это очень важное обстоятельство, в частности облегчающее ряд практических мер по борьбе с терроризмом, например проблему экстрадиции в рамках СНГ. Совершенно обоснованно в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Феде-

рации» обозначено «совершенствование уголовно-правового запрета за терроризм», но более верно, на наш взгляд, и особенно актуально в современной России «совершенствование уголовно-правового запрета за преступления террористического характера»¹.

И хотя мировым сообществом неоднократно предпринимались попытки разработать и принять Международный (Модельный) уголовный кодекс, в котором можно было бы учесть все нюансы терроризма и расположить их в зависимости от степени общественной опасности и характера содеянного, однако эти попытки не увенчались успехом, поскольку проекты кодексов, с одной стороны, не всех устраивали по политическим соображениям, а с другой стороны, содержали концепцию об уголовной ответственности государств как субъектов преступлений, не воспринимаемую большинством ученых. В современный период времени указанное вообще не реалистично.

Впервые реализована угроза возникновения фашистского государства – Украины, для которого очевидна, о чем сейчас можно с уверенностью утверждать, террористическая деятельность, которая направлена на Россию.

Последние события в Украине, позволяют констатировать возможность обращения к оружию массового поражения, так как регулярно встает вопрос применения подобного оружия на территории РФ.

Таким образом, Российское государство (российское общество) оказывается непосредственно связанным с терроризмом, преступлениями террористического характера и в целом с проблемой предупреждения этого явления.

¹ Подр.: Кириллов И.А., Назаров С.Д. Указ. соч. С. 37-39.

Быкова Е.Г.,

кандидат юридических наук, доцент
Екатеринбургский филиал Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

Казаков А.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Екатеринбургский филиал Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

**КВАЛИФИКАЦИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ВЫЯВЛЕННОГО ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МУЛЯЖА В ХОДЕ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА:
ОЦЕНКА ДОВОДОВ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ**

Успешное противодействие преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств невозможно представить без слаженной работы оперативных подразделений и органов предварительного расследования. Изучение судебной практики свидетельствует, что результаты оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) часто являются основанием для возбуждения уголовных дел данной категории, своеобразным фундаментом для достижения целей уголовного судопроизводства.

Высшая судебная инстанция акцентирует особое внимание на необходимости проверки судами законности проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) и представления их результатов¹.

Важно, чтобы полученные субъектом расследования материалы были надлежаще оформлены и наполнены содержанием, позволяющим реализовать функцию уголовного преследования². В противном случае существует риск признания доказательств, полученных на их основе, недопустимыми.

В частности, к этому может привести вывод суда о провокации со стороны оперативных сотрудников, отсутствии оснований для производства ОРМ и т.п.³

Реализация конкретного ОРМ предполагает наличие специфических рисков. Например, в ходе оперативного эксперимента может осуществляться замена сокрытого субъектом преступления наркотического средства на муляж (пищевую соль, муку и др.) с последующим наблюдением за местом его расположения в целях выявления иных лиц, причастных к незаконному обороту запрещенных веществ. Поскольку происходит некоего рода подмена предмета преступления⁴, сторона защиты традиционно ставит под сомнение результаты мероприятия, даже если формально соблюдены требования законодательства.

По мнению Конституционного Суда РФ, такая разновидность оперативного эксперимента, напрямую предусмотренная международными договорами, не свидетельствует о наличии провокации преступления⁵.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017), п. 14 // СПС «КонсультантПлюс».

² Подр.: Быкова Е.Г., Казаков А.А. Обстоятельства, подлежащие документированию в ходе оперативно-разыскных мероприятий по делам о бесконтактном незаконном сбыте наркотических средств, и их влияние на квалификацию преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ // Неделя российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя : сборник научных статей. Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 470-475.

³ К примеру, кассационная инстанция поддержала позицию суда, который оправдал фигуранта по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, т.к. пришел к выводу, что оперативный эксперимент проведен незаконно. См. об этом Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2021 № 77-4151/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Такая подмена на протяжении многих лет традиционно вызывает у практических работников различные вопросы о том, как квалифицируются в подобных ситуациях преступные действия. Напр.: Морозов С.Л. Особенности квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, при подмене предмета преступления в ходе оперативно-разыскной деятельности // Уголовное право. 2018. № 2. С. 61-68.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сорокина Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2692-О // СПС «КонсультантПлюс».

Думается, что использование муляжа соответствует также сформировавшимся в теории и практике представлениям о сущности данного мероприятия. Так, суды отмечают, что оперативный эксперимент «в силу закона подразумевает искусственное создание обстановки, максимально приближенной к реальности, с целью воспроизведения определенного события в полностью управляемых условиях и под контролем органа, осуществляющего ОРД, в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших»¹. Аналогичный подход встречается в литературе².

Обобщение судебной практики по уголовным делам о незаконном сбыте наркотических средств позволяет выделить некоторые типичные доводы стороны защиты, призванные посеять у суда сомнения относительно правовой оценки содеянного в рассматриваемых ситуациях.

Как правило, они обращены к предмету, который является конститутивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ. Несмотря на то, что на квалификацию по ч. 1 этой статьи уголовного закона не влияет масса сбытого вещества³, его вид и вес обязательно должны быть установлены. Отсутствие этих сведений о предмете преступления препятствует привлечению к уголовной ответственности по ст. 228.1 УК РФ⁴. От массы запрещен-

ного вещества также зависит вменение особо квалифицирующих признаков, предусмотренных п. «б» ч. 3 (значительный размер), п. «г» ч. 4 (крупный размер) или ч. 5 (особо крупный размер) ст. 228.1 УК РФ.

Первый из распространенных аргументов стороны защиты заключается в том, что незаконный оборот муляжа наркотического средства не может являться уголовно наказуемым ввиду отсутствия общественной опасности содеянного⁵ либо состава преступления⁶, в том числе потому, что привлекаемое к ответственности лицо фактически не владело наркотиком в момент задержания⁷. Суды признают эти доводы необоснованными, поскольку субъекты, задействованные в незаконном обороте наркотиков, допускают ошибку в предмете посягательства, которая не влияет на квалификацию. В данном случае содеянное оценивается по направленности умысла. Такой подход видится логичным, поскольку «общественная опасность определяется не только размером причиненного вреда, но и поведением лица, предшествующим деянию»⁸.

Второй аргумент взаимосвязан с первым и касается неверного определения вида и размера запрещенного вещества, вместо которого использовался муляж. Ориентируясь на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ⁹, суды признают этот довод несостоятельным. В основе позиции – установленные по уголовному делу обстоятельства сговора лиц, принимающих участие в незаконном обороте наркотического средства,

¹ См., напр.: определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.05.2022 № 77-1949/2022, Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 11.03.2020 № 55-42/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Хромов Е.В., Зябликов В.Ю. Особенности применения оперативного эксперимента и проверочной закупки // Законность. 2022. № 7. С. 62.

³ Обзор практики Верховного Суда РФ № 1 за 2021 г. П. 41. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/29857/> (дата обращения: 08.02.2023).

⁴ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 21.05.2019 № 22-3280/201. URL: https://oblsud-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6686146&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 08.02.2023).

⁵ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции 13.01.2022 № 77-53/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 18.06.2019 № 10-2994/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 06.02.2020 № 10-2204/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Винокуров В.Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование : монография. М.: Проспект, 2020. С. 236.

⁹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017), п. 16.

относительно предмета преступления и его количества¹.

В этой связи важно, чтобы в переданных органам предварительного расследования материалах ОРД содержалась информация о том, какое запрещенное вещество и в каком количестве сбывал или планировал приобрести в целях дальнейшего сбыта задержанный. Эти сведения могут документироваться в рамках различных комбинаций ОРМ (в том числе включающих прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи). Однако не исключено, что актуальные данные будут зафиксированы только исключительно в процессе оперативного эксперимента при переписке с лицом, занимающимся незаконным оборотом наркотиков.

Этот аспект в очередной раз подчеркивает значимость как составления подробных документов в ходе данного ОРМ, так и

проверки их содержания в последующем. В целом о необходимости уделить особое внимание указанной деятельности говорится в юридической литературе². Желательно, чтобы при изъятии наркотического средства, изготовлении его муляжа и соответствующей замене присутствовали приглашенные на добровольной основе граждане, а также велась фиксация при помощи технических средств. Информация об этом должна быть отражена в акте (протоколе). Кроме того, в документ обязательно стоит вносить данные о муляже (вес, материалы, из которых изготовлен).

Поставленная проблема освещает лишь отдельные сложности использования результатов оперативного эксперимента в доказывании признаков состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ. В дальнейшем требуются более детальные и системные исследования.

Нифталиева И.А.

Волгоградская академия МВД России

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ПРИЗНАКАМИ РЕЦИДИВА

Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает правила назначения наказания за совершение преступления с признаками рецидива. В соответствии с ч. 2 ст. 68 УК РФ срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Законодатель закрепляет единое правило обязательного усиления наказания для про-

стого, опасного и особо опасного рецидива преступлений.

В науке уголовного права обращается внимание на несправедливость рассматриваемого подхода. По мнению правоведов, данная законодательная позиция сводит к нулю частную превенцию³, обесценивает влияние рецидива преступлений на назначение наказания⁴ и «лишь номинально ужесточает последнее»⁵.

Обоснованность представленных суждений подтверждается в процессе правоприменения. Так, Е., находясь в состоянии

¹ Напр.: кассационное определение Верховного Суда РФ от 27.10.2022 № 29-УД22-11-А4, апелляционные определения Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 06.09.2022 № 55-445/2022, Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.01.2021 № 77-2/2021, Омского областного суда от 15.10.2020 № 22-2562/2020, Верховного Суда РФ от 07.08.2018 № 72-АПУ18-10// СПС «КонсультантПлюс».

² Поляков Н.В., Юрьева А.В. Доследственная проверка сообщений о коррупционных преступлениях // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1(46). С. 28.

³ Дядюн К.В. Учет принципов справедливости и гуманизма при назначении наказания за рецидив преступлений // Журнал российского права. 2011. № 7(175). С. 61.

⁴ Кравчук А.Г. Судебное усмотрение и проблемы назначения наказания при рецидиве преступлений // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 12. С. 124.

⁵ Прохоров Л.А., Прохорова М.А., Жарких Е.А. Дифференциация уголовной ответственности при рецидиве преступлений: соотношение законодательных подходов в нормах Общей и Особенной части УК РФ // Российский следователь. 2018. № 6. С. 25.

алкогольного опьянения, решил совершить тайное хищение чужого имущества из домовладения, расположенного по адресу <...>. Е. незаконно проник внутрь жилища, откуда тайно похитил имущество, принадлежащее П., на сумму 9500 рублей. Е. с похищенным имуществом с места преступления скрылся, распорядившись впоследствии им по своему усмотрению. Своими действиями Е. причинил П. значительный материальный ущерб.

Обстоятельством,отягчающим наказание Е., является опасный рецидив преступлений. Калачевский районный суд признал Е. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок 2 (два) года¹.

Проанализируем другой приговор, вынесенный этим же судом по аналогичному делу. Ч. находился по месту своего жительства в состоянии алкогольного опьянения. У него возник умысел на совершение хищения имущества у соседа Г. Ч. знал, что Г. нет дома. Реализуя свои преступные намерения, Ч. приблизительно в 22 часа подошел к домовладению Г., перелез через забор и, подойдя к окну, при помощи мускульной силы рук вытащил штапики из оконной рамы, выставил стекло, после чего беспрепятственно через оконный проем проник внутрь жилища соседа, откуда тайно похитил принадлежащее Г. имущество <...>. После этого Ч. с места преступления скрылся, распорядившись похищенным по своему усмотрению. Ч. своими преступными действиями причинил Г. значительный ущерб.

В действиях Ч. установлен особо опасный рецидив преступлений. Ч. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Суд назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок 2 (два) года².

Примеры свидетельствуют о том, что вид рецидива не влияет на срок наказания,

важным является исключительно его наличие. Полагаем, что данный факт противоречит требованию дифференциации уголовной ответственности. Очевидно, что разрешению обозначенной проблемы будет способствовать разграничение минимальных сроков наказания при рецидиве преступлений в зависимости от его видов. Согласимся с утверждением А.Г. Кравчук, что «если виды рецидива различаются в зависимости от общественной опасности преступлений, их образующих, логично предположить, что и пределы наказания должны быть различными из-за опасности видов рецидива»³.

До вступления в силу Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ⁴ срок наказания при рецидиве преступлений не мог быть менее половины максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, при опасном и особо опасном рецидиве – менее двух третей и трех четвертей соответственно.

Полагаем, что такое разделение минимальных сроков наказания в зависимости от видов рецидива является приемлемым, поскольку, во-первых, предоставляет возможность учитывать при назначении наказания повышенную степень опасности личности отдельных категорий преступников, а во-вторых, устанавливает пределы судейского усмотрения при разрешении данного вопроса. Подход направлен на противодействие рецидивной преступности и, как следствие, на реализацию основополагающих идей уголовного права. Ведь, как отмечают В.В. Мальцев и О.В. Стрилец, может вызывать только недоумение, в какой «исключительно выгодной» и «уникально благоприятной ситуации» находятся сейчас «привычные и профессиональные преступники всех рангов»⁵.

¹ Приговор Калачевского районного суда (Волгоградской области) от 25.05.2020 по делу № 1-60/2020 URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.10.2022).

² Приговор Калачевского районного суда (Волгоградской области) от 7 июля 2020 г. по делу № 1-105/2020 URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.10.2022).

³ Кравчук А. Г. Указ. соч. С. 124.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Мальцев В.В., Стрилец О.В. Уголовный кодекс Российской Федерации: достижения, проблемы и перспективы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4(27). С. 65.

О возвращении к законодательной дифференциации наказания в зависимости от вида рецидива преступлений, существовавшей до принятия ранее упомянутого Федерального закона, писали в своих трудах многие специалисты в области уголовного права. В частности, по мнению В.В. Мальцева, только такая градация способна обеспечить адекватное выражение рецидива в уголовном законодательстве¹.

На основании изложенного в целях соблюдения требования дифференциации уголовной ответственности полагаем необходимым разграничить минимальные сроки наказания при рецидиве преступлений в зависимости от его видов, используя подход, действовавший до внесения изменений от 8 декабря 2003 г.

Гарбатович Д.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА КАК ФУНКЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Одна из функций уголовной политики состоит в достижении баланса интересов личности и государства, свободы и безопасности.

В современной юридической литературе имеется не так много исследований, посвященных проблемам защиты баланса свободы личности и государства в сфере уголовного регулирования². Отсутствует в науке и единое понимание того, в чем заключается баланс интересов личности и государства. Некоторые исследователи достижение баланса видят при выборе справедливого наказания³, другие считают, что «балансировка интересов в процессе применения уголовного закона имеет более глубокое содержание, охватывая не только процесс назначения наказания, но также решение вопросов о необходимости самой

уголовной ответственности и установления оснований ответственности»⁴.

Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет, что обеспечение баланса основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств, достигается за счет: 1) криминализации деяния при обязательном учете типовой оценке его общественной опасности⁵; 2) установления в уголовном законе таких мер уголовно-правового характера, которые соотносятся с требованием адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния⁶; 3) выбора уместных мер государственного принуждения, когда конкретный

¹ Мальцев В. В. Рецидиву и судимости – адекватное выражение в уголовном законе // Законность. 2011. № 7. С. 41.

² Напр.: Жалинский А.Э. Избранные труды : в 4 т. Том 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право / сост. К.А. Барышева, [и др.] ; отв. ред. О.Л. Дубовик. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 7; Генрих Н.В. Криминализация в системе институтов современного российского общества. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 56-75, 130-133.

³ Антонов И.М. К вопросу о судебском усмотрении при построении уголовно-правовых санкций // Вестник Хабаровского государственного ун-та экономики и права. 2021. № 1(51). С. 98-101.

⁴ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Судебно-уголовная политика : монография. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 72-74.

⁵ Напр.: По запросу Железнодорожного районного суда г. Рязани о проверке конституционности подпункта «б» пункта 14 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.06.2022 № 1455-О.

⁶ Напр.: По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвининова № 38-П от 22.07.2020; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 № 5-П.

вид ответственности соотносится с характером правонарушения, с его опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, с личностью и степенью вины правонарушителя¹. Баланс конституционно одобряемых целей и ценностей имеется в случае, когда уголовно-правовые предписания соответствуют новым социальным реалиям: 1) отсутствует избыточное государственное принуждение; 2) уголовно-правовые меры не приводят к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей².

Полагаем, что баланс интересов личности и государства в сфере уголовного регулирования – это соотношение частных и публичных интересов в процессе применения уголовного права для достижения свободы и безопасности, то есть социального мира. Современное уголовное право доказало свою необходимость и общество не может от него отказаться³. Проблема заключается в том, что баланс интересов во многом зависит от того, в рамках какого политического режима развивается уголовное право, интересы каких социальных групп оно обеспечивает и кто является субъектом уголовной политики, не решенным остается вопрос о том, каким образом достигается баланс интересов личности и государства.

Баланс интересов отсутствует при тоталитарном и авторитарном режимах, принимаемые решения в сфере уголовного права направлены в первую очередь на защиту интересов безопасности государства, уголовная политика характеризуется репрессивностью (например, ограничением естественных прав и свобод граждан посредством сверхнеобоснованной криминализации; несправедливым ужесточением наказаний; перенасыщением населения в местах лишения свободы и т.д.). Тем не менее и само существование демократического режима не является гарантией достижения исследуемого баланса. Уголовное право является

объектом политической борьбы, а потому существующие изменения уголовного законодательства не всегда отвечают интересам всего общества, они могут быть выгодными лишь отдельным социальным группам (например, бизнес-элите при изменении гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», установлении оснований освобождения от уголовной ответственности посредством возмещения ущерба, уплаты судебного штрафа; узким социальным группам при установлении уголовной ответственности за совершение преступлений по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы и т.д.). В доктрине уголовного права А.Э. Жалинским обоснованно ставится вопрос: «Кем реально, под чьим влиянием и правильно ли, то есть справедливо и эффективно, сформирована система уголовно-правовых запретов, особенно в сфере новых социальных процессов и, соответственно, какой реальный спрос общества на действие уголовного закона?»⁴.

Представляется, что баланс интересов личности и государства в сфере уголовного регулирования считается достигнутым, когда свобода и безопасность данных субъектов права оценивается достаточно защищенной посредством обоснованного применения механизмов уголовного права с учетом его реальных возможностей. Критериями баланса можно считать: 1) легитимность уголовного законодательства; 2) социальную обусловленность криминализации, декриминализации; 3) справедливость наказания и иных мер уголовно-правового характера; 4) регламентированную возможность личности правомерно устранять опасность или разрешать конфликт уголовно-правовыми средствами.

Регламентация непреступных уголовно-правовых деяний способствует достижению баланса интересов личности и государства.

¹ Напр.: По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.04.2021 № 21-П.

² Напр.: По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.01.2023 № 2-П.

³ Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. Том 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 45.

⁴ Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 28.

Так, легитимность уголовного законодательства повышается, когда через регламентацию неправомерных деяний в нормах, институтах уголовного права реализуются профилактическая, демонстративно-ориентировочная, воспитательная функции уголовной политики.

Например, применение иных мер уголовно-правового характера по сравнению с уголовным наказанием менее социально затратно. С учетом сомнительной эффективности наказания в борьбе с преступностью профилактическая функция при регламентации неправомерных уголовно-правовых деяний способствует достижению баланса интересов личности и государства, когда некоторые задачи уголовного закона решаются средствами, минимально ограничивающими свободу личности и одновременно не снижающими уровень государственной безопасности (например, регламентация позитивных посткриминальных деяний, являющихся основанием освобождения лица от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ)).

Одной из существенных проблем реализации воспитательной функции уголовной политики является информационно-просветительская деятельность, акцентирующая внимание на двух аспектах: 1) какие права должны охраняться уголовным законом под страхом наказания; 2) какова должна быть репрессивность соответствующего наказания. К сожалению, значимость иных институтов уголовного права, предусматривающих неправомерные уголовно-правовые деяния, при осуществлении воспитательной

функции уголовной политикой должным образом не раскрывается. В частности, воспитательная функция реализуется более эффективно, когда она сопровождается просветительской деятельностью, правообразованием. Большая часть российского общества не знает о том, в каких пределах лицо имеет право защищаться от общественно опасного посягательства, какой вред допустимо причинить в состоянии необходимой обороны, что является превышением ее пределов, далеко не каждый гражданин знает о том, что правом на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, обладают не только сотрудники правоохранительных органов, но и любое другое лицо, независимо от должности, профессии, каких-либо иных спортивных навыков. В школах, колледжах, университетах (за исключением юридических вузов) этому не обучают, в средствах массовой информации подобные материалы встречаются не часто, а то, что публикуется, оповещается, иногда связано с фактами привлечения лица к уголовной ответственности за преступления, связанные с превышением пределов необходимой обороны. В итоге лицо не знает, когда можно реализовать свое право на необходимую оборону, боится быть привлеченным к уголовной ответственности за реализацию этого права, не знает о том, что может правомерно задерживать преступника. Слабая воспитательная функция не создает граждан с активной социальной позицией, что негативно сказывается на достижении баланса интересов личности и государства в сфере уголовного регулирования.

Овчинко О.А.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМЫ, УСТАНОВЛИВАЮЩЕЙ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ

Анализ международного законодательства и норм зарубежного уголовного права позволяет констатировать, что торговля людьми, рабство, принудительный труд, подневольное состояние и иные негативные социальные явления, сходные с ними, в настоящее время полностью законодательно запрещены международным сообществом и большинством уголовных кодексов стран мира.

В российском праве развитие норм, устанавливающих ответственность за торговлю людьми, носило эволюционный характер и обуславливалось изменением отношения государства к человеку.

Так, в Древней Руси на протяжении длительного периода купля-продажа человека не признавалась преступным деянием, торговля людьми официально была разрешена, и ответственность наступала лишь за случаи незаконной торговли людьми, что говорило скорее о гражданско-правовом, нежели уголовно-правовом содержании этого правонарушения.

В дальнейшем незаконная торговля людьми, обращение в холопство и иное подневольное состояние были признаны уголовно наказуемыми деяниями только в случае совершения их лицами с использованием должностных полномочий (недельщик, воевода, приказные люди и губные старосты), то есть фактически отнесены в разряд должностных преступлений (ст. 54 Судебника 1550 г., ст. 104 Уложения 1649 г.).

Впервые в российском уголовном законодательстве ответственность за торговлю людьми была установлена в Артикулах Воинских Петра I – в виде смертной казни (Артикул 187). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г. содержали положения об уголовной ответственности за торговлю людьми, что во многом можно связать с проникновением в Россию идей французского Просвещения и развитием понимания человека как самостоятельной ценности права.

С 1917 г. по 1995 г. в советском законодательстве не было норм, предусматривающих ответственность за анализируемое деяние, их отсутствие объясняется тем, что существование торговли людьми и использования рабского труда в Советском Союзе официально отрицалось. Только в 1995 г. в уголовный закон была введена статья, посвященная торговле несовершеннолетними, определены субъективные и объективные признаки этого преступления. И наконец, 8 декабря 2003 г. вступила в силу ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми», четко оговаривавшая специальную цель совершения данного преступления – эксплуатация потерпевшего.

Потребность в установлении уголовно-правового запрета торговли людьми является отражением происходящих в обществе процессов, дающих государству достаточные основания для защиты общественных отношений от преступных посягательств.

Эти основания образуют систему предположений, которые не просто связаны между собой, но и имеют единую сущностную основу.

Конструирование специальной уголовно-правовой нормы ст. 127.1 УК РФ необходимо и вызвано объективными обстоятельствами, в числе которых общественная опасность данного деяния, а также его вредоносность и прецедентность. При этом практика применения этой нормы невелика, что свидетельствует, с одной стороны, о высокой латентности анализируемого деяния, подтверждаемой экспертами, с другой – о наличии у сотрудников правоохранительных органов затруднений при привлечении к уголовной ответственности и квалификации подобного рода деяний.

Родовым объектом анализируемого деяния признаются общественные отношения, складывающиеся в процессе развития и формирования личности. В качестве видового объекта данного преступления рассматривается свобода личности, под которой понимается состояние человека, в котором он реализовывает свои действия либо бездействие в соответствии со своей волей и желаемым выбором, в условиях реальной возможности физического перемещения в пространстве. Непосредственным объектом анализируемого деяния признается личная свобода конкретного человека.

Наличие квалифицированного и особо квалифицированного составов позволяет говорить о наличии дополнительных непосредственных объектов, на которые может посягать это преступление (честь и достоинство личности, жизнь и здоровье людей, правовой режим Государственной границы РФ, установленный правовыми актами и обычаями делового оборота порядок выдачи и приобретения документов, а если указанное преступление совершено в отношении несовершеннолетнего, то факультативным объектом будет также являться право несовершеннолетнего на нормальное развитие и воспитание), и, соответственно, о многообъектности данного состава.

Объективная сторона преступления выражается в альтернативно совершаемых действиях: купле-продаже человека либо совершении иных сделок с ним либо в целях эксплуатации человека совершение его

вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения.

В целом же мы присоединяемся к существующей в юридической литературе точке зрения, согласно которой «в действующей редакции диспозиция ст. 127.1 УК РФ вызывает массу споров» и требует изменений, например выделения вербовки человека в целях осуществления сделок с ним, а равно для его эксплуатации качестве самостоятельного состава, а также выделения в качестве самостоятельного состава действий, сопутствующих купле-продаже – перевозки, передачи, получения, укрывательства в силу того, что эти действия, как правило, не преследуют цели эксплуатации человека, обозначенной законодателем в качестве составообразующей.

Преступление относится к формальным составам и считается оконченным с момента фактического совершения любого из действий, указанных в диспозиции.

Субъективная сторона торговли людьми характеризуется сложным содержанием. Для таких действий, как купля-продажа или совершение иных сделок, необходимо наличие одного обязательного признака – вины в форме прямого умысла. Мотив и цель не являются обязательными признаками в этом случае и могут влиять на индивидуализацию наказания. При совершении других действий, указанных в статье, субъективная сторона дополняется таким обязательным признаком, как цель эксплуатации человека.

Для ряда квалифицированных составов характерна двойная форма вины. Субъект преступления общий. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки анализируемого преступления в целом традиционны для уголовного права, однако здесь считаем необходимым остановиться на ряде моментов.

Во-первых, совершенно права Е.М. Полянская, указывающая, что исключение из п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ в 2012 г. указания на заведомость знания виновным о несовершеннолетии жертвы означает объективное вменение, которое противоречит основополагающим принципам российского уголовного права¹.

Во-вторых, изъятие органов и тканей (п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ) не подпадает под понятие эксплуатации, являющейся обязательной целью данного состава. Следовательно, квалификация действий виновного по данному пункту сопряжена с большими трудностями установления сначала цели эксплуатации человека, а затем изъятия органов, что делает данный пункт практически нежизнеспособной нормой. Очевидно, необходимо изменение формулировки анализируемой нормы с исключением цели эксплуатации применительно к данному квалифицирующему признаку, равно как и к признаку «в отношении несовершеннолетнего», что может быть осуществлено путем вынесения данного состава в отдельную часть нормы.

В-третьих, совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, другого беззащитного или беспомощного лица пп. «з», «и» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ) в любом случае является обстоятельством, отягчающим наказание (п. «з» ст. 63 УК РФ). Как следствие, необходимости расширять число квалифицирующих признаков данного состава преступления нет, тем более что сделка купли-продажи женщины в состоянии беременности вряд ли преследует цель ее эксплуатации в том смысле, который придается данному понятию в примечании 2 к ст. 127.1 УК РФ. Полагаем, что в таких случаях деяние преследует цель получения ребенка, которого вынашивает женщина, но и тоже не для его эксплуатации.

Согласно примечанию 1 к анализируемой статье, лицо, впервые совершившее деяния, предусмотренные ч. 1 или п. «а» ч. 2 ст. 127.1, добровольно освободившее потерпевшего и способствовавшее раскрытию совершенного преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Данная норма имеет императивный характер, однако, на наш взгляд, необоснованно сужает круг лиц, к которым данное примечание может быть применено.

Мы считаем, что ценность двух совершеннолетних потерпевших не может превосходить совокупности морально-нравст-

¹ Полянская Е.М. Проблемы предупреждения использования рабского труда и торговли людьми : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 13.

венных травм, нанесенных несовершеннолетнему лицу в результате его купли-продажи или совершения иной сделки в отношении него или, например, беременной женщины, потерпевшей от акта купли-продажи или иной сделки, совершенной в отношении нее или в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (п. «з» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ), равно как и при совершении деяния с целью изъятия органов или организованной группой. Позиция законодателя, исключаящего эти деяния из перечня тех, при совершении которых может быть применено примечание 1 к ст. 127.1 УК РФ, представляется нелогичной, равно как и, допустим, совершение преступления «в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей» и др. Безусловно, эти квалифицирующие признаки усиливают общественную опасность преступления и лица, его совершившего, но чтобы не допустить совершения более тяжкого преступления (которое может следовать как из содержания основного состава, так и из квалифицирующих признаков, закрепленных в ч. 2 ст. 127.1 УК РФ), на наш взгляд, все же необходимо

предусмотреть распространение примечания и в отношении иных квалифицированных составов указанной статьи. Ведь общественная опасность преступления при наличии квалифицирующих признаков увеличивается, тем самым возрастает вероятность достижения виновным цели преступления. Следовательно, уменьшается вероятность освобождения потерпевшего, в том числе до нанесения вреда его здоровью, например похищенному в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей.

Кроме того, п. «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за торговлю людьми, совершенную организованной группой. Этот квалифицирующий признак, безусловно, усиливает общественную опасность торговли людьми, однако мы согласны с А.Г. Антоновым в том, что препятствий для применения примечания 1 к этому составу преступления нет, так как приоритет примечания остается прежний – сохранение жизни потерпевшего¹.

В целом же считаем неоспоримой актуальность разъяснений сложных моментов квалификации ст. 127.1 УК РФ Пленумом Верховного Суда РФ.

Ванина А.В.

Красноярский государственный аграрный университет,
Красноярский колледж сферы услуг и предпринимательства

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДЕФИНИЦИЯ «ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В современном мире огромное место занимает виртуальное пространство. К нему можно отнести не только гаджеты, которыми мы пользуемся ежедневно, но и всю цифровую систему нашей рабочей и повседневной деятельности.

Интернет-пространство заполняет каждую сферу нашей жизни, оформление заказа через интернет-поставщиков, игровая деятельность, рабочие документы, социальные сети – это далеко не полный список цифровизованных сфер. Наступает информаци-

онный период развития человечества, и мы уже не удивляемся информационным нанотехнологиям, которые легко приходят в нашу жизнь. Теперь не составляет труда дистанционно завести свой автомобиль или сделать денежный вклад, не посещая само банковское учреждение, можно отправить денежный перевод на другой континент и оплатить покупку, не применяя банковскую карту. Не случайно в специальных исследованиях отмечается, что «активное использование информационно-телекоммуникацион-

¹ Антонов А.Г. Специальное снование освобождения от уголовной ответственности при торговле людьми // Законность. 2011. № 3. С. 35-37.

ных технологий обеспечивает высокую скорость "оборота" интересов личности»¹.

Наряду с такими привилегиями мы имеем ряд негативных последствий, которые называются киберпреступлениями или компьютерной преступностью.

Киберпреступность – это совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных². Данное определение наиболее точно подчеркивает тонкую грань и особенность киберпреступлений, наличие компьютерных коммуникаций.

Понятие преступления в информационной среде обширно, при совершении такого рода преступлений мы имеем дело непосредственно с конкретными предметами хищений, так называемыми «виртуальными объектами». Что можно отнести к понятию «виртуальный объект»?

Обратимся к законодателю для поиска определения «виртуальный объект». В ст. 2 Федерального закона № 149 от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» даны основные понятия, которые непосредственно относятся к нашей тематике, но даже схожего по значению определения нет. В аналогичных нормативно-правовых актах также нет легальной дефиниции, что говорит о том, что на сегодняшний день законодатель не видит смысла внесения изменений в законодательную базу и четкого определения «виртуального объекта» или считает, что данный термин можно приравнивать к предметам гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) по аналогии.

Из-за различий в форме объективного выражения один и тот же предмет одно-

временно может являться как объектом гражданского права, так и «чистым» виртуальным объектом. Более того, практически все виртуальные объекты, расположенные в сети Интернет, являются объектами гражданского права. Проблема в том, что они не являются объектами реального мира в том смысле, что их нельзя осязать, чувствовать, их можно лишь увидеть при помощи компьютерной техники. Причем виртуальные объекты выражаются вовне как некий графический объект либо как часть компьютерного кода³.

В связи с этим возникает проблема с квалификацией преступлений, где объектом посягательства являются «виртуальные объекты». С одной стороны, это предметы интернет-пространства, преступные манипуляции с которыми проводятся бесконтактным путем. С другой стороны, несмотря на способ осуществления, факт преступного деяния имеет место быть. В этих случаях преступления чаще всего квалифицируют по ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», где законодатель говорит либо об имуществе в целом, либо о правах на это имущество, но не дает четкого определения того, что может быть «виртуальным объектом», хотя он, в отличие от гражданских объектов, имеет другую специфику по признаку не только своего происхождения, но и своего существования. Сфера их жизнедеятельности, оборота и применения – это виртуальная среда, которая отличается от реального мира, но имеет непосредственную с ним связь. Поэтому является грубейшей ошибкой квалифицировать «виртуальный объект» по аналогии с нормами гражданского права⁴.

Если законодатель не дает нам четкого понятия «виртуального объекта», обратимся к трудам ученых, которые рассматривали данный аспект.

¹ Тепляшин П.В. Социально-правовая обусловленность реализации компенсаторного подхода в современной законотворческой и правоприменительной деятельности государства // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход : материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск: НИУ «Московский институт электронной техники»; СибЮИ МВД России; Красноярский ГАУ, 2021. Ч. 1. С. 102.

² Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 24. С. 4.

³ Виноградов П.А. Понятие виртуального объекта и оборотоспособность виртуальных объектов в системе современного отечественного законодательства на примере интернет-сайта // Молодой ученый. 2017. № 15(149). С. 230.

⁴ Там же. С. 231.

По мнению П.А. Виноградова, терминология, относящаяся к «виртуальному пространству», еще не до конца сформирована в научной среде, но уверенно к объектам виртуального пространства, то есть «виртуальным объектам», можно причислить страницы в социальных сетях, пользовательские аккаунты, предметы и персонажей игр. Следовательно, тема виртуального пространства, тем более «виртуального объекта», является новшеством в научной среде и находится на начальном этапе исследования¹.

Представляется, что к объектам виртуальной реальности можно отнести любые виды криптовалют (например, биткойн, альткойн); социальные страницы физических лиц (в частности, «Одноклассники», «ВКонтакте», «Твиттер»); социальные страницы юридических лиц (а именно сообщества, официальные страницы); мессенджеры (например, «Ватсап», «Вайбер», «Телеграм»); игровые объекты (например, игровая программа, оружие, снаряжение, внутриигровые деньги, артефакты, персонажи и их атрибуты); личные кабинеты (в частности, «Госуслуги», «Мой налог», электронная почта).

Можно сделать вывод о том, что стремительно развивающееся общество готово к законодательной реформации интернет-пространства. Отсутствие легальной дефиниции «виртуальный объект» ставит под вопрос правильность результатов квалификации информационных преступлений. Как

представляется, уголовное законодательство должно адекватно реагировать на современные информационно-технологические вызовы, поскольку «изменяются социальные условия, лежащие в основе уголовно-правового запрета. Это влечет динамизм уголовного закона, который реагирует на появление новых отношений»².

Таким образом, имеется необходимость легальной дефиниции «виртуального объекта» путем внесения изменений в главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», включения ст. 272.1 «Понятие и виды виртуального объекта».

Можно предположить следующую формулировку данной статьи: «Статья 272.1. Понятие и виды виртуального объекта.

1. Виртуальный объект – это элемент нематериального мира, созданный при помощи компьютерного кодирования, визуализация которого возможна только при помощи компьютерного (и приравненного к нему) устройства.

2. К объектам виртуальной реальности можно отнести: любые виды криптовалют; социальные страницы физических лиц; социальные страницы юридических лиц; мессенджеры; игровые объекты; личные кабинеты.»

При такой формулировке квалификация преступлений (например, по ст. 158 УК РФ) уже не будет вызывать трудностей, так как уголовно-правовая оценка будет опираться на легальную дефиницию.

Жукова С.С.,

кандидат юридических наук
Волгоградская академия МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 232 УК РФ

Одной из опасных форм распространения наркотических средств и психотропных веществ являются организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для их потре-

бления. Общественная опасность данного преступления состоит в том, что в потребление наркотических средств и психотропных веществ вовлекается неограниченный круг лиц. Данное общественно опасное де-

¹ Виноградов П.А. Понятие виртуального объекта и оборотоспособность виртуальных объектов в системе современного отечественного законодательства на примере интернет-сайта // Молодой ученый. 2017. № 15(149). С. 233.

² Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин и др. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. С. 31.

яние обуславливает маргинализацию населения и девиацию молодежи.

Говорить об эффективности противодействия распространению наркотических средств и психотропных веществ среди населения невозможно без точных формулировок уголовно-правовых норм. Согласимся, что «еще со времен римского права общеизвестно: 1) *res est misera ubi jus est vagum et incertum* (плохо дело, когда закон неясен и неопределен) и 2) *ubi jus incertum, ibi nullum* (если закон неопределен – закона нет)»¹. В настоящее время конструирование диспозиции ст. 232 УК РФ порождает трудности при квалификации соответствующего преступления.

Объективная сторона данного состава преступления характеризуется альтернативными действиями: организация притона, содержание притона и систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств и психотропных веществ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ в дефинициях «организация притона» и «содержание притона» закреплён перечень организационных и (или) активных действий нескольких лиц в целях последующего использования помещения для потребления наркотических средств и психотропных веществ. Однако отсутствие указания на юридическое назначение такого помещения обуславливает противоречивую правоприменительную деятельность.

Например, Г. привлечена к уголовной ответственности за организацию, содержание притона и систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств. Судом установлено, что Г. обустроила помещение кухни в принадлежащей ей квартире в целях изготовления наркотических средств. Осужденная неоднократно предоставляла указанное помещение, бытовую технику, посуду для незаконного изготовления наркотического сред-

ства, в частности контролировала прибытие лиц, склонных к потреблению наркотиков. Учитывая прямое назначение помещения, Камчатский краевой суд исключил из квалификации действия, связанные с организацией притона². Иной пример: Ф. осужден за содержание притона и систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств. В решении Пермского краевого суда указано, что суд первой инстанции не учел, что квартира, в которой проживал Ф., использовалась им по прямому назначению как жилое помещение. Судебная коллегия исключила из приговора осуждение Ф. за содержание притона³. Е. привлечен к уголовной ответственности за совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228, ч. 2 ст. 232 УК РФ. Вологодский областной суд отметил, что Е. использовал помещение по прямому назначению как жилое. В связи с этим действия осужденного не расцениваются как организация либо содержание притона, поскольку Е. целенаправленно не приспособлял помещение для изготовления и потребления наркотических средств⁴.

Таким образом, ограничительное толкование притона сокращает применение данной уголовно-правовой нормы, направленной на пресечение распространения наркотических средств и психотропных веществ. Анализ правоприменительной практики позволил сделать вывод о том, что при квалификации деяния, предусмотренного ст. 232 УК РФ, правоприменители акцентируют внимание на прямое назначение предоставленного помещения и факт проживания в нем лица не всегда учитывается надлежащим образом. С целью расширения территориального признака притона в доктрине уголовного права обосновывается необходимость внесения судебного разъяс-

¹ Намнясева В.В. Патология уголовного права: перспектива или реальность? // *Философия права*. 2017. № 3(82). С. 85-92.

² Обзор апелляционной практики Камчатского краевого суда по рассмотрению уголовных дел и иных материалов за 2 квартал 2021 г. // Камчатский краевой суд. URL: http://oblsud.kam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2909 (дата обращения: 16.02.2023).

³ Обзор апелляционной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за 2 полугодие 2021 г. // Пермский краевой суд. URL: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=874 (дата обращения: 16.02.2023).

⁴ Обзор судебной практики Вологодского областного суда за 2 полугодие 2019 г. // Вологодский областной суд. URL: http://oblsud.vld.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=443 (дата обращения: 16.02.2023).

нения определения «притон»¹ и уточнения признаков помещений, предоставляемых для потребления наркотических средств или психотропных веществ².

Вместе с тем ст. 232 УК РФ регламентирует ответственность за систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств и психотропных веществ. Согласно примечанию к ст. 232 УК РФ, под систематическим предоставлением понимается предоставление помещений более двух раз. Однако нерешенным является вопрос о временном периоде, принимаемом в расчет при оценке признака систематичности предоставления помещения для потребления наркотических средств и психотропных веществ. По мнению А.С. Берсанова, оптимальным периодом для установления системности является предоставление помещения не менее трех раз в течение одного календарного года³. Возникает вопрос о юридической оценке деяния, если помещение впервые предоставлено было в декабре прошлого года, а

последующие два раза помещение предоставлялось в текущем году.

В настоящее время как в нормативной базе, так и в правоприменительной практике отсутствует указание на период времени, учитываемый при определении систематичности предоставления помещения для потребления наркотических средств и психотропных веществ: в течение календарного года или в течение года, исчисляемого с момента первого предоставления помещения.

В целях эффективного и единообразного применения уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, необходимо исключить оценочные категории. Вместе с тем наряду с количественной характеристикой систематичности предоставления помещения для потребления наркотических средств и психотропных веществ необходимо установить временные границы, учитываемые при квалификации общественно опасного деяния.

Антонова Е.Ю.,

доктор юридических наук, профессор

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Владивосток)

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В Стратегии национальной безопасности РФ⁴ среди задач по обеспечению государственной и общественной безопасности выделяется предупреждение / пресечение преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, в том числе организации незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ.

Общественная опасность незаконного сбыта наркотиков заключается в том, что они посягают на здоровье населения. В 2021 г. в России общее число пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, составило 388,4 тыс. (+1,8%; 2020 г. – 381,5 тыс.), из них 227,4 тыс. – с диагнозом «синдром зависимости» (+1,5%;

¹ Мальков С.М. Уголовно-правовое понятие притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Современное право. 2016. № 9. С. 106-109.

² Шумилин С.Ф., Степанюк О.С., Степанюк А.В. Уголовная ответственность за систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 232 УК РФ) // Всероссийский криминологический журнал. 2014. №4. С. 93-103.

³ Берсанов А.С. Уголовная ответственность за организацию либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 76-77.

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс».

2020 г. – 224,2 тыс.), 161 тыс. – с диагнозом «пагубное употребление» (+2,3%; 2020 г. – 157,4 тыс.). Число пациентов с наркологическими расстройствами с впервые установленным диагнозом «синдром зависимости» составило 13,9 тыс. (+11,2%; 2020 г. – 12,5 тыс.), с диагнозом «пагубное употребление» – 24,1 тыс. (-1,3%; 2020 г. – 24,5 тыс.)¹.

Потребители наркотиков, как правило, имеют физическую и психологическую зависимость, не могут длительное время обходиться без наркотиков, которые им необходимы каждодневно и возрастающей пропорции². Кроме того, денежные средства, получаемые от реализации наркотиков, нередко поступают в организации, занимающиеся другими видами незаконного оборота³.

Незаконный оборот наркотиков традиционно относится к числу высоклатентной преступности, которую обычно объясняют заинтересованностью как покупателей, так и сбытчиков в сокрытии данной противоправной деятельности.

Что касается онлайн-рынков наркотиков и новых психоактивных веществ, на которых они продаются, то они работают с конца 1990-х годов и представляют собой явление, растущее одновременно с увеличением доступности и использования Интернета во всем мире⁴. Отмечается, что онлайн-продажи наркотиков сначала появлялись на форумах веб-сайтов, затем переместились в результаты поисковых систем, а теперь заполняют сайты популярных социальных сетей, таких как Facebook, Twitter, Instagram и LinkedIn, а также появились в даркнете (веб-сайты, которые не индексируются и не видны публике без дополнительного программного обеспечения)⁵.

Использование данных цифровых площадок расширяет возможности для распространения запрещенных к обороту веществ. Выявление фактов незаконного оборота наркотиков в современном мире осложняется тем, что таковой осуществляется с использованием электронных торговых площадок в теневом сегменте Интернета, принимающих оплату посредством криптовалюты (обеспечивая тем самым анонимность сделок) и передающих информацию о местонахождении тайников – закладок⁶.

Так, неустановленное лицо под псевдонимом ХТС, разработало схему организованной группы, в состав которой входили: оператор, курьеры и закладчики. «ХТС», находясь в неустановленном месте, неустановленным способом, используя информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, на торговой адрес (Российский анонимный рынок), расположенной в доменной зоне Darknet (темного интернета) «.onion.», доступного только с использованием браузера Tor (Тор), скрывающего настоящий IP-адрес посетителя, создал интернет-магазин под названием «ХТС Market», осуществляющий сбыт наркотиков потребителям, вербовку и привлечение к участию лиц в сбыте наркотиков для фасовки и дальнейшего сбыта потребителям путем «закладки» в места, исключая случайное визуальное обнаружение посторонними лицами.

В интернет-магазине «ХТС Market» ХТС, осуществляя вербовку, используя информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, посредством мгновенного обмена текстовыми сообщениями, разъяснял участникам организованной группы цели, задачи и преступные планы по регулярному организованному сбыту наркотиков, обе-

¹ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2021 г. (выдержка). М.: Государственный антинаркотический комитет, 2022. С. 3-4.

² Романова Л.И. Наркопреступность: криминологическая и уголовно-правовая характеристика : учебное пособие. 2-е изд. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2009. С. 135.

³ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. Т. 2. Особенная часть. М.: Юрайт, 2011. С. 687-688.

⁴ Tiberg F, Nordgren J. Ordinary people, criminals, addicts and recreational users: Swedish court of law descriptions of persons sentenced for online drug purchases // Nordic Studies on Alcohol and Drugs. 2022. Vol. 39(3). P. 225-239.

⁵ Mackey T.K. Opioids and the Internet: Convergence of Technology and Policy to Address the Illicit Online Sales of Opioids // Health Services Insights. 2018. Vol. 11.

⁶ Гаврилин Ю.В. Тенденции цифровой трансформации преступности и факторы, ее обуславливающие // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы : сборник статей международной научно-практической конференции / под общ. ред. И.Г. Чистобородова, А.Л. Ситковского, В.О. Лапина. М.: Академия управления МВД России, 2020. С. 205.

щел постоянный доход от совместной преступной деятельности, предлагал войти в состав созданной организованной преступной группы в роли закладчиков и курьеров. В организованную группу вступило неустановленное лицо под псевдонимом ХТС Support, которому была отведена роль оператора интернет-магазина «ХТС Market», в обязанности которого входило осуществление переписки, используя сеть Интернет.

К., будучи безработным, обладая информацией о высокой степени доходности от незаконных операций с наркотиками, а также о способах их незаконного сбыта и конспирации данной преступной деятельности, используя информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, вступил с ХТС и «ХТС Support» и неустановленными курьерами в предварительный преступный сговор и принял активное участие в деятельности организованной группы в качестве закладчика, а также вовлек Д. в эту деятельность¹. Правоохранительным органам удалось выявить только К. и Д. Организатора же ХТС и оператора «ХТС Support» установить не удалось, что обусловлено особенностями интернет-пространства и сложностью, и идентифицировать всех участников незаконного процесса по сбыту запрещенных средств/веществ.

Таким образом, наркотики в настоящее время сбываются как на поверхности сети – в интернет-магазинах и через личное взаимодействие в социальных сетях, так и через крипторынки даркнета (незаконные рынки наркотиков, которые используют электронные валюты – биткойн / криптографию).

Статистика свидетельствует о росте именно такого способа сбыта. Так, по данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ, наблюдается тенденция к сокращению массива регистрируемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: в 2018 г. зарегистрированы 200306 деяний, в 2019 г. – 190197, в 2020 г. – 189905, в 2021 г. – 179732, в 2022 г. – 177741. При этом количество таких преступлений, совершаемых в цифровом пространстве и/или с использованием цифровых технологий увеличивается: в 2019 г. по

данным этого же ведомства было зарегистрировано 24677 преступлений, предусмотренных ст. 228¹ УК РФ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в 2020 г. – 47060 (прирост к аналогичному показателю предыдущего года 90,7%), в 2021 г. – 51444 (+9,3%), в 2022 г. – 62209 (+20,9%). Эти данные не могут не тревожить и требуют как дополнительных мер правового воздействия к лицам, распространяющим незаконные вещества и средства в перечисленных выше цифровых площадках, так и мероприятий по их выявлению, а также профилактике и предупреждению.

Отметим, что использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей является квалифицированным составом сбыта наркотиков (п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ) – максимальное наказание лишение свободы от 5 до 12 лет (особо тяжкое преступление). Кроме того, санкция предусматривает возможность (на усмотрение суда) назначения двух дополнительных наказаний – штрафа в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет и ограничения свободы на срок до 1 года. Представляется, что таких правовых мер воздействия достаточно для правовой оценки действий лиц, реализующих наркотики в цифровом пространстве. Вместе с тем только их недостаточно для эффективной борьбы с этим явлением. Требуется выработка в обществе негативного отношения к обороту и потреблению наркотиков, а также снижение числа лиц, потребляющих запрещенные средства / вещества. Реализация этой задачи возможна лишь через комплекс мер просветительского характера.

Кроме того, необходима оперативная блокировка сайтов и иных цифровых площадок в сети Интернет, содержащих информацию о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотиков, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений. Отметим, что такая работа в стране ведется на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г.) «Об информации, информа-

¹ Дело № 1-0330/2018 // Архив Преображенского районного суда.

ционных технологиях и защите информации». Так, по данным Роскомнадзора в 2022 г. в России было удалено или заблокировано 78812 интернет-материалов с информацией, связанной со способами изготовления, использования и оборота наркотиков и других психотропных веществ. В 2021 г. ведомство заблокировало 72408 сайтов, в 2020 г. – 25185 ресурсов, посвященных этой тематике (аналогичные показатели наблюдались и в 2018-2019 гг.)¹. Но, как показывает практика, эти меры являются малоэффективными ввиду краткосрочности действия, после их закрытия создаются новые, аналогичные аккаунты с большей степенью защиты².

Полагаем, что для выполнения этой задачи следует использовать и достижения в области цифровых технологий. Так, алгоритмы машинного обучения можно использовать для выявления и распознавания незаконного сбыта наркотиков, а также иного «пронаркотического» контента (популяризацией наркотиков), регистрировать подозрительные учетные записи онлайн-торговцев и удалять / блокировать контент в режиме реального времени.

Немаловажным в этой связи является и обучение сотрудников правоохранительных органов IT-технологиям, особенностям выявления, раскрытия, расследования соответствующих преступлений.

Токманцев Д.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ОНЛАЙН-СБЫТА НАРКОТИКОВ

Наркосбытчики все более активно используют IT-технологии для организации онлайн-продаж наркотиков. Повышенная опасность такого способа торговли наркотиками очевидна, он существенно упрощает распространение наркотиков, позволяет удаленно совершать сделки купли-продажи наркотиков с сокрытием данных как о сбытчике, так и о приобретателе, значительно расширить географию наркорынка, оперативно пополнять штат розничных закладчиков-сбытчиков, использовать криптовалюту для расчетов и даже автоматизировать процесс сбыта наркотиков посредством чат-ботов или других компьютерных программ и, как следствие, получить максимальную прибыль в кратчайшие сроки с минимальным риском привлечения к уголовной ответственности.

Осознавая опасность процесса цифровой трансформации наркосбыта, законодатель еще в 2012 г. повысил ответственность за онлайн-сбыт наркотиков, т.е. за сбыт,

совершенный с использованием IT-сетей (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ). За прошедшее время в следственной и в судебной практике, а также в юридической литературе так и не сформировалось единого подхода к пониманию и применению данного признака.

В науке уголовного права высказано мнение о том, что онлайн-сбыт наркотиков характеризуется двумя отличительными чертами: 1) отсутствие непосредственного контакта сбытчика с приобретателем; 2) использование IT-сетей для передачи сведений о месте нахождения тайника-закладки, а также об оплате наркотиков. Так, по мнению В.Н. Винокурова и других авторов, не охватывается указанным квалифицирующим признаком использование IT-сетей: 1) для обмена информацией между закладчиком и оператором; 2) для рекламы и предложения наркотиков; 3) для сообщения места и времени встречи для передачи наркотиков из рук в руки.³

¹ Число заблокированных сайтов о наркотиках выросло втрое за два года // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2022/12/26/956971-chislo-zablokirovannih-saitov-viroslo> (дата обращения: 20.02.2023).

² Антонова Е.Ю. Новые формы преступной деятельности в условиях цифровизации // Ученые записки юридического факультета. 2022. № 1. С. 18-23.

³ Винокуров В.Н., Агафонов А.В. Особенности квалификации сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») // Уголовное право. 2023. № 1. С. 3.

Схожий подход к квалификации онлайн-сбыта наркотиков встречается в практике судов различного уровня¹, в том числе высшей судебной инстанции. По делу Фокина Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, исключая квалификацию сбыта наркотиков как совершенного онлайн, отметила, что использование мобильной связи наркосбытчиком и наркоприобретателем при обращении последнего с просьбой продать наркотики, а также соучастниками для связи между собой не охватывается п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ².

Полагаем, что отмеченный подход необоснованно ограничивает понятие онлайн-сбыта наркотиков и сужает сферу применения п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. Поэтому сбытом наркотиков, совершенным с использованием IT-сетей, предлагаем считать использование таких сетей для совершения любых действий, входящих в объективную сторону онлайн-сбыта наркотиков, а не только для передачи сведений о месте нахождения тайника-закладки и оплаты наркотиков.

Обоснованием может служить положение о том, что онлайн-сбыт наркотиков – не одноактное действие, а ряд последовательных действий, связанных с приобретением (изготовлением) наркотиков, их расфасовкой, возможно, переработкой, хранением, перевозкой (при необходимости), осуществлением закладок в тайники, передачей их приобретателю (преимущественно бесконтактным способом). Каждое из этих действий входит в объективную сторону онлайн-сбыта наркотиков. Поэтому совершение любого из них с использованием IT-

сетей требует вменения п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ.

В отсутствие единого подхода к решению поставленного вопроса своевременным представляется его разрешение Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, который разъяснил, что по признаку, предусмотренному п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, квалифицируется сбыт наркотиков, если виновный использовал IT-сети:

1) для подыскания источника незаконного приобретения наркотиков с целью их последующего сбыта;

2) для подыскания соучастников незаконной деятельности по сбыту наркотиков;

3) для размещения информации для приобретателей наркотических средств;

4) для обеспечения связи между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления (например, между закладчиком и оператором)³.

Таким образом, сбыт наркотиков следует квалифицировать как совершенный с использованием IT-сетей, если для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для сбыта наркотиков или входящих в его объективную сторону, лицо использовало такие сети (т.е. на любой стадии сбыта, в том числе для приобретения наркотиков в целях их последующего распространения). Передача наркотиков при таком способе сбыта может осуществляться как при личном контакте сбытчика и приобретателя (из рук в руки), так и бесконтактно (онлайн). Предлагаем рассматривать сбыт наркотиков с использованием IT-сетей и онлайн-сбыт наркотиков как целое и его часть.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 14.04.20015 № 22-3195/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.12.2015 № 48-АПУ15-45 // СПС «КонсультантПлюс».

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // СПС «КонсультантПлюс».

Раскина Т.В.,

кандидат юридических наук
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Российской Федерацией признается, что гармоничное развитие человека, обеспечение жизни будущих поколений зависят от сохранения и защиты ландшафтного и биологического разнообразия, эколого-ресурсного потенциала. Экологическая безопасность определена национальным приоритетом развития страны. Реализация этого

приоритета тесным образом связана с противодействием экологической преступности.

За последние пять лет в среднем ежегодно регистрируется 21,6 тыс. экологических преступлений¹ (табл. 1), что составляет около 1% в структуре всех учтенных в стране преступлений.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО И ДИНАМИКА ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

	Всего зарегистрировано преступлений		Зарегистрировано экологических преступлений	
	количество	динамика, %	количество	динамика, %
2018 г.	1991532	-3,3	23899	-2
2019 г.	2024337	1,6	22230	-7
2020 г.	2044221	1	22676	2
2021 г.	2004404	-1,9	20289	-10,5
2022 г.	1966795	-1,9	19070	-6
среднее	2006258	-	21633	-

Количество экологических преступлений на протяжении последних пяти лет почти все время снижается. Вместе с тем они крайне опасны. Их последствия неизменно оказывают отрицательное воздействие на здоровье и качество жизни человека. Часто это происходит в отсутствие прямой причинно-следственной связи. Усугубляют ситуацию имеющиеся сложности объективного измерения и оценки реального размера вреда.

Экологическая преступность постоянно характеризуется высокой латентностью, о которой прямо или косвенно свидетельствуют разные данные. Например, за последние пять лет сокращение количества экологических деяний почти ежегодно сопровождалось сокращением количества всех преступлений. Однако сопоставление годовых темпов изменения количества всех

зарегистрированных деяний и исключительно экологических деяний показывает, что временами они довольно сильно разнятся (в 2018 г. – в 1,7 раза, в 2021 г. – в 5,5 раза, в 2022 г. – в 3,2 раза). Отмеченная картина была характерна и при динамике роста показателей в 2020 г., когда разница в темпах составила 2 раза. Наибольшее же расхождение фиксировалось в 2019 г., а изменения вообще имели разнонаправленную динамику (табл. 1). При этом в 2018-2022 гг. не отмечалось действие каких-то специфических факторов (процессов, явлений), которые могли бы детерминировать столь значимое расхождение значений.

Результаты опроса прокурорских работников природоохранных прокуратур² показывают, что реальный уровень экологической преступности не снижается. Каждый второй эксперт (44,7%) высказался о неиз-

¹ Здесь и далее использованы статистические сведения по форме 1-ЕГС, 4-ЕГС. Средние показатели рассчитаны как среднее арифметическое значение показателей за 5 лет (с 2018 по 2022 гг.).

² В мае – июне 2022 г. по авторской анкете проведен опрос 141 прокурорского работника центральных аппаратов Амурской бассейновой природоохранной прокуратуры, Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратуры, Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры и подчиненных им природоохранных прокуратур.

менности в 2020-2022 гг. количества преступлений в экологической сфере, каждый пятый (20,6%) – об их увеличении и только 34,8% – о сокращении. В этой связи закономерно, что большинство экспертов отрицают реальное уменьшение общественной опасности и латентности рассматриваемой преступности. Каждый второй участник опроса отметил неизменность степени этой опасности (56%) и латентности (57,4%), каждый четвертый – их рост (22,7% и 25,5% соответственно). Только каждый пятый экс-

перт (21,3%) считает, что степень общественной опасности экологических преступлений в период 2020–2022 гг. снизилась. А каждый шестой эксперт (17%) склоняется к тому, что сократилась их латентность.

На состояние законности оказывает влияние практика возмещения ущерба от экологических деяний. Анализ данных статистики показывает, что разница в размерах причиненного и возмещенного ущерба постоянно является очень значительной (табл. 2).

Таблица 2

УЩЕРБ ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Причинен (тыс. руб.)	25 492 710	19 777 062	19 431 558	23 863 195	30 984 200
Возмещен (тыс. руб.)	493 707	847 383	937 911	1 885 675	7 165 959

Безнаказанность, в том числе финансовая и материальная, укрепляет негативные качества правосознания виновных лиц, снижает общественное доверие к правоохранительным органам, прокуратуре, суду и в целом органам публичной власти, негативно влияет на состояние законности и правопорядка. Это требует активизации деятельности, направленной на установление реального вреда и его безусловное возмещение.

Ситуация в сфере охраны и использования природных ресурсов обусловлена состоянием преступности, связанной с незаконными посягательствами на лесные, водные биологические и животные ресурсы (ст. 260, 256, 258 УК РФ). Они являются структурообразующими рассматриваемой преступности. Динамика показателей этих деяний довольно изменчива. Из всех экологических преступлений только показатели незаконных рубок лесных насаждений демонстрировали снижение. Их количество сократилось с 13763 в 2018 г. до 9767 в 2022 г., а удельный вес – с 57,6% в 2018 г. до 51,2% в 2022 г. Возможно, это явилось следствием принимаемых мер по декриминализации лесной отрасли. Раскрываемость этих преступлений последние два года также стала повышаться (с 36,6% в 2020 г. до 42,8% в 2022 г.). Однако ее средний уровень все равно является низким и составляет менее 40%. Незаконные рубки лесных насаждений продолжают оставаться высоколатентными, трудно выявляемыми и раскрываемыми. Многие из них совершаются в

условиях неочевидности и маскируются лесными пожарами, санитарными рубками. Опасная криминогенная ситуация сохраняется в республиках Башкортостан, Бурятия и Карелия, Алтайском, Забайкальском, Красноярском, Пермском и Приморском краях, Иркутской, Кировской, Томской, Тюменской и Омской областях.

Анализ статистических данных о преступлениях, связанных с незаконным выловом водных биологических ресурсов и незаконной охотой, также показывает не вполне удовлетворительное развитие ситуации. Так, на фоне волнообразных изменений количества преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, их значения в 2022 г. превысили значения пятилетней давности (6070 против 5976). Кроме того, с 2018 по 2022 гг. их доля в структуре экологических деяний неизменно росла, увеличившись с 25% до 31,8%. При этом расследование данных преступлений отличалось высокой эффективностью. Раскрываемость в среднем составила почти 84% и была самой высокой из всех экологических преступлений. Более того, за рассматриваемый пятилетний период ее уровень практически постоянно рос, снизившись только единожды в 2020 г. Однако, как было отмечено Генеральной прокуратурой Российской Федерации по результатам анализа состояния законности в сфере добычи, оборота и охраны водных биологических ресурсов, по неочевидным преступлениям расследование, как правило, ограничивается минимальным набором

следственных действий, имеющиеся возможности получения доказательств и проверки версий предполагаемых фигурантов об обнаружении бесхозной рыбы либо приобретения ее у третьих лиц не используются, переписка в мобильных устройствах не просматривается, мер к восстановлению удаленных сведений и получению детализации телефонных соединений, как и к проведению обысков и осмотров недвижимого имущества, не принимается. Постоянно очень напряженной является криминогенная ситуация в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов в Камчатском крае, Астраханской, Волгоградской, Ростовской и Сахалинской областях.

Что касается фактов преступной охоты, то за пять лет их количество снизилось почти на треть (с 1931 в 2018 г. до 1408 в 2022 г). Сокращение происходило каждый год. Вместе с тем доля этих деяний в экологической преступности в 2019 и 2021 гг. незначительно, но росла. При практически постоянном увеличении раскрываемости ее средний уровень составил только 31,2%. В отличие от преступных рубок лесных ресурсов и добычи водных биологических ресурсов, территориальная распространенность незаконной охоты гораздо шире. Вместе с тем в среднем около трети из них регистрируется в восьми регионах страны: Удмуртской Республике, Алтайском и Пермском краях, Курганской, Новосибирской, Свердловской, Челябинской, Ярославской областях.

Менее 3% в структуре зарегистрированной экологической преступности составляют загрязнения вод, атмосферы, морской среды, порча земли и иные деяния. Их раскрываемость является очень низкой и в среднем составляет от 12,3% (ст. 254 УК РФ) до 28% (ст. 250 УК РФ). Это отри-

цательно влияет на состояние законности и правопорядка, обеспечение гарантированного Конституцией Российской Федерации права каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Складывающаяся ситуация и специфика экологических преступлений, совершение их в условиях неочевидности обуславливают необходимость принятия реальных мер по укреплению координации и взаимодействия правоохранительных и контрольных (надзорных) органов, возможное расширение их компетенции, усиление материально-технического обеспечения. Вместе с тем имеющиеся в регионах проблемы трудоустройства, получения достойной оплаты, социального обеспечения способны активизировать правонарушающее поведение, в том числе совершение преступлений. В совокупности с недостатками государственного контроля (надзора) в области охраны и использования природных ресурсов, неразвитостью экологического сознания населения следует ожидать ухудшения криминогенной обстановки как в отдельных субъектах Российской Федерации, так и в целом в стране.

Необходимо принципиально изменить государственный подход к оценке вреда, причиненного экологическими преступлениями, что может быть реализовано на основе концепции устойчивого развития в новой Стратегии экологической безопасности Российской Федерации (после 2025 г.). И безусловно, надо бороться с коррупцией, противоправным освоением бюджетных средств, всемерно содействовать развитию гражданской активности в природоохранной сфере.

Шиманович Е.В.

Омская академия МВД России

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ МОТИВОВ УЧЕТА СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, УКАЗАННЫХ В ЗАКОНЕ

Институт обстоятельств, смягчающих наказание, играет важную роль в системе общих начал его назначения. Рассматриваемому институту уделяется большое значение в юридической литературе, так как учет

судом смягчающих обстоятельств является частью индивидуализации наказания, а также характеризует личность виновного. Обоснованность учета смягчающих обсто-

ятельств при назначении наказания является гарантией справедливости приговора суда.

Перечень предусмотренных законодателем смягчающих обстоятельств закреплён в ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно ч. 2 ст. 61 УК РФ и абз. 2 п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ППВС РФ) от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», суд вправе признать в качестве смягчающих наказание и иные обстоятельства, не указанные в законе, которые посчитает таковыми. При этом порядок отнесения тех или иных обстоятельств к смягчающим в законе четко не оговорен и полностью зависит от правосознания и опыта судей.

В настоящее время судам для того, чтобы применить смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, необходимо только наличие факта существования определенного смягчающего обстоятельства. Однако, как показал анализ судебной практики, в некоторых случаях учтенные судом смягчающие обстоятельства никак не уменьшают общественную опасность виновного или преступного деяния. На наш взгляд, для признания какого-либо обстоятельства смягчающим на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ судьям необходимо мотивировать, каким образом оно уменьшает общественную опасность преступного деяния или самого виновного, как это было рекомендовано в п. 4 ППВС РФ от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» (утратило силу).

Поддерживая позицию Л.А. Долиненко, по мнению которой «в приговоре обязательно должен содержаться ответ на вопрос, почему и как именно оценено каждое из анализируемых обстоятельств и какое влияние оказывает оно на назначение наказания»¹, отметим, что такая свобода при учете судами смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, ставит под вопрос справедливость вынесенных обвинительных приговоров. Так, в одной ситуации суд учитывает какие-либо факты как данные о личности и влияние на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а в другой – как смягчающее обстоятельство.

Например, один суд учел виновному в качестве смягчающего обстоятельства то, что он не судим², а другие суды в аналогичных ситуациях не стали учитывать данный факт в качестве смягчающего обстоятельства, хотя в описательной части приговоров было указано, что виновный не судим³. Или приведем пример с пенсионным возрастом виновного. Одному подсудимому суд учел этот факт в качестве смягчающего обстоятельства⁴, а другому – нет, указав на возраст только в описательной части приговора⁵. В другой ситуации суд признал смягчающим обстоятельством «принесение извинений потерпевшему» в рамках ч. 2 ст. 61 УК РФ, как не указанное в законе⁶, а ту же «манипуляцию» виновного в аналогичной ситуации другой суд расценил как действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, в рамках п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ⁷. Получается, что одним и тем же действиям виновных суд придал разные значения, учитывая, что

¹ Долиненко Л.А. Индивидуализация наказания – важное условие его эффективности // Назначение наказания, его эффективность и освобождение от уголовной ответственности и наказания. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978. С. 33.

² Приговор Читинского районного суда г. Чита Забайкальского края № 1-319/2020 от 27.11.2020 по делу № 1-319/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XzctqSKJHJ1J/> (дата обращения: 23.02.2023).

³ Приговоры Рузского районного суда г. Рузы Московской области № 1-72/2020 от 27.07.2020 по делу № 1-72/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mpc1GQiOmLU0/> (дата обращения: 23.02.2023), Яшкульского районного суда п. Яшкуль Республики Калмыкия № 1-2/2020 1-84/2019 от 15.10.2020 по делу № 1-2/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/062ByJk19JJX/> (дата обращения: 23.02.2023).

⁴ Приговор Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону Ростовской области № 1-335/2019 от 19.08.2019 по делу № 1-335/2019 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uR3ifLjcqGU9/> (дата обращения: 23.02.2023).

⁵ Приговор Новопокровского районного суда ст. Новопокровская Новопокровского района Краснодарского края № 1-132/2019 от 21.08.2019 по делу № 1-132/2019 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GiCRG3m7JhWi/> (дата обращения: 23.02.2023).

⁶ Приговор Рыбинского городского суда г. Рыбинска Ярославской области № 1-702/2019 от 30.12.2019 по делу № 1-702/2019 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XSrwQKD3pJm/> (дата обращения: 23.02.2023).

⁷ Приговор Агаповского районного суда с. Агаповка Челябинской области № 1-95/2017 от 29.12.2017 по делу № 1-95/2017 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CZ1ADqxJhwgR/> (дата обращения: 23.02.2023).

последний виновный находится в более выгодном положении, так как ч. 1 ст. 62 УК РФ дает привилегию в виде ограничения максимального срока или размера наказания осужденным, в отношении которых применен п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, за счет чего прослеживается нарушение принципа равенства перед законом этих виновных. При этом во всех примерах суды не мотивировали, почему они считают то или иное обстоятельство смягчающим. Верно отметил С.Г. Мирецкий: «Смягчающие и отягчающие обстоятельства надо не просто "привести" в приговоре суда, а изложить таким

образом, чтобы была ясна оценка судом степени их влияния на назначенное наказание»¹.

Указанную проблему, на наш взгляд, можно решить путем дополнения п. 28 ППВС РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» абзацем 3, следующего содержания: «При признании обстоятельства в качестве смягчающего на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ суду необходимо мотивировать, каким образом оно снижает общественную опасность преступления или лица, его совершившего».

Янин С.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ МЕХАНИЗМА ХИЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Преступления в отношении культурных ценностей всегда вызывают широкий общественный резонанс, что обусловлено их значением для отечественной и мировой культуры. Раскрытие и расследование таких преступлений в большинстве случаев вызывает определенные сложности у правоохранительных органов, что обусловлено спецификой механизма их совершения.

Важным элементом совершения хищений культурных ценностей и предмета доказывания по уголовному делу является личность преступника. По уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории она весьма многогранна.

Как показывают данные исследований, анализируемые преступления совершаются как имеющими предшествующий криминальный опыт, так и лицами, ранее не привлекавшимися к уголовной ответственности. Преступниками выступают лица со средним либо высшим образованием, зачастую имеющие отношение к сфере культурных ценностей (работники музеев, действующие или бывшие; реставраторы; коллекционеры-антиквары). Встречаются среди них как работающие, так и без определенных занятий.

Особенности предмета преступного посягательства (его местонахождения и охраны, последующих передержки и сбыта) подразумевают необходимость группового совершения указанных хищений, поскольку в одиночку осуществить задуманное, особенно если речь идет о краже из охраняемых помещений, не представляется возможным. Преступники-одиночки действуют в данной сфере, как показывает практика, достаточно редко и либо спонтанно (при появлении случайной возможности похитить ценный артефакт), либо похищают указанные предметы наравне с прочими, при совершении краж из жилища либо иных помещений, хранилищ.

Заслуживающую внимания характеристику преступных групп, занимающихся хищениями культурных ценностей, представляет в своей работе А.Р. Усиевич. Так, по ее мнению, подобным группам присущи следующие отличительные черты:

– «высокая организованность, четкая иерархия внутри группы, конспирация, отработанная технология подготовки, заблаговременность проведения разведки, совершения и сокрытия краж, с предусмотрением путей отхода с места преступления;

¹ Мирецкий С.Г. Приговор суда. М.: Юрид. лит., 1989. С. 63.

– мобильность (действуя на значительной территории, используя автотранспорт, они могут совершать в течение суток несколько преступлений, в том числе и в различных регионах);

– специфика структуры (в простой группе каждый участник напрямую связан с другими членами и организатором, в исследуемых группах зачастую фиксируется сложная структура, а соучастники не всегда знают организаторов, соисполнителей и заказчиков);

– использование многократно апробированных каналов сбыта похищенного»¹.

Необходимо отметить, что динамичность механизма преступления как системы предусматривает при взаимодействии элементов, ее составляющих, появление специфической следовой картины. Такая картина, хотя и специфична для каждого конкретного случая в силу его уникальности, но и вместе с тем повторяется из раза в раз, то есть является типичной для совершения преступлений определенного вида. Анализ такой картины позволяет следователю, сотруднику органа дознания на основе знания закономерностей образования следов установить и иные элементы механизма интересующего преступного события.

Следовая картина произошедшего зависит, во-первых, от формы хищения, во-вторых, от способа его совершения.

Так, при совершении краж традиционно обнаруживаются следы рук, взлома (отжима двери, перекусывания либо перепиливания решеток, дужек замков, дверных петель), обуви, транспортных средств; микроволокна; потожировые, запаховые следы. Открытые формы хищения могут прибавить к вышеперечисленным иные следы биологического происхождения – кровь, волосы, слюну.

Возможно обнаружение при осмотре места хищения также следов-предметов – выброшенных либо забытых преступником орудий преступления (ломика, гвоздодера, отмычки, отвертки и т.п.), личных вещей (документов, матерчатых перчаток, вязаных шапок, масок и т.п.), части похищенного имущества, не представившего ценно-

сти и выброшенного ввиду ненадобности либо сложности транспортировки.

Важными представляются также информационные, или цифровые, следы, хранящиеся в памяти электронных устройств – смартфонов, ПЭВМ, обнаруженных у потенциальных преступников.

Такие следы могут являться как прямыми, так и косвенными доказательствами причастности фигуранта к совершению хищений культурных ценностей. Таковыми могут быть:

– фотографии похищенного имущества;

– электронная переписка с иными лицами (возможными покупателями, скупщиками, специалистами в определенных областях искусства) относительно похищенного имущества – предложения о купле-продаже, оценке стоимости, определении вида имущества и т.п.;

– объявления о продаже ценностей в социальных сетях, на торговых площадках, форумах коллекционеров;

– специализированная литература, посвященная культурным ценностям;

– карты, планы зданий, из которых были совершены хищения и т.п.

Указанные следы, своевременно выявленные и зафиксированные на материальных носителях, то есть, как было указано выше, «овеществленные» и исследованные специалистами, будут являться одними из важнейших доказательств виновности фигуранта.

Таким образом, исходя из изложенного, можно сделать вывод, что знание субъектом расследования хищений культурных ценностей элементов механизма совершения данного преступления, а также корреляционных связей между ними позволит повысить эффективность расследования названных преступлений, восстанавливая права потерпевших лиц, возвращая им похищенные культурные ценности, а также устанавливая и привлекая к установленной законом ответственности всех причастных к совершению данных преступлений лиц и принимая меры к недопущению совершения аналогичных преступлений в дальнейшем.

¹ Усиевич А.Р. Криминалистические аспекты обеспечения расследования преступных посягательств на культурные ценности : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.

Поезжалов В.Б.,

кандидат юридических наук, доцент
Уфимский юридический институт МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

В п. 31 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344, указывается, что одной из главных задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму является «совершенствование законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму»¹. В связи с этим определенным интерес вызывают вопросы, связанные с решением данной задачи посредством внесения законодателем изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, иные правовые предписания и правоприменительную практику органов внутренних дел.

1. В период с 2020 по 2022 гг. в УК РФ были внесены значительные изменения, которые коснулись включения в Особенную часть норм запретов, касающихся преступлений экстремистской направленности.

Так, в 2020 г. в текст УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 425-ФЗ была включена ст. 280.2 «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Также были скорректированы диспозиция и санкция ч. 1 ст. 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации».

В 2022 г., с момента начала специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации УК РФ был дополнен:

– статьей 280³ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях» (введена Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ, в на-

стоящее время данная статья изложена в ред. Федерального закона от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ);

– статьей 280.4 «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства» (введена Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ);

– статья 282.4 «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами» (введена Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ).

2. Встречая в целом позитивно решение по введению и корректировке уголовного закона применительно к преступлениям экстремистской направленности, осуществленным в период с 2020 по 2022 гг., хотелось бы вместе с тем отметить следующее.

Часть вносимых изменений была связана с включением в уголовный закон административно-преюдициальных норм. Суть их связана с установлением уголовной ответственности в случаях, когда виновное лицо повторно совершает то или иное экстремистское правонарушение, наказуемое в административном порядке, в течение года после привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние.

Приветствуя желание законодателя расширить круг лиц, подлежащих той или иной государственной ответственности за экстремистские правонарушения, видим, что имеются недостатки юридико-технического плана. В частности, трансформируя ст. 280.1 УК РФ в норму с административной преюдицией, законодатель не учел того, что повторное совершение административного проступка не должно переводить его в разряд преступления средней

¹ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344.

тяжести (коим на данный момент является ст. 280.1 УК РФ), поскольку таким образом нарушается последовательность определения общественной опасности деяния. Между административным проступком и преступлением средней тяжести имеется такое уголовно-правовое явление, как преступление небольшой тяжести. Полагаем, что игнорирование данного факта приводит к завышению мер уголовной репрессии, исходя из формальной логики построения правового запрета. Полагаем, что общественная опасность публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, совершенная повторно и являющаяся преступлением, достаточно высока и соответствует критериям, относящимся к преступлениям средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ), но, с юридико-технической точки зрения, это противоречит формату соотношения «административное правонарушение – административно-преюдициальное преступное деяние».

3. Введение в уголовный закон «новых» норм, в том числе и экстремистской направленности, влечет за собой изменение определенных форм учета и отчетности.

Так, в соответствии с Указанием Генпрокуратуры России № 361/11, МВД России № 1 от 30 июня 2022 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (далее – Указание) Перечень № 20, включающий преступления экстремистской направленности, был скорректирован и в него вошли те статьи, которые были включены в УК РФ (в интересующую нас группу преступлений экстремистской направленности) в 2020 г. Предыдущее указание, к сведению, было изложено в рамках Указания Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. (в ред. от 13 июля 2020 г.).

В Указании от 30 июня 2022 г., к сожалению, не нашлось места одному из преступлений экстремистской направленности, которое было, как мы уже указали выше, введено в текст УК РФ в марте 2022 г. (ст. 280.3 УК РФ).

Кроме того, в июле 2022 г., как, опять же, было указано нами выше, уголовный закон был дополнен еще двумя преступлениями

экстремистской направленности (ст. 280.4 и 282.4 УК РФ) и каких-либо изменений в Указание в 2022 г. внесено не было.

Полагаем, что своевременное внесение в названное Указание вновь вводимых «новых» статей уголовного закона является важной составной частью отчетности и игнорирование данного факта приводит к «неучтенности» преступных деяний.

4. Любое изменение уголовного закона влечет изменение в правоприменительной и практической деятельности тех подразделений и лиц, которые связаны с противодействием тем или иным преступным проявлениям. В частности, перевод отдельных уголовно-правовых деяний в разряд административно-преюдициальных норм неминуемо усложняет деятельность оперативных подразделений, поскольку организация оперативной работы во многом зависит от категории преступного деяния и особенностей его криминализации.

Мы уже отмечали ранее, что криминообразующим фактором применительно, в частности, к ч. 1 ст. 280.1 УК РФ выступает повторное привлечение лица к административной ответственности за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Следовательно, имеет место ситуация, когда виновный как минимум дважды (повторно) совершает административное правонарушение. Оперативно-розыскная деятельность осуществима применительно к преступным проявлениям. Таковыми (преступными) указанные деяния становятся не исходя из общественной опасности действий виновного, а постольку, поскольку они совершены им повторно.

Не вдаваясь в подробности данного аспекта, так как он лежит в плоскости организации и тактики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, а эта информация относится к сведениям, содержащим государственную тайну, лишь отметим, что данное обстоятельство создает большие трудности в выявлении и раскрытии данных преступных деяний.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что решение указанных в настоящей статье проблем является важным фактором, который поможет в реализации и достижении тех задач, которые определены в утвер-

жденной Президентом Российской Федерации Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года.

Шматов В.М.,

кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК

Размышляя о будущем российского правоведения, академик Д.А. Керимов отмечает, что знамение современного развития естественных и технических наук являются их все возрастающая, углубляющая и укрепляющаяся интеграция, онтологическое и гносеологическое взаимопроникновение, в результате которых возникают новые и весьма плодотворные научные направления: математическая генетика, биофизика, биохимия, кибернетическая медицина и многие другие. Такой симбиоз приносит замечательные плоды, открывает новую эру в комплексном освоении телесной природы. Комплексность в научном исследовании вовсе не сводится к элементарному объединению теории всех отраслей знаний в суммарное целое, равно как и к простому сложению методов различных наук, а представляет собой органическое слияние наук в системное единство при изучении общего для них объекта.

Исследование процесса интеграции теории оперативно-разыскной деятельности в систему уголовно-правовых наук в историко-правовом аспекте свидетельствует о том, что в их развитии был длительный период узковедомственного подхода к изучению проблем борьбы с преступностью, что затрудняло взаимодействие наук, вело к разобщенности научных знаний. Особенно тщательной изоляции подвергалась вся оперативно-разыскная наука в силу закрытого характера отдельных ее частных теорий.

Впервые на уровне закона упоминание о необходимости использовать результаты оперативно-разыскной деятельности в выявлении и раскрытии преступлений связано с судебной реформой 1862-1864 гг. Так, методы сыскной деятельности получают

законодательную регламентацию в Уставе уголовного судопроизводства. Данный период характеризуется разработкой научных рекомендаций по отдельным направлениям розыскной деятельности не только в ведомственных нормативных актах и инструкциях, но и в трудах по уголовному процессу, принятием в 1908 г. Закона «Об организации сыскной части».

В советское время впервые возможности проведения оперативно-разыскных мероприятий были закреплены в законодательном порядке в ст. 93 УПК РСФСР 1923 г.: «Анонимные заявления могут служить поводом к возбуждению уголовного преследования только после предварительной негласной проверки их органами дознания»¹. Таким образом, законодатель возлагал на оперативные аппараты установление объективности и достоверности сведений, изложенных в анонимных заявлениях, после чего они служили поводом к возбуждению уголовного дела. Следовательно, законодатель допускал возможность использования оперативно-разыскной информации в уголовно-процессуальной деятельности в качестве поводов и оснований для возбуждения уголовного дела. Во всех остальных случаях эта деятельность находилась под строгим секретом и как бы не использовалась в расследовании по уголовным делам. Хотя фактически и до 1923 г. и в более поздние годы такая деятельность осуществлялась при расследовании по уголовным делам, о чем свидетельствуют многочис-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. постановлением ВЦИК 15.02.1923 // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

ленные факты из истории борьбы аппаратов уголовного розыска с преступностью¹.

Возможность использования оперативно-разыскных мероприятий в целях раскрытия и расследования преступлений была закреплена в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятых Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. В ст. 29 Основ говорилось, что «на органы дознания возлагается принятие необходимых мер в целях обнаружения признаков преступления и лиц, совершивших их».

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, принятом в 1961 г., указанная норма Основ была конкретизирована. В ч. 1 ст. 118 УПК РСФСР «Обязанности органов дознания» указано: «На органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-разыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших». Допуская использование оперативно-разыскной информации в раскрытии и расследовании преступлений, установлении лиц, их совершивших, законодатель не урегулировал уголовно-процессуальный механизм введения этой информации в уголовный процесс. Это породило проблему трудности предоставления прокурору и органам расследования результатов оперативно-разыскной деятельности².

12 июня 1990 г. Верховный Совет СССР принял закон СССР «О внесении изменений и дополнений в основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», согласно которому в целях обнаружения признаков преступления и лиц, их совершивших, выявления фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств, на органы дознания

возлагались обязанности по осуществлению оперативно-разыскных мероприятий. Важно подчеркнуть, что принятый закон предусматривал возможность использования результатов проведенных оперативно-разыскных мероприятий в качестве доказательств по уголовному делу после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

На органы дознания указанным законом были возложены обязанности по выполнению оперативно-разыскных мероприятий с использованием видео-, звукозаписи и кинофотосъемки. Этим же законом в Основы уголовного судопроизводства была введена дополнительная норма (ст. 35)³, в соответствии с которой допускалось прослушивание телефонных и иных переговоров. Вряд ли правильно для решения рассматриваемого вопроса предавать забвению законодательный опыт СССР в этой части, тем более что он оценивался процессуалистами положительно. 24 октября 1991 г. Верховный Совет РСФСР утвердил Концепцию Судебной реформы в России, указав: «Результаты опросов, розыска и негласного наблюдения доказательственного значения не имеют»⁴. 13 марта 1992 г. принимается Закон «Об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации», в ст. 10 которого содержится противоположная мысль: «Результаты оперативно-разыскной деятельности могут быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством»⁵.

Согласно ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», принятого 12 августа 1995 г., в целях решения уголовно-процессуальных задач результаты оперативно-разыскной деятельности могут использоваться: в качестве

¹ Хоботов А.Н. Организационно-правовые основы становления и развития аппаратов уголовного розыска в России (1918-1934 гг.). М.: Изд-во Юрид. ин-та МВД России, 1999; Панченко П.Н. Борьба с преступностью как функция уголовного розыска. Омск: Ом. ВШМ МВД СССР, 1986; Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995; История советской милиции. М.: Наука, 1997 и др.

² Зажицкий В. Трудности предоставления прокурору и органу расследования результатов оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. 2000. № 1. С. 37-39.

³ Карнеева Л.М. Доказательственное значение материалов видео- и звукозаписи // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 7. С. 31; Лукашевич В.З., Шимановский В.В. Процессуальные вопросы применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1992. № 3. С. 61.

⁴ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 93.

⁵ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. С. 93.

поводов и оснований для возбуждения уголовного дела; для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств; для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, а также уклоняющихся от исполнения наказания.

Анализируя проблему интеграции оперативно-розыскной деятельности в систему уголовно-правовых наук, профессор Д.В. Гребельский констатирует: «Не умаляя значения того вклада, который внесли

ученые-юристы в разработку основ теории раскрытия преступлений, нельзя не отметить, что в интеграционном виде деятельность всей системы органов борьбы с преступностью пока не стала предметом изучения в рамках специальной учебной и научной дисциплины»¹. Обращаясь к практическому аспекту указанной темы, профессор В.Т. Томин пишет: «Уголовный процесс без ОРД в большинстве случаев производства по серьезным делам бессилён, оперативно-розыскная деятельность без выхода через уголовный процесс – бесплодна»².

Куричков Д.О.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ УСТАНОВЛЕНИЯ ВИНЫ СОУЧАСТНИКОВ В СОСТАВЕ МОШЕННИЧЕСТВА

Наряду с общей благоприятной динамикой мошеннической преступности по итогам 2022 г. на территории России в виде снижения на 15,31% количества операций без согласия клиентов банка (до 877 тысяч в 2022 г. по сравнению с 2021 г.)³ и на 29% эпизодов мошенничества с использованием электронных средств платежа⁴, остается колоссальным ее вред, выражающийся в виде суммарного ущерба более 14 миллиардов рублей. Эти обстоятельства обусловили выбор темы исследования и возбудили интерес в целях дальнейшего совершенствования, прежде всего уголовного противодействия мошенничествам.

Как справедливо отмечает П.С. Яни, вред, причиненный мошенническими действиями лица, выполняющего трудовую деятельность, в приведенном им примере из судебной практики, в банке, и с ней напрямую связанный, согласно положениям

ст. 1068 ГК РФ и ст. 36 Федерального закона № 395-1 от 02.12.1990 «О банках и банковской деятельности» должен быть возмещен работодателем (то есть банком или иной организацией)⁵.

Предположим, что вышеназванная ситуация возникла от преднамеренных действий руководителя банка, который, заведомо имея умысел на завладение чужого имущества мошенническим способом, посредством использования для этого другого лица (работника того же банка) предоставил помещение, бланки, снабженные своей подписью, печать, дал указание по заключению нескольких договоров банковского вклада, без своевременного исполнения обязательств перед вкладчиком, не объясняя и не раскрывая своих истинных корыстных целей, не вступая в преступный сговор. Либо иной вариант, при котором инициатива и непосредственное исполнение

¹ Гребельский Д.В. О подходе к изучению вопросов раскрытия преступлений оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел // Дидактические вопросы криминалистики : сборник научных трудов. М., 1979. С. 29-32.

² Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 28.

³ Количество случаев хищения денег с банковских счетов сократилось впервые за 7 лет: итоги 2022 года // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=14544> (дата обращения: 01.03.2023).

⁴ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации / URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/35396677/?ysclid=levbg28j0z964479490> (дата обращения: 28.02.2023).

⁵ Яни П.С. Мошенничество, прикрытое договором, порождает внедоговорное обязательство // Законность. 2022. № 8. С. 26-27.

мошенничества принадлежат работнику банка, руководитель об этом не осведомлен и не поставлен в известность, но принимает участие в проведении финансовых операций, получает часть такого дохода. Можно ли в таких случаях вести речь о соучастии или посредственном исполнительстве? Рассуждаем далее в ходе исследования.

Для начала отметим, что в уголовном праве принято различать институт соучастия и прикосновенности к совершению преступления.

Первый явствуется только при наличии установленной вины каждого из соучастников, вторая же, напротив, претворяется в жизни лица без умысла или неосторожности, соответственно. Исходя из принципа вины, на территории нашего государства объективное вменение недопустимо (ст. 5 УК РФ).

Соучастием в преступлении, согласно действующему уголовному законодательству, может признаваться только умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ). Законодатель тем самым исключил возможность применения норм, входящих в главу 7 УК РФ, применительно к неосторожным деяниям.

Очевидно, что названная вначале ситуация, при которой действия руководителя банка могут представлять посредственное исполнение преступления, но если работник, совершающий мошенничество, при этом к причинению имущественного ущерба относится с легкомыслием или небрежностью, является в равной степени общественно опасным деянием, а потому не должно выйти за пределы уголовной сферы и остаться без уголовного преследования. Как считает Н.В. Баранков, возможным выходом может быть выделение в отдельную уголовно-правовую норму такого рода исполнителя и наряду с ним включение четвертой формы последнего, использующего для совершения умышленного преступления лиц, причиняющих вред по неосторожности, причем оба этих вида он предлагает не относить к соучастию¹. Разделяем данную точку зрения, так как такое решение явно способствовало бы устранению

противоречий и лишению возможности правоприменительных субъектов к расширительному толкованию, приводящих к ошибкам в квалификации.

Из приговора Железнодорожного районного суда г. Новосибирска от 20 декабря 2017 г. следует, что осужденный Г. совершил мошенничество в особо крупном размере в составе группы лиц по предварительному сговору, согласованно с неустановленным следствием лицом, которое содействовало ему путем предоставления информации, советов и указаний и предложило заняться совместной преступной деятельностью. Судебно-следственная практика знает немало и других фактов неустановления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых по делам о мошенничестве и иных деяниях.

Проанализировав вышеназванный приговор суда, нельзя исключить, что в этой ситуации не было посредственного исполнения преступления неустановленным лицом, без признаков соучастия, ведь точно не известна субъективная сторона второго участника и, в частности, не дана оценка, относился ли последний к осужденному Г. как к «орудию», использованному для совершения общественно опасного деяния, или был его организатором либо пособником. Ведь сам Г. изначально не обладал соответствующими знаниями, необходимыми для его совершения и, вероятно, действовал не инициативно.

Безусловно, мошенничество является умышленным деянием с материальной конструкцией состава и обязательно установленной специальной целью в виде корысти. Это означает, что ключевую роль в отграничении форм соучастия и привлечения всех соучастников от посредственного исполнения преступления и привлечения одного виновного лица играют мотивы и цели, направленность умысла и желание распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению, заведомо изъятым у собственника или иного законного владельца, путем использования «живого орудия» (человека).

Так, приговором Яшкульского районного суда Республики Калмыкия установлены совместность, согласованность

¹ Баранков Н.В. Посредственное исполнение преступления. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posredstvennoe-ispolnenie-prestupleniya> (дата обращения: 01.03.2023).

действий, применение фактически одних и тех же форм и методов преступной деятельности, тесная взаимосвязь между участниками группы, основанная на дружеских отношениях и общем понимании преступных целей, единство преступного умысла, стремление к незаконному обогащению путем совершения преступлений. В данном примере суд абсолютно верно квалифицировал мошенничество, совершенное в составе организованной группы. Таких же правил квалификации призывает придерживаться и в доктрине уголовного права ряд ученых, говоря о том, что действия соучастников могут быть квалифицированы так, а не иначе, когда они не только умышленно (причем с прямым умыслом) и совместно участвуют в совершении, но и присутствует осознание каждого из них о деятельности (существовании) друг друга и обязательно есть общность намерения¹.

В заключение отметим, что законодатель, дифференцируя уголовную ответст-

венность каждого из соучастников, раскрывает ряд ее особенностей в ст. 32-35 УК РФ, подчеркивает особую важность установления института соучастия, говоря о повышенной степени и характере общественной опасности совершаемых деяний несколькими лицами (формы соучастия относятся к обстоятельствам, отягчающим наказание, согласно ст. 63 УК РФ). А правоприменителям, в свою очередь, необходимо стремиться к индивидуализации уголовной ответственности и наказания соучастников². В этой связи правильно квалифицированное деяние, включая рассматриваемые мошенничества, с учетом изложенных выше обстоятельств будет способствовать эффективному уголовному противодействию, ограничению соучастия от прикосновенности, посредственного исполнения преступления и привлечению каждого виновного лица к уголовной ответственности.

Ильина М.Г.,

кандидат юридических наук, доцент

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Владивосток)

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) выражается в совершении деяния – фальсификации.

При этом в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует правовая норма, раскрывающая сущность дефиниции «фальсификация». Вместе с тем и в отечественной уголовно-правовой доктрине нет единого мнения по данному вопросу.

С одной стороны, существуют точки зрения, авторы которых рассматривают фальсификацию, не разделяя ее в

зависимости от вида доказательств (по гражданскому, административному, уголовному делу или по делу об административном правонарушении) и не упоминая результаты ОРД в качестве предмета рассматриваемого преступления.

По мнению Д.Е. Сычева, фальсификация заключается в сознательном искажении представляемых доказательств, например документов (доверенностей, расписок, договоров, актов ревизий, протоколов следственных действий и т.д.), путем их подделки, подчистки, внесения исправлений, искажающих действительный смысл, или

¹ См.: Намнясева В.В. Соучастие в преступлении : особенности квалификации : учебно-методическое пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2018. 304 с.; Шеслер А.В. Соучастие в преступлении: вопросы квалификации и тактики доказывания : пособие для следователей. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2000. 39 с.

² Мальков С.М. Уголовное право (Общая и Особенная части) : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. 204 с.

ложных сведений¹. Согласно позиции А.Ю. Коняевой, под фальсификацией доказательств следует понимать сознательное искажение, изменение фактов, являющихся предметом доказывания по делу, и их передачу суду для рассмотрения и оценки². Авторы комментария к УК РФ под ред. В.М. Лебедева считают, что объективную сторону образуют действия, выражающиеся в подделке, искажении, подмене подлинной информации или ее носителя информацией ложной, мнимой, происходящей из ненадлежащего источника или полученной с нарушением установленного порядка³.

С другой стороны, некоторые авторы указывают на зависимость содержания понятия фальсификации от вида доказательств, а также на самостоятельное значение фальсификации результатов ОРД.

Так, Е.Г. Быкова и А.А. Казаков выделяют четыре основных вида фальсификации: по гражданскому или административному делу; по делу об административном правонарушении; по уголовному делу; результатов ОРД. Такая позиция находит свое отражение в правоприменительной деятельности и поэтому является предпочтительной.

Под фальсификацией по гражданскому или административному делу следует понимать искажение любым способом сведений о фактах, являющихся доказательствами по гражданскому или административному делу⁴. Например, по административному делу по административному иску прокурора в интересах неопределенного круга лиц к Г.Б.А. о прекращении права управления транспортным средством. Г.Б.А., являясь административным ответчиком, обратился в наркологический кабинет с заявлением о выдаче ему справки о том, что он не состоит на учете у врача-нарколога. В ответ на обращение ему был выдан документ,

согласно которому он состоит на учете у врача-нарколога с диагнозом: синдром зависимости, вызванный употреблением алкоголя, активная зависимость, II стадия. Далее виновный самостоятельно внес исправления, искажающие действительное содержание, в соответствии с которыми он не состоит на учете у врача-нарколога, а именно рукописную надпись «не состоит»⁵.

Фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении – это искажение любым способом фактических данных, являющихся доказательствами по делу об административном правонарушении (изготовление справки об обращении в медицинское учреждение, неверное отражение показаний специальных технических средств и т.п.)⁶. Так, К.С.Р., являясь участковым уполномоченным полиции, заведомо зная персональные данные ФИО2, а также о том, что последний не является правонарушителем и не может быть привлечен к административной ответственности, составил следующие документы: протокол об административном правонарушении и объяснение последнего, в которые внес ложные сведения о совершении потерпевшим административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Далее виновный лично подписал указанный протокол и объяснение от имени ФИО2 и от своего имени. После этого данное дело об административном правонарушении с приобщенными сфальсифицированными протоколом и объяснением к нему было передано в суд⁷.

Фальсификация доказательств по уголовному делу подразумевает любое искажение сведений о фактах, являющихся доказательствами по уголовному делу (ложная фиксация в протоколе обыска факта обнаружения и изъятия определенного предмета

¹ Сычев Д.Е. Фальсификация доказательств // Законность. 2008. № 9. С. 45.

² Коняева А.Ю. Фальсификация доказательств: теория и практика // ЭЖ-Юрист. 2017. № 48. С. 3.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X–XII : в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 4.

⁴ Быкова Е.Г. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьями 303 Уголовного кодекса Российской Федерации : учебное пособие. М., 2022. С. 18.

⁵ Приговор Среднеахтубинского районного суда Волгоградской области от 29.07.2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.02.2023).

⁶ Быкова Е.Г. Указ. соч. С. 52.

⁷ Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 18.11.2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.02.2023).

и т.п.), независимо от того, являются они доказательствами обвинения или защиты, было ли целью содеянного осуждение лица или, наоборот, его оправдание либо иной ожидаемый результат, а также независимо от наступления каких-либо последствий¹. В частности, С.М.А., являясь дознавателем и фактически не выполняя следственные действия, составила протокол допроса свидетеля № 1, в который внесла не соответствующие действительности сведения о факте производства следственного действия, о месте, дате, времени его проведения, подписала документ от его имени, а также приобщила к материалам уголовного дела в качестве доказательства. При этом в протоколе были отражены заведомо ложные сведения об обстоятельствах совершенного преступления. А именно заведомо не соответствующие действительности сведения о том, что свидетель № 1 помогал демонтировать свидетелю № 4 похищенные металлические ворота, однако, совершая данные действия, не был осведомлен о преступных намерениях последнего².

Фальсификацию результатов ОРД трактуют как любое искажение в целях, предусмотренных ч. 4 ст. 303 УК РФ, сведений, являющихся результатами ОРД и отраженных на материальном носителе (ложная фиксация в протоколе наблюдения факта передачи денежных средств, подделка аудиозаписи и т.п.)³. Так, К.Е.В., К.М.Р., К.А.С. и Г.Я.С., подавив волю потерпевшего к сопротивлению и получив его согласие оговорить себя и подтвердить свои показания об обстоятельствах якобы совершенного им преступления – приобретения наркотического средства и его хранения, сфальсифицировали процессуальные документы. При пособничестве Г.Я.С. К.М.Р. составил «Акт о результатах обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», в

котором отразил заведомо не соответствующие действительности сведения о времени его составления и об обнаружении на листе шифера свертка с веществом растительного происхождения, при том, что это наркотическое средство предварительно сам же поместил в данное место. В это же время Г.Я.С. собственноручно составил от имени К.М.Р. «Протокол изъятия» и бирку для упаковки с заведомо не соответствующими действительности сведениями о времени составления протокола, об изъятии наркотического средства, якобы обнаруженного у потерпевшего в ходе оперативно-розыскных мероприятий. К.А.С. в это же время составил «Протокол осмотра места происшествия», где указал заведомо не соответствующие действительности сведения о времени его составления, а также о том, что потерпевший показал место, где якобы оборвал листья с произрастающего растения конопли и приобрел таким способом наркотическое средство, которое хранил для личного потребления без цели сбыта. После этого К.М.Р. составил «Объяснение», со сведениями, не соответствующими действительности, о якобы сообщенных потерпевшим обстоятельствах приобретения и хранения в своем домовладении наркотического средства, а также его изъятия сотрудниками ОМВД России по Минераловодскому городскому округу⁴.

Изложенное позволяет нам утверждать, что фальсификация в общем смысле – это деяние, направленное на полное или частичное изменение либо уничтожение информации с целью искажения истинной сущности сведений, на основе которых уполномоченный государственный орган или должностное лицо устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию или имеющих значение для дела, и придания им фиктивности.

¹ Быкова Е.Г. Указ. соч. С. 70.

² Приговор Троицкого городского суда Челябинской области от 21.06.2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Быкова Е.Г. Указ. соч. С. 133.

⁴ Приговор Минераловодского городского суда Ставропольского края от 14.09.2020. URL: https://mineralovodsky-stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=159481851&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 25.02.2023).

Рудакова Е.Н.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Для преступления, устанавливающего ответственность за содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), характерна максимальная степень общественной опасности, поскольку оно посягает на различные сферы охраны общественной безопасности Российской Федерации, создает опасность гибели людей, уничтожения имущества и причинения других тяжких последствий.

Кроме того, высокий прецедентный характер рассматриваемого преступления позволяют обратить внимание как на негативную характеристику лица, совершающего преступления, так и на ряд сопутствующих преступлений в результате совершения содействия террористической деятельности: ст. 205, 205.3, 204.4, 205.5, 206, 208, 209, 210 УК РФ.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления может быть выполнена одним из указанных в ст. 205.1 УК РФ альтернативных действий. Прежде всего, законодатель указывает на вовлечение лиц в совершение преступлений, особо обращая внимание на такие его способы, как склонение и вербовка.

В соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» склонение означает действия, направленные на возбуждение у конкретных лиц добровольного намерения участвовать в совершении указанных преступлений. Вербовка означает найм или привлечение к террористической деятельности определенного лица на иных условиях (например, обещание гражданства какого-либо государства). Иное вовлечение означает применение иных способов (угрозы, насилия, принуждения, побуждения и др.).

Вовлечение окончено с того момента, когда виновный совершил указанные действия, независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо преступления, образующие террористическую деятельность¹.

Вооружение предполагает снабжение лиц, участвующих в террористической деятельности, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой. Правоприменительная практика показывает, что на протяжении длительного времени данные виды оружия находятся в незаконном обращении². Кроме того, подготовка в этих же целях означает обучение правилам обращения с оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой, средствами связи, правилам ведения боевых действий, проведение соответствующих инструктажей, тренировок, стрельб, учений и т.п.

Финансирование терроризма в соответствии с примечанием 1 к ст. 205.1 УК РФ определяется как предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных в этом примечании, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений. Такое финансирование может выражаться в систематическом отчислении или разовом взносе в общую кассу, приобретении недвижи-

¹ Гостькова Д.Ж., Далталы Т.А. Преступления против общественной безопасности: уголовно-правовой аспект. М., 2021. С. 45.

² Невирко Д.Д., Рожков С.П., Мальков С.М. Преступность в Сибирском федеральном округе: общероссийские и региональные тенденции // Уголовное право. 2006. № 4. С. 116-120.

мости или оплате стоимости ее аренды, предоставлении денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц. Сбор средств возможен не только в денежной, но и натуральной форме, например сбор предметов обмундирования, экипировки, средств связи, лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств¹.

В качестве самостоятельных видов содействия террористической деятельности выделены пособничество в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ, а также организация совершения преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, ч. 3 и ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, руководство их совершением, организация финансирования терроризма. В примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ в качестве видов такого пособничества указываются: умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы. Исходя из общего определения пособничества в ч. 5 ст. 33 УК РФ, следует предположить, что укрывательство преступлений, образующих террористическую деятельность, должно быть дано заранее, т.е. до совершения этих преступлений. Если укрывательство этих преступлений заранее не обещано, то оно должно квалифицироваться по ст. 316 УК РФ.

Данные виды содействия террористической деятельности образуют исполнительскую деятельность и не требуют дополнительной квалификации по пп. 3, 5 ст. 33 УК РФ. Пособничество иным преступлениям, образующим террористическую деятельность, а также организация таких преступлений нуждаются в дополнительной

квалификации соответственно по пп. 3, 5 ст. 33 УК РФ.

Состав содействия террористической деятельности является формальным, преступление считается оконченным с момента совершения указанных в ст. 205.1 УК РФ действий.

Субъект содействия террористической деятельности является общим, уголовная ответственность за его совершение наступает с 16 лет. Специальным является субъект преступления, предусмотренный в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 205.1 УК РФ. Им является лицо, использующее свое служебное положение. К таким лицам следует относить как должностных лиц, так и государственных служащих и служащих органов местного самоуправления, не относящихся к числу должностных лиц, а также лиц, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой организации независимо от формы собственности или в некоммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным учреждением².

В судебной практике использованием служебного положения считается не только умышленное использование такими лицами своих служебных полномочий, но и оказание влияния, определяемого значимостью и авторитетом занимаемой ими должности, на других лиц в целях побуждения их к совершению действий, направленных на содействие террористической деятельности. Представляется, что к таким субъектам следует относить тех лиц, которые обладают определенными полномочиями по распоряжению материальными ценностями или оружием, устройству лиц на работу, облегчающему их вербовку, документальному оформлению таких действий, а также по контролю за этими действиями (руководители предприятий, учреждений, организаций, сотрудники военкоматов, бухгалтеры и т.д.)³.

¹ Мальков С.М., Шеслер А.В. Преступления против общественной безопасности : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. С. 43-44.

² Мальков С.М., Шеслер А.В. Преступления против общественной безопасности : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. С. 26-27.

³ Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России. Томск, 1999. С. 170.

Субъективная сторона содействия террористической деятельности характеризуется прямым умыслом, включающим осознание виновным своего вклада в осуществление этой деятельности. О наличии прямого умысла свидетельствует указание в законе на цель совершения лицами, которым оказывается содействие, преступлений, образующих террористическую деятельность.

В ст. 3 п. 1 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» указано, что такая деятельность включает в себя: организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Уголовно-правовое понятие террористической деятельности является более широким, кроме того, не одинаково применительно к различным видам действий, указанным в ст. 205.1 УК РФ. Наиболее широким является понятие террористической деятельности к таким видам действий, как склонение, вербовка, иное вовлечение, вооружение, подготовка и финансирование (ч. 1 и ч. 1.1 ст. 205.1, примечание 1 к ст. 205.1 УК РФ). Более узким является понятие террористической деятельности применительно к таким видам действий, как пособничество, организация, руководство и организация финансирования (ч. 3 и ч. 4 ст. 205.1 УК РФ). Это означает, что применительно к каждому из указанных видов действий цель охватывает разный круг преступлений, образующих террористическую деятельность.

Примечание к ст. 205.1 УК РФ содержит в себе компромиссную норму, побуждающую лицо, содействовавшее террористической деятельности, к деятельному раскаянию. Суть компромисса состоит в том, что это лицо освобождается от уголовной ответственности за такое содействие, если оно способствовало предотвращению или пресечению указанных в ст. 205.1 УК РФ преступлений своевременным сообщением органам власти или иным образом.

Чистотина О.Н.,

кандидат педагогических наук

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКА

Учитывая осложненную политическую ситуацию в мире и обостренные отношения Российской Федерации с некоторыми странами представляется возможным предполагать дальнейшее повышение уровня преступности террористической направленности, в том числе и захват заложников. В настоящее время имеется ряд вопросов, возникающих при квалификации преступления по ст. 206 УК РФ. В связи с этим видится необходимым предложить ряд мер по совершенствованию норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за захват заложника.

По моему мнению, действующая диспозиция ч. 1 ст. 206 УК РФ раскрывает данную норму не полностью, что вызывает определенные трудности в правоприменительном аспекте в понимании объективной стороны данного преступления. Учитывая, что захват заложника совершается насильственными действиями, представляется целесообразным скорректировать диспозицию ч. 1 ст. 206 УК РФ следующим образом: «Захват или удержание лица в качестве заложника, то есть насильственное завладение человеком, сопряженное с последующим ограничением его свободы и удержанием путем насильственного воспрепят-

ствования оставления указанным лицом места его нахождения, совершенное в целях понуждения государства, организации или гражданина (граждан) совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия прямого или косвенного освобождения заложника».

Особое место в совершении данного преступления, как показывает анализ судебной практики, занимает подготовка преступников к совершению данных преступлений. В таких случаях субъект преступления тщательно планирует свои действия, в случае группы лиц они распределяют обязанности, что значительно усложняет работу правоохранительным органам. Помимо этого, преступники в качестве подготовки занимаются поиском предметов, облегчающих совершение преступления, чаще всего такими предметами являются огнестрельное оружие, боеприпасы к нему, взрывные устройства и взрывчатые вещества, а также иные предметы, используемые в качестве оружия. Использование данных предметов представляет особую общественную опасность, они служат для преступников средствами, облегчающими совершение преступления, и являются предметами, способными привести к наступлению тяжких последствий.

Стоит отметить, что от предмета, используемого при захвате заложника, зависят характер и степень общественной опасности. Так, по моему мнению, значительно различаются характер и степень общественной опасности захвата заложников с применением предметов, используемых в качестве оружия, и захвата заложников с применением оружия.

В связи с этим представляется правильным разделить п. «г», ч. 2 ст. 206 УК РФ на два самостоятельных квалифицирующих признака, определив их в п. «г» и п. «и», сформулировав данные нормы следующим образом:

«г) с применением предметов, используемых в качестве оружия;

и) с применением огнестрельного оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ».

Проведенный анализ п. «д» и п. «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ позволил сделать вывод о том, что законодатель предусматривает ответственность за захват заложника в отно-

шении заведомо несовершеннолетнего лица и заведомо беременной женщины. Исходя из этого прослеживается позиция законодателя выделить в качестве обязательного признака данного состава потерпевшего. Можно сделать вывод, что законодатель желает защитить лиц, которые относятся к наиболее слабой, незащищенной и уязвимой части населения, при этом выделив только несовершеннолетних и женщин в состоянии беременности. Безусловно, данный квалифицирующий признак действительно обладает повышенной общественной опасностью по сравнению с основным составом захвата заложника, но имеет не полный перечень.

Так, на мой взгляд, к наиболее слабой, незащищенной и уязвимой категории лиц также стоит относить лиц, находящихся в беспомощном состоянии. Законодатель, определяя нормы п. «д» и п. «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ, выделял указанных лиц по признаку того, что их захват будет служить обстоятельствами, облегчающими совершение преступления. Так, если жертвой захвата заложника становится лицо, находящееся в беспомощном состоянии, указанное обстоятельство понимается как облегчающее совершение преступления ввиду невозможности оказания последним сопротивления.

Помимо этого, считаю целесообразным выделить в качестве потерпевшего малолетнее лицо, так как оно также относится к наиболее слабой, незащищенной и уязвимой категории лиц, которые не способны оказать сопротивление преступнику. Также в случае захвата малолетнего лица стоит говорить о глубокой антисоциальной направленности действий преступника и его глубокой криминальной деформации.

В связи с этим представляется возможным внести дополнения в п. «д», ч. 2 ст. 206 УК РФ и сформулировать ее следующим образом:

«д) в отношении заведомо малолетнего или несовершеннолетнего либо лица, находящегося в беспомощном состоянии».

Таким образом, предложенные рекомендации по совершенствованию законодательства, предусматривающего ответственность за захват заложников, помогут судам более дифференцированно назначать наказание за совершенные деяния, а также позволят снизить возможность допущения

правоприменителями ошибок при квалификации захвата заложника.

Гармышев Я.В.,

кандидат педагогических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

В центре внимания специалистов при анализе субъективной стороны неосторожных преступлений в сфере общественной безопасности выступает институт вины. Однако не во всех статьях уголовного законодательства России присутствует указание на форму вины. В процессе правоприменения получается достаточно непростая правовая ситуация, при анализе которой выявляется отсутствие в теории уголовного права однозначной характеристики по вопросу о правовой природе вины в деяниях, связанных с нарушением техники безопасности, происходит игнорирование решения данной проблемы в законодательстве и ее замалчивание в материалах опубликованной судебной практики. В практической составляющей состоянии неопределенности в вышеуказанном вопросе в конечном варианте упирается в юридическое значение и характеристику вины конкретного субъекта преступления по отношению к факту преступных нарушений правил безопасности, где не в полной мере учитывают доказанные следствием конкретные наступившие последствия, однако на примерах конкретных судебных дел данная характеристика виновности не игнорируется. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ» определил в п. 4 относительно к ст. 216, 217 УК РФ, что в случае, когда умысел виновного был направлен на достижение преступного результата, а способом реализации такого умысла явилось нарушение правил охраны труда и безопасности работ, содеянное следует квалифицировать по соответствующей статье УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение умышленного преступления. Если же виновный путем нарушения указанных

правил преследовал цель причинить одни последствия, а отношение его к наступлению других последствий выступало в форме неосторожной вины, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, совершенных умышленно и по неосторожности.

Следует отметить, что преступная небрежность является спорной с позиции осознания лицом осуществляемых им действий, что, в свою очередь, лежит в основе психологической теории вины. Вина как юридическая категория предполагает не вообще психическое отношение человека к чему-либо, а его отношение к строго определенным в законе обстоятельствам – последствиям. Действенное психическое отношение субъекта к последствиям отсутствует.

Психологическая сторона неосторожного поведения заключается в сознательной и целенаправленной волевой активности человека. Сознание и воля связаны с самим деянием, а не с наступившими вредными последствиями. При легкомысленной вине субъект, совершая противоправное деяние, как и при косвенном умысле, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий. Преступная самонадеянность субъекта свидетельствует о том, что его предвидение было абстрактным и неопределенным, без системной оценки причинных связей

В тех случаях, когда установлено не просто осознание нарушения соответствующих правил техники безопасности, но и осознание общественной опасности их нарушения в связи с предвидением неизбежности или реальной возможности наступления общественно опасных последствий, имеет место не преступление, связанное с нарушением специальных правил безопасности, а иное преступление, например убийство, диверсия и др. По своей

психологической сути само деяние по небрежности, в результате которой нарушаются правила предосторожности, является мотивированным, целенаправленным, волевым и сознательным, что, однако, не в полной мере согласуется с принципом субъективного вменения. Для сглаживания проблемы преступную небрежность следует понимать как психологическую характеристику личности вообще. Примечателен тот факт, что большинство преступлений в сфере техники безопасности чаще совершаются по небрежности. Виновное лицо обязано соблюдать определенные правила и за их нарушение подлежит уголовной ответственности. Однако обязанность в данном случае имеет потенциальный характер. У виновного в момент совершения деяния обычно отсутствует психическое отношение к нарушаемой им обязанности.

Двойственность правовой природы нормы за небрежность предопределяется, с одной стороны, невозможностью ее обоснования в контексте общефилософского понимания вины, а с другой – необходимостью ее существования, поддержания стабильности правовой охраны общественных отношений. С учетом инновационного пути развития современного общества рост преступлений, вызываемых нарушением различных правил безопасности, неизбежен.

В теории уголовного права также все чаще звучит предложение о необходимости учета в вине факта осознания противоправности совершенного преступления, и особенно это актуально для преступлений, совершаемых по неосторожности. В одних анализируемых ситуациях пренебрежительное отношение к правилам может не повлечь причинения уголовно наказуемого

преступления, в других случаях, наоборот, гораздо меньшая неосмотрительность виновного лица может стать основанием для его привлечения к уголовной ответственности. Указанная точка зрения имеет право на существование, так как в сфере безопасности государства действует великое множество нормативных правовых актов, в том числе ведомственных. Требовать от конкретного должностного лица безусловного познания всех их на уровне презумпции – значит, допускать объективное вменение, запрещенное уголовным законом. Положения, содержащиеся в указанных законодательных актах, далеко не всегда формулируют очевидные правила безопасности, иногда возникают ситуации, когда для того, чтобы понять конкретное правило поведения, необходимо ознакомиться со всем нормативным актом подробно. В случае совершения преступлений вышеуказанной группы необходимо вести речь об ответственности, которая базируется не на субъективном, а на объективном вменении.

Таким образом, субъективные элементы вины в составах преступлений, связанных с нарушением специальных правил безопасности, достаточно сложны для уголовно-правового анализа, и от системных алгоритмов в правильной квалификации по фактам преступных деяний, главной характеристикой которой является установление по уголовному делу всех элементов состава преступного деяния, напрямую зависит реализация принципа вины, а современная правоприменительная практика должна применять необходимые правовые инструменты, которые учитывают базовые положения теории уголовного права.

Рогачев Д.Е.

Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На сегодняшний день компьютерные технологии стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Современному обществу как никогда свойственны интенсивный темп научно-технического прогресса, бурное развитие компьютерной

техники и средств телекоммуникаций. В соответствии со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы развитие информационных и коммуникационных технологий, формирование информационного про-

странства и соответствующей инфраструктуры являются приоритетными направлениями внутренней политики государства¹. Вместе с тем технологический прогресс сопровождается появлением новых видов преступлений, а их способы и формы постоянно совершенствуются.

Согласно действующему российскому законодательству к преступлениям в сфере компьютерной информации относятся: неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ); нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи общего пользования (ст. 274.2 УК РФ).

Указанные статьи входят в главу 28 УК РФ, в которой в соответствии с примечанием к ст. 272 УК РФ под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. При этом определения многих других используемых в статьях данной главы УК РФ понятий закреплены в иных федеральных законах, например от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и др.

В отечественной науке преступления в сфере компьютерной информации часто именуют понятиями «компьютерные прес-

тупления», «информационные преступления» (деяния, совершаемые в информационно-телекоммуникационной сфере), «киберпреступления» (т.е. совершаемые с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети, против компьютерной системы или сети)².

В формах федерального статистического наблюдения информация о результатах борьбы с данным видом преступности отражается вместе с данными о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Несмотря на то, что в структуре указанных преступлений деяния главы 28 УК РФ занимают незначительное место (в 2018 г. – 1,4%, в 2019 г. – 1%, в 2020 г. – 0,9%, в 2021 г. – 1,3%, в 2022 г. – 1,8%), количество зарегистрированных преступлений в сфере компьютерной информации в последние годы возрастает. Так, в 2018 г. правоохранительными органами было выявлено 2500 преступлений, предусмотренных статьями главы 28 УК РФ, в 2019 г. – 2883 (+15,3%), в 2020 г. – 4498 (+56,0%), в 2021 г. – 6869 (+52,7%), в 2022 г. – 10027 (+46%).

Рост уровня преступности в сфере компьютерной информации обуславливается несколькими факторами. Во-первых, злоумышленники стараются действовать на опережение и находятся на несколько шагов впереди тех, кто им противодействует. Законодательство в этом вопросе не поспевает за новыми угрозами в сфере высоких технологий и схемами их применения. Во-вторых, это легкомысленное поведение граждан в сфере информационных технологий. Сюда можно отнести легкие защитные пароли, передачу личных данных третьим лицам, посещение сомнительных сайтов, отсутствие антивирусных программ. В-третьих, это глобализация и возможность совершать рассматриваемые преступления из любой точки мира.

Одной из важнейших причин развития преступности в сфере компьютерной информации можно назвать обострение меж-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Попов А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации : учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 68 с.

дународной обстановки. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹ прямо указывает, что в настоящий момент увеличивается количество компьютерных атак на российские информационные ресурсы. Большая часть таких атак осуществляется с территорий иностранных государств. Инициативы Российской Федерации в области обеспечения международной информационной безопасности встречают противодействие со стороны иностранных государств, стремящихся доминировать в глобальном информационном пространстве.

По данным Совета Безопасности Российской Федерации, ситуация в сфере информационной безопасности в течение 2022 г. характеризовалась существенным возрастанием масштаба и интенсивности деструктивного информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру Российской Федерации, осуществляемого специальными службами иностранных государств и международными преступными сообществами². По итогам года количество выявленных случаев неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) возросло с 6392 до 9308, или на 45,6%, а количество случаев неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274¹ УК РФ) в 3 раза превысило показатели предшествующего года (519 в 2022 г. против 159 в 2021 г.).

Так, по данным Лаборатории Касперского, в третьем квартале 2022 г., как и ранее, большинство управляющих ботнетами серверов находились в США (43,1%), Германии (10,2%), Нидерландах (9,3%)³. По словам IT-специалистов, представителей компаний, специализирующихся на инфор-

мационной безопасности, в 2022 г. многократно возросло не только число подобных атак, но и их мощность, интенсивность. Так, по некоторым сведениям, число DDoS-атак на российские компании в первом полугодии 2022 г. выросло в 15 раз по сравнению с тем же периодом 2021 г., в том числе на государственный сектор – в 17 раз. При этом увеличилась длительность атак: если в конце 2021 г. атаки длились в среднем три часа, то в начале 2022 г. – семь часов, а некоторые атаки длятся неделями. По мнению экспертов, рост количества DDoS-атак связан прежде всего с нестабильной политической ситуацией в России и во всем мире и, как следствие, активизацией «хактивистов», целью которых является нанесение вреда экономике и социальной сфере России⁴.

Следует отметить, что в ходе надзорной деятельности прокурорами в течение 2022 г. выявлялись нарушения требований законов в сфере информационной безопасности, представляющие собой серьезный криминогенный фактор. Так, в ряде регионов к работе со средствами криптографической защиты информации допускались должностные лица, не прошедшие соответствующее обучение, использовалось несертифицированное программное обеспечение, государственные информационные системы эксплуатировались без надлежащего оформления прав на них, установлены случаи несвоевременного обновления антивирусных баз, неисполнения планов мероприятий по защите информации и реагированию на компьютерные инциденты⁵.

В связи с обострением угроз в информационной сфере в 2022 г. были приняты организационные меры, направленные на усиление борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации: в структуре центрального аппарата МВД России обра-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс».

² Состоялось заседание Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по информационной безопасности // Совет Безопасности Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3410/> (дата обращения: 20.01.2023).

³ См.: Отчет «DDoS-атаки в третьем квартале 2022 г.» // Лаборатория Касперского. URL: <https://securelist.ru/ddos-report-q3-2022/106012/> (дата обращения: 15.02.2023).

⁴ Число DDoS-атак на российские компании в I полугодии 2022 года выросло в 15 раз // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15211801> (дата обращения: 15.02.2023).

⁵ Генпрокуратурой России проанализирована практика надзора в сфере противодействия компьютерным атакам на информационные ресурсы Российской Федерации // Генеральная Прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=84090509> (дата обращения: 15.02.2023).

зовано Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий¹, на которое возложено осуществление предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений и иных правонарушений в сфере IT-технологий, а также координация этой деятельности в системе МВД России, аналогичные структуры появятся и в территориальных органах². Кроме того, в целях повышения скорости межведомственного взаимодействия внесены изменения в законодательство, касающиеся вопросов информационного обмена между Банком России и МВД России³.

Развивалось и отечественное уголовное законодательство. Так, в 2022 г. глава 28 УК РФ была дополнена ст. 274² «Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сети связи общего пользования»⁴. Такое решение принято на фоне ужесточения санкций против Российской Федерации и увеличения кибератак на государственные сайты.

Кроме того, в конце 2022 г. Верховным Судом Российской Федерации приняты меры, направленные на совершенствование правоприменительной практики борьбы с преступностью рассматриваемого вида. В связи с многочисленными вопросами, воз-

никающими у судов, и в целях обеспечения единообразного применения ими законодательства об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации, предусмотренные ст. 272, 273, 274 и 274¹ УК РФ, а также за иные преступления, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал судам соответствующие разъяснения⁵.

Таким образом, борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации является одной из наиболее актуальных проблем не только в России, но и во всем мире. Многие сферы общественных отношений перешли в интернет-пространство и нуждаются в надежной защите от преступных посягательств. Специфика рассматриваемых преступлений обусловлена использованием при их совершении различных новейших технологических достижений, необходимостью обладания определенным уровнем специальных познаний, а также наличием специального инструментария, что с учетом высокой латентности подобных общественно опасных деяний затрудняет их выявление и фиксацию, а также их пресечение и предупреждение. В связи с этим особое значение имеет создание соответствующих механизмов нормативно-правового, информационного, организационного, методологического обеспечения этого вида деятельности.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30.09.2022 № 688 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А. Колокольцева на заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в рамках «правительственного часа» // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/document/33200763> (дата обращения: 17.02.2023).

³ О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и статью 27 Федерального закона «О национальной платежной системе»: Федеральный закон от 20.10.2022 № 408-ФЗ.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ.

⁵ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37.

Шайденко Е.А.

Омская академия МВД России

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА ПРИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уголовная ответственность, установленная законодателем за те или иные деяния, призвана обеспечить соразмерную и справедливую реакцию со стороны государства на совершенные преступления. Вместе с тем при назначении наказания в каждом конкретном случае суд обязан также действовать в соответствии с принципом индивидуализации уголовно-правовой репрессии.

Несмотря на общую тенденцию последних десятилетий к либерализации наказаний, к гуманизации уголовной ответственности в целом, следует обратить внимание, что не каждое преступление, в силу своей высокой общественной опасности, априори может позволить правоприменителю использовать некоторые уголовно-правовые инструменты, которые позволяют преступнику «уйти от ответственности».

В 2016 г. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ¹ законодатель расширил институт освобождения от уголовной ответственности, добавив в него основание – в связи с назначением судебного штрафа. Данная новелла применима в случае, когда лицо совершает впервые преступление небольшой или средней тяжести, если был возмещен ущерб или иным образом заглажен вред. В настоящий момент ст. 76.2 УК РФ не имеет ограничений в применении.

Безусловно, освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа является универсальным уголовно-правовым средством. Суд при принятии данного решения в каждом случае индивидуально оценивает комплекс обстоятельств, связанных как с юридически значимым поведением лица, совершившего преступление, так и с признаками состава совершенного им преступного деяния. Однако, на наш взгляд, существуют составы преступления, требующие в этой части

более детального описания аспектов, которые должны быть рассмотрены и учтены судом при вышеописанной ситуации.

Осуществление правосудия в Российской Федерации охраняется уголовным законом от различных преступных посягательств, которые подрывают стабильное функционирование системы судов, снижают доверие граждан к судопроизводству и государственной власти в целом. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности является одним из наиболее опасных преступлений данной сферы, которое нарушает исполнение фундаментальных принципов судопроизводства, а также в значительной мере затрагивает законные права и интересы граждан. Вызывают беспокойство случаи прекращения уголовных дел в связи с назначением судебного штрафа, что, на наш взгляд, не отражает соразмерной уголовно-правовой реакции на преступления, совершенные в рамках составов ст. 303 УК РФ.

В связи с тем, что в настоящий момент в УК РФ отсутствует легитимная дефиниция фальсификации, признаки данного явления формулируются в теории уголовного права, в документах судебной практики. Так, Верховный Суд РФ указывает, что «...под фальсификацией доказательств понимается искусственное создание или уничтожение доказательств, независимо от того, являются ли они доказательствами обвинения или защиты, а также независимо от наступления каких-либо последствий, от того являлось ли целью фальсификации доказательств осуждение лица или, наоборот, его оправдание либо иная цель»². Из анализа приведенного определения мы видим, что состав формальный, мотивы и цель, в рамках которых действовал фальсификатор, не имеют значения для квалификации по ст. 303 УК РФ. В подтверждение этого под-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 03.07.2016 № 323 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.09.2010 № 46-О10-80 // СПС «КонсультантПлюс».

хода Верховный Суд РФ аргументирует набор указанных признаков «...особой ролью уголовного преследования в системе мер государственного принуждения, повышенной общественной опасностью умышленной фальсификации следователем доказательств по уголовному делу, независимо от наступления реальных последствий в результате этих действий»¹.

В.Н. Борков отмечает: «Любое преступление, в том числе и отраженное в формальном составе, общественно опасно. Как правило, формальный состав используется при описании таких посягательств, где деяние вредоносно уже при его совершении или порождает реальную угрозу причинения существенного вреда»². Более того, общественная опасность фальсификации возрастает в связи с тем, что, когда в рамках охраняемых общественных отношений по поводу претворения правосудия в жизнь совершаются преступления, искажаются реальные факты и обстоятельства, формирующие доказательственную базу – сама сущность системы правосудия подвергается дестабилизации изнутри, а лицо, которому государство «доверило» правоохранительную функцию, приобретает статус преступника. Повышенная общественная опасность указанного преступного деяния, влияющая в большей степени на нормальное функционирование системы правосудия в Российской Федерации, должна быть акцентирована судом при принятии решения о назначении судебного штрафа лицу, совершившему преступление, предусмотренное чч. 1-2, ч. 4 ст. 303 УК РФ). По нашему мнению, повышенная общественная опасность исследуемого преступления, хоть и не является формальным препятствием к назначению судебного штрафа, в настоящий момент должна приобретать значимое место в формировании судебного убеждения, иначе под угрозой оказывается реализация такого фундаментального принципа отечественного уголовного права, как принцип справедливости.

По смыслу ст. 76.2 УК РФ принятие решение об освобождении лица от уголовной

ответственности в связи с назначением судебного штрафа может быть принято судом при совершении следующих составов фальсификации: фальсификация доказательств по гражданскому делу (ч. 1 ст. 303 УК РФ); фальсификация доказательств по административному делу (ч. 1 ст. 303 УК РФ); фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении участником производства по делу о административном правонарушении или его представителем (ч. 1 ст. 303 УК РФ); фальсификация доказательств лицом, уполномоченным рассматривать дела о административных правонарушениях либо должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях (ч. 1 ст. 303 УК РФ); фальсификация доказательств по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести (ч. 2 ст. 303 УК РФ); фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ). Серьезной проблемой становится тот факт, что все вышеперечисленные составы преступления по своей конструкции являются формальными, но ни в доктрине, ни в правоприменительной практике единого подхода к возможности применения ст. 76.2 УК РФ в подобных ситуациях не выработано до сих пор. Так, по мнению А.В. Кудрявцевой и К.И. Сутягина, «виновное лицо в силу объективных причин не имеет возможности проявить свое позитивное посткриминальное поведение как одно из условий прекращения дела с назначением судебного штрафа»³. С противоположной позицией выступает Н.Ю. Скрипченко, которая подчеркивает, что судебный штраф применим по некоторым формальным составам, когда лицо объективно может принять меры по восстановлению нарушенных в результате преступления прав личности, общества, государства, загладить причиненный вред путем компенсации морального вреда. В иных случаях применение такой меры уголовно-правового характера невозможно, поскольку отсутствует строгое формальное условие в виде возмещения ущерба, загла-

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.09.2010 № 46-О10-80.

² Борков В.Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2022. С. 108.

³ Кудрявцева А.В., Сутягин К.И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 107.

живания вреда, причиненного преступлением¹.

Сложно представить, каким образом фальсификатор может выполнить условие по возмещению ущерба или заглаживанию вреда. Специфичность объекта, на которые посягает фальсификация доказательств, и результатов оперативно-разыскной деятельности сама по себе не позволяет это сделать, ведь зачастую наступившие последствия выражены в незаконных решениях уполномоченных лиц в рамках того или иного производства, на отмену которых

преступник уже повлиять не сможет, даже если ранее он сам обладал этими полномочиями. При рассмотрении возмещения ущерба, который был причинен правам и законным интересам участников уголовного судопроизводства в частности, условие может быть выполнено через компенсацию морального вреда, но достаточность и полнота устранения вреда нанесенного преступлением всем охраняемым уголовным законом правоотношениям в рамках чч. 1-2, ч. 4 ст. 303 УК РФ остается под вопросом.

Лобач Д.В.,

кандидат юридических наук

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Владивосток)

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДИВЕРСИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ**

В условиях проведения специальной военной операции на территории Украины в целях обеспечения государственной безопасности российский законодатель принял необходимое решение по расширению охранительного потенциала уголовного законодательства Российской Федерации, в связи с чем Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были криминализованы новые общественно опасные деяния, связанные с диверсионной деятельностью. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен новыми нормами, предусматривающими ответственность за содействие диверсионной деятельности (ст. 281¹ УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281² УК РФ), организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281³ УК РФ). Таким образом, российский законодатель, так же как в случае с противодействием терроризму, пошел по пути расширения правоохранительных воз-

можностей уголовного закона через криминализацию предшествующих по отношению к диверсии деяний. Не оспаривая правильность данного подхода (хотя для этого имеются достаточные сомнения, которые неоднократно озвучивались в академической среде²), в то же время следует, наверное, согласиться с тем, что общественная опасность диверсии и террористического акта законодателем оценивается в равной мере, так как за оба преступления предусмотрены схожие наказания в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет. С позиции последовательности уголовно-правовой политики и эффективности уголовного законодательства возник политический диссонанс, заключаемый в повышенном внимании к противодействию терроризма, с одной стороны, и недостаточном отношении к противодействию диверсиям, с другой. Вместе с тем новые нормы о диверсионной деятельности вызывают нарекания с позиции соблюдения правил юридической техники и общих требований пенализации, что снижает их правоохранительный потенциал и может создавать сложности в правоприменении.

¹ Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 106.

² Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 155-178.

менительной практике. Не претендуя на широкое освещение различного рода юридико-технических дефектов, хотелось бы остановиться на наиболее очевидных и спорных моментах, связанных как с особенностями конструирования уголовно-правовых норм, так и с некоторыми аспектами пенализации.

Во-первых, законодатель вводит новое понятие «диверсионная деятельность», которое, однако, не раскрывается ни в самом Уголовном кодексе РФ, ни в специальных законах, направленных на противодействие диверсионной деятельности. В отличие от противодействия террористической деятельности, регламентированной Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26 мая 2021 г.) «О противодействии терроризму», на сегодняшний день нет закона, регулирующего правоохранительные отношения, связанные с противодействием диверсионной деятельности. Учитывая отсылочный характер уголовно-правовых норм о диверсионной деятельности (ст. 281.1 и 281.2 УК РФ) к ч. 1 ст. 281 УК РФ, закрепляющей легальную дефиницию диверсии, при буквальном их толковании можно прийти к выводу об отождествлении диверсии и диверсионной деятельности. Как и в отношении террористической деятельности, российский законодатель в нарушении принципа унификации понятийно-категориального аппарата использует разные понятия, характеризующие одно и то же явление правовой действительности. Вместе с тем ситуация осложняется еще и тем, что отождествление диверсии и диверсионной деятельности становится невозможным применительно к норме ст. 281.3 УК РФ, устанавливающей ответственность за создание диверсионного сообщества в целях осуществления не только диверсионной деятельности, но и подготовки или совершения самой диверсии. Таким образом, в одном случае усматривается отождествление диверсии и диверсионной деятельности (ст. 281.1 и 281.2 УК РФ), а в другом наблюдается разграничение указанных понятий (ст. 281.3 УК РФ).

Если анализировать уголовно-правовую норму ст. 281.3 УК РФ с позиции единообразия используемых в уголовном законодательстве понятий, то не в меньшей степени актуализируется вопрос о понятии дивер-

сионного сообщества, которое раскрывается через устойчивую группу. В действующем уголовном законодательстве отсутствует такая форма соучастия, как устойчивая группа. Известно, что устойчивость группы выступает одним из признаков организованной группы. Однако диверсионное сообщество (кстати говоря, и террористическое сообщество тоже) раскрывается не через организованную группу, а через ее отдельный признак. Напротив, экстремистское сообщество уже определяется как организованная группа. Возникает закономерный вопрос: можем ли мы устойчивую группу рассматривать как организованную группу для раскрытия содержания диверсионного сообщества? Представляется, что да, поскольку признак устойчивости, присущий организованной группе, используемый для определения диверсионного и террористического сообщества, не искажает их юридический смысл, хотя и демонстрирует отход от единообразия используемых при конструировании уголовно-правовых норм понятий.

Во-вторых, вызывает непонимание тот факт, что за отдельные преступления, связанные с диверсионной деятельностью, предусмотрены санкции в виде лишения свободы, которые не отражают характер общественной опасности таких преступлений. Например, если диверсия наказывается лишением свободы на срок от 10 до 15 лет, то пособничество в совершении диверсии наказывается лишением свободы на срок от 10 до 20 лет. Если исходить из верхнего предела санкции пособничества в совершении диверсии, то возникает уникальная ситуация, при которой, например, умышленное содействие совершению диверсии советами, указаниями, предоставлением информации может наказываться более сурово, чем сама диверсия. Еще более непонятной выглядит ситуация с наказанием за прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности. Санкция ст. 281.2 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет или пожизненным лишением свободы. Таким образом, усматривается и вовсе парадоксальная ситуация – диверсия наказывается намного более мягче, чем прохождение обучения в целях совершения диверсии, что свидетельствует о неправиль-

ной законодательной оценке общественной опасности самой диверсии в сравнении с общественной опасностью обучения в целях совершения этого преступления.

Не меньшее удивление вызывает и то, что в санкциях некоторых норм, устанавливающих уголовную ответственность за различные деяния, связанные с диверсионной деятельностью (ч. 3 ст. 281 УК РФ, ч. 1, 2 и 4 ст. 281.1 УК РФ, ст. 281.2 УК РФ, ч. 1 ст. 281.3 УК РФ), предусмотрено также наказание в виде пожизненного лишения свободы. Выбранный законодателем подход в пенализации указанных преступлений нарушает системность взаимодействия норм Общей и Особенной частей УК РФ. В соответствии со ст. 57 УК РФ пожизненное лишение свободы может устанавливаться только в отношении особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, здоровье населения, общественную нравственность, общественную безопасность, а также половую неприкосновенность несовершеннолетних. Нормы о преступлениях, связанных с диверсионной деятельностью, размещены в главе 29 десятого раздела УК РФ, то есть родовым объектом выступает государственная власть, а видовым – безопасность государства. Следовательно, законодатель не должен был устанавливать данный вид наказания в отношении преступлений, связанных с диверсионной деятельностью¹.

В-третьих, как уже было сказано выше, уголовно-правовая политика в сфере обеспечения государственной безопасности посредством криминализации общественно опасных деяний, связанных с диверсионной деятельностью, во многом повторяет законодательный подход в отношении борьбы с терроризмом. В частности, так же, как и с терроризмом, были криминализированы содействие диверсионной деятельности, прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, а также организация диверсионного сообщества и участие в нем. Однако законодатель посчитал нецелесообразным криминализировать публичные призывы, публичное оправдание и пропаганду диверсионной деятельности,

хотя при этом норма о диверсионном сообществе содержит указание на совершение иных преступлений в целях пропаганды и оправдания диверсии.

В-четвертых, едва ли можно признать удачным законодательный подход в конструировании квалифицированных составов преступления диверсии. Прежде всего, вызывает высказанные уже неоднократно в академической среде сомнения в правильности установления такого квалифицирующего признака, как совершение деяний, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ, если они повлекли умышленное причинение смерти человеку. Как и в отношении террористического акта, такой же квалифицирующий признак был установлен и для диверсии (ч. 3 ст. 281 УК РФ). Едва ли такой подход следует признать правильным, так как человеческая жизнь отходит на второй план, искусственно становясь дополнительным объектом². Справедливым в этой связи представляется критическое замечание, высказанное в научной литературе, о том, что деяние, повлекшее смерть человека, должно быть квалифицировано как убийство. Не без интереса будет отметить, что, в отличие от нормы, предусматривающей повышенную ответственность за террористический акт, повлекший по неосторожности смерть человека, применительно к диверсии такой квалифицирующий признак уже не используется.

В заключение следует отметить, что дополнительная криминализация деяний, составляющих диверсионную деятельность, обусловлена объективными процессами, связанными с необходимостью обеспечения государственной безопасности. В свою очередь, подобного рода криминализация в отношении диверсии во многом основывается на практике криминализации общественно опасных деяний, связанных с террористической деятельностью. Анализ некоторых проблемных моментов, связанных с нарушением прав юридической техники и игнорированием требований пенализации, свидетельствует о возможном снижении правоохранительного потенциала уголовного закона.

¹ Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2012. 288 с.

² Егорова Н. Совокупность убийства с другими преступлениями: перспективы законодательства и правоприменительной практики // Уголовное право. 2014. № 5. С. 48.

Малышев К.С.

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ УГРОЗУ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В современную эпоху цифровой трансформации политической, экономической, социальной, культурной и иных сфер общественной жизни мир столкнулся с серьезными вызовами безопасности личности, общества и государства.

К числу таких вызовов следует отнести доступность и высокую степень интенсивности публичного распространения информации в информационно-телекоммуникационной среде.

Кроме того, опасность может представлять нерегламентированное законодательством использование в информационно-телекоммуникационных сетях простых для освоения технологий, таких как «дипфейк», не требующих при подготовке контента серьезных специальных познаний. «Дипфейк» – это технология обучения искусственного интеллекта, которая позволяет пользователю синтезировать речь любого человека на аудиоконтенте либо изображение любого человека на видеоконтенте.

Следует отметить, что сама технология не является общественно опасной и может положительно использоваться в киноиндустрии, при общении с глухими, путем онлайн-преобразования аудиоинформации в текстовую, при онлайн-переводе текста с одного языка на другой и в иных общественно полезных целях. Однако правовой вакуум многих государств по защите населения от злоупотреблений данным инструментом и в целом от публичного распространения ложной информации создает благодатную почву для деяний злоумышленников, которые могут как причинить вред репутации отдельного человека, так и посеять панику среди населения, массовые беспорядки и прочие общественно опасные явления.

Следует отметить, что в мире уже предпринимаются первые шаги правовой защиты от угрозы общественной безопас-

ности в информационно-телекоммуникационной среде, связанной с ложным информированием населения.

Например, в октябре 2019 г. в штате Калифорния США введена ответственность за изготовление и распространение «дипфейков» в пределах 60 дней до выборов¹.

Логичным развитием законодательной регламентации норм об ответственности за распространение информации, не соответствующей действительности, создающее угрозу общественной безопасности, на наш взгляд, стало введение в апреле 2020 г. уголовной ответственности за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, в рамках ст. 207.1 УК РФ.

Кроме того, этим же законом была введена уголовная ответственность по ч. 1 ст. 207.2 УК РФ за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, в ч. 2 этой же статьи уголовного законодательства ответственность установлена за то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Катализатором указанных законодательных новелл стала глобальная проблема борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Уроки истории о массовых волнениях в России в XIX веке, когда по стране прокатились холерные бунты после ложных слухов о якобы намеренных действиях властей по отравлению колодцев с питьевой водой, а также существенно завышенных цифрах погибших

¹ Фальшивое будущее: международный опыт (не) регулирования дипфейков. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/falshivoe-budushee-i-pornografiya-mezhdunarodnyi-opyt-ne-regulirovaniya-dipfeikov> (дата обращения: 27.09.2022).

от болезни, не прошли даром. Безусловно, данные нормы уголовного законодательства были введены не только для борьбы с COVID-19, а в целом для защиты общественной безопасности от ложной информации, распространение которой представляет серьезную угрозу для состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Анализ становления и развития норм отечественного административного и уголовного законодательства, направленных на защиту общественных отношений от негативного явления, в качестве которого выступает распространение информации, не соответствующей действительности, представляющей угрозу общественной безопасности, позволил нам сделать вывод о наличии ряда проблем в законодательной регламентации указанных норм.

Одной из проблем, относящейся к действующей редакции анализируемых норм уголовного законодательства, по нашему мнению, является вопрос о целесообразности законодательного разграничения предмета в ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ. Кроме того, считаем дискуссионным вопрос о верном соотношении общественной опасности ст. 207¹ УК РФ с характером деяний смежных административных правонарушений.

Вопрос о целесообразности законодательного разграничения предмета в ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ вытекает из разъяснений Президиума Верховного Суда РФ и результатов анализа сопоставления норм административного, уголовного законодательства и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

В Обзоре Президиума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 разъясняется, что информация, выступающая предметом ст. 207.1

УК РФ, может относиться к информации, выступающей предметом ст. 207.2 УК РФ¹. Там же указано, что при конкуренции данных норм достаточной является квалификация по ст. 207.2 УК РФ. Следовательно, ст. 207.1 УК РФ является специальной по отношению к общей норме, которой является ст. 207.2 УК РФ.

Однако и ст. 207.1 УК РФ, и ч. 1 ст. 207.2 УК РФ относятся к категории преступлений небольшой тяжести. Более того, содержание информации, выступающей предметом в ст. 207.1 УК РФ, не обладает спецификой, требующей вынесения деяния в отдельную норму. Этот вывод вытекает из определения «общественно значимой информации», регламентированного ч. 1.1 ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором устанавливается, что недостоверной общественно значимой информацией является информация, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи. Другими словами, предметом преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, может выступать любая информация, которая представляет угрозу обозначенным выше объектам. В этой связи представляется целесообразным декриминализировать деяние, предусмотренное ст. 207.1 УК РФ, а также внести изменения в действующую редакцию ст. 207.2 УК РФ.

Данный тезис отчасти подтверждается статистическими данными. По ст. 207.1 УК РФ за 2020 г. привлечены к ответственности два человека, по ст. 207.2 УК РФ – ни одного².

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrp.ru/files/28856/> (дата обращения: 29.09.2022).

² Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса российской федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Данные судебной статистики. Судебный

К уголовной ответственности по характеру и степени общественной опасности, на наш взгляд, следует привлекать лиц, создавших и распространивших заведомо ложную общественно значимую информацию. В таком случае изменения в редакцию ст. 207.2 УК РФ (при условии декриминализации ст. 207.1 УК РФ) должны в основном составе предусматривать ответственность за создание и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, создавшее угрозу наступления последствий в виде причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Соответственно, квалифицированный состав должен предусматривать ответст-

венность за неосторожное наступление хотя бы одного из указанных в основном составе (в качестве угрозы) реальных последствий. Если же лицо умышленно стремилось достичь таких последствий, то деяние следует квалифицировать по соответствующим статьям уголовного законодательства против общественных отношений, которым причинен вред либо возникла угроза причинения такого вреда.

Цифровизация общественных отношений предъявляет высокие требования к эффективности форм и методов борьбы с новыми общественно опасными явлениями, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Распространение информации, не соответствующей действительности, представляющей угрозу общественной безопасности, поднимает ряд проблем как на уровне законотворческой деятельности, так и на уровне правоприменения. Следовательно, теоретическая разработка указанного направления высоко востребована обществом и государством.

Агафонов А.В.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции предусмотрена ст. 322.1 УК РФ. Однако в тексте настоящей статьи полностью отсутствует предметная ссылка на раскрытие и обоснование наличия данного уголовно-правового термина. Впрочем, предметно изучая диспозицию ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, следует сделать вполне обоснованный, по нашему мнению, вывод о том, что незаконная миграция, согласно своему смысловому содержанию, состоит из трех основных элементов или составных частей, а именно:

- незаконный въезд на территорию Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, т.е. апатридов;
- их незаконное пребывание на территории Российской Федерации;

– их незаконный транзитный проезд через территорию Российской Федерации.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» «законно находящийся на территории России иностранный гражданин – (есть) (физическое) лицо, имеющее действительный вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина и пребывания (проживание) в Российской Федерации».

Следовательно, нелегальной (противозаконной и т.д.) миграция становится только

тогда, когда правовое положение иностранцев или апатридов не будет в полной мере соответствовать указанному постулату.

В ст. 6 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»¹ (далее – ФЗ № 114-ФЗ) прямо и довольно четко отмечается, что выезд и въезд с территории Российской Федерации осуществляется только по предусмотренным российским законодательством документам, подтверждающим личность физического лица именно как гражданина Российской Федерации за пределами этой страны.

Иностранные граждане или апатриды обязаны при въезде в Россию и выезде с территории Российской Федерации предъявить соответствующие законодательству их стран действующие документы, удостоверяющие их правовой статус и признаваемые российским государством именно в этом качестве. А именно (национальный) паспорт, заграничный паспорт, дипломатический или служебный паспорт, вид на жительство в Российской Федерации². Помимо перечисленного, указанные лица обязаны обладать и визой, если иное прямо не предусмотрено ФЗ № 114-ФЗ либо международным договором Российской Федерации или Указами Президента России.

Виза – это выданное уполномоченным на то государственным органом разрешение на въезд в Российскую Федерацию или транзитный проезд через саму территорию этой страны при наличии предъявления на пункте контроля действующего документа, удостоверяющего личность гражданина другой страны или апатрида и признаваемой Россией именно в подобном качестве.

В зависимости от цели въезда на территорию нашей страны перечисленных выше физических лиц виза может быть дипломатической, служебной, обыкновенной или

транзитной либо визой временно проживающего лица, в соответствии со ст. 25.1 ФЗ № 114-ФЗ.

Помимо указанного, иностранные граждане или апатриды обязаны получить и заполнить миграционную карту. Последняя подлежит обязательному возврату в пункте пропуска через Государственную границу Российской Федерации при въезде этих лиц на территорию России.

Иностранные граждане или лица без гражданства, получившие ранее вид на жительство в нашей стране, обязаны осуществлять въезд на территорию российского государства на основании как документов, удостоверяющих их правовой статус, так и этого вида.

Таким образом, «...незаконным въездом на территорию Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства следует признавать въезд всех вышеуказанных субъектов на территорию России без наличия соответствующих документов или юридически обязательных разрешений, а равно с документами по истечению срока их действия»³.

«С учетом определения Государственной границы, содержащегося в ст. 1 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации», преступления, предусмотренные ст. 322 УК РФ, признаются оконченными с момента фактического пересечения лицом Государственной границы независимо от места и способа ее пересечения (пешком, на любом виде транспорта, тайно или открыто, с прохождением пограничного контроля в пункте пропуска через Государственную границу или без такового)⁴.

Для осуществления анализа такого уголовно-правового понятия, как «незаконное пребывание», по мнению многих отечественных исследователей, к которым мы в целом присоединяемся, явно необходимо

¹ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15.08.1996. № 114-ФЗ (в ред. ФЗ от 06.07.2016. № 374-ФЗ) // Российская газета. 22.08.1996.

² См.: О судебной практике по делам о незаконном пересечении государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 18, п. 3.

³ Андрущенко В.А. Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. С. 94.

⁴ См.: О судебной практике по делам о незаконном пересечении государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 № 18, п. 5.

обратиться к примерам из современной российской следственно-судебной практики.

Так, например «...материалы судебной практики свидетельствуют о том, что организация незаконного пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации может быть осуществлена только путем активных действий.

При этом по большей части целью таких активных действий является осуществление нелегальной трудовой деятельности на территории России, хотя это и не относится к обязательному признаку состава преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, а следовательно, и не входит в предмет доказывания при расследовании конкретного уголовного дела.

Способы ... незаконного пребывания иностранных граждан могут быть самыми разнообразными»¹.

Согласно ФЗ № 114-ФЗ, транзитный проезд через территорию России происходит, как правило, без права пассажира на остановку. Однако в исключительных случаях последняя может быть и формально разрешена российским государством.

Для проезда через границу Российской Федерации необходимо соответствующее разрешение, а именно транзитная виза для иностранного государства.

Статья 31 ФЗ № 114-ФЗ прямо закрепляет положение, согласно которому транзитный проезд через территорию России без визы разрешается иностранному гражданину или апатриду, только если последние:

1) осуществляют беспересадочный полет воздушным транспортом;

2) следуют на воздушном судне международной авиалинии с пересадкой в соответствующем аэропорту нашей страны и имеют на руках соответствующие случаю документы на право въезда в государство назначения и авиабилет с подтвержденной датой вылета из аэропорта пересадки размещенного на территории России в течение суток с момента прибытия, за исключением случаев вынужденной остановки;

3) проживают на территории страны, с которым российское государство подписало соответствующий документ.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения поднятых и рассмотренных вопросов, следует в целом согласиться с точкой зрения, изложенной в свое время Д.Д. Фоменко, согласно которой незаконная миграция есть «совокупность общественных отношений, складывающихся в результате деятельности органов власти и физических лиц по перемещению последних в миграционном пространстве (России) с нарушением действующего законодательства (последней)»².

В данном определении, по нашему мнению, следует всего лишь словосочетание «совокупность общественных отношений» заменить термином «совокупность уголовно-правовых отношений».

К числу основных признаков незаконной миграции явно необходимо отнести следующее: незаконность, въезд, пребывание и транзит.

Литвинов А.А.

Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

ВООРУЖЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИЯ

Преступления, совершаемые с оружием, находятся на одном из первых мест по степени общественной опасности. Они наносят вред как общественной безопасности, собственности, нормальному функционированию общественных и государственных

институтов, так и жизни и здоровью граждан, среди которых практически нет категорий, которым бы потенциально не угрожала опасность быть потерпевшим от вооруженного преступления³.

¹ Андрюшенков В.А. Указ. соч. С. 96.

² Фоменко Д.Д. Организация незаконной миграции в контексте российского, международного и зарубежного опыта криминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. С. 14.

³ Казакова В.А. Вооруженная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 3.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что, несмотря на снижение вооруженной преступности, наблюдаемое в последние годы, ее масштабы остаются значительными. В динамике исследуемой преступности за последние пять лет выделяются два периода устойчивого развития.

В период с 2018-2021 гг. и по первый квартал 2022 г. основной моделью динамики преступлений, совершенных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, было равномерное линейное развитие: среднее абсолютное ежемесячное снижение преступности было постоянным (-38 преступлений). Надежность аппроксимации модели весьма высокая (99,1%). Данная модель указывает на то, что в этот период действие криминогенных факторов уравнивалось действием антикриминогенных факторов.

Так, в 2018 г. были зарегистрированы 6003 преступления, в 2019 г. – 5571 преступление, что на 7,2% меньше, чем в 2018 г., в 2020 г. – 5169 преступлений, что также на 7,2% меньше, чем в 2019 г., в 2021 г. – 4699, снижение составило 9,1%.

Однако в 2022 г. криминальная ситуация в данной сфере резко изменилась в связи с началом специальной военной операции на Украине. В результате сформировался второй период, который начался со второго квартала 2022 г. Основной моделью динамики преступности данного вида в это время стало параболическое развитие: равнозамедленный рост с незначительным замедлением. Данная модель указывает на то, что в этот период действие антикриминогенных факторов на постоянную величину оказывало значительное давление на действие криминогенных факторов. Так, количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, выросло по стране на 32,4% (6222). По данным МВД России, это произошло в основном за

счет преступлений, совершенных за пределами Российской Федерации и в регионах, граничащих с зоной проведения специальной военной операции¹. Так, количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, в Курской области возросло в 3,3 раза, Белгородской области в 3,6 раза. Кроме того, в г. Москве данный показатель увеличился в 4 раза. В этой связи также обращает на себя внимание заметное увеличение в Российской Федерации числа преступлений, совершенных с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств (на 103,3%), что может объясняться ракетными обстрелами территории России украинскими националистами.

По данным Совета Безопасности Российской Федерации, украинские нацистские формирования активно применяют, по сути, террористические методы, совершая массированные обстрелы с использованием западных артиллерийских и ракетных систем гражданских объектов и мест скопления мирного населения в Донецкой и Луганской народных республиках, а также на других освобожденных территориях, а многократные обстрелы Запорожской АЭС вообще выходят за рамки адекватных действий и по всем квалифицирующим признакам, определенным принятой в рамках ООН Международной конвенцией о борьбе с актами ядерного терроризма, как раз и являются таким актом².

После снижения за последние 6 лет числа преступлений, совершенных с использованием огнестрельного, газового оружия и боеприпасов, (с 4847 в 2016 г. до 3374 в 2021 г., или на 30,4%), только за один 2022 г. рост данного вида преступности составил 38,6%.

Однако, несмотря на заметное увеличение количества преступлений, совершенных с использованием оружия, в целом по стране, ее снижение зафиксировано в 42 субъектах Российской Федерации, из них в

¹ Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А. Колокольцева на заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в рамках «правительственного часа». URL: <https://мвд.рф/document/33200763> (дата обращения: 27.02.2023).

² Интервью «Российской газете» заместителя Секретаря Совета Безопасности России Ю.А. Кокова. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3330/> (дата обращения: 27.02.2023).

29 оно было заметным (на 10% и более), а в 3 регионах – более чем на 40%: в Калужской области на 41,2% с 51 до 30 преступлений, в Ивановской области на 41,7% с 36 до 21 в Орловской области на 54,8% с 31 до 14 преступлений, совершенных с использованием оружия.

В сорока субъектах Российской Федерации зафиксирован рост данного показателя, из них в 31 регионе он был заметным (более 10%).

Уровень преступлений, совершенных с использованием оружия, в 2022 г. увеличился на 1,06 пункта и составил 4,27 преступлений на 100 тыс. населения страны (3,21 в 2021 г.).

Размах криминальной нагрузки на население от преступлений, совершенных с использованием оружия, 13,32: от 0,67 в Чувашской республике до 13,99 в Чукотском автономном округе. Средний уровень исследуемой преступности в субъектах Российской Федерации 3,72 преступления, совершенных с использованием оружия, на 100 тыс. населения. Стандартное (среднее) отклонение – 2,16.

В связи с проведением специальной военной операции на Украине контрабанда украинского оружия может стать одним из дестабилизирующих факторов и способствовать росту преступности в среднесрочной перспективе. Глава МВД России Влади-

мир Колокольцев на заседании Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ обратил внимание на то, что огромное количество оружия, бесконтрольно раздаваемого и продаваемого киевскими властями, зачастую попадает на мировой черный рынок, а оттуда – в руки организованных преступных группировок и террористических организаций, действующих в Европе и других регионах¹.

На эти угрозы также обращают внимание и в Совете Безопасности Российской Федерации: не может не беспокоить не имеющий аналогов в мире практически бесконтрольный оборот оружия и боеприпасов на Украине, в том числе связанный с раздачей гражданским лицам боевого огнестрельного оружия, воровством оружия, поступающего в виде западной помощи, и торговли им. Согласно экспертным оценкам, в настоящее время на руках у украинского населения нелегально находится более 5 млн единиц оружия².

Вместе с тем результаты анализа статистических данных показывают отсутствие роста незаконного оборота оружия по итогам 2022 г., что свидетельствует об эффективности принятых дополнительных мер по усилению контроля на государственной границе, перекрытию каналов контрабанды оружия, прежде всего в регионах России, граничащих с Украиной.

Шеслер В.А.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК РБ) предусмотрена ответственность за совершение ряда незаконных действий с наркотиками³. Нормы, устанавливающие наказуемость за такие действия, размещены в главе 29 УК РБ (Преступления против здоровья населения), что указывает

на основной объект этих преступлений, в качестве которого выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья граждан от немедицинского потребления наркотиков.

К предмету наркопреступлений УК РБ отнесены наркотические средства, психо-

¹ Владимир Колокольцев: поставки оружия на Украину станут одним из факторов роста преступности. URL: <https://rg.ru/2022/09/08/vladimir-kolokolcev-postavki-oruzhiia-na-ukrainu-stanut-odnim-iz-faktorov-rosta-prestupnosti.html> (дата обращения: 27.02.2023).

² Интервью «Российской газете» заместителя Секретаря Совета Безопасности России Александра Гребенкина. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3324/> (дата обращения: 27.02.2023).

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <https://уголовный-кодекс.бел> (дата обращения: 12.01.2023).

тропные вещества, их прекурсоры и аналоги. Понятие этих предметов раскрывается в примечании к ст. 327 УК РБ (Хищение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов).

Под наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами в этом примечании понимаются средства и вещества, а также препараты, их содержащие, включенные в Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь, за исключением перечисленных в таблице 2 «Химические вещества, которые могут быть использованы в процессе изготовления, производства и переработки наркотических средств или психотропных веществ» списка прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ данного Перечня.

Под аналогами наркотических средств и психотропных веществ понимаются химические вещества, структурные формулы которых образованы заменой в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ или базовых структурах одного или нескольких атомов водорода на заместители атомов водорода, включенные в перечень заместителей атомов водорода в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ или базовых структурах, установленный Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь (примечание 3 к ст. 327 УК РБ).

Законодатель Республики Беларусь выделяет особо опасные наркотические средства и психотропные вещества, к которым относит средства или вещества, включенные в список особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, не используемых в медицинских целях, или список особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, разрешенных к контролируемому обороту, Перечня наркотических средств, психотропных веществ и

их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь (примечание 2 к ст. 327 УК РБ). В этот Перечень включены такие наркотические средства, как героин, дезоморфин, эторфин, и др., неиспользуемые в медицинских целях¹.

УК РБ предусматривает два размера наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и аналогов – крупный размер и таковым не являющийся. Так, например, размер героина признается крупным, если его масса превышает 1 г, опия – 5 г, гашиша – 25 г².

Объективная сторона преступлений, связанных с незаконными действиями с наркотиками по УК РБ, представлена следующими деяниями: хищение (ст. 327 УК РБ), незаконный оборот (ст. 328 УК РБ), незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь (ст. 328/1 УК РБ), потребление в общественном месте либо появление в общественном месте или нахождение на работе в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ (ст. 328/2 УК РБ), незаконные посев и (или) выращивание растений либо грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 329 УК РБ), нарушение правил обращения (ст. 330 УК РБ), склонение к потреблению (ст. 331 УК РБ), (предоставление помещений, организация либо содержание притонов для изготовления, переработки и (или) потребления (ст. 332 УК РБ) наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов.

Уголовная ответственность за наркопреступления по УК РБ наступает с шестнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 27 УК РБ). Исключение составляют преступления, предусмотренные ст. 327 УК РБ (хищение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов) и ч. 2-5 ст. 328

¹ Об утверждении республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь : постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 25.06.2003 № 26. URL: [https://pravo.by/pdf/2003-70/2003-70\(088-098\).pdf](https://pravo.by/pdf/2003-70/2003-70(088-098).pdf) (дата обращения: 12.01.2023).

² Об установлении крупного размера наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 09.09.2019 № 606. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/C21900606_1568235600.pdf (дата обращения: 12.01.2023).

(незаконные с целью сбыта изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка либо незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов), за совершение которых наступает ответственность с четырнадцати лет (ч. 2 ст. 27 УК РБ).

В ряд наркопреступлений по УК РБ предусматривается ответственность специального субъекта, причем в качестве специального субъекта выступают как лица, использующие свое положение, так и лица, ранее совершившие определенные преступления. Так, в ч. 2 ст. 327 УК РБ установлена ответственность за хищение наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, совершенное лицом, которому указанные средства вверены в связи с его служебным положением, профессиональной деятельностью или под охрану, либо лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст. 328, 329 или 331 УК РБ. В ч. 3 ст. 328 – за незаконные без цели сбыта изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст. 327, 328 329 или 331 УК РБ. В ч. 2 ст. 329 УК РБ – за незаконные посев и (или) выращивание растений либо грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в целях их сбыта или изготовления либо иного получения наркотических средств или психотропных веществ либо лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст. 327, 328, 331 и 332 УК РБ. В ч. 2 ст. 331 – за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом,

ранее совершившим преступления, предусмотренные ст. 327-329 и 332 УК РБ.

Анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 327, 328 328.1, 328.2, 329, 331 и 332 УК РБ, позволяет сделать вывод о том, что они могут быть совершены умышленно. Форма вины у преступления, предусмотренного ст. 330 УК РБ (нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами), может быть как умышленной, так и неосторожной. Преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 328 УК РБ (незаконные с целью сбыта изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка либо незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, повлекшие по неосторожности смерть человека в результате потребления им наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов), характеризуется сложной формой вины, однако в силу ст. 25 УК РБ признается совершенным умышленно.

Преступления, предусмотренные ст. 327, 328 328.1, 328.2, 329, 331 и 332 УК РБ, караются штрафом, арестом, ограничением свободы или лишением свободы. В ст. 330 и ч. 2 ст. 327 УК РБ предусмотрено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Максимальный срок наказания в виде лишения составляет 25 лет (ч. 5 ст. 328 УК РБ).

Таким образом, к отдельным особенностям антинаркотического законодательства Республики Беларусь можно отнести следующие: в УК РБ дается понятие наркотиков, предусматривается крупный их размер, указаны особо опасные наркотики, за отдельные виды сбыта наркотиков установлен пониженный возраст уголовной ответственности, содержится материальный состав наркопреступления (незаконные действия с наркотиками, повлекшие смерть человека).

Комарова Е.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Симферополь)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Институт освобождения лица от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера начал применяться в уголовном судопроизводстве с 2016 г.¹ Данный институт является межотраслевым и регулируется нормами как уголовно-процессуального, так и уголовного законодательства.

Инициатива применения данной меры уголовно-правового характера может исходить либо от самого суда, либо от лиц, ведущих производство по уголовному делу – от следователя или дознавателя с согласия соответственно руководителя следственного органа или прокурора посредством подачи ходатайства.

Указанная мера на протяжении нескольких лет применения была достаточно востребованной, наблюдалось ежегодное увеличение количества дел, прекращенных по данному основанию. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в 2017 г. была применена в отношении 18346 лиц, в 2018 г. – 32050, в 2019 г. – 51213, в 2020 г. – 57052, в 2021 г. 36791 лица².

Несмотря на достаточное законодательное регулирование, научное обоснование³, а также активную практическую реализацию данного института, что подтверждается данными судебной статистики, применение указанной меры уголовно-правового

характера по-прежнему вызывает сложности.

Во-первых, законодатель до настоящего времени не закрепил срок уплаты штрафа, а оставил этот вопрос на разрешение суда, который, оглашая свое постановление, устанавливает его с учетом материального положения лица и его семьи. Последствия неуплаты лицом судебного штрафа указаны в ст. 4465 УПК РФ.

Как показывает анализ судебной практики, суды устанавливают либо временные рамки (как правило, 30 или 60 дней), либо определяют четкую дату оплаты судебного штрафа. При разрешении данного вопроса можно согласиться с позицией, сформированной Д.Ю. Фисенко, согласно которой необходимо установить четкий временной диапазон, на который должны ориентироваться суды при установлении конкретного срока, в течение которого лицо, освобождаемое от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ, обязано уплатить судебный штраф⁴.

Во-вторых, роль прокурора в рамках прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера по-прежнему неоднозначна, что вызывает затруднения в процессе правоприменения. Так, прокурор, вступая в процесс применения данной меры, инициатором которой выступает следователь, узнает об этом зачастую лишь на стадии судебного рассмотрения ходатайства о прекращении уголовного

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru>.

³ Подр.: Комарова Е.А. Проблемы применения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 3. С. 330-335; см. также: Ковычева Е.Е. Юридические критерии применения судебного штрафа и проблемы их применения // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1, № 6(18). С. 323-330.

⁴ Фисенко Д.Ю. Судебный штраф: проблемы правовой регламентации и практики применения // Законодательство и практика. 2017. № 2. С. 41-45.

дела или уголовного преследования и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Происходит это по причине того, что у лица, осуществляющего предварительное расследование, нет обязанности согласовывать указанное ходатайство с прокурором или направлять ему копии постановления о возбуждении перед судом ходатайства о применении судебного штрафа, а также материалы, его подтверждающие.

Этой проблемы можно было бы избежать, если бы законодатель установил для следователя такую же обязанность по согласованию, как и для дознавателя. Для прокурора это реальная возможность своевременно выявить допущенные органом предварительного расследования нарушения и реализовать свои надзорные полномочия еще до направления уголовного дела в суд.

Институт судебного штрафа является инструментом, направленным на защиту конституционных прав участников уголовного судопроизводства, в первую очередь потерпевших, поскольку его механизм предполагает обязательное возмещение причиненного преступлением вреда. Производство по уголовным делам, итогом которых является применение мер уголовно-правового характера, происходит с существенной экономией процессуальных средств, соблюдением разумных сроков уголовного судопроизводства.

В то же время данный институт используется лицами, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, в качестве средства уклонения от уголовной ответственности.

Так, возникает вопрос ответственности при повторном совершении преступлений лицом, ранее освобожденным судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Имеют место случаи, когда лицо в течение непродолжительного времени совершает преступление небольшой или средней тяжести, по результатам рассмотрения судом соответствующего ходатайства освобождается от уголовной ответственности и в последующем вновь совершает преступление. При этом в силу закона это лицо считается совершившим преступление впервые, что является основанием для освобождения его от уголовной ответственности.

На данный вопрос было обращено внимание Верховного Суда Российской Федерации, по его поручению от 4 апреля 2022 г. № 7-ВС-1552/22 судами субъектов Российской Федерации проведено изучение практики применения судами ст. 762 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в 2021 г.

На основании проведенного анализа возникают вопросы при освобождении лиц с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа за совершение преступлений определенных групп.

Так, судебный штраф как мера уголовно-правового характера назначался судами лицам, обвиняемым в совершении преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, коррупционных преступлений, преступлений, следствием которых явилась смерть человека. Большинство решений о назначении судебного штрафа приняты судами в ходе судебного разбирательства по уголовным делам, поступившим в суд с утвержденным прокурором обвинительным заключением / актом, в том числе вопреки позиции прокуроров.

Верховным Судом Республики Крым в 2022 г. проводилось исследование практики прекращения уголовных дел на основании ст. 25¹ УПК РФ в отношении лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в отношении несовершеннолетних лиц (по ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135 УК РФ), в отношении лиц, совершивших преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (по ч. 1.2 ст. 263, ч. 2 ст. 264, ст. 264.1, ст. 264² УК РФ), а также в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные главой 30 УК РФ.

Так, в 2021 г. на основании ст. 251 УПК РФ судами Республики Крым всего прекращено уголовных дел вышеуказанных категорий в отношении 27 лиц, или 7% от общего количества лиц, освобожденных от уголовной ответственности с применением судебного штрафа, из которых:

– 5 лиц обвинялось в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 134 УК РФ (4 лица), ч. 1 ст. 135 УК РФ (1 лицо);

– 22 лица обвинялось в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ (7 лиц), ч. 1 ст. 286 УК РФ (4 лица), ч. 1 ст. 2853 УК РФ (1 лицо), ч. 1 ст. 291 УК РФ (8 лиц), ч. 1 ст. 292 УК РФ (1 лицо), ч. 2 ст. 292 УК РФ (1 лицо)¹.

Указанные вопросы правоприменительной практики также стали темой обсуждения на коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, состоявшейся в декабре 2020 г. Отмечалось, что установлены многочисленные факты использования института судебного штрафа без соблюдения необходимых нормативных требований. Речь идет о неполноте расследования, заниженной квалификации деяний, непризнании подозреваемыми и обвиняемыми своей

вины, частичном возмещении причиненного ущерба².

Результатом реализации прокурорами на местах мер, определенных в решении указанной коллегии, стало сокращение количества уголовных дел, прекращенных с назначением судебного штрафа. В 2021 г. в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа прекращено 33112 уголовных дел, в 2022 г. – 18090 дел³.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что, несмотря на достаточное регулирование нормами как уголовного, так и уголовно-процессуального закона, институт судебного штрафа по-прежнему нуждается в усовершенствовании.

Якушев Э.В.

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

Галимов Э.Э.

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТАТЬЕ 244 УК РФ

Достойное отношение к телу человека после его смерти, память об умерших являются непреложными устоями похоронной культуры, уровень почитания которой в последнее время резко упал. Свидетельством тому являются не только участвовавшие факты обнаружения расчлененных трупов, следов глумления над ними, использования тел умерших в противоправных целях, но и кошмарная обстановка на российских кладбищах. Поэтому вопросы уголовно-правовой охраны не перестают быть актуальными и, к сожалению, являются малоисследованными. В частности, является проблематичной уголовно-правовая оценка предмета такого преступления, как надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ)⁴.

В качестве предмета первого из числа преступных деяний, предусмотренных в указанной статье уголовного закона, выступают тела умерших. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель закрепил предмет данного преступного посягательства во множественном числе. Буквально это означает, что состав преступления может иметь место, если виновный совершил надругательство над телами как минимум двух умерших человек. В действительности смысл данной уголовно-правовой нормы, конечно, иной, и для уяснения его следует прибегнуть к приему расширительного толкования. Состав данного преступления налицо независимо от того, надругался виновный над телом одного умершего человека либо

¹ Справка Верховного суда Республики Крым по результатам изучения практики применения судами ст. 76² Уголовного кодекса Российской Федерации в 2021 г. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=211.

² В Генпрокуратуре России прошла коллегия по вопросам состояния законности при применении института освобождения от уголовной ответственности с назначением меры в виде судебного штрафа. 18.12.2020. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=57130754>.

³ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980>.

⁴ Исмагилов Р.А. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 5.

подобное деяние совершено в отношении тел нескольких умерших. Впрочем, это не устраняет обязанности законодателя привести в данном случае язык уголовного закона в соответствие со смыслом последнего.

В самом общем смысле под телом умершего следует понимать тело человека после его смерти (труп). В целях квалификации преступления, очевидно, требуется более глубокое уяснение содержания данного признака состава, что предполагает ответы как минимум на два вопроса – кого считать умершим, а также что понимать под телом умершего. Если ответ на первый вопрос в определенной мере очевиден, поскольку нормативно определен, то второй вопрос оказался практически не исследованным в теории уголовного права¹.

Умершим следует считать человека, у которого наступила биологическая смерть (смерть мозга). В соответствии с ч. 2 ст. 9 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. «О трансплантации органов и (или) тканей человека» заключение о смерти дается на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга (смерть мозга), установленной в соответствии с процедурой, утвержденной федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения и социального развития.

Если же головной мозг продолжает жизнедеятельность, хотя и при отсутствии дыхания и остановке сердечной деятельности, нарастающем кислородном голодании других органов и тканей (клиническая смерть), человек остается субъектом права на жизнь.

Таким образом, лицо, которое находится в состоянии клинической смерти или ином бессознательном состоянии (сон, глубокая степень опьянения и т.п.), с юридической точки зрения умершим признаваться не может. Соответственно, надругательство над таким потерпевшим в зависимости от характера преступных действий должно квалифицироваться как преступление против личности (ст. 105, 111, 112 УК РФ и др.).

Проблематичным является вопрос об отнесении к умершим трупов мертворожденных детей, выкидышей и зародышей, извлеченных из чрева матери, смерть которых наступила до их полного изгнания или извлечения из организма матери.

Действительно, тезис «умереть может только живущий» неоспорим как с юридической, так и с философской точки зрения. Поэтому очертить понятие умершего можно только посредством уяснения антонима – живущий. Однако в этом и состоит главная проблема, до сих пор не получившая однозначного решения не только в праве².

Р.Д. Шарапов, глубоко исследовавший проблему юридической периодизации жизни человека и пришедший к выводу о различии в понятиях «начало и конец жизни человека», «момент возникновения и прекращения права человека на жизнь» и «начало и конец уголовно-правовой охраны жизни человека», полагает, что поскольку с юридической точки зрения жизнь человека есть жизнь его мозга (ибо жизнь прекращается со смертью мозга), то начало жизни мозга означает начало жизни человека. Следовательно, с позиции действующего права «начальная граница жизни человека на сегодняшний день как минимум должна связываться с появлением оформившейся массы мозговых клеток (рождением головного мозга), делающих плод жизнеспособным. А это происходит еще в материнской утробе, задолго до рождения самого ребенка (к пятому месяцу беременности)».

Получается, что мертворожденным младенцам, а также абортированным плодам, достигшим полных двадцати двух недель внутриутробного развития, нельзя отказать в статусе «умерших», так как их жизнь была начата, хотя и в материнской утробе. Напротив, зародыши в возрасте до двадцати двух недель внутриутробного развития, смерть которых наступила в материнской утробе, умершими признаваться не могут, поскольку, опять же с юридической точки зрения, жизнь их мозга не началась.

Между тем признать вопрос решенным нельзя. Российский законодатель оказался

¹ Исмагилов Р.А. Некоторые проблемы квалификации хищения имущества с тел умерших и мест их захоронения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1(15)/2014. С. 55-59.

² Латыпов В.С. Основополагающие начала применения специальных знаний в уголовном процессе России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1(71). С. 56-62.

весьма непоследовательным в вопросе юридической периодизации жизни человека, породив правовой парадокс, когда право на нематериальное благо (жизнь) и его охрана возникают у человека значительно позже появления самого этого блага (жизни). Дело в том, что право на жизнь официально не признается за человеком в период внутриутробного его существования (даже в возрасте более двадцати двух недель), хотя фактически жизнь его начата.

Согласно ч. 2 ст. 17 и ч. 1 ст. 20 Конституции РФ, право на жизнь принадлежит каждому от рождения, а в соответствии с ч. 2 ст. 17 ГК РФ правоспособность гражданина возникает в момент его рождения. В гражданском праве этот момент связывают с медицинскими критериями живорождения человека, которые констатируются после полного рождения ребенка (появления его на свет в целом)¹.

Еще более отдален от действительного начала жизни человека момент начала ее уголовно-правовой охраны. В доктрине отечественного уголовного права, согласно господствующему взгляду, начало уголовно-правовой охраны жизни человека связывается с моментом появления вне утробы матери какой-либо части тела изгоняемого (извлекаемого) ребенка. Соответственно, умерщвление плода в утробе матери до его появления на свет, не расценивается как преступление против жизни, а считается прерыванием беременности, которое при известных условиях квалифицируется как преступление против здоровья.

Законодатель в ст. 106 УК РФ признает уголовно-правовую охрану жизни человека и вовсе с момента его новорожденности, т.е. с момента полного изгнания (извлечения) плода из материнской утробы с признаками живорождения (легочное дыхание, сердцебиение, крик, произвольные движения мускулатуры и др.). Буквально это означает, что «жизнь продукта рождения в период его изгнания из организма роженницы до полного появления на свет, не говоря уже о его утробной жизни, выпадает из-под уголовно-правовой охраны жизни человека и намеренное умерщвление ребен-

ка во время его рождения путем непосредственного воздействия на его организм не может признаваться убийством, а является прерыванием беременности, что, конечно же, нельзя признать справедливым»².

Таким образом, действующее российское законодательство не признает человеческий плод, находящийся в материнской утробе, даже на последних месяцах беременности, субъектом права на жизнь. Соответственно, уголовно-правовая охрана жизни человека не распространяется на существование такого плода. С этих позиций, мертворожденные дети, а также абортированные на последних месяцах беременности плоды не признаются жившими, а следовательно, не могут считаться и умершими по смыслу диспозиции ст. 244 УК РФ, так как жизнь их буквально прекратилась, не успев начаться.

Приходится констатировать, что вопрос о статусе мертворожденных детей в системе отношений, формирующих похоронную культуру общества, практически не исследован. С позиций общечеловеческих, исходя из этических и религиозных воззрений, нет никаких оснований исключать мертворожденных из числа объектов отношений похоронной культуры и игнорировать при обращении с их телами принцип достойного к ним отношения после смерти. Концепция христианства, осуждающая аборт и признающая началом жизни нового человеческого существа акт зачатия (оплодотворения), исходит из необходимости равной почитаемости погребального обряда как в отношении тела умершего старца, так и в отношении тельца ребенка, родившегося мертвым. Подчеркнем, речь идет о трупах человеческих существ (а на последних месяцах беременности в перинатальный период – оформившихся детей), что с нравственной точки зрения предопределяет достойное к ним отношение, несмотря на их смерть до появления на свет. Тем более что нравственные нормы похоронной культуры не содержат запрета подобного к ним отношения, в том числе возможности отправления общепринятого погребального обряда.

¹ Гражданское право: общая часть : учебник / под ред. И.А. Зенина. М., 2023. С. 39.

² Исмагилов Р.А. Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны плода человека // Черные дыры в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 95-97.

К сожалению, российское законодательство, регулирующее определенные стороны похоронной культуры, не дает внятного ответа по затронутой проблеме, является в этом плане пробельным.

В заключение уголовно-правовой характеристики предмета преступного надругательства над телами умерших, суммируя

полученные выводы относительно необходимости реконструкции данного признака состава преступления, предлагаем следующую его редакцию: «Надругательство над телом, останками или прахом умершего человека, в том числе мертворожденного в период от 22 недель беременности, ...».

Середа О.В.

Красноярский государственный аграрный университет

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Лесопромышленный комплекс (далее – ЛПК) России – один из богатейших в мире. В последние годы наблюдается резкий рост числа преступлений, посягающих на лесное богатство России. И речь не только и не столько о зарегистрированных преступлениях в анализируемой сфере. По мнению отдельных авторов, коэффициент латентности преступлений, к которым в большей мере относятся преступления рассматриваемой категории, необычайно высок и составляет 95-99%¹.

Проводя анализ сложившейся судебной практики по коррупционным преступлениям в сфере ЛПК, мы установили, что основные составы уголовно наказуемых деяний этого вида в рассматриваемой сфере квалифицируются по ст. 290 и 291 УК РФ².

Пленум Верховного суда указывает, что «при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ст. 290 УК РФ, судам необходимо иметь в виду, что в этой статье установлена ответственность за получение взятки: а) за совершение должностным лицом входящих в его служебные полномочия действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, б) за способствование должностным лицом в силу своего должностного положения совершению указанных действий (бездействию), в) за общее

покровительство или попустительство по службе, г) за совершение должностным лицом незаконных действий (бездействие)»³.

Интересным фактом в совершении преступления по ст. 290 УК РФ в данной сфере является тот факт, что данное преступление, как правило, влечет за собой совершение другим лицом другого преступления в сфере ЛПК – незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260 УК РФ).

Например, приговором Шегарского районного суда Томской области № 1-56/2021 от 21 июля 2021 г. по делу № 1-56/2021, гр. М. осужден по ряду преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, которые были совершены при следующих обстоятельствах. Гр. М., являясь лесничим в лесничестве Шегарского участкового лесничества урочище «Гусевское сельское», неоднократно отводил лесосеки с более качественным и деловым составом леса в отношении заинтересованных лиц. Размеры взяток составили 3000 и 15000 рублей⁴.

Пример явно показывает, что вслед за совершенным преступлением коррупционной направленности другими были совершены преступления по составу ст. 260 УК РФ – незаконная рубка, где вред, нанесенный лесному фонду страны, несоиз-

¹ Королева М.В. Состояние законности и проблемы обеспечения экологической безопасности // Экологическая безопасность России: проблемы правоприменительной практики : сборник научных трудов / редкол.: О.П. Бедный [и др.]. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 265-274.

² При подготовке данного материала изучались приговоры судов общей юрисдикции РФ и официальные данные сайта Следственного комитета России за 2020-2022 гг.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // «СПС КонсультантПлюс».

⁴ Приговор Шегарского районного суда Томской области № 1-56/2021 от 21.07.2021 по делу № 1-56/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ijXGbaqecBLY/> (дата обращения: 27.02.2023).

меримо больше по сравнению с суммами полученных взяток.

Другой пример, который также подчеркивает приведенный выше тезис: приговором Можгинского районного суда Удмуртской Республики № 1-358/2020 от 7 октября 2020 г. по делу № 1-358/2020. К. совершил ряд преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ, ч. 1 ст. 285 УК РФ. К., работая мастером леса Горнякского участкового лесничества ГКУ УР «Можгинское лесничество», получал от ранее известного ему предпринимателя взятки в общем размере 18000 рублей за бездействие в отношении указанного предпринимателя по установлению мест незаконной рубки древесины на подконтрольных гр. К. лесных участках¹.

Одним из нашумевших коррупционных дел в лесной сфере Красноярского края стало уголовное дело министра лесного хозяйства. Следственными органами Красноярского края в 2020 г. было возбуждено уголовное дело в отношении министра лесного хозяйства Красноярского края М., обвиняемого по ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение должностным лицом взятки за незаконные действия, в особо крупном размере), и в отношении его брата Н., обвиняемого по ч. 4 ст. 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве, в особо крупной размере)².

По версии следствия, в период с марта 2018 г. по март 2020 г. министр лесного хозяйства Красноярского края осуществлял покровительство лесозаготовительной компании ООО «Краслесторг», номинальными

учредителями которой являлись знакомые его брата – Н., а фактически руководил сам Н. Министр в силу своих служебных полномочий давал указания должностным лицам подведомственных лесничеств, расположенных на территории Енисейского района края, осуществлять подбор и оформление участков как под санитарные, так и под иные виды рубок с последующим представлением их ООО «Краслесторг». За два года учредители передали брату министра Н., более семи миллионов рублей, четыре из которых он передал министру М.³.

В настоящее время Н. осужден к 5 годам лишения свободы условно, с наложением штрафа в 7,12 млн руб., после выделения в отношении него уголовного дела в отдельное производство по причине заключения досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием.

Выводы, исходя из проведенного исследования, на самом деле, весьма неутешительны. Страна, богатая лесом, не может качественно распорядиться своими богатствами. На местах, в небольших муниципальных образованиях, лес «тихо» воруют «черные лесорубы» с «подкармливанием» местных лесничих взятками небольшого достоинства. А чиновники, занимающие высокие посты, как, например, министр лесного хозяйства, не упускают шанс отхватить свой куш, понимая, что мало кто из правоохранителей сможет дотянуться до их высокого положения.

¹ Приговор Можгинского районного суда Удмуртской Республики № 1-358/2020 от 07.10.2020 по делу № 1-358/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/01nh0q47oLV9/> (дата обращения 27.02.2023).

² Уголовное дело № 1-1257/2021 // Официальный сайт Советского районного суда Красноярского края. URL: https://sovets-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=201204783&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 31.10.2022).

³ В Красноярском крае по подозрению в получении взятки в особо крупном размере задержан бывший министр лесного хозяйства региона // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://krk.sledcom.ru/news/item/1500839> (дата обращения: 27.02.2023).

Садовых К.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**ПРЕДМЕТ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И (ИЛИ) ОБОРОТ ЭТИЛОВОГО СПИРТА,
АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ**

В результате совершения преступления всегда происходят или могут произойти негативные изменения в объекте состава преступления¹. Под объектом состава преступления традиционно принято понимать общественные отношения, имеющие определенную структуру, то есть состоящие из ряда элементов, которые имеют свою целостность и взаимосвязь друг другом. В уголовно-правовой науке нет единого взгляда на структуру общественных отношений. Однако, согласно наиболее распространенной точке зрения, общественные отношения содержат в себе следующие элементы: субъекты общественных отношений; социальная связь как содержание общественных отношений и предмет состава преступления². Сторонниками данного подхода можно назвать таких ученых, как Н.И. Коржанский, В.К. Глистин, В.Я. Таций.

В свою очередь, к предмету состава преступления можно отнести: 1) материальные элементы, существующие до начала совершения преступления и выражающие общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Непосредственное воздействие на них и их видоизменение причиняют вред объекту состава преступления; 2) предметы материального мира, получаемые в результате преступления.

Так, можно привести два примера, демонстрирующих указанные виды предмета состава исследуемого преступления: П. в период с октября 2019 г. по январь 2020 г., находясь в г. Красноярске, являясь предпринимателем, но не имея соответствующей лицензии на производство и реализацию алкогольной продукции на территории Российской Федерации, приобрел алкоголь-

ную продукцию различных марок в магазине «Лента» с целью реализации, после чего в период с октября 2019 г. по январь 2020 г., находясь в павильоне «Мандарин», реализовал вышеуказанную алкогольную продукцию гражданам. В данном примере предмет состава преступления существовал до начала совершения преступного деяния. В другом случае Н. и Г. в период с ноября 2020 г. по июль 2021 г., находясь в г. Красноярске, вступив в преступный сговор с целью систематического извлечения незаконной прибыли, осуществляли смешивание воды и спирта, разливали полученную субстанцию по стеклянным бутылкам, оклеенным соответствующими этикетками, тем самым произвели немаркированную алкогольную продукцию в количестве 3500 бутылок (объемом от 0,5 до 1,75 л) для ее последующей реализации без соответствующей лицензии по торговым точкам, расположенным на территории г. Красноярска. Так, Н. и Г., совершая преступное деяние, фактически материализовали предмет преступления³.

Кроме того, предмет состава преступления может как существовать до начала совершения преступления, так и быть произведенным в результате совершения преступления. Следует уточнить тот момент, что данная продукция выступает именно как предмет, а не как орудие или средство совершения преступления. Так, указанные понятия следует ограничивать по характеру их применения в момент совершения преступления. Предмет состава преступления тесно связан непосредственно с его объектом, а именно он характеризует и ограничивает определенные общественные

¹ Мальков С.М. Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. С. 26.

² Уткин А.В., Шеслер А.В. Уголовное право. Общая часть : учебное пособие. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2016. С. 149-150.

³ Из следственной практики СЧ СУ МУ МВД России «Красноярское» (уголовное дело № 12101040042000209 31.01.2021, ч. 1 ст. 171.3 УК РФ и уголовное дело № 12101040001000061 01.03.2021, ч. 5 ст. 173.1 и ч. 1 ст. 171.3 УК РФ).

отношения от других. Так, общественные отношения в сфере производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции непосредственно определяет вовлеченная в незаконный оборот алкогольная и спиртосодержащая продукция, указанная в ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

Основные категории, наполняющие содержание предмета состава преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, закреплены в ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: этиловый спирт; денатурированный этиловый спирт (денатурат); спиртосодержащая продукция; спиртосодержащая пищевая продукция; алкогольная продукция; водка и другие виды этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и другие.

Таким образом, предметом состава рассматриваемого преступления выступает продукция, которая производится и реализуется без соответствующей лицензии, что наносит вред экономическим отношениям государства и юридическим лицам в виде соответствующих убытков.

Кроме того, следует отметить, что «предмет общественных отношений» и «предмет состава преступления» могут как совпадать, так и нет. Предметом общественных отношений выступают материальные и нематериальные блага или интересы, на которые преступник может воздействовать или видоизменять их. Под предметом состава преступления следует понимать материальные элементы, заключенные в общественные отношения, охраняемые уголовным законом, воздействие на которые или их видоизменение причиняют вред объекту состава преступления.

Например, по ст. 186 УК РФ (Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг) предметом общественных отношений, находящихся под охраной законодательства, являются

денежные средства, находящиеся легально в процессе непрерывного движения денежных знаков в государстве, когда предметом состава преступления являются поддельные денежные средства.

В свою очередь, предмет общественных отношений и предмет состава преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, в зависимости от способа производства алкогольной и спиртосодержащей продукции, могут быть тождественными или не совпадать. К примеру, физическое лицо в оптовом количестве на сумму более 100000 рублей приобрело в магазине, имеющем лицензию на реализацию, алкогольную продукцию с наличием федеральных специальных марок и стало ее реализовывать без соответствующей лицензии. Тогда предметом общественных отношений и предметом состава преступления в данном случае является алкогольная и спиртосодержащая продукция, находящаяся легально на рынке алкогольной продукции, но реализуемая преступником без соответствующей лицензии.

В случае, когда алкогольная продукция произведена непосредственно преступником и реализовывалась без лицензии, то и в данной ситуации предметом общественных отношений является алкогольная и спиртосодержащая продукция, находящаяся легально на рынке алкогольной продукции, а предметом состава преступления – алкогольная и спиртосодержащая продукция, произведенная преступным путем и реализуемая без соответствующей лицензии.

При анализе ч. 5 и ч. 6 ст. 171.1 УК РФ установлено, что предметом общественных отношений является алкогольная и спиртосодержащая продукция, находящаяся легально на рынке алкогольной продукции, а предметом состава преступления – немаркированная алкогольная продукция, подлежащая обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками.

Таким образом, предметом составов преступлений, предусмотренных ч. 5 и ч. 6 ст. 171.1 и ст. 171.3 УК РФ, является этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, перечисленная в ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продук-

ции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», изготовленная до начала совершения преступления или непосредственно в процессе его совершения. Кроме того, предмет общественных

отношений и предмет состава преступления, в зависимости от способа производства алкогольной и спиртосодержащей продукции, могут как совпадать, так и не совпадать.

Далгалы Т.А.,

кандидат юридических наук

Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)
(г. Челябинск)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Защита жертв преступлений является одним из приоритетных направлений уголовной политики государств и всего мирового сообщества. Об этом свидетельствует многообразие нормативно-правовой базы, которая регулирует общественные отношения, связанные с обеспечением защиты жертв преступлений. Так, со времени своего основания Организация Объединенных Наций активно разрабатывает международные стандарты защиты жертв преступлений.

Годом рождения виктимологии («учение о жертве») принято считать 1941 г., когда была опубликована научная статья Ганса фон Гентинга «Преступник и его жертва». Однако впервые необходимость защиты жертв преступлений была осознана на международном уровне в 70-е гг. XX века. Так, в 1973 г. в Иерусалиме был проведен первый международный симпозиум по виктимологии и организации помощи жертвам преступлений¹. Дальнейшее международно-правовое сотрудничество государств по проблемам защиты жертвы преступления реализовано в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (резолюция № 40/34 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 29 ноября 1985 г.). В целях содействия и обеспечения реализации указанных принципов 24 мая 1989 г. Экономическим и Социальным Советом ООН была принята резолюция № 1989/57 об осуществлении Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, а уже 28 июля 1998 г. был выра-

ботан План действий по осуществлению Декларации.

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью определяет понятие «жертва преступлений и злоупотребления властью». Также необходимо отметить, что в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. содержатся положения, касающиеся защиты жертвы преступления. Так, ст. 25 «Помощь жертвам и их защита» определяет, что каждое государство в пределах своих возможностей принимает надлежащие меры для предоставления помощи и защиты потерпевшим от преступлений, а также для обеспечения доступа к компенсации и возмещению ущерба.

Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее от 15 ноября 2000 г. в ст. 6 также содержит разработанные положения «Помощи жертвам торговли людьми и их защиты».

Однако, несмотря на обилие международно-правовых деклараций и рекомендаций защиты жертв преступлений, в настоящее время нет какой-либо специальной конвенции, касающейся прав жертв преступлений. А это значит, что и нет хотя бы и добровольной, но все-таки обязанности государств – членов соглашения обеспечивать реализацию принятых норм защиты жертвы. Именно поэтому декларативный характер действующих международно-правовых норм защиты жертв преступлений определяет лишь основной вектор развития внутригосударственного уголовного зако-

¹ Подр.: Квашис В.Е. Основы виктимологии. М.: NOTA BENE, 1999. 280 с.

нодательства в области защиты прав жертв преступлений. Тем не менее именно с момента принятия рассмотренных выше декларации и других международно-правовых норм и принципов был заложен прочный фундамент основных понятий и терминов, определены направления уголовной политики международного сообщества в целях защиты жертв преступлений, что нашло свое отражение во многих нормах уголовного законодательства государств.

На региональном уровне в 1983 г. Советом Европы была принята Европейская конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений. Именно эта конвенция стала результатом более глубокого осознания необходимости обеспечения баланса правового положения правонарушителя и потерпевшего от преступления. Впервые был определен компенсационный механизм обеспечения защиты жертвы преступления. Последующие Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(85)11 о положении жертвы в рамках уголовного права и уголовного процесса еще более детально акцентируют внимание на необходимости защиты жертв преступлений от физического, психологического, материального и социального ущерба.

В 2011 г. Советом Европы в Стамбуле (Турция) была принята Конвенция Совета

Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Данное соглашение определяет не столько основы защиты потерпевших, но и акцентирует внимание на необходимости предотвращения любого вида насилия. Тем не менее для многих государств стали неприемлемыми определенные положения Конвенции, в которых усматривается вероятность размытых формулировок некоторых понятий, в том числе понятие «гендер» и другие. Именно поэтому многие государства не спешат присоединяться к Конвенции, а Турция, несмотря на то, что первой подписала и ратифицировала ее, первой же из нее вышла.

Таким образом, рассмотренные международно-правовые стандарты и нормы в области защиты жертв преступлений являются фундаментом по созданию эффективных принципов и норм на региональном и внутригосударственном уровне. Именно они определяют обязанность государств обеспечивать эффективную защиту жертв преступлений, предоставлять эффективные средства национальной внутригосударственной правовой защиты потерпевшим в случае совершения преступлений, предупреждать совершение преступлений против личности, гарантировать возмещение ущерба потерпевшим от преступлений и др.

Шерстяных А.С.,

кандидат технических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПОПУЛЯРНЫЕ СХЕМЫ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА В 2022 ГОДУ

Информационные технологии настолько прочно вошли в нашу повседневную жизнь, что современный человек уже не представляет себе существование без них. Мобильный банк, оплата телефоном или часами, мгновенная связь с абонентом, находящимся на другом конце земного шара, социальные сети, облачные хранилища и т.д. Это все настолько удобно и практично, что не может не привлекать внимание мошенников. Поэтому можно гово-

рить о том, что постепенная информатизация мира привела к появлению нового вида преступников – кибермошенников.

Кибермошенничество – это один из видов киберпреступлений, целью которого является причинение материального или иного ущерба путем хищения личной информации пользователя (номеров банковских счетов, паспортных данных, кодов, паролей и т.д.)¹.

¹ Что такое кибермошенничество и какая наступает за него уголовная ответственность // Сайт московской транспортной прокуратуры. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/mmtip/activity/legal-education/explain?item=69345532> (дата обращения: 24.02.2023).

Количество таких преступлений растет год от года. Особенно увеличилось их количество во время пандемии Covid-19, когда многие организации перевели своих сотрудников на удаленный режим работы, при этом экономическая активность в реальной жизни резко упала и переместилась в интернет-пространство.

Согласно опубликованным МВД России статистическим данным, в 2022 г. снизилось количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. В частности «...зарегистрировано на 29% меньше фактов мошенничества с использованием электронных средств платежа, на 22,5% – криминальных деяний в сфере компьютерной информации»¹.

Эксперты отмечают, что наибольшее количество атак на организации было организовано с помощью программ-вымогателей. «Они по-прежнему являются киберугрозой номер один, причем не только для международных корпораций, но и для российского бизнеса»².

Увеличение активности вымогателей специалисты связывают с небывалым ростом количества утечек данных российских компаний, выложенных в публичный доступ на форумах и в профильных Telegram-чатах. Летом 2022 года специалисты Group-IB отметили двукратный рост количества слитых баз данных по сравнению с весной (с одновременным уменьшением цены практически вдвое). Еще одна тенденция наметилась прошлым летом. Если раньше такие данные старались продать, то теперь их выкладывают в общий доступ для того, чтобы нанести репутационный или экономический ущерб бизнесу и / или клиентам.

В последнее время участились кражи конфиденциальных данных с помощью стилеров. Стилер – это вредоносное программное обеспечение, предназначенное для кражи ценных данных с зараженной машины, таких как куки-файлы, логины и пароли, скрины с рабочего стола и пр.³

«Вредонос» распространяется с помощью видеоролика на популярном ресурсе (YouTube, Telegram-каналы, соцсети и пр.). Злоумышленник оставляет ссылку на файлообменник, где якобы выложен предмет обсуждения (игра, «самый эффективный майнер», анкета для участия в розыгрыше и т.д.). Причем заливать вирусованный ролик вовсе не обязательно, достаточно разместить ссылку в описании, а можно разместить ее в комментариях к чужому ролику. Особенно выгодно, с точки зрения мошенников, схема с NFT-площадками. Злоумышленник подыскивает NFT-художника, попутно проверяя (с помощью открытых ресурсов) содержимое его криптокошелька. Затем он связывается с потенциальной жертвой в социальной сети или Telegram-канале и просит «оценить работы», просмотреть которые можно, перейдя по предложенной ссылке.

Телефонное мошенничество в 2022 г. также не утратило привлекательности для злоумышленников. Схемы совершенно разные: от надоевших всем звонков от «службы безопасности банка» или «правоохранительных органов», якобы расследующих подозрительные операции по карте, до выяснения обстоятельств перевода денег на Украину с вашего счета.

После проведения частичной мобилизации появилась новая схема обмана. Мошенники представляются волонтерами, которые якобы ведут списки военных – тех, кто попал в плен и погиб. Чтобы проверить судьбу мобилизованного, достаточно ввести его Ф.И.О. и дату рождения, а также оставить номер телефона для связи. Затем лжеволонтеры звонят и сообщают, что человек погиб. Предлагают помощь, чтобы вывезти тело на родину для захоронения (разумеется, не бесплатно).

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. // Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 24.02.2023).

² Киберцунами: как 2022 год изменил мир IT-преступлений в России // Известия : новостной сайт. URL: <https://iz.ru/1447317/mariia-frolova/kibertsunami-kak-2022-god-izmenil-mir-it-prestuplenii-v-rossii> (дата обращения: 26.02.2023).

³ Стилеры и где они обитают // Блог компании Group-IB. URL: <https://www.group-ib.ru/blog/stealers/> (дата обращения: 24.02.2023).

Фишинг¹ по-прежнему остается одной из излюбленных схем мошенничества в Интернете. Злоумышленники оперативно реагируют на геополитическую ситуацию в мире. На фоне массового ухода иностранных производителей и поставщиков из России количество фишинговых сайтов возросло (по оценкам специалистов) в 6 раз. Еще весной 2022 г. (к Международному женскому дню) появилось несколько десятков доменов, в названии которых фигурировало слово «доставка», например adidasdostavka.ru, louisvuittondostavka.ru. Фейковые Gucci, Chanel, Nike, Stradivarius, Mango, Zara и даже Porsche и Volvo, уходящие или уже ушедшие из страны, стали предлагать доверчивым покупателям приобрести свои товары. Еще одна популярная разновидность фишинга – фейковые розыгрыши ценных призов от имени известных компаний.

Российский хит среди кибермошенников 2022 г. – сайты, предлагавшие купить бумагу, особенно в тот период, когда были перебои с поставкой товара. В основном такой вид обмана был нацелен на мелкий и средний бизнес.

В июне 2022 г. Минцифры запустило в эксплуатацию информационную систему для мониторинга фишинговых сайтов ИС

«Антифишинг»². Она автоматически выявляет сайты, которые маскируются под официальные ресурсы госорганов, компаний, популярных маркетплейсов и социальных сетей. Результатом работы системы является блокирование вредоносных ресурсов, которые признаны фишинговыми на территории Российской Федерации.

В период опытной эксплуатации информационной системы «Антифишинг» за два месяца выявлено около 30 тыс. подозрительных ресурсов (органов государственной власти, онлайн-казино, поддельные сайты продажи билетов и т.д.), из них заблокировано 9 тыс. подтвержденных фишинговых веб-сайтов.

По-прежнему основным способом предотвращения такого рода преступлений является информирование населения страны с помощью различных средств массовой информации (публикации в газетах, листовки в общественных местах, новостные сюжеты и пр.) о схемах, используемых мошенниками для выманивания денег. Важно показать, что в подобных ситуациях не следует торопиться, нужно постараться найти возможность остановиться, обдумать ситуацию, может быть, обсудить с близкими людьми. Эти шаги могут предотвратить совершение кибермошенничества.

Канубриков В.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБОИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В соответствии со ст. 22 Конституции РФ, дающей право на свободу и личную неприкосновенность, гарантируется неотъемлемое право каждого индивида на охрану жизни и здоровья. Соответственно, посягательства на здоровье человека имеют большую общественную опасность, при этом причинение побоев среди деяний, посягающих на здоровье человека, являются наименее исследованными с уголовно-правовой

точки зрения. В настоящее время реалии складываются таким образом, что побои и истязание обладают повышенной латентностью, так как совершаются чаще всего в семейно-бытовой сфере, и их опасность как раз и кроется в том, что, казалось бы, не причинившие вреда здоровью повреждения с пугающей регулярностью приводят к совершению особо тяжких преступлений против жизни и здоровья, ведь почувство-

¹ Фишинг – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей методами социальной инженерии, а также нанесение пользователям другого ущерба.

² ИС мониторинга фишинговых сайтов // ИС «Антифишинг» : сайт. URL: <https://paf.occsirt.ru/> (дата обращения: 27.02.2023).

вавший безнаказанность человек чувствует свое превосходство перед другими и теряет такой сдерживающий фактор, как предупредительная цель наказания.

Нормы о причинении вреда насилем, не причинившим вреда здоровью (прежде всего ст. 116 УК РФ), вызывают сложности при квалификации. Трудности при квалификации указанной нормы возникают по ряду причин: это и несовершенство уголовного законодательства, и отсутствие акта толкования высшей судебной инстанции по вопросам применения норм об уголовной ответственности за причинение побоев и недостаточное количество научных исследований в данном направлении.

Интересна и трансформация уголовного закона относительно уголовной ответственности за побои. На момент принятия УК РФ ст. 116 «Побои» предусматривала ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115. Субъектом этого преступления мог быть человек, обладающий общими признаками субъекта преступления, то есть физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹ ст. 116 была дополнена ч. 2, в которой законодатель в качестве квалифицирующего признака выделил специальный мотив: «Те же деяния, совершенные из хулиганских побуждений».

Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ² в ч. 2 ст. 116 законодатель вводит новый квалифицирующий признак – совершение побоев по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б» ч. 2 ст. 116). Таким образом, статья стала содержать в качестве альтернативных квалифицирующих признаков хулиганский и так называемый экстремистский мотив.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323³ в ст. 116 УК РФ вновь внесены изменения. Диспозиция статьи стала состоять из одной части, в которую в качестве составообразующих признаков, кроме альтернативных мотивов хулиганского и так называемого экстремистского мотива, добавлен новый признак – совершение побоев в отношении близких лиц. При этом в примечании к статье давалось понятие «близкие лица», под которыми понимались близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство.

Можно говорить о том, что законодатель частично декриминализировал основной состав преступления – побои, предусмотрев за их совершение при отсутствии хулиганского либо экстремистского мотивов либо совершенные не в отношении близких административную ответственность путем введения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за побои (ст. 6.1.1). При этом одновременно в УК РФ была введена ст. 116.1, предусматривающая административную преюдицию за совершение побоев. Теперь нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, образуют административное правонарушение. Уголовная ответственность наступает лишь в случае нанесения побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, лицом, подверг-

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Российская газета. 16.12.2003.

² О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 211-ФЗ // Российская газета. 04.07.2007.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Российская газета. 08.07.2016.

нутым административному наказанию за аналогичное деяние¹.

Например, 23 августа 2019 г. Д., ранее совершивший административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.1.1 КоАП РФ, с целью причинения побоев и совершения иных насильственных действий схватил свою сожительницу С. за волосы, причинив физическую боль, нанеся при этом ей один удар кулаком по голове, после с силой схватил ее за правую ногу и стал щипать, причинив С. физическую боль. Продолжая свои преступные действия, Д. нанес С. не менее 10 ударов кулаком по голове, лицу, туловищу, верхним и нижним конечностям, причинив последней физическую боль, причинив С. кровоподтеки: в лобной области справа 1 шт., на левом плече 2 шт., на левом предплечье 1 шт., на тыльной поверхности левой кисти 1 шт., на правом плече 1 шт., на правом бедре 6 шт.; кровоизлияние под слизистой оболочкой верхней губы 1 шт., подобные действия им были совершены 15 сентября 2019 г. и 22 декабря 2019 г. Повреждения не повлекли за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности и отнесены к повреждениям, не причинившим вред здоровью².

При конструировании нормы, предусмотренной ст. 116 УК РФ, законодатель допустил нарушение принципов уголовного законодательства, в частности принципа равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) и принципа справедливости (ст. 6 УК РФ). Ведь наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, а нарушение принципа равенства граждан перед законом заключается в том, что посягательство на один и тот же объект (здоровье человека) предусматривает различные виды ответственности – уголовную и административную. В данном случае очевидно, что законодатель, по сути, хотел

указать на безусловную общественную опасность именно бытового насилия, но в результате неправильного определения непосредственного объекта поместил данную норму не в той главе УК РФ. Соответственно, если бы изначально указанная норма о бытовом насилии была помещена в главу 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних», то никаких нареканий о нарушении принципа равенства перед законом и принципа справедливости не возникало бы. А по факту в результате постоянных указаний на противоречие принципу равенства всех перед законом Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. № 8 из ст. 116 УК РФ такой признак, как совершение побоев в отношении близких лиц, был исключен. Кроме того, после изменений, внесенных в ст. 213 УК РФ «Хулиганство», и определения составообразующим признаком применения насилия к гражданам либо угрозы его применения отпала необходимость указания в ст. 116 на хулиганский мотив в связи с безусловным приоритетом квалификации по ст. 213 УК РФ.

И наконец, последние изменения коснулись ст. 216.1 Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 203. Было изменено наименование статьи и предусмотрена уголовная ответственность при совершении побоев лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия.

Также необходимо отметить тот факт, что бытовое насилие довольно часто сопровождается угрозами убийством. Например, 16 сентября 2020 г. около 21 часа 20 минут у находящегося в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, М. на почве личных неприязненных отношений к своей сожительнице П. возник преступный умысел, направленный на причинение телесных повреждений последней. М., будучи лицом, подвергнутым административному наказанию за нанесение побоев, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, умышленно нанес не менее двух ударов руками и ногами по голове и телу П., причинив ей следующие телесные повреждения:

¹ Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В. Частичная декриминализация побоев и ее влияние на профилактику насилия // Российский следователь. 2018. № 5. С. 60-63.

² Приговор Читинского районного суда Забайкальского края от 26.07.2021 по делу № 1-5/2021. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/19N1r8E078X/> (дата обращения: 10.11.2022).

ушибы мягких тканей верхних конечностей (правого и левого плечевого сустава, левого предплечья), лобной и заушной области слева, которые не влекут за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности и по этому признаку квалифицируются как повреждения, не причинившие вред здоровью. Кроме этого, 16 сентября 2020 г. около 21 часа 20 минут М. умышленно, с целью угрозы убийством, взял в руки разводной металлический ключ и нанес один удар в область левого колена П., от чего последняя испытала физическую боль. Далее М., демонстрируя разводной металлический ключ П., высказал в ее адрес слова угрозы убийством, произнеся: «Схожу за молотком, вообще тебя убью». В сложившиеся ситуации П. угрозу убийством в свой адрес восприняла реально, как возможность применения к ней насилия, способного причинить смерть, поскольку М. был зол, вел себя агрессивно, находился в состоянии опьянения, не контролировал

свои действия, у нее имелись основания опасаться осуществления этой угрозы¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эффективность уголовно-правовой борьбы, как известно, во многом зависит от правильной квалификации преступления, в том числе единообразного понимания и точного применения норм уголовного законодательства. Соответственно, для более эффективного противодействия бытовому насилию необходимо вернуть в УК РФ норму об уголовной ответственности за совершение побоев в отношении близких лиц, только переместив данную норму в главу 20 УК РФ. Тем самым будет верно отражен непосредственный объект преступления – общественные отношения, охраняющие интересы семьи и несовершеннолетних. Кроме того, целесообразно в качестве квалифицирующего признака ст. 119 УК РФ (Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) предусмотреть сопряженное с совершением побоев в отношении близких лиц.

Долгушина Л.В.,

кандидат химических наук, доцент

Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Железногорск)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ, КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИКИ И СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Число преступных деяний, для которых применяются взрывные устройства, увеличивается очень быстро.

К примеру, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2005 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» осуществляется установление вопросов, появляющихся у судов по причине использования законов, имеющих отношение к данной области².

Статья 223.1 УК РФ указывает на наличие ответственности за производство

взрывчатых веществ вне закона, а также изготовление, трансформацию, ремонт устройств взрывного типа.

В соответствии со ст. 140 УК РФ в качестве основания для возбуждения уголовного дела следует упомянуть достаточные сведения, которые указывают на то, что имеются признаки преступного деяния.

Наиболее часто встречающимся поводом более чем в 50% случаев можно назвать нахождение сотрудниками органов внутренних дел деяния общественно опасного характера. Это можно увидеть в составах преступлений, которые содержатся в ст. 222, 222.1, 223, 223.1 УК РФ. В рамках

¹ Приговор № 1-23/2021 от 18.03.2021 по делу № 1-23/2021 Шилкинского районного суда (Забайкальский край). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/19N1r8E078X/> (дата обращения: 10.11.2022).

² О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2005 № 5 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2023).

исследования места преступления осуществляется установление фактов, которые касаются взрыва, его особенностей, устанавливаются время, метод совершения действия, опасного с общественной точки зрения.

Классификация преступных действий, имеющих отношение ко взрывам, которая осуществляется криминалистами, является средством, одним из важных условий получения информации, касающейся особенностей отдельных подгрупп, а также видов, которые включаются в данные подгруппы в качестве элемента. Также она будет являться средством, направленным на систематизацию информации, которая была получена. Это может быть выполнено определенным образом, если классификация будет не одноуровневой, а многоуровневой. Ее построение должно выполняться в соответствии с основаниями, которые являются важными для отдельных стадий структуры классификации. Элементы, которые устанавливаются на начальном уровне классификации, после этого подлежат соответствующему группированию, после чего также проводится очередная классификация элементов, которые были установлены на предыдущем уровне¹.

Принимая это во внимание, преступления, которые подлежат рассмотрению, должны быть классифицированы таким образом:

- имеющие отношение к взрыву, который произошел;
- имеющие отношение к возможности того, что взрыв произошел.

Совершение данных преступлений осуществляется в ряде ситуаций умышленно, в других – по допущенной неосторожности². Обе группы могут быть далее классифицированы в соответствии с формами вины, таким образом, они разделены на преступления, совершение которых осуществляется в умышленном режиме или в соответствии с неосторожностью.

К категории преступных деяний умышленного характера можно отнести деяния, которые в соответствии с квалификацией

уголовно-правового характера относятся к нормам, входящим в разные разделы и главы УК РФ. Некоторые варианты преступлений, которые направлены против жизни и здоровья, следует упомянуть в первую очередь. Среди них убийство в умышленном варианте одного, двух или большего количества лиц, для совершения которого использован способ, опасный для общества (п. «е» ст. 105 УК РФ). Также можно упомянуть причинение тяжкого вреда здоровью, которое совершено умышленно и способом, который является опасным для всех окружающих (п. «в» ст. 111 УК РФ). К аналогичной группе можно отнести умышленное уничтожение или повреждение имущества, которое стало следствием взрыва, которое предусмотрено ч. 2 ст. 167 УК РФ, террористические действия – ст. 205 УК РФ, массовые беспорядки, которые осуществляются посредством использования взрывчатых веществ или специализированных устройств для взрыва – ст. 212 УК РФ, охота, совершаемая вне закона, для которой используются вещества взрывчатого характера – ч. 1 п. «б» ст. 258 УК РФ, незаконная добыча водных животных, а также растений, для которой применяются взрывчатые вещества – ч. 1 п. «б» ст. 256 УК РФ, диверсии, для которых используется взрыв – ст. 281 УК РФ, ряд других действий преступного характера, для которых используется совершение взрыва.

С учетом всего вышесказанного преступные действия умышленного характера подлежат такой классификации:

- имеющие отношение к применению энергии, которая имеется у взрывчатых веществ и специализированных устройств;
- имеющие отношение к применению других веществ, входящих в категорию взрывоопасных.

Важностью с практической точки зрения обладают также иные классификации преступлений умышленной категории, которые имеют отношение как к случившимся, так и к не случившимся взрывам. В данном случае во внимание принимаются такие отличительные характеристики:

¹ Кряжев В.С. Общие положения методики расследования преступлений, совершенных с применением взрывных устройств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 21 с.

² Веренич И.В. Прошин В.М. Криминалистическая наука и теория механизма преступления. М.: Юрлитинформ, 2016. 672 с.

– область, где реализуется активность криминальной категории. Это производственная область, область создания и использования транспортных и энергетических систем, культура, жилой сектор и ряд других;

– предмет, по отношению к которому совершается посягательство преступной категории;

– последствия, которые идут за совершением взрыва;

– меры, которые были приняты или не приняты преступниками по отношению к сокрытию собственных действий, особенности взрыва. В качестве примера можно назвать взрыв посредством совершения действий, которые формируют видимость взрыва техногенной категории или взрыва, произошедшего по причине халатности, однако по-настоящему совершается акт терроризма;

– цель, а также мотивы произошедшего;

– количество взрывов;

– отношения преступников и их жертв;

– количество преступников;

– отношение преступлений к профессиональной деятельности преступников, а также их жертв.

С особым вниманием следует отнестись к классификации преступлений, совершенных умышленно, однако не закончившихся взрывом. Например, действия, которые определяются в качестве фактического терроризма, а также телефонного терроризма.

В рамках проверки сообщений на место, о котором сообщено, направляются специалисты, которые заняты в области криминалистической взрывотехники. Также здесь следует упомянуть кинологов, которые сопровождают служебно-розыскными собаками. Осуществляется оцепление территории, эвакуируются люди, проводится значительное количество работы другого типа, для которой требуется большой объем ресурсов и затрат.

Если личности телефонных террористов установлены, а также нет препятствий в виде их психического здоровья и возраста, они будут привлечены к уголовной ответственности в соответствии со ст. 207 УК РФ

за совершение заведомо ложного сообщения, касающегося готовящегося взрыва. Все это подлежит рассмотрению в качестве одного из элементов преступлений умышленной категории, которые имеют отношение к взрывам, однако не действительным или готовящимся, а к мнимым.

Вторая часть преступных действий, имеющих отношение к взрывам, которые уже случились или лишь являются возможными, это действия, которые могут быть отнесены к категории неосторожных. В данных деяниях отсутствует умысел, который касается взрыва, а также применение его энергии для целей преступного характера.

Среди преступных действий такого рода следует упомянуть действия, которые указываются в ч. 2 ст. 168 УК РФ – уничтожение или порча имущества по неосторожности, для совершения которых было осуществлено обращение с объектом, опасным с точки зрения взрывов. Также необходимо указать на некоторые преступления, которые включены в гл. 24 УК РФ и являются преступлениями против безопасности общества.

В категорию преступлений, которые имеют отношение к разрешенной деятельности экономического характера, могут быть отнесены те, которые имеют отношение к взрывам или вероятности того, что они будут совершены, то есть нарушения правил безопасности на объектах из категории взрывоопасных, а также в цехах из данной категории (ст. 217 УК РФ). Также сюда следует отнести нарушения правил учета преступной категории, а также правил хранения, перевозки, применения веществ взрывчатой категории (ст. 218 УК РФ). В категорию преступных действий, которые имеют отношение к незаконной экономической деятельности, можно отнести, к примеру, приобретение, передачу, сбыт, хранение, перемещение, ношение веществ взрывчатой категории в незаконном режиме, а также специализированных устройств (ст. 222 УК РФ). Помимо этого, здесь следует упомянуть изготовление или ремонт взрывчатых веществ и специализированных устройств в незаконном режиме (ст. 223 УК РФ).

Баранова Т.С.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 228.2 УК РФ

Диспозиция ст. 228.2 УК РФ и п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указывают на следующие виды предмета преступления: наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры, инструменты и оборудование, используемые при их изготовлении. Правоприменительная практика обращает внимание на то, что при квалификации максимальный удельный вес принадлежит наркотическим средствам и психотропным веществам.

В настоящее время ни один нормативно-правовой акт как международного, так и национального характера не дает четкого, исчерпывающего определения такого понятия, как «наркотическое средство». Так, в соответствии со ст. 1 Венской конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ¹ наркотическое средство определяется как любое из веществ, природных или синтетических, включенных в списки 1 и 2 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года² или самой Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 г. под наркотическими средствами понимает вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, растения, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года.

Психотропные вещества – это вещества синтетического происхождения, препараты, природные материалы, включенные в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией о психотропных веществах 1971 года.

Характерной особенностью наркотических средств и психотропных веществ является то, что их злоупотребление приводит к болезненной зависимости от них, то есть к наркомании.

Всемирная организация здравоохранения определяет наркоманию как состояние периодической и хронической интоксикации, вредной для человека и общества, вызванной неоднократным употреблением наркотика. У человека, заболевшего наркоманией, возникает непреодолимое желание и потребность принимать наркотик, доставать его любым способом, стремление увеличивать дозу, зависимость психического (психологического), а также физического (физиологического) характера от воздействия наркотика.

Важно отметить, что в следственно-судебной практике не все вещества, препараты, растения, вызывающие болезненную зависимость, рассматриваются в качестве наркотических и психотропных. Для этого необходимо, чтобы они соответствовали четырём признакам:

- физическому – вещь материального мира;
- медицинскому – соответствующее вещество, лекарственный препарат, растение оказывают такое специфическое действие на центральную систему (стимулирующее, седативное, галлюциногенное и т.д.);
- социальному – если это немедицинское применение принимает такие масшта-

¹ Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. М., 1994. Вып. XLVII. С. 133-157.

² Сборник действующих договоров, соглашений и Конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1970. Вып. XXII. С. 105-136.

бы, что приобретает социальную значимость;

– правовому – эти вещества, препараты, растения, которые Правительство Российской Федерации включило в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации¹.

В литературе неоднократно предлагалось выработать медико-юридический критерий отнесения неизвестных ранее средств к числу наркотических. В таком случае отпадает необходимость существования Списков наркотических средств и их постоянное обновление, с одной стороны, и исключается возможность апелляции виновных к тому обстоятельству, что они не знали, что данное вещество является наркотическим – с другой², что, на наш взгляд, является вполне обоснованным и рациональным.

Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, включает четыре списка.

Первый список включает в себя наркотические средства и психотропные вещества, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (например, марихуана, гашиш, гашишное масло, опийный мак, опий, маковая соломка, экстракт маковой соломки, ацелированный опий, героин и др.).

Второй список охватывает наркотические средства и психотропные вещества, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (например, амфетамин, кодеин, кокаин, морфин и др.). В данном случае наркотические средства в соответствии с законодательством Российской Федерации используются как лекарственные препараты и

включены в справочники лекарственных средств и рецептурные справочники.

В третий список включены те психотропные вещества, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых допускается исключение некоторых мер контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации (например, аминорекс, апрофен, лефетамин, пентобарбитал, этиламфетамин).

Четвертый список составляют прекурсоры (вещества, используемые при изготовлении и переработке наркотических средств и психотропных веществ), оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (например, ангидрид уксусной кислоты, ацетон, красный фосфор, серная и соляная кислоты, толуол, этиловый эфир, эфедрин).

Рассматривая понятие наркотических средств и психотропных веществ, нельзя не сказать о веществах, используемых при их производстве, изготовлении, переработке. Наиболее важными компонентами, используемыми при изготовлении любых наркотиков, являются прекурсоры. К таковым относятся вещества, которые полностью или частично становятся молекулой наркотического средства (ангидрид уксусной кислоты, антрахиноловая кислота, ацетон, лизергиновая кислота, перманганат калия, серная кислота, исключая ее соли, и др.). Помимо прекурсоров, в процессе химического синтеза используются вещества, которые, участвуя в реакции, не становятся частью наркотического средства. Такие вещества получили общее название – реагенты. Применяются растворители – жидкости, растворяющие, экстрагирующие, извлекающие другие вещества без изменения химического состава растворяемого вещества. Растворители также не становятся частью конечного продукта³.

¹ Завидов Б.Д. Преступление в области незаконного оборота наркотиков, психотропных веществ, их аналогов, сильнодействующих и ядовитых веществ (анализ ст. 228-234 УК РФ) // Российский следователь. 2004. № 6. С. 2.

² Мальков С.М. О некоторых вопросах квалификации хищений наркотических средств // Актуальные проблемы учения о преступлении : тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск, 2020. С. 260.

³ Мартынович А.Ю. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: квалификация, освобождение от уголовной ответственности, назначение наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 24.

Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, утверждается Правительством Российской Федерации по представлению федерального органа исполнительной власти в области

здравоохранения или федерального органа исполнительной власти по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области сельского хозяйства.

Бодрова Е.А.

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

ПРИЧИНЫ ОСТАВЛЕНИЯ ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ

Самовольное оставление части или места службы является одним из наиболее распространенных преступлений в сфере совершаемых военнослужащими Российской армии.

Причины совершения тех или иных преступных деяний заключаются не в субъекте преступления, а в общественных отношениях, в которые включается субъект, то есть окружающая социальная среда.

Причины оставления воинской части или места службы следует рассматривать в двух направления – это общие причины и воинские причины. К общим причинам относятся экономические и идеологические, а также недостаточная подготовка и профессионализм военных кадров, недостатки воспитательной работы в школе.

Основными из общих причин преступности военнослужащих являются экономические причины. Доля военных расходов на сегодняшний день однозначно высока, но в современных реалиях условия прохождения военной службы в воинских частях и организациях по-прежнему далеки от идеала.

Проект Федерального бюджета на 2023-2025 годы, принятый во втором чтении, предусматривает обустройство военных городков и военных госпиталей.

Экономические причины преступности неразрывно связаны с нецелевым расходованием бюджетных средств, выделенных в рамках принятого бюджета на нужды Вооруженных Сил Российской Федерации.

Главной военной прокуратурой Российской Федерации по итогам проведенного

расширенного заседания коллегии в 2021 г. выделены основные направления надзорной деятельности.

«Эффективно использовались надзорные полномочия в целях борьбы с преступностью и коррупцией, нарушениями законности в сфере обеспечения сохранности государственной собственности и целевого использования бюджетных средств, выделенных на совершенствование армии и флота, их техническое перевооружение и развитие инфраструктуры, исполнение заданий государственного оборонного заказа». По итогам обсуждения коллегия определила дополнительные меры по повышению эффективности надзора за исполнением законодательства при использовании выделенных на нужды обороны бюджетных средств, в том числе в рамках государственного оборонного заказа, оснащении войск современным вооружением, обеспечении экологической безопасности и устойчивого функционирования объектов жилищно-коммунального комплекса, соблюдению конституционных прав и социальных гарантий военнослужащих и иных лиц¹.

Идеологические причины связаны с резко негативной информацией, публикуемой средствами массовой информации, формированием у молодого поколения отрицательного отношения к армии. Данные причины являются результатом недостаточности развития культурной жизни молодого поколения и их военно-патриотического воспитания.

Причины, связанные с недостатками функционирования в обществе системы

¹ В Главной военной прокуратуре состоялось расширенное заседание коллегии // Портал органов военной прокуратуры. URL: <https://gvp.gov.ru/tof/news/view/3821> (дата обращения: 18.03.2021).

воспитания и обучения подрастающего поколения. Военно-патриотическое воспитание молодого поколения является одним из важнейших направлений. Однако в настоящее время это звено воспитания является отстающим в современной системе образования.

Для решения данной проблемы необходимо проводить систематические занятия и правовое просвещение с несовершеннолетними лицами до поступления на военную службу, такие как введение в выпускных классах школы предметов, направленных на воспитание мужества, отваги, любви к Родине, привлечение к занятиям школ ДОСААФ.

Кроме того, немаловажным фактором является образование военнослужащих срочной службы, анализ показывает, что 80% граждан призываются в армию после школы либо после колледжа и лишь 20% имеют высшее образование.

Причины, связанные с недостатками отбора и подготовки военных кадров, дефектами правового регулирования их статуса и стимулирования служебной активности.

Недостаточная подготовка военных кадров связана с тем, что в начале 2000-х гг. произошло расформирование военных кафедр в гражданских вузах, то есть офицеры не имеют образования в профильных военных вузах либо подготовки на военных кафедрах. На данный момент идет процесс восстановления суворовских училищ и профильных военных вузов, а также на базе гражданских учебных заведений создаются военные кафедры, которые готовят профессионалов, а те, в свою очередь, отдают свои знания солдатам, проводят агитацию за родину, трудолюбие и воинский долг.

Одной из проблем является также неподготовленность сержантского состава, который является связующим звеном между командованием подразделений войсковой части и рядовым составом. В настоящий момент звание сержантов получают военнослужащие контрактной службы без специального военного образования, что негативно влияет на уровень подготовки и воспитания рядового состава.

Вместе с тем положительным аспектом в последние годы выступает невозможность получения фиктивных дипломов об образовании, а также их выявление у лиц высшего офицерского состава, состоящих на командных должностях военной службы.

Кроме того, одной из проблем является социально-бытовая обеспеченность, которая, в свою очередь, выступает стимулятором служебной деятельности.

Нередки случаи, когда военнослужащие оказываются не обеспечены служебным жильем по месту службы, и члены семей военнослужащих в связи с удаленностью воинских частей от городов не имеют возможности официального трудоустройства.

Вместе с тем имеется и положительная тенденция стимулирования служебной деятельности, а именно повышение заработной платы военнослужащим контрактной службы с целью повышения привлекательности военной службы и привлечения квалифицированных военных специалистов.

Сугубо воинские причины и условия, способствующие совершению преступлений военнослужащими – это конкретные недостатки в управленческой, организационной, дисциплинарной и воспитательной деятельности командиров и начальников¹. Данные причины заключаются в ослаблении организации службы в армии, в недостаточности проведения воспитательной работы и правового просвещения военнослужащих, а также в неуставных отношениях между военнослужащими.

Одними из воинских причин являются неуставные отношения между военнослужащими. Ранее в армии имели место неуставные отношения между военнослужащими срочной службы в связи с тем, что в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. «О воинской обязанности и военной службе» срок службы по призыву составлял 2 года. В армии процветала «дедовщина», которая заключалась в неуставных доминирующих отношениях в зависимости от фактически выслуженного срока службы военнослужащим по призыву. «Дедовщина» предполагала физическое или психологическое насилие в отношении солдат срочной службы, вновь прибывших или

¹ Лунеев В.В. Преступность военнослужащих и ее предупреждение. М., 2001. С. 403.

отслуживших наименьший срок военной службы по призыву.

Необходимо отметить, что определенные изменения произошли с изменением срока службы по призыву.

В соответствии с поправками, внесенными в Федеральный закон от 28 марта 1998 г. «О воинской обязанности и военной службе»¹, с 2008 г. срок службы по призыву уменьшился до 1 года.

С изменением срока службы изменился и характер неуставных взаимоотношений. В современной армии имеют место неуставные отношения между военнослужащим срочной службы и «низшим» звеном командирского состава, а также с офицерским составом.

В «низшее» звено командирского состава входят командиры отделений – младшие сержанты, заместители командира взвода-сержанты, младший офицерский состав – это командиры взводов, лейтенанты, которые 90% служебного времени взаимодействуют с солдатами-срочниками. При этом сержанты, младшие сержанты и, соответственно, офицерский состав являются военнослужащими по контракту.

Основным видом данных неуставных взаимоотношений является моральное унижение и давление на военнослужащих срочной службы.

Некомпетентность офицеров и отсутствие желания действовать в рамках правового поля, нежелание находить пути решения кризисных ситуаций приводят к неуставным взаимоотношениям и подавлению личности военнослужащего срочной службы.

Кроме того, бытовые условия содержания военнослужащих, обеспечение вещевым имуществом, продовольствием, ока-

зание медицинской помощи существенно влияют на адаптацию военнослужащего срочной службы. Необеспечение любыми видами довольствия либо ухудшение бытовых условий приводит к резко негативному отношению к службе, заставляет военнослужащих задумываться об оставлении места службы.

Кроме того, офицерским командным составом не учитываются психофизиологические и возрастные особенности военнослужащих срочной службы, наличие начального, специального или высшего образования, которые, в свою очередь, влияют на уровень дисциплины и организации в войсках.

Немаловажным аспектом является то, что территориальная удаленность воинских частей от правоохранительных и надзорных органов, таких как военная прокуратура гарнизона, военная полиция (комендатура), военные следственные отделы, влияет на совершение данной категории преступлений, позволяя скрывать преступления командованием частей, а также невозможность осуществлять контроль и патруль военными правоохранительными органами.

Исходя из анализа уголовных дел, возбужденных военным следственным отделом по Иркутскому гарнизону, следует отметить, что одними из наиболее часто встречающихся причин являются личные внутренние причины, такие как отдых от тягот и лишений военной службы, желание провести время с семьей, желание обогатиться, разочарование.

Военнослужащий убывает из расположения воинской части или места службы с целью провести время по собственному усмотрению.

¹ О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

Грушин Ф.В.,

доктор юридических наук, доцент

Научно-исследовательский институт ФСИН России (г. Москва)

СИСТЕМА УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Система уголовных наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, имеет определенные недостатки.

Во-первых, принцип построения системы наказаний «от менее строгого к более строгому» частично нарушен. Например, штраф по объему карательного воздействия на осужденного является более строгим видом наказанием, чем, например, ограничение свободы, обязательные работы или исправительные работы.

Во-вторых, как показывает судебная практика, наказания назначаются крайне неравномерно. Так, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного вида наказания назначается крайне редко. Удельный вес этого наказания составляет менее 0,1%. В большинстве случаев лишение права назначается в качестве дополнительного вида наказания к другим наказаниям (в основном к лишению свободы) или условному осуждению, хотя и в этом случае удельный вес наказания составляет около 1,5%.

Такое наказание, как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, применяется судами также крайне редко. Например, в 2011 г. в РФ данное наказание было назначено всего лишь двум осужденным. В последнее время применительно к общему количеству осужденных по всем составам преступлений удельный вес данного наказания составляет около 0,03%. Аналогичная ситуация и с ограничением по военной службе.

В-третьих, существует существенный дисбаланс при назначении принудительных работ. Подавляющее большинство осужденных к принудительным работам (в районе 70%) отбывают это наказание на основании замены лишения свободы более

мягким видом наказания, в порядке ст. 80 УК РФ. Еще около 10% – это осужденные, которым принудительные работы назначены за злостное уклонение от более мягких видов уголовных наказания. Таким образом, по приговору суда в связи с совершенным преступлением отбывают принудительные работы всего около 20% осужденных¹. Одной из причин сложившейся ситуации является то обстоятельство, что замена лишения свободы принудительными работами в порядке ст. 80 УК РФ после внесенных в 2018 г. изменений стала возможной ранее, чем условно-досрочное освобождение. То есть, например, для осужденного за тяжкое преступление предоставление условно-досрочного освобождения возможно по отбытии не менее половины срока, а замена лишения свободы принудительными работами – по отбытии не менее одной трети срока наказания.

Полагаем, что одно из решений, способствующих улучшению существующей системы наказаний, является уменьшение количества видов данных наказаний путем их объединений. Например, весьма интересную идею выдвинули авторы теоретической модели Общей части УИК РФ, которыми предлагается объединить ограничение свободы и принудительные работы в одно наказание – ограничение свободы, но с двумя его разновидностями: с направлением осужденного в специализированное учреждение (например, на базе существующих колоний-поселений) и без такового². В первом случае наказание должно исполняться исправительным центром, а во втором – уголовно-исполнительной инспекцией.

Также возможно предложить еще один вариант объединения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Такие наказания, как обязательные работы, исправительные работы и принудительные работы,

¹ Лядов Э.В., Грушин Ф.В. Уголовное наказание в виде принудительных работ: правовое регулирование назначения и исполнения : учебное пособие. Рязань: ИП Коняхин А.В. (BookJet), 2021. С. 98-99.

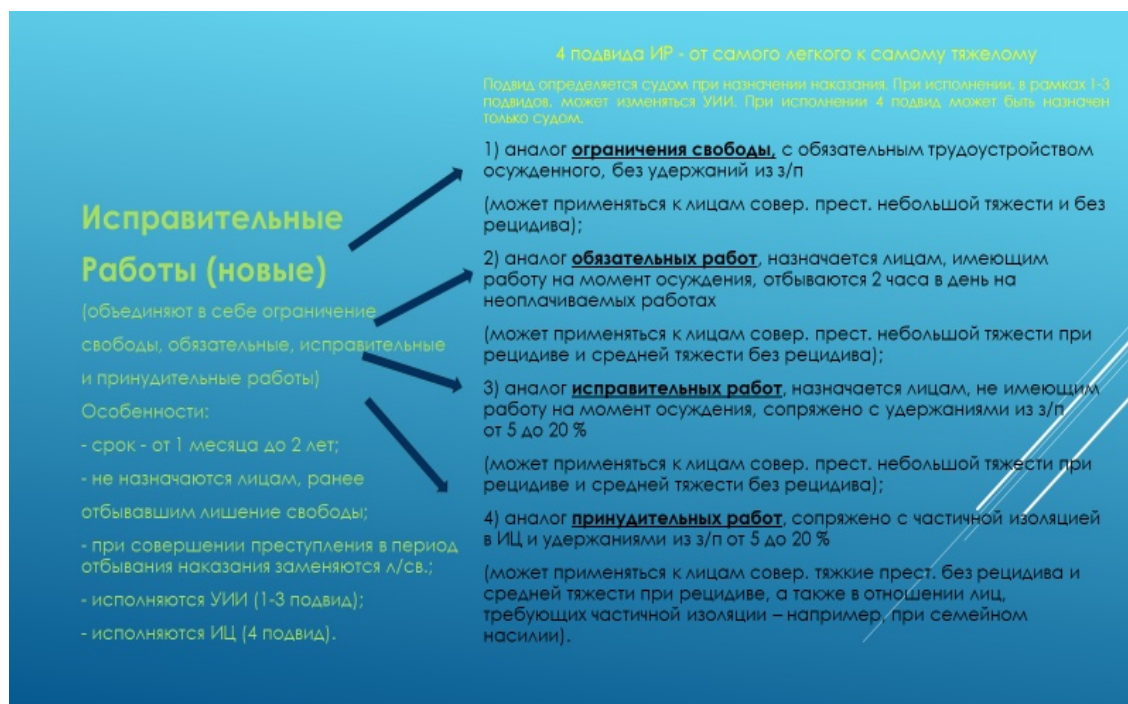
² Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. д.ю.н., профессора В.И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. С. 173.

весьма схожи по своим карательным функциям, и их объединяет обязанность труда для осужденного. Кроме того, есть наказание в виде ограничения свободы, которое применяется достаточно редко и конкурирует с условным осуждением. По сути, можно объединить в одном все четыре вышеупомянутых наказания. Например, если лицо, совершившее преступление, на момент осуждения имело работу, то ему назначаются исправительные работы в виде определенного количества часов бесплатных общественно полезных работ в свободное от работы время. Если осужденный не имеет работы, то ему вменяется обязанность трудоустроиться. В том случае, если осужденный нуждается в некоторой изоляции (например, лица, осужденные за преступления, связанные с семейным наси-

ем), то ему назначаются исправительные работы с содержанием в специализированном учреждении. Если осужденный совершил преступление небольшой тяжести впервые, то ему назначаются исправительные работы с обязательным трудоустройством без каких-либо удержаний и изоляции.

Естественно, что все может варьироваться в зависимости от личности осужденного, его семейного и имущественного положения, наличия рецидива, обстоятельств совершенного деяния, возможности трудоустройства в месте проживания осужденного и прочих факторов.

Схематично особенности нового предлагаемого наказания (вместо четырех ныне существующих) со старым названием «Исправительные работы» можно изложить следующим образом.

Крайне важное значение имеет решение судьи по конкретному делу, чтобы не складывались ситуации, когда уголовно-исполнительные инспекции вынуждены заниматься попытками безуспешного трудоустройства осужденных к исправительным работам в местах, где практически отсутствует такая возможность (например, полное отсутствие работодателей в месте проживания осужденного). Полагаем, что выносить заведомо неисполнимые решения

судами без учета возможностей исполнения приговора – крайне негативная практика.

Это далеко не полный перечень проблем, связанных с существующей системой уголовных наказаний. Необходимо проводить дальнейший анализ рассматриваемой системы с учетом сложившейся судебной практики, современными научными разработками, а также практической деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Урусов А.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПОНЯТИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

На протяжении всего исторического развития России система уголовных наказаний постоянно претерпевала изменения, которые были вызваны социально-экономическими и политическими обстоятельствами, протекающими в стране.

Расширение применения в XXI веке уголовных наказаний без изоляции осужденного от общества рассматривалось не только в качестве средств сокращения численности осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы и сокращения расходов на ее содержание, но и как важное направление реформирования уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики государства. В этих целях российский законодатель, оперируя институтом депенализации уголовного законодательства, претворяет в жизнь идею перестройки системы уголовных наказаний.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в УК РФ с действующими уголовными наказаниями без изоляции осужденных от общества (обязательные работы, исправительные работы и ограничение свободы) был введен новый вид наказания – принудительные работы, который начиная с 1 января 2017 г. стал применяться на всей территории России.

За последние годы произошло значительное увеличение как численности осужденных к принудительным работам, так и числа исправительных центров. Если по

состоянию на 1 ноября 2019 г. на территории Российской Федерации действовало 14 исправительных центров (далее – ИЦ) и 64 изолированных участка, функционирующих как исправительные центры (далее – УФИЦ), в которых состояли на учете 4432 осужденных к принудительным работам, то на 1 ноября 2022 г. функционировало 43 ИЦ и 252 УФИЦ с численностью 13224 осужденных¹, т.е. число осужденных выросло в 3 раза, а количество специализированных учреждений – практически в 4 раза.

Уголовное наказание в виде принудительных работ с момента включения его в российский уголовный закон стало предметом исследования ученых и практических работников². Дискуссии вызвали неоднозначные оценки о сущности и практике применения данного вида наказания, был выявлен ряд проблем при его исполнении³.

Появление большого числа научных работ и высказываний авторов по разрешению вскрытых проблем практического исполнения принудительных работ не уменьшило актуальности дальнейшего исследования этой темы.

В данной работе проанализируем уголовно-правовое понятие принудительных работ.

Статьи 45 и 53.1 УК РФ определяют, что принудительные работы – это основной вид уголовного наказания, который применяется как альтернатива лишению свободы и заключается в содержании осужденного, достигшего к моменту вынесения приговора 18-летнего возраста, в исправительном центре без изоляции от общества в усло-

¹ Федеральная служба исполнения наказаний. Статистические данные. URL: <http://фсин.пф/statistics/> (дата обращения: 11.01.2023).

² См.: Буш В.В. Принудительные работы как вид наказания в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015; Грушин Ф.В. Уголовное наказание в виде принудительных работ : монография. Рязань: Изд-во Рязанского института развития образования, 2013; Лядов Э.В. Принудительные работы как вид уголовного наказания: реалии и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1(80). С. 98-101.

³ См.: Давыденко А.В. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ // Российская юстиция. 2018. № 10. С. 37-40; Кожевников Р.В., Малюков В.А. Принудительные работы: проблемы назначения и исполнения // Законность. 2018. № 10. С. 39-42; Смирнова И.Н., Асадов В.В., Буданова Л.Ю. Организация деятельности по исполнению наказания в виде принудительных работ: проблемные аспекты // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 3. С. 21-27.

виях осуществления за ним надзора с обязательным привлечением осужденного к общественно-полезному труду, с удержанием из его заработка от 5 до 20% в доход государства.

Из данного определения больше всего возникает вопросов о целесообразности введения в уголовно-правовое понятие принудительных работ термина «альтернатива».

Анализ данного термина определяет, что «альтернатива (от лат. *alternatus* – другой) – это необходимость выбора одной из двух или более исключających друг друга возможностей; каждая из этих возможностей»¹, или альтернатива – это возможность выбора из ряда предложенных решений одного или нескольких².

При применении данного термина возникает несколько проблем в теории уголовного права.

Во-первых, являются ли принудительные работы основным видом наказания. При детальном рассмотрении ч. 1 ст. 45 и ч. 2 ст. 53¹ УК РФ складывается некоторая неопределенность. Часть 1. ст. 45 УК РФ определяет, что принудительные работы относятся к основным видам наказания. Из теории уголовного права следует, что основные виды наказания всегда назначаются в качестве самостоятельных и не могут назначаться в дополнение к другим наказаниям или сочетаться друг с другом³. То есть принудительные работы должны назначаться судами самостоятельно.

Несамостоятельность рассматриваемого наказания видна из ч. 2. ст. 53¹ УК РФ, где говорится о назначении принудительных работ в порядке замены лишения свободы, исходя из этого следует, что принудительные работы не могут быть отнесены к основным видам наказания. Из трактовки ч. 1. ст. 53¹ УК РФ принудительные работы образуют нетипичный вид наказания – альтернативный, что противоречит ч. 1 ст. 45 УК

РФ. Если законодатель настаивает на использовании термина «альтернатива» в понятии принудительных работ, то следует внесение изменений в уголовный закон и закрепление в ст. 45 УК РФ нового вида наказания – альтернативного.

Необходимо отметить, что альтернативный вид наказания уже закрепился в теории уголовного и уголовно-исполнительного права. Так, например, А.С. Михлин в учебнике по уголовно-исполнительному праву определяет, что пожизненное лишение свободы есть альтернатива смертной казни⁴, но это не послужило поводом о закреплении в ст. 57 УК РФ того, что пожизненное лишение свободы назначается как альтернатива смертной казни.

Во-вторых, использование термина «альтернатива» также вызывает сомнение и в том плане, что в теории уголовного права твердо закрепились позиция о классификации видов санкции, где выделяется альтернативный вид санкции, в которой предусмотрена возможность назначения подсудимому одного (на выбор) из нескольких основных видов наказания, указанных в статье Особенной части УК РФ, и тем самым предоставляет суду право выбора⁵.

В уголовном законодательстве широко применяются альтернативные виды санкций, именно данный вид санкции позволяет суду при назначении наказания использовать и реализовать такие принципы, как принцип справедливости, принцип индивидуализации и дифференциации ответственности, принцип экономии уголовной репрессии. Суд может самостоятельно при вынесении приговора выбрать тот вид уголовного наказания, который закреплён в санкции статьи УК РФ, исходя из личности подсудимого и степени его вины в совершенном преступлении.

Нам представляется, что принудительные работы нельзя считать альтернативой

¹ Словарь русского языка / РАН, Институт лингвистич. исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд. М., 1989. С. 23.

³ Уголовное право России. Общая часть : учебник для бакалавров /отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. С. 263; Уголовное право. Общая часть : учебник / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Проспект, 2020. С. 277.

⁴ Уголовно-исполнительное право : учебник для вузов / отв. ред. А.С. Михлин. М.: Высшее образование, 2007. С. 340.

⁵ Непомнящая Т.В., Степашин В.М. Общая часть уголовного права в таблицах : учебное пособие. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. С. 10.

лишения свободы. Такой позиции придерживаются и другие авторы научных работ по данной проблеме, такие как Е.В. Благов¹, Б.З. Маликов² и В.И. Селиверстов³. Тем более что и в теории уголовного и уголовно-исполнительного права, и в уголовном законе практически все виды уголовных наказания, не связанных с изоляцией осужденного от общества, выступают в качестве альтернативы лишению свободы.

Помимо термина «альтернатива», в юридической литературе достаточно много дискуссий по трактовке ч. 2. ст. 53.1 УК РФ, которая гласит: «Если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами».

Применительно к данному контексту, на наш взгляд, нецелесообразно использование теоретического термина «места лишения свободы», который более применим для научных статей по уголовному и уголовно-исполнительному праву, но не как законодательный термин. При этом ни один из законодательных актов не дает определение, что относится к «местам лишения свободы».

Но в большей степени данная норма вызывает споров и сомнений о целесообразности заменяющего характера принудительных работ. Требование закона сначала назначить одно наказание, а потом его заменить другим наказанием противоречит логике принятия судебного решения.

Введение в УК РФ принудительных работ было продиктовано уголовной политикой государства, направленной на депенализацию уголовного законодательства, но в реальности получилось наоборот. Для применения принудительных работ законодатель был вынужден не сократить в санкциях норм Особенной части УК РФ такой вид наказания как лишение свободы, а добавить его для того, чтобы была возможность назначать наказание в виде принудительных работ.

Внесение изменений в чч. 1 и 2. ст. 53.1 УК РФ позволит достичь основных целей, которые поставлены перед уголовной политикой государства.

Таким образом, необходима дальнейшая работа по оптимизации законодательства, регулирующего систему уголовных наказаний. Существует потребность коррекции норм уголовного закона, особенно по вопросу признания принудительных работ самостоятельным видом наказания, как это определено в ч. 1 ст. 45 УК РФ.

Тепляшин П.В.,

доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ИСПОЛНЕНИИ И ОТБЫВАНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ИЕРАРХИЯ, ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Научная общественность не оставляет без критики вопросы исполнения и отбывания лишения свободы несовершеннолетними⁴, что обуславливает потребность освещения не только этих проблем, но и раскрытие действительного состояния

законодательства, регламентирующего исполнение данного уголовного наказания в воспитательных колониях.

Законодательство об исполнении и отбывании несовершеннолетними уголовного наказания в виде лишения свободы может

¹ Благов Е.В. Принудительные работы // Уголовное право. 2012. № 2. С. 28.

² Маликов Б.З., Алексеев Т.Г. Актуальные вопросы правовой природы уголовного наказания в виде принудительных работ // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1(84). С. 14.

³ Группа экспертов Центра на парламентских слушаниях. URL: <http://www.lecs-center.org/ru/duma-hearings-171011> (дата обращения: 11.01.2023).

⁴ См.: Писаревская Е.А. Лишение свободы как вид уголовного наказания для несовершеннолетних: проблемы законодательной регламентации и исполнения // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 3 (9). С. 82-87.

быть представлено в иерархической системе, что отражает социально-правовую значимость и степень «магистральности» соответствующих источников.

Общечивилизационные принципы и стандарты обращения с несовершеннолетними осужденными в условиях изоляции от общества представлены значительным объемом международных правовых актов. Их совокупность образует так называемое международное пенитенциарное ювенальное право. Фактически данное право формирует магистральные основы режима наказания несовершеннолетних осужденных, создает общие правовые предпосылки для более гуманного и дружественного обращения с рассматриваемой категорией осужденных.

К источникам международного пенитенциарного ювенального права можно отнести акты общего характера, в частности Конвенцию о правах ребенка, одобренную Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20 ноября 1989 г., а также специализированные акты, а именно Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятые резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 29 ноября 1985 г., Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, одобренные резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 14 декабря 1990 г. Содержащиеся в этих и других международных актах правила и рекомендации обращения с несовершеннолетними осужденными выступают основополагающими идеями, которые находят правоустанавливающее закрепление в российском уголовном, уголовно-исполнительном и ином взаимосвязанном (например, во многих положениях Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации») законодательстве, а также реализуются в отечественной пенитенциарной практике. Ведь в соответствии с требованиями ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Феде-

рации являются составной частью ее правовой системы.

Системообразующим и фундаментальным по своей сути источником уголовно-исполнительного законодательства выступает Конституция РФ. Так, ст. 2 Основного закона закрепляет приоритет прав и свобод человека и гражданина, а их признание, соблюдение и защиту – обязанностью государства. Данное положение носит основополагающий характер применительно к правовому положению личности, в том числе осужденных лиц, изолированных от общества. Кроме того, положения, содержащиеся в ст. 18 Конституции РФ, о том, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, в полной мере ориентированы на лиц, отбывающих уголовные наказания.

Центральный правовым актом, нормы которого непосредственно регулируют общественные отношения, возникающие и существующие по поводу исполнения и отбывания несовершеннолетними уголовного наказания в виде лишения свободы, является УИК РФ, закрепляющий как общие регламентирующие положения (цели, задачи, принципы, средства исправления, основы правового положения осужденных, субъекты исполнения уголовного наказания), так и специальные нормативные установления, содержащиеся в главе 17 «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях» (ст. 132-142 УИК РФ). Наличие самостоятельной главы отражает относительно обособленную группу правовых предписаний, направленных на закрепление, в частности, особого содержания элементов прогрессивной системы применительно к воспитательным колониям, мер поощрения и взыскания, применяемых к осужденным, содержащимся в данном виде исправительных учреждений.

Также нельзя обойти вниманием уголовное законодательство, которым устанавливается уголовно-правовой режим несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности. Данный режим закреплен в разделе V УК РФ «Уголовная ответствен-

ность несовершеннолетних». По существу, уголовное законодательство создает для несовершеннолетнего соответствующую модель принудительного воздействия со стороны государства, определяя вид и характер назначаемого уголовного наказания, создавая юридические предпосылки для его последующего исполнения в соответствии с требованиями уголовно-исполнительных норм.

На уровне федеральных законов стоит отметить такой нормативный правовой акт, как Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-І «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», нормы которого закрепляют, в частности, организационно-правовые основы функционирования учреждений, исполняющих наказания, включающих также и воспитательные колонии. В свою очередь, Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» регламентирует работу общественных наблюдательных комиссий, которые осуществляют контроль за лицами, находящимися в местах принудительного содержания, в том числе осужденными к лишению свободы.

Представляется целесообразным привести мнение В.А. Уткина, справедливо отмечающего, что «к уголовно-исполнительному законодательству в реальном времени не могут быть отнесены несуществующие (непринятые либо утратившие силу), хотя и возможные будущие федеральные законы. Последующее их принятие, возможно, поставит вопрос об их соотношении с уголовно-исполнительным законодательством»¹. Следовательно, недопустимо к источнику уголовно-исполнительного законодательства относить, например, проект федерального закона «О внесении изменений в статью 80 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации"», которым предусмотрена передача функций и полномочий учредителя созданных школ воспитательных колоний от ФСИН России

органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Достаточно большой пласт законодательства (в широком смысле этой категории) об исполнении и отбывании несовершеннолетними лишения свободы представлен подзаконными правовыми актами, которые тесно связаны с законами, включая УИК РФ, и фактически выполняют функцию расширительного толкования законодательных норм. Среди них следует выделить приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». Второе приложение к данному приказу содержит Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее – Правила), в рамках которых детализируются и уточняются особенности исполнения и отбывания несовершеннолетними лишения свободы.

Однако стоит отметить и факт утраты юридической силы «специализированными» Правилами внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста России от 6 октября 2006 г. № 311. Правила уже не содержат обособленной группы (например, предусмотренных отдельным приложением) юридических предписаний, специально направленных на регулирование общественных отношений, существующих по поводу исполнения и отбывания несовершеннолетними уголовного наказания в виде лишения свободы, что вызывает критику. Как представляется, данным законодательным шагом снижается функциональность дифференцированного подхода к несовершеннолетним, отбывающим лишение свободы.

Применительно к Правилам согласимся с мнением А.Н. Кимачева, который в целом справедливо отмечает, что «настоящий нормативный правовой акт призван определять частные процедуры реализации общих положений исполнения и отбывания уголов-

¹ Курс уголовно-исполнительного права : в 3 т. Т. 1. Общая часть : учебник / под общ. ред. Г.А. Корниенко ; под науч. ред. А.В. Быкова. М.: Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2017. С. 139.

ного наказания в виде лишения свободы, предусмотренных различного рода документами, образующими в целом уголовно-исполнительное законодательство»¹. Единственно, необходимо уточнить возможность Правил «определять частные процедуры» только действительно «общих» положений, то есть фактически имеющих кодифицированный вид либо уровень федерального закона, а не всех документов, образующих уголовно-исполнительное законодательство. Например, к «общим» положениям не относится Инструкция о надзоре за осужденными, содержащимися в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний, утвержденная приказом Минюста России от 23 июня 2005 г. № 95. Однако положения данного документа сами «определяют частные процедуры» реализации такой составляющей режима исправительного учреждения, закрепленной в ч. 1 ст. 82 УИК РФ, как постоянный надзор за ними.

Кроме того, к подзаконным правовым актам относятся различные инструкции,

положения, порядки и другие формы нормативных документов. Например, функцию расширительного толкования отдельных положений ст. 112 УИК РФ «Общее образование осужденных к лишению свободы» выполняют разъяснения, закрепленные в Положении об организации получения осужденными основного общего и среднего (полного) общего образования в вечерней (сменной) общеобразовательной школе воспитательной колонии уголовно-исполнительной системы», утвержденном приказом Минюста России от 21 ноября 2005 г. № 223, в котором устанавливается организация получения несовершеннолетними осужденными, отбывающими лишение свободы, общего образования.

Таким образом, ювенальное пенитенциарное законодательство обладает достаточно высокой иерархичностью, разветвленным по различным отраслям права содержанием и резервами для дальнейшей оптимизации.

Качурова Е.С.,

кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ

Проблема распространения насильственной преступности в исправительных учреждениях (далее – ИУ) остается актуальной, несмотря на усиление обеспечительных мер по соблюдению режима в местах лишения свободы, а также снижение общего числа пенитенциарных преступлений. Пенитенциарное насилие является распространенным и высоколатентным, свидетельствующим о недостаточности секьюритивной системы, а также о несоблюдении законности в местах лишения свободы, где в силу объективных факторов происходит увеличение отрицательно характеризую-

щихся осужденных, склонных к проявлению криминальной агрессии.

При этом обозначенная латентность в большинстве случаев является естественной², то есть скрывается самими осужденными, но случаи, когда латентность является искусственной (когда сотрудникам администрации известно о факте криминального насилия) либо пограничной (когда преступники умело маскируют случаи насильственного причинения вреда здоровью под самоубийства, что впоследствии влияет на результат проверки и заключение медиков) также существуют. Возможность искусственной латентности в местах

¹ Кимачев А.Н. Отдельные вопросы организации режима воспитательных колоний в правилах внутреннего распорядка // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3. С. 29.

² Гишинский Я.И. Актуальные проблемы криминологии : учебное пособие для магистратуры. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 192 с.

лишения свободы подтверждает тот факт, что технические средства обеспечения режима обязательны и используются на территории всех колоний.

Многие осужденные к лишению свободы отличаются импульсивностью, повышенной эмоциональностью, склонны к демонстрационному поведению, не умеют вовремя остановиться¹. Еще более подвержены сложным психологическим состояниям и реакциям впервые отбывающие наказание в местах лишения свободы, которые склонны к поведению, способствующему их дальнейшей виктимизации.

При характеристике осужденных важно выделить тех, кто страдает определенными психическими отклонениями, но при этом отбывает наказание совместно с остальными. Осужденные, страдающие алкоголизмом, наркоманией, шизофренией и другими невротическими заболеваниями, нуждаются в повышенном контроле со стороны штатных психологов, поскольку в зависимости от расстройства склонны к проявлению агрессии, могут совершать насильственные действия в отношении других осужденных.

В связи с этим необходимо повышать уровень оказания индивидуальной психологической помощи осужденным. Индивидуализированный, нешаблонный подход, планомерная и системная, согласованная работа психологов, имеющих в каждой колонии, с оперативными службами внутри колонии могут помочь осужденным в процессе ресоциализации.

Несмотря на принятый 6 февраля 2023 г. Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в РФ», целесообразно использовать срок непосредственного отбывания лишения свободы для возможности когнитивной коррекции осужденных.

Таким образом, профилактика насильственных преступлений в исправительных учреждениях имеет специфику, а их повышенная общественная опасность обуславливает необходимость применения комплекса мер криминологического предупреждения, включая индивидуальные меры, направленные на работу с осужденными.

При изучении насилия в местах лишения свободы необходимо своевременно выявлять осужденных, склонных к проявлению агрессии и повышенной виктимизации, а также изучать и практически внедрять положительный опыт противодействия таким преступлениям, используя знания о причинах и условиях пенитенциарного насилия, бороться с любым проявлением латентности на территории ИУ. В связи с этим для эффективного предупреждения насилия в местах лишения свободы требуется взаимодействие всех субъектов уголовно-исполнительной системы, планомерность и контроль за реализацией мер пенитенциарной профилактики. Кроме того, специфика насильственных пенитенциарных преступлений позволяет сделать вывод о необходимости индивидуализации такой деятельности и определению действий для минимизации конфликтности осужденных, предотвращения психологических девиаций, связанных с условиями отбывания наказания.

Ольховик Н.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Томский государственный университет

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ И ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ, НА ПОЛУЧЕНИЕ СОДЕЙСТВИЯ В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ

Анализ судебной практики и официальной статистики МВД России показывает, что значительная доля рецидивной преступности приходится на лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Как следует из

изученной судебной практики, большинство рецидивистов (около 80%) после освобождения из мест заключения не могут решить вопрос своего трудоустройства (53%), большинство из них (36%) в результате

¹ Наказание и исправление преступников / под ред. проф. Ю.М. Антоняна. М., 1992. 228 с.

применения к ним конфискации или по иным основаниям лишены жилых помещений¹, вследствие чего они сталкиваются с отказом в приеме на работу из-за отсутствия регистрации и наличия судимости, а также многими другими проблемами.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ не относит к предмету уголовно-исполнительного законодательства отношения в сфере социальной помощи освобожденным, отношения государства и освобожденного лица после завершения исполнения наказания и не определяет порядок оказания социальной помощи. Отношения по оказанию социальной помощи освобожденным следует отнести к предмету законодательства о социальном обеспечении, а в более широком смысле – к законодательству о социальной защите². Следует согласиться с утвердившимся в науке мнением, что с учетом разнообразия возникающих при этом общественных отношений, их социальной значимости правовое регулирование должно осуществляться только на уровне закона³.

В соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – закон о пробации) к лицам, освободившимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и нуждающимся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, с 1 января 2025 г. будет применяться постпенитенциарная пробация.

Безусловно, не все лица, отбывшие уголовное наказание, нуждаются в оказании такой помощи, поэтому в законе о пробации предусмотрен принцип добровольного волеизъявления освобожденного из учреждения, исполняющего наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, на оказание ему помощи. Основаниями применения постпенитенциарной пробации являются обращение лица (его законного представителя), освобождающегося из учреждения, исполняющего наказание в виде

принудительных работ или лишения свободы, либо отбывшего уголовное наказание, с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, которое направляется администрации указанного учреждения либо в уголовно-исполнительную инспекцию, и принятие по результатам проведения оценки индивидуальной нуждаемости решения о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

Законом о пробации определено, что содействие в трудоустройстве лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, с 1 января 2025 г. будут осуществлять уголовно-исполнительные инспекции. Содействие в трудоустройстве должно осуществляться в соответствии с имеющимися специальностью, профессией, квалификацией, навыками и умениями, обеспечивается бесплатный доступ к Единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России».

Детальная регламентация порядка осуществления содействия в трудоустройстве законом о пробации, на наш взгляд, не всегда позволит освобожденным из исправительных центров или мест лишения свободы реализовать закрепленное Конституцией РФ право на труд. В настоящее время Закон «О занятости населения» относит лиц, освобожденных из мест лишения свободы, к числу пользующихся повышенной социально-правовой защитой (ст. 5), при невозможности трудоустройства их регистрируют в качестве безработных, им выплачивается пособие, однако федеральная служба занятости не идет дальше регистрации и выплаты пособия. Как представляется, обеспечить освобожденному от наказания его право на труд невозможно будет и при наличии информационного обмена между уголовно-исполнительными инспекциями и органами службы занятости населения (ст. 24 закона о пробации). Практика показывает, что администрации предприя-

¹ Агамов Г.Д., Ковалева Е.Н. Актуальность закона о социальной адаптации // Уголовное судопроизводство. 2006. № 3. С. 2-4.

² Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 160 с.

³ Малков В.Д. Повторность проступка и уголовная ответственность / под науч. ред. А.Т. Бажанова. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. 123 с.

тий и организаций не заинтересованы принимать на работу лиц, имеющих судимость, тем более освобожденных из мест лишения свободы.

Полагаем, что обеспечение освобожденному из исправительного учреждения или исправительного центра его права на получение конкретной практической помощи в трудоустройстве возможно только при разработке и реализации мер по экономическому стимулированию работодателей, трудоустраивающих осужденных и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. В соответствии со ст. 8 закона о пробации это отнесено к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Перечень форм государственной поддержки может сочетать меры прямого и косвенного стимулирования. К прямым относятся, в частности, предоставление средств регионального бюджета в различных формах, предоставление регионального имущества на льготных условиях, предоставление государственных гарантий. Косвенные меры включают налоговое стимулирование (по налогу на имущество организаций и земельному налогу), информационную поддержку, принятие региональных целевых программ.

Анализ региональной практики экономического стимулирования организаций (предприятий), трудоустраивающих освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, позволяет определить ряд направлений по его совершенствованию. Во-первых, региональное законодательство должно закреплять четкий перечень видов государственной поддержки организаций (предприятий), трудоустраивающих освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы. Во-вторых, в региональном законодательстве должна содержаться классификация мер государственной поддержки организаций (предприятий), трудоустраивающих освобожден-

ных из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы.

Предусмотренные региональным законодательством меры государственной поддержки условно можно подразделить на три группы.

К первой группе можно отнести прямые меры, которые могут использоваться преимущественно для поддержки проведения и реализации проектов по содействию занятости. Региональное законодательство может предусматривать две их разновидности: создание регионального фонда содействия занятости и целевое финансирование соответствующих региональных программ в виде грантов, целевого бюджетного финансирования, бюджетных кредитов и других форм.

Ко второй группе следует отнести косвенные меры, которые являются преимущественной формой стимулирования организаций (предприятий), трудоустраивающих освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы. На наш взгляд, региональное законодательство может предусматривать следующие разновидности: налоговые льготы (по налогу на имущество организаций и земельному налогу); отсрочка (рассрочка) уплаты налога на имущество организаций и земельного налога; субсидирование части процентной ставки по банковским и иным кредитам в соответствии с утвержденным порядком; гарантии органов государственной власти области для организаций (предприятий), трудоустраивающих освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы.

К третьей группе следует отнести дополнительные формы государственной поддержки, в рамках которых выделяются: организация конкурсов на лучшие проекты по отраслям, материальное поощрение организаций (предприятий), трудоустраивающих осужденных и освобожденных из мест лишения свободы, и иные формы поддержки, не противоречащие законодательству.

Рахматулин З.Р.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск),
Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета

Сорокун П.В.,

кандидат исторических наук, доцент
Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ УСМОТРЕНИЕ НА ЭТАПЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Вопросы правоприменительного усмотрения перманентно изучаются в различных отраслях права. Авторы высказывают точки зрения, которые по своему содержанию различны и могут существенно отличаться друг от друга¹.

Представляется, что целесообразно обратить внимание на базовые положения усмотрения как элемента механизма правового регулирования. В специальной литературе констатируется, что «правовое регулирование связано с действием определенного механизма, охватывающего всю совокупность юридических средств. Юридические нормы, индивидуальные государственные веления, правовые отношения и, наконец, акты психического отношения к праву тех или иных лиц – все это характеризует единый согласованно функционирующий механизм правового регулирования»².

Рассмотрение данных аспектов позволяет констатировать, что усмотрение в пенитенциарной науке является элементом механизма уголовно-исполнительного правового регулирования. Насколько качественно осуществляется регламентация уголовно-исполнительных правоотношений посредством правоприменительного усмотрения? Ответ на данный вопрос можно получить только при комплексном его изучении.

Усмотрение представляет из себя систему, которая состоит из элементов, взаимосвязанных между собой. Семантическое

поле такого понятия включает термины «связь», «элемент», «целое», «единство», а также «структура» – схема связей между элементами³.

Например, в административном праве судебное усмотрение рассматривается как правоприменительный инструмент судьи, основанный на его внутреннем убеждении и ограниченный социально-правовыми пределами, выступающий структурным элементом системы судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе⁴.

Отметим, что нами будут ниже выделены основные элементы усмотрения. В какой-то мере такая точка зрения является условной и дискуссионной, но анализ каждого звена позволит показать его влияние на процесс урегулирования отношений, возникающих в связи с исполнением уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Более того, будет возможность изучить влияние одних элементов на другие.

Таким образом, с нашей точки зрения, целесообразно выделять следующие составляющие правоприменительного усмотрения при реализации уголовных санкций: компетентный субъект усмотрения, сфера усмотрения, этапы, предмет, источники, принципы, границы и результаты усмотрения.

В рамках настоящей статьи невозможно раскрыть все эти элементы, остановимся

¹ Тепляшин П.В. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 60-63.

² Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. С. 7.

³ Новейший философский словарь. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy>.

⁴ Королевская О.И. Система судебного усмотрения в административно-юрисдикционном процессе как гарантия его эффективности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5(71). № 4. С. 491-500.

только на одном из них – этапе реализации деятельности по исполнению уголовных наказаний, который можно подразделить на несколько подэтапов. Например, рассмотрение и разрешение вопросов о корректировке режимных требований наказаний; о замене наказания на более строгое; изменении условий содержания осужденного или вида исправительного учреждения; рассмотрение вопросов о привлечении к дисциплинарной ответственности осужденных или об их поощрении и др. В последнем случае следует акцентировать внимание на достаточно широком диапазоне дискреционного потенциала при применении соответствующих мер.

Об этом вполне обоснованно также ведут речь отдельные авторы. Так, Ю.А. Головастова и А.Н. Гордополов указывают, что «в современном уголовно-исполнительном праве законодателем закреплён порядок привлечения осужденных, совершивших злостные нарушения, к пенитенциарной ответственности. Данное направление в основном полагается на субъективное усмотрение начальника исправительного учреждения, основанное на коллегиальном мнении комиссии, состоящей из лиц, их замещающих. В результате данной правоприменительной практики создается почва для субъективного принятия решений в отношении неугодной категории осужденных, что свидетельствует о нарушении принципа законности»¹.

Анализ судебной практики исполнения уголовных наказаний показывает, что судьи часто пользуются правилами оценки доказательств, которые закреплены в нормах УПК РФ, решая вопросы установления факта соответствующих нарушений со стороны осужденных сотрудниками, исполняющими приговор. Более того, в судебных

решениях встречаются такие формулировки, как «оценив доказательства по делу», «доказательства, представленные в суде, не отвечают свойствам доказательств», «данные являются недопустимыми», «доказательства не являются достоверными».

Не вступая в дискуссию о том, является ли стадия исполнения приговора автономной или представляет из себя часть уголовного процесса, отметим, что решение данного вопроса достаточно практично, поскольку в этом случае будет однозначно понятным, стоит ли, например, в УИК РФ устанавливать виды доказательств и правила их оценки. Или судьям и сотрудникам, исполняющим приговор, в этом вопросе можно пользоваться нормами УПК РФ и по аналогии их применять к уголовно-исполнительным отношениям. Одним из существенных аргументов в пользу самостоятельности стадии исполнения приговора является то, что в УПК РФ речь идет о доказывании в ходе расследования по уголовному делу.

Представляется, что в УИК РФ отдельно должна быть предусмотрена глава, которая бы урегулировала вопросы видов, свойств и правил оценки доказательств.

Таким образом, специфика системы правоприменительного усмотрения в уголовно-исполнительных правоотношениях заключается в том, что каждый из элементов, входящих в нее, так или иначе влияет на складывающуюся практику исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Следовательно, изучение каждого из них по отдельности позволит выявить влияние субъективных факторов при принятии решений должностными лицами на эффективность применяемых мер.

¹ Головастова Ю.А., Гордополов А.Н. К вопросу об обстоятельствах, снижающих и повышающих общественную вредность злостного нарушения режима отбывания наказания и личности осужденного // Вестник Югорского государственного университета. 2022. Вып. 1(64). С. 176.

Андреева Ю.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет

Астапкович Н.Н.

Аппарат Уполномоченного по правам человека в Красноярском крае (г. Красноярск)

СТАДИИ И ЭТАПЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ

Для формулирования стадий и этапов привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности в исправительных учреждениях (далее – ИУ) сначала определим место дисциплинарного производства в уголовно-исполнительном процессе, уголовно-исполнительном производстве и уголовно-исполнительной процедуре.

Так, Ю.А. Головастановой отмечено, что под уголовно-исполнительным производством следует понимать совокупность отдельных стадий уголовно-исполнительного процесса, состоящих из процедурных и процессуальных действий¹.

Б.З. Маликов и Н.Б. Маликова считают, что уголовно-исполнительное право, обладая в целом чертами процессуального права (исполнительно-процедурного), в своем содержании имеет материальные и процедурно-процессуальные нормы².

В.А. Уткин утверждает, что в области уголовно-исполнительной деятельности выделяются две группы (уровня) общественных отношений: организуемые (материально-правовые) и организационные (процедурно-правовые)³.

В.Н. Орлов предлагает в Уголовно-исполнительном процессуальном кодексе РФ предусмотреть отдельную главу «Уголовно-исполнительное производство», в ко-

торой изложить нормы, касающиеся возбуждения уголовно-исполнительного производства, места, времени, сроков совершения уголовно-исполнительных действий, окончания уголовно-исполнительного производства и т.д.⁴ Закрепить данный раздел в Общей части УИК РФ предлагает и Ю.А. Головастановой⁵.

А.Н. Сиряковым замечено, что в УИК РФ отсутствуют процессуальные нормы, а уголовно-исполнительное право является процедурным правом, так как регулирует отношения, связанные с внесудебным порядком осуществления прав⁶.

Л.А. Душакова признает, что процедура и процесс – понятия не тождественные. Процесс, безусловно, можно представить как некую установленную совокупность процедур, посредством которых реализуются материальные нормы⁷.

Допускаем, что в уголовно-исполнительный процесс включаются уголовно-исполнительные производства, которые, в свою очередь, состоят из стадий, этапов, процедур и действий.

Ю.А. Головастановой уточняет, что о процессуальных действиях нужно говорить при определении меры дисциплинарной ответственности осужденных⁸.

¹ Головастановой Ю.А. Уголовно-исполнительное производство и уголовно-исполнительное судопроизводство: проблемы смежного разграничения // Преступление, наказание, исправление : сборник тезисов выступлений и докладов участников V Международного пенитенциарного форума : в 9 т. Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2021. Т. 3. С. 60.

² Маликов Б.З., Маликова Н.Б. Уголовно-исполнительное право – процессуально-процедурная отрасль российского права // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1-4). № 2. С. 182.

³ Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 40-41.

⁴ Орлов В.Н. Уголовно-исполнительный процессуальный кодекс: основные идеи // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 25 (1-4). № 2. С. 154-155.

⁵ Головастановой Ю.А. Указ. соч. С. 60.

⁶ Сиряков А.Н. Процедурная сущность уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 4(26). С. 65.

⁷ Душакова Л.А. Анализ подходов к пониманию правовой процедуры // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2011. № 4. С. 69.

⁸ Головастановой Ю.А. Указ. соч. С. 60.

Полагаем, что дисциплинарное производство является самостоятельным уголовно-исполнительным производством, которое предназначено для того, чтобы донести до сведения начальника ИУ мнение членов комиссии о личности осужденного, их оценку проступка осужденного, а также предоставить возможность самому осужденному высказать свою позицию.

О.Г. Иванова отмечает, что производства включают в себя стадии уголовного процесса (состоят из них), а эти стадии могут включать в себя отдельные процессуальные процедуры¹.

Н.А. Юркевич думает, что недопустимо смешивать понятия «стадия уголовного процесса» и «уголовно-процессуальное производство»².

А.А. Гизаметдинов и Р.Г. Юсупов замечают, что стадийность должна восприниматься как признак не только юридического процесса, но и процессуального производства³.

Считаем, что дисциплинарное производство состоит из стадий, этапов, процедур и действий.

На основании ч. 2 ст. 117 УИК РФ взыскание налагается постановлением начальника ИУ или лица, его замещающего. В каждом ИУ издается приказ о порядке создания и проведения дисциплинарных комиссий. Встает вопрос о необходимости организации заседания дисциплинарной комиссии в ИУ, если решение все равно остается за начальником учреждения.

Заметим, что в ст. 117 УИК РФ и приказе Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110⁴ не регламентированы стадии и этапы дисциплинарного производства в отношении осужденных в ИУ.

Ю.А. Головастова утверждает, что если уголовно-исполнительное производство представлено процессуальными действиями, то оно появляется с момента реги-

страции факта совершения противоправного деяния в местах лишения свободы⁵.

На наш взгляд, дисциплинарное производство возбуждается с регистрации рапорта о выявлении нарушения осужденным порядка отбывания наказания и оканчивается погашением (снятием) взыскания.

Учитывая вышесказанное, выделим обязательные (основные) и дополнительные (факультативные) стадии и этапы дисциплинарного производства в отношении нарушителей и злостных нарушителей порядка отбывания наказания в ИУ. Данные стадии и этапы не могут быть применимы к устному выговору как мере дисциплинарного взыскания.

Таким образом, к стадиям и этапам дисциплинарного производства можно отнести следующие.

1. Возбуждение производства (обязательная (основная) стадия):

- регистрация рапорта о выявлении нарушения (обязательный (основной) этап);
- собирание доказательств (материалов) в связи с выявлением нарушения (обязательный (основной) этап);
- взятие у осужденного письменного объяснения по факту нарушения (обязательный (основной) этап).

2. Проверка и оценка доказательств (материалов) (обязательная (основная) стадия):

- проверка доказательств (материалов) (обязательный (основной) этап);
- оценка доказательств (материалов) (оценка заместителем начальника учреждения, курирующим воспитательную работу, а также юридической службой учреждения законности, объективности и полноты собранных доказательств (материалов) (обязательный (основной) этап);
- подготовка начальнику ИУ или лицу, его замещающему, представления о признании осужденного злостным нарушителем порядка отбывания наказания (обязатель-

¹ Иванова О.Г. Понятие и виды уголовно-процессуальных производств // Политика и общество. 2011. № 7. С. 32.

² Юркевич Н.А. Промежуточное производство в системе уголовного процесса России. История, теория и практика, перспективы развития. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 21.

³ Гизаметдинов А.А., Юсупов Р.Г. Анализ подходов к пониманию термина «процессуальное производство» // Вестник института права Башкирского государственного университета. 2022. № 4(16). С. 51.

⁴ Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 № 110 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Головастова Ю.А. Указ. соч. С. 61.

ный (основной) этап только в случае злостного нарушения порядка отбывания наказания).

3. Рассмотрение доказательств (материалов) (обязательная (основная) стадия):

- заседание дисциплинарной комиссии (дополнительный (факультативный) этап);
- рассмотрение доказательств (материалов) начальником ИУ и лицом, его замещающим (обязательный (основной) этап).

4. Вынесение решения (обязательная (основная) стадия):

- принятие решения дисциплинарной комиссией (дополнительный (факультативный) этап);
- вынесение постановления начальника ИУ и лица, его замещающего, о наложении меры взыскания (обязательный (основной) этап);
- вынесение постановления начальника ИУ и лица, его замещающего, о признании

злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (обязательный (основной) этап только в случае злостного нарушения порядка отбывания наказания).

5. Исполнение решения (обязательная (основная) стадия):

- отбытие взыскания (обязательный (основной) этап);
- действие взыскания в течение одного года либо до его снятия в порядке поощрения (обязательный (основной) этап).

6. Пересмотр решения (дополнительная (факультативная) стадия):

- обжалование постановления начальника о наложении дисциплинарного взыскания (дополнительный (факультативный) этап);
- отмена постановления начальника о наложении дисциплинарного взыскания в порядке надзора (дополнительный (факультативный) этап).

Черемин Н.В.

Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк)

ИНТЕГРИРОВАНИЕ ВИДЕОАНАЛИТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ БЕЗ КОНВОЯ ИЛИ СОПРОВОЖДЕНИЯ)

Проведение цифровой трансформации и научно-технического развития является одним из основных стратегических направлений совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы¹.

Законодатель осознает необходимость использования современных достижений в технологическом поле с целью обеспечения безопасности в местах лишения свободы (в том числе с использованием видеоаналитики и прогнозирования поведения осужденных).

В данной статье разберем возможности интегрирования системы видеоаналитики в деятельность уголовно-исполнительной системы на примере реализации института передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения.

Актуализация вопроса развития и интегрирования видеоаналитики в деятельность

уголовно-исполнительной системы вызвана не только научно-техническим прогрессом последних лет, но и постоянным увеличением количества видеокамер, используемых для надзора за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными.

Для подтверждения данного тезиса обратимся к официально опубликованным данным ФСИН России. Так, в 2015 г. в деятельности всей уголовно-исполнительной системы было задействовано 56240 видеокамер, в 2022 г. – 172318. Из представленных данных видно, что в рассматриваемый период произошло увеличение количества видеокамер на 306%. Для полноты картины считаем необходимым обратиться к еще одному показателю – количеству работников, задействованных в качестве операторов видеоконтроля. Если в 2015 г. штатная численность операторов составляла 2333 чело-

¹ О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р / Российская Федерация. Правительство // Российская газета. 2021. № 98. Ст. 8449.

века при фактической наполняемости 2247 (нехватка кадров 3,83%), то аналогичный показатель в 2022 г. составляет 4547 и 4096 соответственно (нехватка кадров 11,01%)¹.

Исходя из полученных данных за период 2015-2022 гг., можно прийти к нескольким важным выводам:

1) происходит значительное увеличение количества видеокамер, используемых в целях надзора за осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми;

2) наряду с увеличением штатной численности работников отделов безопасности (режима и надзора) происходит разрыв между их фактической наполняемостью;

3) следствием первого и второго вывода является то, что на каждого видеооператора происходит увеличение нагрузки (анализируется изображение минимум с 42 камер вместо 25)².

Таким образом, можно констатировать, что внедрение в практическую деятельность системы видеоаналитики в 2023 г. является не просто необходимым, а вынужденным направлением развития данной области деятельности уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем стоит согласиться с выводом П.В. Тепляшина, что использование видеоаналитики и прогнозирование поведения осужденных обладают в некоторой степени чертами «враждебной пенологии», обосновывая это тем, что их использование связано с интрузивными методами выявления правонарушающего поведения³.

Остановимся более подробно на некоторых возможных вариантах внедрения видеоаналитики в деятельность уголовно-исполнительной системы на примере реализации института передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения.

Ключевой особенностью реализации данного института является то, что осужденному к лишению свободы предоставляется право покидать охраняемую террито-

рию исправительного учреждения для осуществления хозяйственных работ. При этом администрация исправительного учреждения устанавливает определенный маршрут движения, покидать и отклоняться от которого осужденному-бесконвойнику запрещено. Как видится автору, именно исходя из данной ключевой особенности, необходимо внедрять алгоритмы видеоаналитики при реализации данного института уголовно-исполнительного права.

Первый алгоритм – закрытая зона (closed area). С помощью нее администрация исправительного учреждения устанавливает пределы возможного передвижения объектов внутри определенной локации. В случае несанкционированного отклонения от маршрута движения алгоритм выдает предупреждение видеооператору, который своевременно принимает меры к их устранению. На закрытую зону также возможно установить дополнительные критерии, при нарушении которых поступит оповещение. Например, можно установить определенное количество людей в одном помещении. Превышение данного лимита (нештатная ситуация) будет сопровождаться оповещением оператора.

Умный поиск (momentquest) по заранее установленным критериям (например, пересечение определенной линии или движение в определенной зоне). Алгоритм автоматически обрабатывает видеофрагменты, попадающие под установленные критерии, и сохраняет только те метаданные, которые интересуют пользователя.

Сопровождение движущихся объектов (tag&track). Все камеры привязываются к карте охраняемой территории. Оператор выбирает объект для сопровождения. Когда объект покидает поле зрения камеры, алгоритм рассчитывает, в какой камере он появится, и она выделяется на раскладке. В случае если привязанный к камере объект не появляется в рассчитанной локации на протяжении определенного времени, оператору приходит оповещение об этом. Поми-

¹ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2015-2022 гг.) // Информационно-аналитический сборник НИИТ ФСИН России.

² В практической деятельности уголовно-исполнительной системы встречаются случаи и с большим количеством видеокамер, находящихся под контролем одного видеооператора.

³ Тепляшин П.В. Политика «враждебной пенологии» («enemy penology»): концептуальные основы, содержание и интерпретация через призму отечественного уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1(62). С. 15-16.

мо этого, возможно прописать другие показатели, которые входят в норму для данных объектов. Так, например, возможно прописать максимальную скорость передвижения осужденных-бесконвойников, в случае преодоления ее пределов оператору поступит сообщение об этом.

Выходя за пределы исправительного учреждения, осужденные-бесконвойники так или иначе взаимодействуют с гражданским персоналом, сотрудниками исправительного учреждения, посетителями и родственниками других осужденных. В некоторых случаях эти контакты приводят к передаче запрещенных предметов (спиртные напитки, средства связи и др.). Для более эффективного просмотра всех контактирующих лиц в течение рабочего дня создан быстрый просмотр событий (time compressor). С помощью данного алгоритма возможно одновременно отображать все движущиеся объекты (людей), зафиксированные камерой в разные периоды времени. Благодаря данному алгоритму можно значительно быстрее обнаружить всех лиц, контактирующих с осужденным-бесконвойником за большой промежуток времени.

Поиск по лицам (face ID). Данный алгоритм позволяет по фотографии осужденного определять его локацию. Таким образом облегчается поиск местонахождения конкретного осужденного во множестве камер, входящих в систему охранного телевидения исправительного учреждения.

Психоэмоциональное состояние осужденного, пользующегося правом передвижения без конвоя, является важным фак-

тором для прогнозирования его противоправного поведения. В ходе исследования было установлено, что переживания, вызванные личностными невзгодами, в некоторых случаях приводят к совершению правонарушений, в том числе к побегу из мест лишения свободы. Поэтому полезным видится интегрирование алгоритма считывания эмоционального фона человека (face Reactor SLR), с помощью которого можно своевременно считать сильные эмоциональные переживания осужденного и оперативно на них отреагировать.

Правовым фундаментом использования видеоаналитики является закрепленное право администрации исправительных учреждений использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения различного вида правонарушений (ст. 83 УИК РФ).

Подводя финальную черту, хотелось бы отметить, что внедрение вышеописанных алгоритмов в практическую деятельность не заменит видеооператоров и иного человеческого ресурса, но такой цели и не стоит. Как видится, использование алгоритмов видеоаналитики позволит:

- 1) снизить оказываемую нагрузку на видеооператоров, что благоприятно скажется на комплектовании кадров на данную должность;
- 2) увеличить объем анализируемых данных;
- 3) увеличить объем фиксируемых правонарушений и оперативность реагирования на них.

Ченук И.В.

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

ПОБЕГ ИЗ-ПОД СТРАЖИ. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОБЕГАМ ИЗ-ПОД СТРАЖИ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ

Побег из-под стражи является одним из опаснейших явлений не только современности, но и прошлых лет. Он совершается лицом, которое уже столкнулось с законом и, не желая ему подчиниться, противопоставляет свою свободу устоявшемуся порядку, регламенту и требованиям законодатель-

ства, и для достижения поставленных им целей может не остановиться ни перед чем.

Достаточно трудно предположить, не учитывая или не зная всех обстоятельств по конкретному делу, какой из побегов может стать наиболее опасным – тот, который совершается сразу же после задержания лица по подозрению его в совершении престу-

пления, когда могут быть еще не установлены все доказательства по делу, участники, в достаточной мере не обеспечена безопасность свидетелей, потерпевших, или тот, который совершается после рассмотрения дела и связан с вынесением обвинительного приговора суда, когда обвиняемый осознает, что другого пути на свободу, кроме незаконного, нет. Однако каждый побег из-под стражи может повлечь различные последствия, в том числе и очень тяжкие, на которые могло и не рассчитывать лицо, его осуществляющее.

Органам власти необходимо противодействовать рассматриваемому негативному явлению, но, безусловно, при этом должно обеспечиваться соблюдение основополагающих принципов уголовного (ст. 3-7 УК РФ) и уголовно-процессуального законодательства (глава 2 УПК РФ).

Уголовная ответственность за совершение побега предусмотрена ст. 313 УК РФ: «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи». Лица, находящиеся в предварительном заключении, могут совершить побег только из-под стражи, так как иные места, описываемые в рассматриваемой статье, предполагают отбывание лицом наказания.

Следует отметить, что определение побега в ст. 313 УК РФ не содержит, что приводит к проблемам правоприменения, заключающимся в первую очередь в правильной квалификации содеянного¹.

О.И. Нестерова под побегом понимает «умышленное оставление заключенными места содержания под стражей» и считает побег совершенным, когда преодолено основное ограждение². Вместе с тем подозреваемые и обвиняемые могут конвоироваться в иные места, не признанные федеральным законодательством местами содержания под стражей, которые могут не иметь ограждений³. О.А. Ибрагимов да-

ется несколько общее определение: «Побег – самовольное преодоление конвоируемым лицом линии охраны различными способами»⁴. Однако преодоление линии охраны еще не значит совершение побега, на этом этапе лицо может самостоятельно отказаться от осуществления задуманного или быть задержанным сотрудниками полиции. Также факт преодоления линии охраны не может признаваться побегом, если у лица отсутствует возможность распоряжаться своими действиями. Кроме того, самовольное преодоление линии охраны может быть связано с чрезвычайными ситуациями, а не с совершением побега из-под стражи. Например, при наводнении или других проявлениях стихии. А.В. Бриллиантов характеризует побег, как «противоправное самовольное оставление места лишения свободы или нахождения под стражей, или под арестом, а равно противоправное, самовольное оставление иных установленных пределов места нахождения осужденного или лица, находящегося в предварительном заключении, обеспечивающих возможность контроля за этими лицами со стороны сотрудников специальных учреждений или лиц, осуществляющих конвоирование»⁵. Рассмотренное определение представляется объемным и также не обеспечивает полной характеристики побега из-под стражи. В связи с этим предлагаем иное определение: побег из-под стражи есть умышленно-волевое, самовольное, противоправное пресечение указанной уполномоченными на то лицами линии охраны лицу, содержащемуся под стражей на законном основании, получение им возможности распоряжаться своими действиями вследствие полного и желаемого выхода из-под надзора и контроля должностных лиц.

Обратим внимание на то, что именно желаемый лицом, совершающим побег, выход из-под надзора и, как следствие, кон-

¹ Беляков А.В., Грязева Н.В. Зарубежный опыт предупреждения побегов из пенитенциарных учреждений // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 3 (36). С. 192.

² Нестерова О.И. Предупреждение побегов осужденных и лиц, содержащихся под стражей // Пенитенциарная наука. 2020. № 2. С. 207.

³ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ, ст. 7 // Российская газета. 20.07.1995.

⁴ Ибрагимов О.А. О некоторых вопросах организации служебной деятельности специальных подразделений по конвоированию в правоохранительных органах Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4(36). С. 79.

⁵ Бриллиантов А.В. Проблемы квалификации побега // Уголовное право. 2005. № 2. С. 15.

троля в обязательном порядке должен характеризовать определение побега. Поскольку сотрудники полиции могут по своему выбору не осуществлять надзор, вследствие пренебрежения исполнением должностных обязанностей (сон на посту, иное отвлечение от несения службы) либо при воздействии независимых от них обстоятельств (обморок, нападение, приведение в беспомощное состояние), очевидно, что лицо, содержащееся под стражей, таким образом может выйти из-под надзора, но побег не совершать.

Имеющиеся уголовно-правовые средства противодействия побегам из предварительного заключения, воздействуя на сознание подозреваемых и обвиняемых, а также должностных лиц, помогают большую часть из них удержать от совершения данного преступления. Но так как побеги происходят и сейчас, можно судить о том, что существующие уголовно-правовые средства предупреждения побегов недостаточно эффективны.

Механизм уголовно-правового регулирования протекает по схеме: общественное отношение – норма уголовного закона – уголовно-правовое отношение – уголовная ответственность.

Охранительные уголовно-правовые отношения возникают вследствие применения санкций уголовно-правовых норм. То есть для воплощения в действие уголовно-правовых средств противодействия побегам лиц, находящихся в предварительном заключении, необходимо не только существование уголовно-правового запрета, но и реальное применение уголовного закона в случае совершения такого преступления.

Проведенный анализ статистических данных¹ показывает, что основным наказанием за совершение побега из-под стражи является лишение свободы на определенный срок, однако он варьируется в пределах 1 года лишения свободы, в некоторых случаях отсчет идет от 6 месяцев и в среднем не превышает 2,5 лет. Эти обстоятельства не могут способствовать борьбе с побегами. Таким образом, следует установить мини-

мально возможное наказание, предусматривающее ответственность за совершение побега из-под стражи, поскольку имеющаяся практика назначения наказания не может упреждать совершение побега, напротив, существует вероятность, что, осознавая вероятность назначения за него небольшого срока, обвиняемый рискнет совершить побег, в связи с чем предлагаем рассмотреть минимальный срок от 1 года 6 месяцев.

Наличие в Уголовном кодексе РФ норм, обеспечивающих привлечение к уголовной ответственности за совершение побега, а также за организацию данного преступления, пособничество и подстрекательство к нему, является общим предупреждением. К субъектам этой категории можно отнести и сотрудников правоохранительных органов (должностные преступления)² и лиц, не находящихся в предварительном заключении (а также находящихся, но не совершающих побег), всех тех, кто в силах тем или иным противозаконным способом помочь совершить побег из-под стражи.

Специальное предупреждение связано с воздействием уголовной ответственности и наказания на субъекта, которым будет являться лицо, находящееся в предварительном заключении.

Кроме того, привлечение к уголовной ответственности за побег лиц, его совершивших, может иметь упреждающее значение для тех, кто решит совершить побег в будущем (общая превенция), и самого лица, совершившего побег (частная превенция). И напротив, если лицо, совершившее побег, не почувствует негативных для себя последствий, то может совершить более тяжкие преступления, осознавая безнаказанность.

Важную роль в предупреждении подготовки и совершения побега из предварительного заключения играют условия содержания под стражей и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, препятствующие побегу, зачастую делающие его невозможным. К ним следует отнести установленные федеральным законом правила раздельного (отдельного) размещения подо-

¹ Судебная статистика РФ : интернет-ресурс. URL: <http://stat.apn-press.pf>.

² Шатилов С.Н. Понятие, виды и социальные последствия должностных преступлений, совершаемых сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. № 2(13). С. 115-122.

зреваемых и обвиняемых в местах содержания под стражей, например, подозреваемых (обвиняемых), проходящих по одному уголовному делу, лиц, которым может угрожать опасность со стороны иных подозреваемых и обвиняемых и др.¹; проведение личного обыска, досмотра вещей подозреваемого (обвиняемого), обеспечение требований (внутренней и внешней) изоляции, соблюдения установленного режима содержания под стражей и др.

Исследователями отмечаются уголовно-правовые меры, направленные на предупреждение преступлений: пропаганда уголовного закона, официальное предостережение потенциальных правонарушителей, побуждение правонарушителей к добровольному отказу от завершения начатой преступной деятельности, к деятельному раскаянию и др.² В той или иной мере они также могут

проявиться в противодействии побегам из-под стражи. Например, при задержании лиц под подпись уведомляется о том, что за совершение побега из-под стражи предусмотрена уголовная ответственность.

Следует отметить, что наиболее действенным уголовно-правовым средством противодействия побегам из-под стражи является установление уголовной ответственности за его совершение – восстановление социальной справедливости через назначение лицу наказания. Для того чтобы наказание не превратилось в номинальную единицу, необходимо повысить его нижний предел. Кроме того, в целях единого толкования, предлагаем в диспозицию ч. 1 ст. 313 УК РФ или отдельным примечанием к ст. 313 УК РФ включить определение побега из-под стражи.

Антонов И.М.,

кандидат юридических наук, доцент

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Владивосток)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ

В российской уголовно-правовой и уголовно-политической теории имеется значительное число определений понятия «пенализация». Ученые понимают под пенализацией: определение характера наказуемости преступлений в законе и в судебной практике³; законодательное определение видов и размеров уголовного наказания⁴; установление принципов и критериев применения наиболее строгого государственного принуждения, формулирование целей уголовного наказания, определение его видов и размеров, предложение иных мер уголовно-правового характера, необходимых и доста-

точных для воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния⁵; процесс определения и оформления в уголовном законе системы мер уголовно-правового воздействия как реакции государства на преступления⁶; процесс определения характера и степени наказуемости криминализируемых деяний, ужесточение в законе их наказуемости, а также их фактическая наказуемость, т.е. процесс назначения уголовного наказания в судебной практике⁷ и т.п.

Однако отдельные специалисты отрицают самостоятельный характер пенализации. Так, по мнению И.Я. Козаченко и

¹О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ, ст. 33-34.

²Махаков Б.Д., Демин Г.И. Уголовно-правовые меры предупреждения побегов из мест лишения свободы // Пролог: журнал о праве. 2020. № 4(28).

³Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1982. С. 53.

⁴Энциклопедия уголовного права. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. Т. 1. С. 22.

⁵Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 142.

⁶Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. Т. 3. С. 214.

⁷Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 138; Полный курс уголовного права : в 10 т. Т. II. Уголовное право и уголовно-правовая политика. Уголовный закон / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Изд-во «Юридический центр – Академия», 2021. С. 142.

Д.Н. Сергеева, очевидно, что пенализация является зависимым от криминализации процессом, частью целого¹. С таким высказыванием сложно согласиться полностью. Изменения уголовного закона, по нашему мнению, обусловлены главным образом тенденциями проводимой в государстве уголовно-правовой политики. Колебания такой политики всегда приводят к корректировке уголовного закона в целом и установленных им санкций в частности. Следовательно, процесс пенализации преступных деяний является постоянным, в отличие от процесса криминализации, завершающегося в момент законодательного закрепления уголовно-правового запрета. Поэтому верной представляется позиция А.И. Коробеева, указывающего на самостоятельную сферу пенализации, когда наказание за уже криминализированное деяние подвергается законодателем изменению².

Анализ широкого спектра мнений, точек зрения, подходов к пониманию правовой природы пенализации позволяет утверждать, что она охватывает собой два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса: 1) определение и фиксацию в уголовно-правовой санкции меры наказания, устанавливаемой за совершение преступного деяния; 2) назначение виновному лицу установленной меры наказания. Определение и фиксацию в законе меры наказания производит законодатель (легальная или законодательная пенализация), а назначение наказания осуществляет правоприменитель (правоприменительная или практическая).

В процессе легальной пенализации для криминализированного преступного деяния подбираются соответствующие ему виды, сроки и размеры наказаний. Иными словами, легальная пенализация – это фиксация в уголовном законе меры наказания, предусмотренной за совершение преступного деяния. Легальная пенализация состоит в установлении санкций за совершение деяний, впервые подвергшихся криминализации, либо в изменении (ужесточении или смягчении) уже имеющих санкции.

Далее наступает этап правоприменительной пенализации, суды назначают наказание виновным лицам. Таким образом, легальную и правоприменительную пенализацию следует рассматривать в качестве следующих друг за другом этапов единого процесса пенализации.

В юридической литературе доминирует мнение о том, что ужесточение наказания относится к сфере пенализации, а смягчение – к депенализации. Считаем такой подход ошибочным. Неверными представляются высказывания о том, что «депенализация противоположна пенализации», является ее «антиподом», означает «сужение пределов государственного принуждения за совершенные преступные деяния», проявляется «в исключении отдельных наказаний из конкретных санкций или вообще из системы наказаний», в смягчении строгости наказаний за отдельные виды преступлений, введении новых, более мягких мер наказания, ограничении применения строгих видов наказания к отдельным категориям лиц, заключается «в снижении или отмене наказания», представляет собой «изменение уже существующей в уголовном законе пенализации путем исключения из ее системы тех или иных мер уголовно-правового воздействия» и т.п.

Такая трактовка, на наш взгляд, не соответствует сущности рассматриваемых элементов уголовно-правовой политики. В отличие от пенализации, депенализация никак не связана с санкциями статей Особенной части Уголовного кодекса, она имеет собственную область применения. Полагаем, под депенализацией следует понимать исключительно процесс закрепления в законе норм об освобождении от уголовной ответственности и от наказания, а также их практическое применение³.

Различные же изменения наказуемости являются частью пенализационных процессов. Ужесточение или смягчение наказания не меняет сущности виновно совершенного общественно опасного, запрещенного уголовным законом деяния. Такое деяние про-

¹ Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. С. 34.

² Полный курс уголовного права. С. 143.

³ Подр.: Антонов И.М. Пенализация преступлений против здоровья. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. 139 с.

должает оставаться преступлением. Оно также продолжает оставаться наказуемым, просто характер его наказуемости меняется. Подобного рода изменения в наказуемости преступных деяний, на наш взгляд, правильно было бы именовать «изменением интенсивности пенализации», «колебаниями наказуемости», «колебаниями пенализации», «изменением уровня пенализации», как это неоднократно предлагалось в отечественной уголовно-правовой доктрине.

Легальная пенализация представляется наиболее важной составляющей единого процесса пенализации, так как именно в ходе ее реализации наказуемости преступного деяния должен придаваться правильный характер, позволяющий назначать эффективное и справедливое наказание. В свою очередь, правоприменительная пенализация либо подтверждает успешность легальной, либо выявляет ее недостатки. В процессе назначения наказания отдельные

недочеты легальной пенализации могут нивелироваться. Этому способствует, например, применение относительно-определенных, альтернативных и кумулятивных уголовно-правовых санкций.

Основная сложность пенализационных процессов как раз и проявляется в необходимости разработки адекватной научной теории и эффективного практического механизма создания санкций. Отдельные проблемные вопросы построения уголовно-правовых санкций уже решены¹, однако ясного понимания того, как должны создаваться такие санкции, пока не существует. Фактическое отсутствие качественной теории пенализации вынуждает законодателя устанавливать уголовно-правовые санкции умозрительно. Указанное обстоятельство существенно снижает качество и эффективность уголовно-правовой политики, уголовного законодательства и практики его применения.

Забродин А.В.

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

РОЛЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К СОДЕРЖАНИЮ ОСУЖДЕННЫХ, ПРОЯВЛЯЮЩИХ ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ИДЕОЛОГИЮ, В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

На современном этапе развития права проблема защиты конституционного строя и безопасности государства занимает важное место. Государству в лице его компетентных органов необходимо принимать исчерпывающие меры для недопущения посягательств на общественные отношения, которые охраняются уголовным законом. В последнее время приобретает большие масштабы экстремистская деятельность в различных ее проявлениях. В учреждениях уголовно-исполнительной системы существует огромная вероятность негативного влияния лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности, на иных осужденных. По прибытии в исправительные учреждения осужденные рассматриваемой категории зачастую не отказываются от своей идеологии. Кроме

того, встречаются случаи, когда они ведут активную работу по вербовке других осужденных, что, несомненно, создает условия осложнения оперативной обстановки в местах лишения свободы. Процедура реализации уголовного наказания в виде лишения свободы, в том числе в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности, должна иметь эффективный механизм правового регулирования и требует тщательного рассмотрения и анализа². Важную роль при реализации наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности играет дифференцированный подход.

В практической деятельности исправительных учреждений существуют примеры, подтверждающие важность применения

¹ См., напр.: Густова Э.В. Теоретические основы построения санкций в уголовном праве Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2017. 192 с.

² Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы (теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск. 2018. С. 3.

дифференцированного подхода. В 2020 г. в ФКУ ИК-35 УФСИН России по Республике Хакасия осужденный С., руководствуясь положениями радикального ислама, находясь в жилой зоне, публично утверждал о необходимости распространения своей идеологии, а также оправдывал деятельность Ш.С. Басаева, признавая ее правильной и нуждающейся в поддержке. В августе 2020 г. данному осужденному было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма». Впоследствии С. был осужден за совершение указанного преступления к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Подобного рода деяния негативно воздействуют на состояние оперативной обстановки в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Благодаря пониманию целесообразности создания соответствующих условий содержания для указанного осужденного, в том числе при применении дифференцированного подхода, а также слаженным действиям сотрудников данного учреждения удалось сохранить оперативную обстановку в стабильном состоянии.

Подобные действия осужденных можно объяснить рядом факторов. Во-первых, это могут быть радикальные взгляды, зачастую сопряженные с религиозными устоями. Во-вторых, в качестве протеста на лишение свободы может выступать неисполнение режимных требований, проявляющееся в систематических нарушениях правил внутреннего распорядка, а также вербовке иных осужденных.

С точки зрения того, насколько вредоносным может быть поведение осужденного в местах лишения свободы, можно сделать вывод о целесообразности создания наиболее адекватных условий, которые максимально точно отражают то, что представляет из себя лицо с экстремистскими убеждениями. Согласимся с П.В. Тепляши-

ным, справедливо отмечающим, что дифференциация в применении основных средств исправления требуется для различных категорий осужденных, так как ч. 3 ст. 9 УИК РФ указывает на необходимость применения средств исправления осужденных с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения¹.

Дифференцированный подход фактически реализуется в правоприменительной деятельности в форме распределения осужденных по отрядам из карантинного отделения. По прибытии осужденного в исправительное учреждение администрация тщательно знакомится с их личными делами, изучая личность соответствующего преступника; во время распределения из карантинного отделения, с учетом криминологической характеристики, администрация определяет отряд, в котором осужденный будет размещен. По мнению С.М. Савушкина, личность преступника нужно оценивать, учитывая его общественную опасность². Администрации исправительного учреждения необходимо создавать такие условия, чтобы избежать сплочения осужденных-экстремистов и иных отрицательно характеризующихся лиц. Следовательно, лица, исповедующие экстремистскую идеологию, должны содержаться в разных отрядах. Также в отношении указанной категории осужденных должно быть организовано оперативное сопровождение и усиленный надзор, который заключается в постоянном контроле за осужденными в местах их размещения.

Применение дифференцированного подхода в процедуре реализации наказания способствует эффективному достижению основной его цели – исправлению. Данный подход отражает сохранение интересов всех структур в механизме государственного аппарата (в том числе соответствует интересам как личности и общества, так и государства в целом)³.

¹ Тепляшин П.В., Тепляшина Е.А. Исполнение лишения свободы в отношении пожилых осужденных: перспективы расширения реализации принципа дифференциации // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3(40). С. 89.

² Савушкин С.М. Основания классификации осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики. 2016. № 1. С. 539.

³ Teplyashin P.V. Optimization principles of penal execution system of Russia in the context of European penitentiary practice // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. No. 1. С 125.

Таким образом, лица, осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности, имеют возможность продолжать противоправную деятельность в местах лишения свободы, распространяя свою идеологию в среде осужденных. Это приводит к необходимости проведения непрерывной работы по борьбе с экстремизмом в местах лишения свободы, в первую очередь применяя дифференцированный подход. Важную роль играет процесс дифференциации при исполнении наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений

экстремистской направленности. В зависимости от характера совершенных преступлений к различным категориям осужденных, в том числе за совершение преступлений экстремистской направленности, необходимо применение различного объема правоограничений, карательного воздействия¹. Работа с различными категориями осужденных должна строиться не только с учетом пола, возраста, особенностей личности, но и характера и степени тяжести совершенного преступления. Не является исключением и рассматриваемая нами категория осужденных.

Каретников К.В.

Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк)

УПРАВЛЕНИЕ РЕЖИМА И НАДЗОРА ФСИН РОССИИ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ ГРУППОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

В воспитательных колониях (далее – ВК) ФСИН России нередко фиксируются групповые правонарушения осужденных. Этот факт требует повышенного внимания со стороны субъектов профилактики, а также выработки действенного комплекса мер по нейтрализации правонарушающей деятельности со стороны групп осужденных. ФСИН России, являясь субъектом профилактической деятельности², решает в пределах своих полномочий задачи по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в ВК, а также функции по координации профилактики правонарушений несовершеннолетних осужденных в ВК³.

Реализацию указанных задач осуществляют во взаимодействии всеми структурными подразделениями ФСИН России⁴, но в части поддержания необходимых режим-

ных требований большая ответственность возложена на управление режима и надзора ФСИН России (далее – УРН).

В свою очередь, УРН имеет собственную структуру, в которую входят: отдел организации режима, отдел организации надзора, отдел по руководству отделами специального назначения, ведомственная противопожарная служба, отдел зонального контроля, организационно-аналитический отдел. В рамках профилактических задач каждое из указанных подразделений выполняет специфические функции, связанные со спецификой деятельности.

К числу основных задач УРН ФСИН России и его структурных подразделений (в том числе и по профилактике групповых правонарушений осужденных в ВК) относятся⁵:

¹ Селиверстов В.И. Отбывание лишения свободы осужденными за совершение экономических и должностных преступлений с учетом использования их интеллектуального и креативного потенциала: новый научный проект // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 1. С. 35.

² Гирько С.И., Лосева С.Н. Профилактика правонарушений в уголовно-исполнительной системе в контексте Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и основные направления взаимодействия с органами внутренних дел в этой сфере // Научный портал МВД. 2017. № 4 (40). С. 21-26.

³ Кутаков Н.Н., Метлин Д.Г. Воспитательное воздействие в системе профилактики противоправных действий осужденных в отношении сотрудников исправительных учреждений // Вестник СГЮА. 2022. № 1 (144). С. 198-206.

⁴ Бочкарев В.В. Профилактическое воздействие уголовно-исполнительного законодательства в отношении осужденных к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3(28). С. 23-29.

⁵ Статистическая информация // Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika> (дата обращения: 01.02.2023).

1) организация режимных мероприятий (обыск, досмотр, обследование территории учреждения и др.) и мероприятий по профилактике правонарушений (профилактические беседы, лекции и др.) среди осужденных совместно с заинтересованными службами УИС;

2) обеспечение надзора за осужденными в местах их проживания, работы и учебы;

3) выполнение необходимых требований по изоляции осужденных, а также обеспечение их безопасности;

4) осуществление организационно-методического руководства служебной деятельностью отделов специального назначения территориальных органов ФСИН России по обеспечению правопорядка в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы¹;

5) организация обеспечения безопасности работников УИС, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях учреждений, исполняющих наказания, при проведении режимных и других специальных мероприятий², а также готовности к действиям при чрезвычайных обстоятельствах в ВК, во взаимодействии с другими структурными подразделениями ФСИН России;

6) разработка и осуществление организационных и практических мероприятий, направленных на обеспечение пожарной безопасности и тушение пожаров на объектах ВК;

7) организация и проведение ведомственного пожарного надзора за выполнением требований пожарной безопасности, установленных действующим законодательством, техническими регламентами, стандартами, нормами и правилами, а также приказов и иных нормативных правовых актов ФСИН России и МЧС России в области пожарной безопасности³;

8) организация и осуществление тушения пожаров, спасение людей и имущества при пожарах на объектах учреждений и органов УИС⁴;

9) организация и осуществление профилактики пожаров на объектах учреждений и органов УИС;

10) контроль за обстановкой (в том числе оперативной) в ВК;

11) координация деятельности ВК, а также выявление, изучение и анализ проблемных вопросов функционирования ВК;

12) разработка предложений по повышению эффективности работы ВК в части организации и обеспечения режима и надзора за осужденными;

13) контроль за исполнением ВК действующего уголовно-исполнительного законодательства⁵, ведомственных нормативных правовых актов в части организации режима и обеспечении надзора, пожарной безопасности и профилактической деятельности⁶;

14) обеспечение комплексного и системного подхода к контролю за организацией и обеспечением режима и надзора в ВК, подведомственных территориальному органу ФСИН России по зональному принципу;

15) организация планирования, координации, справочно-информационного обеспечения деятельности ВК;

16) сбор сведений о состоянии режима и надзора в ВК, подведомственных территориальным органам ФСИН России;

17) обеспечение контроля за выполнением в ВК актов Минюста России, ФСИН России, указаний и распоряжений начальника УРН ФСИН России, а также планов работы ФСИН России и УРН ФСИН России в части, касающейся деятельности по организации режима, обеспечению надзора и профилактике правонарушений;

¹ Хохрин С.А. Криминологические аспекты обеспечения законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 1(31). С. 110-113.

² Савушкин С.М. Криминальная зараженность осужденных к лишению свободы как фактор их дифференциации // *Ius Publicum et Privatum*. 2022. № 4(19). С. 124-130.

³ Чистяков К.А. Административно-правовые и организационные вопросы обеспечения пожарной безопасности в учреждениях и органах УИС // Образование и право. 2022. № 11. С. 299-302.

⁴ Горбань Д.В. Организация пожарной безопасности и тушения пожаров на территории учреждений или органов УИС РФ // Профессиональное юридическое образование и наука. 2021. № 4(4). С. 13-17.

⁵ Савушкин С.М. О видах исправительных учреждений // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 4(56). С. 742-752.

⁶ Шеслер А.В. Контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания: виды и правовая основа // Общественный контроль за обеспечением прав осужденных к лишению свободы (проблемы законодательства). Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2021. С. 15-23.

18) организация информационно-аналитической работы по основным направлениям деятельности УРН ФСИН России и обеспечение аналитическими материалами руководства ФСИН России и УРН ФСИН России, в том числе о деятельности ВК;

19) подготовка на основании предложений структурных подразделений УРН ФСИН России предложений в проекты планов мероприятий ФСИН России, Минюста России и УРН ФСИН России по профилактике групповых правонарушений осужденных в ВК.

Исходя из анализа рассмотренных выше задач, следует представлять назначение

УРН ФСИН России в профилактике групповых правонарушений осужденных в ВК как совокупность организационных, контрольных, обеспечительных и координационных компонентов.

Таким образом, УРН ФСИН России выступает одним из ключевых структурных подразделений ФСИН России, в компетенции которого находятся вопросы организации режима, осуществления надзора, обеспечения безопасности и профилактики групповых правонарушений в ВК, а также выработки необходимых мер по совершенствованию вышеуказанных направлений деятельности.

Заборовская Ю.М.

Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк)

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ, ДОСТИГШИХ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Одной из задач уголовной политики и уголовно-исполнительной политики России является борьба с преступностью, с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, а также смягчение наказания за преступления, совершенные лицами, без наступления тяжких последствий, снижение рецидивной преступности после освобождения. Среди лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления и отбывающих лишение свободы длительный срок, имеющих возможность состариться в местах изоляции, считаем необходимым обратить внимание на преступления, совершенные лицами, достигшими пенсионного возраста¹. Это могут быть как впервые совершенные преступления лицами, достигшими пожилого возраста, так и повторные преступления, совершенные ими после освобождения из исправительного учреждения. На современном этапе развития отечественной пенитенциарной системы в нормативных документах закреплены направления, связанные с

реализацией задачи, направленной на снижение числа наказаний, связанных с изоляцией осужденных. Так, например, в Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 годы)», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р², отражена идея дальнейшей гуманизации уголовно-исполнительной политики в Российской Федерации. Важно понимать, что в международных актах, устанавливающих правила обращения с заключенными, закреплены нормы о стремлении к уменьшению числа осужденных в каждом исправительном учреждении. Сокращение численности приводит к сосредоточению в местах изоляции более опасных преступников, формированию у них определенных негативных социально-личностных установок³. При отбывании длительных сроков наказания такие осужденные стареют в стенах исправительного учреждения и требуют отдельного внима-

¹ Тепляшин П.В., Тепляшина Е.А. Исполнение лишения свободы в отношении пожилых осужденных: перспективы расширения реализации принципа дифференциации // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3 (40). С. 87-96.

² Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 23.12.2016 № 2808-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 2 (Часть II). Ст. 413.

³ Грушин Ф.В., Перемолотова Л.Ю., Жилко И.А. Концепция исследования формирования деструктивных свойств личности осужденного // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 1. С. 120-127.

ния для исследования вопроса о достижении целей наказания.

Обзор влияния тенденции старения осужденных на деятельность исправительных учреждений, организацию условий отбывания наказания в виде лишения свободы, расходы на содержание и медицин-

ское лечение позволяет прийти к выводу о том, что современная уголовно-исполнительная политика России должна учитывать тенденцию роста числа лиц старше 60 лет в пенитенциарных учреждениях, отбывающих наказание в виде лишения свободы (рис.)¹.

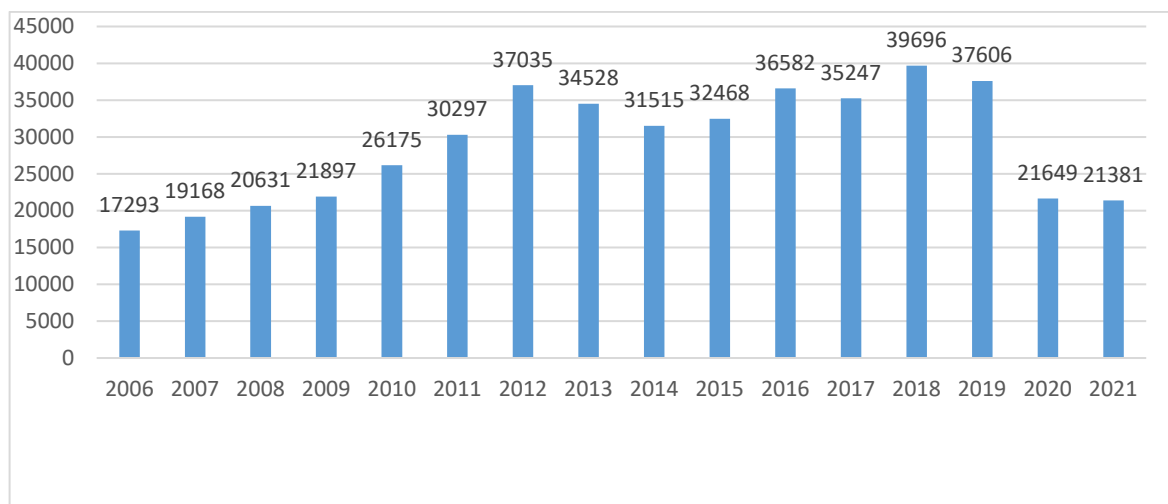

Рис. Количество осужденных старше 55 лет, находящихся в исправительных учреждениях в России

Снижение в 2020 и 2021 гг. числа осужденных в возрасте от 55 до 60 лет может быть связано с распространением пандемии коронавирусной инфекции, и говорить нам о сложной санитарной ситуации в пенитенциарных учреждениях, о чем мы писали ранее².

Однако возможно ли полностью отказаться от применения наказаний, связанных с изоляцией от общества? Проблема гуманизации уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении пожилых лиц, отбывающих лишение свободы, неоднозначна. Лица, достигшие пенсионного возраста, чаще всего воспринимаются как люди, имеющие большой жизненный опыт, обладающие человеческой мудростью, способные усмирять свой нрав, что не должно приводить к преступному поведению как в обычной жизни, так и в учреждениях, где отбывают наказание в виде лишения свободы. Однако правоприменительная прак-

тика показывает порой иную картину. Так, по данным проведенного нами анкетирования лица в возрасте старше 60 лет осуждены за убийство (ст. 105 УК РФ), кражу (ст. 158 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ) и преступления наркотической направленности (ст. 228-233 УК РФ).

Таким образом, с учетом современной уголовной и уголовно-исполнительной политики в России, отраженной в федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018-2030 годы)»³, считаем необходимым при решении вопроса об исправлении лиц, достигших пенсионного возраста и отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях России, отталкиваться от длительности нахождения лица в исправительном учреждении и применяемых к нему средств исправления, учитывая следующие факторы:

¹ Характеристика осужденных по возрасту на момент совершения преступления. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 27.02.2023).

² Заборовская Ю.М. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении лиц пожилого возраста в условиях пандемии коронавируса // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4. С. 46-57.

³ О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018-2030 годы)» : постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 16 (часть II). Ст. 2374.

1) осужденному, достигшему пенсионного возраста, назначено наказание в виде лишения свободы впервые;

2) осужденный, достигший пенсионного возраста, был освобожден из мест лишения свободы и совершил новое преступление;

3) осужденный достиг пенсионного возраста в местах лишения свободы;

4) осужденному назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, и он

достигает пенсионного возраста в исправительном учреждении.

Считаем, что длительность нахождения исследуемой категории осужденных в исправительном учреждении влияет на процесс исправления осужденного, особенности применения средств исправления, а также на формирование желания у осужденного начать законопослушный образ жизни после освобождения.

Серен-Чимит К.К.

Красноярский государственный аграрный университет

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА, НА ФОНЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

В каждом государстве мира преступность, оказывающая пагубное влияние на общественную и государственную безопасность, всегда была и остается объектом пристального внимания, изучение которого направлено на выработку наиболее эффективных форм и методов борьбы с преступностью как с негативным уголовно-правовым явлением.

На наш взгляд, уровень наркопреступности в отдельно взятом регионе Российской Федерации по сравнению с общероссийскими показателями чаще всего имеет свои отличительные характеристики. На данные криминологические особенности региональной преступности обращается внимание в соответствующих исследованиях¹.

Не является таким исключением состояние наркопреступности Республики Тыва – одного из южных регионов Сибирского федерального округа, так как особую тревогу вызывает увеличение количества престу-

плений, которые связаны с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ (ст. 228-234.1 УК РФ) и направлены против здоровья населения и общественной нравственности.

В 2020 г. в России осуждены всего 562992 лица. За совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, осуждены 70142 лица, к лишению свободы на определенный срок – 26004 лица.

В 2021 г. в Российской Федерации осуждены всего 601148 лиц. За совершение преступлений данной категории осуждены 76548 лиц, к лишению свободы – 28872 лица².

За первое полугодие 2022 г. в России осуждены всего 300043 лица³. За совершение преступлений указанной категории осуждены 36758 лиц, к лишению свободы – 14322 лица⁴.

¹ Тепляшин П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex Russica. 2017. № 10. С. 147-154.

² Судебная статистика за 2021 г. Форма № 6-МВ-НОН «Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79.&item=5895>.

³ Судебная статистика за первое полугодие 2022 г. Форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Sudebnaya_statistika_2022/f1-svod-1-2022.xls.

⁴ Судебная статистика за первое полугодие 2022 г. Форма № 6-МВ-НОН «Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069>.

Таким образом, за 2020-2021 гг. общее количество осужденных в стране увеличилось на 6,35%, за совершение наркопреступлений – на 8,37%. Соответственно, количество осужденных за наркопреступления увеличилось с 12,45% до 12,73% от общего количества осужденных, к лишению свободы – 37% от количества осужденных за такие деяния. За 6 месяцев 2022 г. за наркопреступления осуждено 36758 лиц, или 12,25% от общего количества осужденных, к лишению свободы – 38,96% от количества осужденных за данные преступления.

Если обратимся к аналогичным региональным сведениям статистического характера, то следует отметить, что районными судами Республики Тыва в 2020 г. осуждено 1751 лицо. Наиболее высоким является количество осужденных за незаконные действия с наркотическими средствами – 22,62% (396 лиц). К лишению свободы на определенный срок осуждено 709 лиц, или 25,45%. От общего числа осужденных составило 40,49%.

В 2021 г. осуждено 2403 лица. Наблюдается наибольшее количество осужденных за наркопреступления – 24,97% (600 лиц) от общего числа осужденных. К лишению свободы осуждено 962 лица. От общего числа осужденных составило 40,03%.

За первое полугодие 2022 г. осуждено 1409 лиц, что выше на 15,7% по сравнению с первым полугодием 2021 г. (за 6 месяцев 2021 г. – 1218 лиц). Наиболее высоким по-прежнему остается количество осужденных за аналогичные деяния – 22,21% (313 лиц) от общего числа осужденных. Число осужденных к лишению свободы увеличилось с 501 до 584 лиц, или на 16,57%. От общего числа осужденных составило 41,45%¹.

Республиканские отчетные сведения указывают на то, что за 2020-2021 гг. количество осужденных за наркопреступления возросло с 22,62% до 24,97% от общего количества осужденных, что значительно превышает такие же общероссийские данные. В 2021 г. практически каждый четвертый осужденный в Республике Тыва – это лицо, совершившее незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными и иными веществами, то есть данный вид

преступлений стал самой распространенной категорией уголовно-наказуемых деяний. Судебная статистика за первое полугодие 2022 г. также свидетельствует об аналогичной тенденции.

На территории г. Кызыла – столицы Республики Тыва функционируют исправительные учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы: Федеральное казенное учреждение (ФКУ) «Исправительная колония № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Тыва» (строгого режима), ФКУ «Лечебно-исправительное учреждение № 2 УФСИН по Республике Тыва», ФКУ «Колония-поселение № 3 УФСИН по Республике Тыва», а также ФКУ «Следственный изолятор № 1 УФСИН по Республике Тыва», выполняющее функции исправительного учреждения в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. В г. Шагнар Улуг-Хемского района республики расположено ФКУ «Исправительная колония № 4 УФСИН по Республике Тыва» (общего режима).

Анализ криминологических исследований, проведенный Р.А. Базаровым, В.В. Бобыревым, А.А. Габиани, П.В. Тепляшиным, С.М. Мальковым, А.В. Шеслером и другими исследователями, позволил выделить особые криминологические характеристики лиц, которых осудили за наркопреступления. Рассмотрим отдельные статистические аспекты за 2020-2022 гг. по осужденным за наркопреступления в Республике Тыва. В частности, в основном это мужчины (94,17%). По возрастным особенностям необходимо отметить, что 43,65% – это лица в возрасте 18-29 лет. В свою очередь, 99,93% осужденных являются гражданами России. При этом наблюдается тенденция увеличения количества осужденных, отбывающих наказание за наркопреступления в исправительных учреждениях, расположенных на территории Республики Тыва: в 2021 г. их количество увеличилось на 13,83% по сравнению с 2020 г., а в 2022 г. – на 6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

¹ Судебная статистика. Аналитические материалы за 6 месяцев 2022 г. // Официальный сайт Управления Судебного департамента в Республике Тыва. URL: <http://usd.tva.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=1894>.

Нельзя не выделить факторы, которые влияют на региональную наркопреступность (учитывая параметры региональной наркопреступности, предложенные в специальных исследованиях¹). Это, в частности, высокая рецидивная преступность, вызванная тем, что вовлеченные в криминалитет лица пропагандируют свой образ жизни, свои ценности, особенно среди молодежи. Следует также признать и социально-экономический фактор, поскольку большинство преступлений совершается неработающими (без постоянного источника дохода), но экономически активными и трудоспособными лицами, не вовлеченными в социально-полезную деятельность (63,16% от количества осужденных за наркопреступления в 2020-2021 гг.). Их быт и культурный досуг, как правило, практически не заняты. Как показало изучение уголовных дел и обвинительных приговоров, подавляющее большинство преступлений совершается постоянно проживающими в Республике Тыва местными жителями (96,28% от количества осужденных за наркопреступления в 2020-2021 гг.). Имеют среднее общее образование 395 осужденных (или 41,93%)². В этой связи характерной особенностью является то, что многие осужденные недостаточно владеют языком уголовного судопроизводства (в 2020-2022 гг. районными судами Республики Тыва с участием переводчиков, допущенных для обеспечения прав подсудимых, рассмотрено 4011 уголовных

дел, или 48,50% от общего количества окончанных дел³).

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что отличительная особенность наркопреступности в Республике Тыва – это ее высокий уровень, значительно превышающий среднероссийские показатели, что вызывает особую тревогу вследствие того, что наркопреступления, как известно, направлены против здоровья населения и общественной нравственности. Изучение личности осужденных показывает, что 595 осужденных (или 63,16% от количества осужденных за наркопреступления в 2020-2021 гг.), являясь трудоспособными, не имели официального источника дохода, то есть не занимались социально полезной деятельностью. При этом практически каждый осужденный принадлежит к местному социуму. Территориальный принцип отбывания лишения свободы обеспечивается исправительными учреждениями Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Тыва, выполняющими соответствующие функции и установленные режимы. Лица, совершившие незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными и иными веществами, чаще всего имеют лишь среднее общее образование и, по всей вероятности, ввиду недостаточного знания русского языка пользуются помощью переводчиков в ходе уголовного судопроизводства.

¹ См.: Шинкевич В.Е., Бен Е.Н., Лисихина Н.В., Молоков В.В., Рублева Т.Ю., Тепляшин П.В., Мамай Е.А., Красовская Е.А., Хухра М.А. Структура наркорынка и динамика потребления наркотиков опийной группы в Российской Федерации: социологический, криминологический и медицинский аспекты : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. С. 44-145; Невирко Д.Д., Тепляшин П.В., Ступина С.А. Особенности наркоситуации в субъектах Сибирского федерального округа и основные направления антинаркотической профилактической деятельности в современных условиях (по результатам социологических исследований) // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 4(17). С. 98-103.

² Судебная статистика за 2020, 2021 гг. Форма № 11.1 (к5.1) «Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ» за 12 мес. 2020 г., за 12 мес. 2021 г. // Официальный сайт Управления Судебного департамента в Республике Тыва. URL: <http://usd.tva.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=5797>.

³ Справка судьи Верховного Суда Республики Тыва о результатах обобщения практики применения судами Республики Тыва требований ст. 18 УПК РФ за 2020-2022 гг. // Архив Верховного Суда Республики Тыва.

Климчук М.В.

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

**РЕАЛИЗАЦИЯ СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ
ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
В УСЛОВИЯХ СИСТЕМЫ ПРОБАЦИИ**

Исправление осужденных является одной из самых сложных и актуальных пенитенциарных целей, требующей для своего достижения наличия научно обоснованных средств и нормативно-правового обеспечения в сочетании с эффективной профессиональной деятельностью сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Необходимый арсенал основных средств исправления осужденных, предусмотренный действующим уголовно-исполнительным законодательством, должен являться важнейшим условием получения положительного результата всей исправительной деятельности, осуществляемой в уголовно-исполнительной системе в условиях реализации системы пробации.

Основные средства исправления осужденных и их применение в общих чертах прописаны в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации. В соответствии со ст. 9 УИК РФ к основным средствам исправления относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие.

Отметим, что формулировка ст. 9 УИК РФ с перечислением основных средств исправления осужденных заставляет задуматься о совершенствовании и внедрении актуальных средств исправления осужденных в условиях применения системы пробации. Чтобы свести к минимуму негативные последствия изоляции, Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция) предусматривает развитие новых форм образования заключенных, организацию учебного процесса, нахождение в новых условиях отбывания наказания, улучшение уголовной и уголовно-исполнительной политики, направленной на со-

циализацию осужденных, творчество и создание условий для постепенного сокращения числа осужденных. Однако на данный момент многие прогрессивные идеи Концепции не реализованы на практике, несмотря на принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

В качестве рекомендации следует привести следующие дополнительные средства исправления осужденных, отбывающих лишение свободы за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних, в условиях реализации системы пробации: лечение, психологическая работа (помощь), социальная работа. Ведь, как справедливо указывает П.В. Тепляшин, современное развитие уголовно-исполнительной системы связано с «процессом концентрации в местах лишения свободы криминально более запущенных осужденных, на которых либерализация исполнения наказания зачастую воздействует в сторону проявления вседозволенности и отражает неэффективность традиционных средств исправления»¹.

Необходимо по порядку исследовать каждое предлагаемое средство исправления осужденных. Создание условий, позволяющих обеспечить лечение, наиболее актуально для социально не адаптированной категории лиц, которые концентрируются в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Это связано непосредственно с тем, что ведомственное законодательство не конкретизирует порядок приема лекарств. Только от личного отношения медицинского работника к выполнению своих обязанностей зависит, примет на самом деле осужденный лекарственные средства или сделает вид, что принял. Практические работники приводят множество примеров отказа от приема лекарственных средств осужденными по разным причинам, в том числе осужденными, реально осознающими

¹ Тепляшин П.В. Исполнение и отбывание наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. С. 42.

свое неудовлетворительное состояние здоровья. Исследуемый вопрос тесно связан не только с лечением, но и с исправительным процессом. Следовательно, следует признать лечение средством исправления, причем его приоритетное значение среди других средств исправления будет проявляться в большей степени в отношении тяжелобольных осужденных, а отношение осужденных к состоянию своего здоровья и проводимому лечению станет критерием оценки степени их исправления. Очевидно, что отношение к лечению представляет собой показатель готовности осужденного к проживанию в условиях установленных норм человеческого общежития, свидетельствует об уровне осознания им конечного результата отбытия наказания в будущем, достигнутого избранным в отношении его уголовным наказанием в виде лишения свободы и достижении целей наказания. На наш взгляд, участие персонала исправительных учреждений в организации лечения осужденных к лишению свободы должно быть регламентировано ведомственным нормативно-правовым актом и обеспечивать достижение результативности применяемого лечения, тем самым обеспечивая качественную организацию исправительного процесса в отношении больных осужденных.

Далее стоит исследовать следующее предлагаемое средство исправления осужденных – психологическую работу. Среди основных средств исправления отсутствует какое-либо упоминание о психологической работе, хотя состояние здоровья является важнейшей личностной особенностью каждого осужденного и должно соответствующим образом отражаться на организации исполнения уголовного наказания. Как следствие, отношение осужденных к состоянию здоровья в целом до сих пор не учитывается при оценке степени их исправления. Понимая, что нередко лица совершают преступления под влиянием имеющихся психических расстройств и других заболеваний, было бы логично при оказании исправительного воздействия учитывать состояние здоровья осужденного, вид заболевания и последствия влияния на его поведение. Обычно в процессе отбывания наказания большинство осужденных не принимают активного участия в исправительном

процессе, ведут правонарушающий образ жизни и ожидают освобождения от наказания, в том числе досрочного.

Психологическая работа нацелена на решение коррекционно-развивающих задач, ориентированных на исправление различных отклонений в психическом развитии осужденного, создание условий для оптимальной реализации его потенциальных возможностей, устранение причин девиантного поведения. В числе практико-ориентированных целей и задач психологической работы в исправительных учреждениях называют обеспечение повышения эффективности исправительного воздействия на осужденных, оказание им психологической помощи, психологическую коррекцию и развитие личности, оптимизацию отношений между сотрудниками администрации исправительного учреждения и осужденными.

В целом объективным критерием оценки степени исправления осужденных является соблюдение установленного режима отбывания наказания, результатами которого является применение мер поощрения и взыскания, изменение условий содержания и т.п. Однако эти показатели вряд ли можно считать гарантией того, что осужденный не совершит новых преступлений. Представляется, что для достижения более глубокого внутреннего исправления осужденных, устойчивого формирования предполагаемых законодателем качеств личности целесообразно расширить перечень средств исправления – добавить организацию психологической работы с лицами, отбывающими наказание.

Данное положение отчасти было отмечено и в Концепции, где указывалось на совершенствование уголовно-исполнительной политики путем закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве форм социальной, психолого-педагогической работы с осужденными в качестве основного средства исправления осужденных.

В продолжение развития положений Концепции стоит исследовать следующее предлагаемое средство исправления осужденных – социальную работу. Под данным средством исправления осужденных понимается специфический вид деятельности по оказанию осужденным социальной помощи, их поддержке и защите в целях их исправления и ресоциализации. В свою оче-

редь, социальная помощь, являясь одним из направлений социальной работы, заключается в использовании разносторонних социальных мер в виде содействия, поддержки, услуг, оказываемых осужденным или их группам социальной службой исправительного учреждения для преодоления жизненных трудностей и адаптации в обществе. Неслучайно в специальных исследованиях указывается на важную роль социальной функции администрации исправительного учреждения¹.

Характерными признаками социальной помощи являются адресность, динамичность, конечный результат по разрешению социального вопроса или проблемы осужденного. Предпосылкой для ее оказания выступает нуждаемость. В то время как социальная работа с осужденными критерий нуждаемости может не учитывать, так как в основном проводится в групповых формах и направлена на повышение общего уровня информированности осужденных по социальным вопросам. В первом случае речь идет о решении конкретной социальной проблемы или вопроса лица, во втором лицо лишь получает информацию о возможных путях их разрешения. Социальная работа благодаря максимальному охвату

осужденных выполняет важную функцию информирования, обеспечивающую активное включение лица в процесс помощи. По сути, социальная работа и ее составляющая социальная помощь непосредственным образом связаны с исправлением осужденных, которое выступает стороной другого, более сложного процесса – ресоциализации, что соответствует современной тенденции по реализации системы пробации в Российской Федерации.

Таким образом, действующий в настоящее время перечень средств исправления осужденных в России имеет определенные недостатки и требует своего расширения, в частности за счет социальной и психологической работы и лечения осужденных, что влечет необходимость внесения соответствующих изменений в уголовно-исполнительное законодательство (в том числе в ст. 9 УИК РФ). Очевидно наличие ряда теоретических и правовых проблем применения средств исправления осужденных, отбывающих лишение свободы за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних, во взаимосвязи с их индивидуальными особенностями, а также ряда направлений их решения в условиях реализации системы пробации.

Климова М.И.

Волгоградская академия МВД России

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, ЗА НАРУШЕНИЕ КОТОРЫХ ПРЕДУСМОТРЕНА УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГЛАВОЙ 19 УК РФ, В ОБЩЕЙ СТРУКТУРЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Конституция Российской Федерации является главным нормативно-правовым актом, определяющим основы конституционного строя РФ, основные права и свободы человека и гражданина, а равно систему и устройство органов государственной власти, местного самоуправления. Дабы регулировать общественные отношения в высшей степени эффективно, законы постоянно модифицируются, дополняясь новыми

положениями, позволяющими не отставать от меняющейся действительности². Конституция должна обеспечить в первую очередь правовые основы жизни гражданина, функционирования общества и государства. Особенности личных прав и свобод выступают следующие: указанные права принадлежат конкретно человеку, их наличие не зависит от наличия гражданства определенного государства; указанные права

¹ Злотников С.А., Тепляшин П.В. Правовое регулирование подготовки осужденных, отбывающих лишение свободы, к освобождению : монография. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. С. 47.

² Елашина Т.А., Боков Ю.А. Пути решения проблемы повышения эффективности правового регулирования // Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях : сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. СПб: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. С. 40-43.

являются неотчуждаемыми и принадлежат каждому; такие права и свободы необходимы для обеспечения охраны и защиты жизни, свободы, достоинства и другие естественные права, связанные с частной жизнью человека¹.

Так, важнейшей и обширной отраслью права РФ стали нормы, регулирующие уголовное право, а точнее, правоотношения участников данного явления. Субъектами указанных отношений ежеминутно становятся граждане. В связи с этим возникает острая необходимость в их регулировании.

За нарушение конституционных прав и свобод предусмотрена ответственность, отраженная в главе 19 Уголовного кодекса РФ. Деяния, которые мы анализируем, законодатель включил в самостоятельную главу по признаку видового объекта, а именно общественных отношений, которые обеспечивают соблюдение прав, а также свобод человека и гражданина, закрепленных Конституцией РФ.

Непосредственным объектом деяния выступают predetermined конституционные права или свободы, подвергаемые посягательствам со стороны преступников. Таким образом, в качестве потерпевшего рассматриваются чаще всего именно родственники, чьи права и были нарушены со стороны субъекта деяния.

Блага – это объект преступления, а в данном случае правомерное поведение и цель, на которую направлено указанное поведение. Так, объект-благо – это то, что приводит к образованию уголовных правоотношений, а в дальнейшем пронзает указанные отношения.

Объективная сторона чаще всего реализуется с помощью действия. В отдельных случаях преступление реализуется сквозь бездействие, например ст. 143 УК РФ – нарушение правил охраны труда, заключающееся в отсутствии или проведении правильного инструктажа по технике безопасности.

Конструкция разнообразная, момент окончания различный. Например, состав, предусмотренный ст. 140 УК РФ (отказ в

предоставлении гражданину информации), оканчивается при проявлении последствий, например вред законным интересам гражданина. В противовес состав ст. 148 УК РФ окончен в момент совершения действия, а именно было воспрепятствовано свободному вероисповеданию со стороны кого-либо. Следует отметить, что дополнительные последствия в виде вреда имуществу или здоровью будут квалифицированы другими составами в совокупности деяний².

Субъективная сторона не отличается ярким разнообразием, все преступления реализуются с умыслом, исключением становится лишь состав ст. 143 УК РФ, а именно нарушения правил охраны труда.

В отдельных случаях умысел и вовсе может выражаться как прямой, такие преступления реализуются с помощью принуждения или воспрепятствования, важную роль играет цель, например нарушение неприкосновенности частной жизни, воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий. Иные случаи предусматривают и косвенный умысел. Так, состав ст. 143 УК РФ предусматривает вину в виде легкомыслия или небрежности.

Субъектом указанных составов является вменяемое лицо, которое достигло шестнадцатилетнего возраста. Субъект может быть как общим, так и специальным. Так, специальным субъектом может выступать должностное лицо, ярким примером является ст. 140 УК РФ, а именно неправомерный отказ должностного лица. Дополнительно в отдельных случаях предусматривает специальный субъект как квалифицирующий признак.

Так, нарушение изобретательских и патентных прав выступает актуальной проблемой современного общества. Интеллектуальная собственность защищается различными способами. Одним из наиболее интересных способов является патент. Патент позволяет изобретателю в течение определенного промежутка времени ограничивать всех трех лиц без его разрешения

¹ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2015. 592 с.

² Васякин В.В. Преступления по главе 19 Уголовного кодекса Российской Федерации: особенности преступлений против конституционных прав и свобод // Наука. Общество. Государство. 2018. № 1(21). С. 73-79.

в использовании, изготовлении, продаже и даже предложении реализации¹.

Так, согласно ст. 147 УК РФ, нарушением изобретательских и патентных прав выступает незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации сведений о них, присвоение авторства или принуждение к соавторству, если эти деяния причинили крупный ущерб.

Потерпевшим выступает как автор, так и заявитель предмета противоправного деяния до официальной публикации информации.

Состав преступления – материальный. Деяние будет окончено с момента наступления последствий, выражаемых в виде крупного ущерба. Крупный ущерб является оценочным понятием и учитывается реальная сумма ущерба.

Следует отметить, что прямой умысел выступает основой субъективной стороны. Субъектом признается лицо, которое достигло шестнадцатилетнего возраста.

Дополнительным квалифицирующим признаком является исполнение деяния «группой лиц по предварительному сговору». Указанный признак включает в себя самостоятельные признаки, а именно совер-

шение преступления «группой лиц» и совершение преступления «по предварительному сговору».

Хоть количество осужденных все еще остается значительным, однако можно сделать вывод о том, что количество случаев в общей статистике заметно снижается. Большинство составов, предусмотренных главой 19 УК РФ, не имеют практического проявления, но остаются в законе, так как нарушение прав и свобод является уголовно-наказуемым деянием и лицо, которое нарушило конституционные права и свободы, обязано понести наказание.

Необходимость закрепления рассматриваемых деяний является безусловным, так как они составляют основу жизни граждан и иных лиц в Российской Федерации, каждое из деяний посягает в первую очередь на власть, ведь в России источником власти является народ, обладающий соответствующими правами, свободами и интересами.

На основании вышеизложенного приходим к выводу, что преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина есть общественно-опасное действие или бездействие, направленное против наиболее важных прав и свобод человека и гражданина, которые нашли свое отражение в основном законе Российской Федерации – Конституции Российской Федерации.

Реент Я.Р.

УМВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре (г. Ханты-Мансийск)

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Развитие цифровой экономики не только открывает новые возможности для общества и государства, но и вооружает злоумышленников новыми средствами совершения преступлений, а также создает множество дополнительных угроз для различных сфер общественной жизни.

Цифровые технологии привели к значительному преобразению и успеху во многих отраслях, особенно благодаря использованию сети Интернет, однако они также подвергают организации и отдельных лиц

целому ряду новых рисков, возникающих в результате атак с использованием цифровых интерфейсов. Цифровизация практически всех сфер жизни граждан, общества и государства изменила масштабы и само понимание преступности, актуализировала вопрос защиты информационных систем и информационной инфраструктуры.

В частности, следствием цифровой трансформации преступности в сфере незаконного оборота наркотиков являются следующие тенденции.

¹ Олейник П.В. От недобросовестной конкуренции защитим // Патенты и лицензии. 2015. № 1. С. 54-55.

1. Развитие дистанционных способов совершения преступлений, при которых исключается непосредственный контакт участников между собой. Взаимодействие субъектов преступления с третьими лицами при совершении преступлений дистанционным способом осуществляется опосредованно, с использованием средств связи и информационных ресурсов сети Интернет, в первую очередь таких, как социальные сети, электронная почта, сервисы мгновенных сообщений и пр. По данным ГУУР МВД России, практически 90% зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершено с использованием ресурсов сети Интернет, что обусловлено возможностью дистанционно и анонимно координировать незаконные операции, в том числе из-за рубежа.

Следует констатировать вариативность и постоянное совершенствование способов совершения преступлений с учетом расширения спектра платежных систем, программных и технических средств. Нередко возникновение новых цифровых сервисов влечет за собой появление преступлений, совершаемых с их использованием.

Принципиальной особенностью дистанционного способа совершения преступлений данной категории является территориальное разнесение мест совершения действий, образующих объективную сторону преступления, мест наступления общественно опасных последствий, мест легализации денежных средств, полученных преступным путем, а также мест нахождения кредитно-финансовых организаций, операторов связи, интернет-провайдеров, услуги и инфраструктура которых используются при совершении преступлений. Названное обстоятельство негативно отражается на сроках получения информации об обстоятельствах совершенного деяния, формировании на их основе доказательств в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом, и в конечном счете на обеспечении соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства.

2. Совершенствование способов сокрытия преступлений, основанных на использовании сервисов анонимизации личности в цифровом пространстве. Анонимизация направлена на подмену либо блокирование информации, позволяющей установить ли-

цо, совершившее интернет-соединение при отправлении того или иного сообщения посредством электронной почты, социальной сети, сервиса мгновенных сообщений и пр. Она обеспечивает сокрытие подлинных данных о личности пользователя сети Интернет и направлена на воспрепятствование установлению лица, совершающего те или иные действия в виртуальном пространстве, включая противоправные действия.

3. Использование криптовалют в криминальных взаиморасчетах. Сокрытие следов финансовых транзакций активно осуществляется посредством конвертации денежных средств, номинированных в национальных денежных единицах, в виртуальную валюту, оборот которой не подконтролен для уполномоченных государственных органов, что препятствует реализации механизмов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных противоправным путем, применительно к подобным цифровым финансовым активам.

4. Рост масштабов межрегиональной и трансграничной преступности, использование при совершении преступлений сетевой инфраструктуры, расположенной за пределами Российской Федерации.

6. Использование технологий искусственного интеллекта в противоправной деятельности. В настоящее время широкое распространение приобрели интеллектуальные технологии синтеза речи, видеоизображений, с помощью которых можно создавать аудио- и видеозаписи. Данные технологии могут быть применены и при общении между сообщниками для сохранения конфиденциальности.

Отмеченные процессы и тенденции в области цифровой трансформации преступности в сфере незаконного оборота наркотиков являются закономерным следствием влияния следующих правовых факторов:

1) наличие правовых пробелов, позволяющих осуществлять голосовое общение в сетях телефонной связи общего пользования без предварительной идентификации абонента (абонентского устройства), а также использовать технологии подмены номера, в том числе посредством использования сервисов интернет-телефонии, передающих голосовой трафик из сетей передачи данных в телефонную сеть;

2) отсутствие в действующем законодательстве указания на конкретные сроки предоставления операторами связи и интернет-провайдерами информации по запросам правоохранительных органов в соответствии со ст. 64 Федерального закона от 7 июля 2003 г. «О связи» и ст. 10.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», что заметно препятствует своевременному пресечению противоправных деяний, раскрытию и расследованию преступлений;

3) отсутствие правового требования для кредитно-финансовых организаций по организации хранения видеозаписей с устройств самообслуживания (банкоматов), определения формата и сроков хранения подобной информации, что ведет к потере сведений, потенциально имеющих доказательственное значение по уголовным делам;

4) низкая эффективность реализации отдельных положений Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в частности:

– устанавливающих запрет на обеспечение использования программно-технических средств (анонимайзеров, VPN-сервисов, иных технологий сокрытия или подмены данных об IP-адресах пользователей) для получения доступа к запрещенным в Российской Федерации информационным ресурсам. Приходится констатировать, что за время, прошедшее со дня введения обозначенного требования в действующее законодательство, использование средств анонимизации как минимум не сократилось, о чем свидетельствует активное их использование при совершении преступлений дистанционным способом;

– возлагающих на организаторов распространения информации в сети Интернет обязанность хранения сведений о персональных данных пользователей и передаваемой ими информации на территории Российской Федерации;

5) отсутствие эффективного механизма контроля со стороны банковских организаций, операторов связи, регистраторов доменных имен, платежных систем за актуальностью и достоверностью регистрационных их данных клиентов (абонентов,

пользователей). Так, несмотря на установленные ст. 44 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» и Правилами оказания услуг связи требования к операторам связи об обязательном достоверном установлении сведений, позволяющих идентифицировать абонента, по-прежнему имеют место факты реализации сим-карт без надлежащего удостоверения личности абонента, на вымышленное лицо, по утерянным или украденным документам;

6) низкий размер штрафных санкций по ст. 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Непредставление сведений (информации)» в размере от 300 до 500 руб. не оказывает должного воздействия на должностных лиц операторов связи и распространения информации, что способствует увеличению длительности ответов на запросы органов расследования (свыше 1 мес.), что позволяет лицам, совершающим противоправные деяния, несколько раз сменить используемые ими сим-карты, электронные кошельки и банковские карты.

При этом противодействие преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на протяжении ряда лет является приоритетным направлением деятельности органов внутренних дел. За период с 2014 г. вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия преступлениям данной категории рассматривались на тринадцати коллегиях МВД России, в том числе на трех – в прямой постановке. В результате реализации принятых управленческих решений в настоящее время в ряде субъектов Российской Федерации функционируют специализированные следственно-оперативные группы, в состав которых входят наиболее подготовленные сотрудники. В составе подразделений центрального аппарата МВД России, а также территориальных органов МВД России созданы специализированные подразделения по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. В целях сокращения сроков получения информации, необходимой для расследования и раскрытия рассматриваемой категории преступлений, заключаются соглашения об электронном обмене информацией с

финансово-кредитными организациями, операторами связи, организациями, администрирующими платежные сервисы. В ряде территориальных органов МВД Рос-

сии накоплен положительный опыт блокирования сигнала сотовой связи на территории учреждений уголовно-исполнительной системы.

Вишневская Т.И.,

кандидат юридических наук
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В условиях глобализации современного общества, стремительно развивающихся социально-экономических, демографических, политических и социокультурных процессов в Республике Беларусь наблюдаются изменения качественных и количественных характеристик структуры населения, а именно увеличение доли людей пожилого возраста. Сегодня в Республике Беларусь пожилые граждане – самая быстро растущая группа в населения. С 1999 по 2021 гг. ее численность выросла на 2,5% (с 13,3% до 15,8%), а к 2030 г., согласно демографическому прогнозу, количество пожилых людей в Республике Беларусь будет составлять 21% от всего населения страны¹. Наблюдаемый демографический кризис, обусловленный старением населения, а также противоречивость современных общественных коммуникационных процессов, возникновение конфликтных ситуаций в различных сферах человеческой жизнедеятельности обуславливают интенсификацию и трансформацию сложного социально опасного отклонения в поведении пожилых людей именуемого геронтологической преступностью.

Расширенное представление о геронтологической преступности, исходя из социально-криминологического концепта ее понимания, позволяет рассмотреть данное негативное явление в качестве патологии социальной системы, проявляющейся в деструктивных взаимодействиях пожилых людей друг с другом и обществом, выража-

ющейся в воспроизводстве определенной суммы преступных деяний, совершенных пожилыми лицами, а также преступных деяний, совершенных в отношении пожилых лиц. Предложенное понятие основывается на комплексном бинарном подходе к пониманию сущностно-содержательных аспектов геронтологической преступности в контексте семантического (критического) подхода, определяющего преступность в качестве имманентного фактора (свойства) социальной системы, и традиционного понимания преступности как совокупности (множества) совершаемых в обществе преступлений.

Между тем в настоящее время в Республике Беларусь наблюдается рост удельного веса лиц, активно продуцирующих криминальные конфликты и с той, и с другой стороны. Так, если в Беларуси в 2007 г. удельный вес лиц 65 лет и старше составлял 0,6% от общего количества лиц, совершивших преступления, то в 2022 г. составляет уже 2,2%. Вызывает беспокойство и стабильно высокая численность пожилых лиц, потерпевших от преступлений – ежегодно около 9% от общего количества потерпевших от преступлений всех возрастных групп².

Структура геронтологической преступности включает в себя в первую очередь преступления против собственности и преступления против жизни и здоровья. Характер преступности, совершаемой лицами исследуемой возрастной группы, и преступ-

¹ О Государственной программе «Социальная защита» на 2021-2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь 21.12.2020 № 748 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

² Вишневская Т.И. Геронтологическая преступность: криминологическая характеристика и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 29 с.

ности в отношении последних отличается преобладанием менее тяжких преступлений. К самым распространенным преступлениям, которые совершаются пожилыми людьми, относятся: кражи; незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества; нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. В последние годы постоянно увеличивается количество пожилых лиц, совершивших хищения имущества путем модификации компьютерной информации. Достаточно высок удельный вес преступников исследуемой возрастной группы, находившихся на момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения. Кроме того, установлена отрицательная тенденция роста количества пожилых лиц, совершивших преступления в общественных местах. Преступность в отношении пожилых лиц характеризуется наибольшим числом таких преступлений, как кражи, грабежи, мошенничества, хулиганства, нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества, истязания. Существенно увеличивается количество пожилых лиц, потерпевших от киберпреступлений и мошенничеств.

При этом отметим, что главной является не столько количественная, сколько качественная характеристика геронтологической преступности, в первую очередь тех возрастных изменений, которые происходят в организме, психике людей и которые под влиянием деструктивных социальных факторов предопределяют антисоциальное поведение пожилых людей как потенциальных жертв преступлений и их социальную уязвимость.

Главной отличительной особенностью геронтологической преступности является возраст. Однако сам по себе возраст нельзя воспринимать в качестве самодостаточной причины каких-либо криминогенных

свойств лица, ошибочно также считать возраст причиной конкретных преступных деяний. Лишь в преломлении через социальные, экономические, психологические и другие детерминанты возрастные особенности воздействуют на преступное поведение человека. Вместе с тем пожилой возраст в криминологии принято считать определяющим виктимным свойством жертвы преступного посягательства¹.

На основе анализа трудов ученых-криминологов, материалов уголовных дел и данных опроса осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях Республики Беларусь, определены образующие причинные комплексы, оказывающие наибольшее воздействие на криминальную активность и виктимность пожилых людей. Полагаем, что причины и условия преступности пожилых лиц и преступности в отношении пожилых лиц во многом тождественны, поэтому целесообразно рассмотрение их в комплексе.

К главным комплексам причин и условий, влияющих на геронтологическую преступность, следует отнести:

- демографический, заключающийся в прогрессирующей тенденции депопуляции и старения населения в сочетании с неудовлетворительным реагированием со стороны государства и общества, влияющий на изменение количественной и качественной характеристики преступности, рост криминальной активности и виктимности пожилых людей;

- экономический, в основе которого лежит нестабильное экономическое положение пожилых людей и, как следствие, их недовольство своим образом жизни;

- социальный, включающий такие проблемы, как геронтофобия, эйджизм, маргинальность статуса пожилых лиц в обществе, кризис института семьи, геронтологическое насилие, алкоголизм, негативные социальные контакты;

- нравственно-психологический, проявляющийся в прогрессирующей бездуховности общества, снижении общего уровня его нравственности, переоценке многих фунда-

¹ Вишневская Т.И. Детерминанты геронтологической преступности – факторный комплекс демографического характера // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы VIII Международной научной-практической конференции / редкол.: Ю.П. Шаплеров [и др.]. Могилев, 2020.

ментальных ценностей, разрыве духовных и нравственных связей между поколениями, отсутствии уважения со стороны окружающих к людям пожилого возраста, а также изменениях в сознании и психологии пожилых лиц, влияющих на их поведение;

– организационно-правовой комплекс причин и условий, выражающийся в инертности деятельности государственных органов при решении кризисных ситуаций, ведущих к геронтологической преступности, несовершенстве действующего законодательства, слабой профилактической работе правоохранительных органов, малоэффективности воздействия наказаний на пожилых лиц, совершивших преступления, недостаточной ресоциализации пожилых лиц, отбывших наказание, и др.¹

Таким образом, указанное свидетельствует об актуальности и сложности проблемы геронтологической преступности как в теоретическом, так и в практическом отношении, что обуславливает необходимость разработки перспективных мер общественного и специально-криминологического предупреждения рассматриваемой преступности. Подчеркнем, что правомерное поведение пожилых людей напрямую зависит от их психологического и экономического благополучия, удовлетворения необходимых социально-статусных потребностей, позитивно-почтенного и достойного места в социальной системе, что должно быть обеспечено социально ориентированной политикой государства.

¹ Вишневская Т.И. Специфика детерминации геронтологической преступности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 61-69.

План-график
выпуска учебных и научных издания № 9

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

XXVI международная научно-практическая конференция

(20-21 апреля 2023 г.)

Материалы конференции

Ответственный редактор Д.В. Ким

ISBN 978-5-7889-0347-7

Часть 1

ISBN 978-5-7889-0349-1

Редактор Е.А. Лапина.
Подготовлено к изданию Е.А. Лапиной, Ю.В. Леонтьевой.

Подписано в печать 20.12.2023.
Формат 60x84/8. Бумага типографская. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Cambria.
Печать офсетная. Уч. изд. листов 25,9 (35,25 усл. печ. л.)
Тираж 150 экз. Заказ XXX.

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО СибЮИ МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.